ДЖЕК ЛОНДОН

Собрание сочинений

JACK LONDON

MOON FACE
SOUTH SEA TALES
TALES OF THE FISH PATROL

*

Selected Works

ДЖЕК ЛОНДОН

ЛУННЫЙ ЛИК

РАССКАЗЫ ЮЖНЫХ МОРЕЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ РЫБАЧЬЕГО ПАТРУЛЯ

*

Собрание сочинений

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА
Харьков
2011

ББК 84.7США
Л76

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Научное редактирование и комментарии
кандидата филологических наук доцента *А. М. Гуторова*

Печатается по изданиям:

Лондон Дж. Лунный лик:
Пер. с англ. Зин. Львовского. — М., Л.: Мысль, 1926.

Лондон Дж. Полное собр. соч.:
Пер. с англ. Е. Уткиной. —
М., Л.: Земля и фабрика, 1929. — Т. 16. — 296 с.

Лондон Дж. Собр. соч.:
Пер. с англ. Н. Давыдовой. —
М., Л.: Гос. издание, 1926. — Т. 12. — 406 с.

Дизайнер обложки *Наталья Переверзева*
Художник *Андрей Печенежский*

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2008, 2011

ISBN 978-966-14-2530-8 (PDF)

ЛУННЫЙ ЛИК

ЛУННЫЙ ЛИК

У Джона Клэверхэуза было абсолютно лунообразное лицо. Вы, конечно, знаете этот тип — широкие скулы, совершенно теряющийся в щеках подбородок и широкий, толстый нос, как центр, находящийся на равном расстоянии от всех точек периферии кругоподобного лица! Вполне возможно, что именно поэтому я его ненавидел, — он раздражал меня всем своим видом, и я не сомневался в том, что земля тяготится его присутствием.

Повторяю, что я ненавидел Джона Клэверхэуза. И вовсе не потому, что он мне сделал то, что общество признает дурным. Ничего подобного. Зло, причиняемое им, было совершенно особого, глубокого, утонченного свойства; оно было крайне обманчиво, неуловимо и совершенно не допускало определенного словесного выражения.

Такие явления в определенный период жизни известны всем нам. Случайно мы встречаем человека, о существовании которого минуту тому назад и не подозревали, и тем не менее говорим в первый же момент: «Мне не нравится этот человек».

Почему он нам не нравится?

Ах, да мы сами не знаем почему; мы знаем только, что не нравится. Мы почувствовали к нему антипатию — вот и все! Такого рода чувство я испытывал к Джону Клэверхэузу.

Какое право имел этот человек на счастье и благополучие? А между тем он был ярко выраженным оптимистом: всегда был весел и смеялся; все на свете хорошо, черт его возьми! Господи, как меня оскорбляло то, что он счастлив! Другие люди могли смеяться, сколько угодно, — это меня ничуть не беспокоило. Я сам много смеялся, пока не встретил Джона Клэверхэуза.

Его смех! Он раздражал и бесил меня, как ничто другое под солнцем не могло раздражать и бесить меня. Этот ужасный, отвратительный смех гнался за мной повсюду, преследовал, захватывал меня, как клещами, и не выпускал. Во сне и наяву я слышал его... Словно какая-то огромная, дьявольская трещотка издавала эти звуки, которые со всех сторон доносились ко мне и безжалостно рвали струны моего сердца. На рассвете он мчался ко мне через поля и нарушал мои легкие утренние грезы... А в мучительные полуденные часы, когда сонно повисала зелень, в глубь леса удалялись птицы и от зноя замирала вся природа, — я слышал чудовищное «ха-ха, хо-хо»... Эти звуки поднимались к небу, душили все, хотели затмить солнце. А в темные ночи от того перекрестка, где Джон Клэверхэуз сворачивал к себе по дороге из города, доносился все тот же проклятый, раскатистый, истерический хохот и будил меня, и заставлял содрогаться в корчах, и глубоко вонзать ногти в ладони.

Однажды я тихонько загнал его скот на его же вспаханные поля, а утром услышал крикливый голос:

— Ну, что же, это бывает! Каждая скотинка ищет, где лучше. Вот и выбрала пастбище пожирнее.

У него была собака Марс, прекрасное, огромное животное, полугончая, полуищейка. Марс был его лучшим другом, с которым он никогда не расставался. Но однажды я воспользовался отсутствием хозяина и угостил Марса бифштексом со стрихнином. Уверяю вас, что на Джона Клэверхэуза это не произвело никакого впечатления. Его смех был ясен и задушевен по-прежнему, и по-прежнему лицо его напоминало полнолуние.

В другой раз я поджег его скирды, а на следующий день — это было воскресенье — я его встретил, как всегда радостного и веселого.

— Куда это вы? — спросил я, увидев его на перекрестке.

— За форелями, — сказал он, и лицо его сияло, как полный месяц. — Вы знаете, ведь я брежу форелями.

Ну можно ли найти другого такого невозможного человека? Весь хлеб его пропал, и я знал, что он не был застрахован. Джону Клэверхэузу грозил голод, жестокая зима, а он шел за форелями. И если бы печаль хоть сколько-нибудь изогнула его брови или удлинила лицо и сделала его менее похожим на луну, если бы хоть раз в жизни он сбросил с лица свою отвратительную улыбку, я уверен, что простил бы ему факт его существования. Нет, под ударами судьбы он становился все беззаботнее и веселее! Я однажды намеренно оскорбил его. Он удивленно улыбнулся:

— Вы хотите, чтобы я дрался с вами? — медленно спросил он и рассмеялся. — Господи, как вы наивны! Хо-хо! Вы меня уморите. Хи-хи-хи... Хо-хо-хо...

Ну, что бы вы сделали на моем месте? Это переполнило чашу моего терпения. Господи, как я ненавидел его! Потом еще эта фамилия! Клэверхэуз! Что за фамилия, что за абсурдная фамилия! Клэверхэуз! Милостивый боже, *почему* Клэверхэуз? Я бы ему многое простил, если бы его звали Смитом, Брауном или Джонсом. Но Клэверхэуз! Имеет ли право на существование человек с такой фамилией? Я спрашиваю вас. Вы говорите: «нет», и я говорю: «нет!»

У меня хранилась закладная на его имение. Приняв во внимание тяжелое его положение после пожара, я прекрасно понимал, что он не сумеет уплатить по закладной, и, следовательно, осталось только найти ловкого и искусного кулака и продать ему закладную. Это я сделал, и Джону Клэверхэузу было дано только несколько дней на вывоз имущества из имения, в котором он жил более 20 лет. Я спустился вниз, чтобы посмотреть на него. Он встретил меня, весело подмигивая тарелкообразными глазами; свет все больше и больше озарял его лицо, и через несколько секунд оно уже было похоже на полную, ясную луну, высоко стоящую в небе.

— Ха-ха-ха! — засмеялся он. — Забавный случай! Дайте я вам расскажу, это замечательно!

Он стоял внизу, почти у самой воды; в это время с горы отвалился огромный ком глины, скатился в воду и забрызгал Джона Клэверхэуза.

Подобного приступа адского хохота я еще не слышал. Джон Клэверхэуз остановился только на мгновение, чтобы выждать, пока я присоединюсь к его бешеному веселью.

— Я не вижу тут ничего смешного, — сухо и коротко сказал я.

Он взглянул на меня с удивлением, а спустя несколько мгновений его лицо уже снова светилось, как полная летняя луна.

— Ха-ха!.. Ничего смешного?! Хи-хи! Неужели вы не чувствуете? Хо-хо-хо! Ну, вот, видите ли, лужа...

Я повернулся и оставил его.

Наступил конец — дольше терпеть его я был не силах.

«Так или иначе с ним нужно покончить, дьявол его побери!» — рассуждал я.

Необходимо, наконец, освободить от его присутствия бедную землю... В этой мысли меня все больше укреплял чудовищный смех, который, словно по пятам, гнался за мной. Конец!..

Я горжусь тем, что всегда чисто, педантично и аккуратно обделываю свои делишки. Когда у меня мелькнула мысль убить Джона Клэверхэуза, я решил сделать это так, чтобы никогда в жизни мне не пришлось устыдиться содеянного. К тому же я ненавижу неприкрытое зверство. Мне отвратительно зрелище голого кулака, наносящего смертельный удар. Убить Джона Клэверхэуза (о, что за имя!) надо было искусно, артистически... И таким образом, чтобы на меня не пало ни малейшее подозрение.

Спустя неделю, после сосредоточенного раздумья я выработал необходимый план. Я приобрел пятимесячную болонку-суку и все свое время стал посвящать ее дрессировке, причем главное внимание обращал на процесс *возвращения*. Я научил Беллону приносить палки и разные другие вещи, которые бро-

сал далеко в воду, и строго наказывал ее, если она хоть сколько-нибудь впивалась зубами в дерево! В самом скором времени результаты дрессировки меня вполне удовлетворили, и я решил перейти к выполнению своей непосредственной цели.

Зная закоренелую слабость Джона Клэверхэуза и его любовь к собакам, я подарил ему Беллону.

— Нет, вы шутите! — сказал он мне и улыбнулся так, что в одно мгновение озарилось все его круглое лицо. — Вы смеетесь надо мной! Странно, может быть, но мне почему-то всегда казалось, что вы относитесь ко мне без всякой симпатии. Не правда ли, очень смешно, что я так ошибался?

И с этими словами он покатился со смеху.

— Как ее зовут? — спросил он в промежутке между двумя пароксизмами смеха.

— Беллона!

— Хи-хи! — захихикал он. — Какое странное имя!

Я заскрежетал зубами и с усилием произнес:

— Это жена Марса, вашего покойного Марса.

— Значит, Беллона — вдова! О! Хо-хо-хо!.. Хе-хе...

Я не в состоянии был выдержать эту пытку и убежал. Спустя неделю, в субботу вечером, я сказал ему:

— Если не ошибаюсь, вы в понедельник уезжаете?

Он кивнул головой и улыбнулся.

— Значит, вам не удастся более полакомиться форелями, которыми вы бредите?

Он не уловил моей насмешливой нотки и заявил с прерывистым смехом:

— Нет, завтра утром я думаю попытаться...

Таким образом я убедился в своем предположении и в восторге от своих планов направился домой. Увидя его утром с сеткой и мешком из тонкой рогожи за плечами, я понял, куда он направляется. Я пересек по диагонали пастбище и по кустарнику, незамеченный, поднялся на верхушку горы, откуда свободно, не выдавая своего присутствия, мог следить за происходящим на берегу.

Вскоре я увидел Джона Клэверхэуза, за которым вприпрыжку неслась Беллона; оба, видимо, были в самом приподнятом настроении; короткий, отрывистый лай собаки поминутно сливался с глубокими, басовыми нотками смеха ее хозяина, который, сбросив на землю мешок и сетку, вынул из кармана нечто, весьма похожее на толстую сальную свечку. Но я прекрасно знал, что это была не свечка, а кусок «гиганта», которым он взрывал форелей: новый, оригинальный способ ловли рыбы. Он завернул трубку в вату, зажег ее с одного конца и бросил в воду.

С быстротой молнии Беллона бросилась за трубкой, и я едва удержался, чтобы не закричать от радости. Клэверхэуз завопил изо всех сил, но напрасно. Тогда он стал бросать в собаку комьями земли и камнями, а та продолжала плыть до тех пор, пока не схватила зубами «гиганта», и только после этого повернула к берегу. Джон Клэверхэуз сразу сообразил, какая опасность ему угрожает, и немедленно обратился в бегство... Беллона, конечно, бросилась за ним. Я никогда не представлял себе, что неуклюжий Джон Клэверхэуз способен так быстро бегать... Но все его усилия были тщетны...

Беллона догнала его, и в ту же секунду блеснула искра... другая, поднялся клуб дыма, раздался взрыв, и через секунду на том самом месте, где стояли человек и собака, не оказалось ничего: только огромная яма в земле.

«Смерть от несчастного случая во время противозаконной рыбной ловли!» — вот как формулировал суд гибель Джона Клэверхэуза. Полагаю, что я имею право гордиться тем артистическим способом, коим покончил с моим злейшим врагом. О зверстве — нет и помину: мне не приходится краснеть. Надеюсь, что вы согласны со мной.

Теперь уже не раздается адский хохот Джона Клэверхэуза и горное эхо не повторяет и не множит его. Уже не видно его толстого, луноподобного лица...

Теперь спокойны дни мои и крепки сны...

ЗОЛОТОЕ УЩЕЛЬЕ

Это происходило в зеленом сердце ущелья. Мрачные откосы расступились и образовали уютный, укромный уголок, весь напоенный мягкостью, нежностью и покоем.

Казалось, все вокруг отдыхает, и даже шумный, быстрый ручей, протекая вдоль ущелья, замедлял свой торопливый бег. По колени в воде, низко опустив голову, с полузакрытыми глазами стоял рыжий, с ветвистыми рогами олень.

По одну сторону ручья, почти у воды, начиналась небольшая зеленая лужайка, которая доходила до самой подошвы сурово нахмуренной стены. А по другую сторону, прислонясь к стене ущелья, подымался высокий откос, покрытый изумрудной травой, почти сплошь испещренной желтыми, лиловыми и золотистыми цветами... Внизу стены снова смыкались, и ущелье заканчивалось множеством скал, нагроможденных друг на дружку, затянутых мхом и укрытых, как ширмами, ветвями деревьев и высокими травами. Наверху, теряясь на расстоянии, в неопределенных очертаниях вырисовывались поросшие лесом холмы и верхушки гор. А еще дальше, словно облака или причудливые белые минареты, залегли снежные вершины Сиерры...

Пыль не проникала в ущелье, и вся растительность была чиста и свежа. Трава выглядела, как новый бархат... По другую сторону ручья три тополя бросали на землю белые, медленно кружащиеся в воздухе хлопья. На пологом откосе росла манцанита, наполнявшая воздух нежным, весенним ароматом. Кое-где стаей мгновенно замерших мотыльков стояли пышные разноцветные лилии, каждое мгновение, казалось, готовые подняться в воздух. Часто попадался мадрон — арлекин лесов! — который наполнял воздух сладким запахом своих желтовато-белых, как воск, ландышеподобных колокольчиков.

Ветер замер, и под тяжестью ароматов застыл воздух — чистый и прозрачный, насыщенный сладостью цветов и растворенного солнечного света. Изредка мелькали бабочки; со всех сторон доносилось дремотное жужжание горных пчел... Ручей почти бесшумно протекал вдоль ущелья, и едва-едва слышалось его тихое-тихое бормотание.

Внутри ущелья всякое движение принимало легкие колебательные формы. Вверх и вниз подымались солнечные лучи и мотыльки. Жужжание пчел переливалось в журчание ручья. Зыбь звуков сливалась с зыбью цветов в одно нежное, легкое и неопределенное, что олицетворяло собой дух ущелья — дух мира и покоя, но не смерти, — движения, но не действия, — дух тишины, говорящей о жизни, лишенной усилий и какой бы то ни было борьбы...

Рыжий олень, подчинившись духу ущелья, стоя в воде, задремал... Время от времени под журчание ручья лениво трепыхались его уши... Нечего было тревожиться... все спокойно — все... Но вдруг уши оленя напряглись и вытянулись кверху. Тонкие, трепетные ноздри потянули воздух... Олень не мог проникнуть глазами за зеленую ограду, но его слух уловил подобие человеческого голоса... Вот голос зазвучал тверже и определеннее, слегка нараспев... Послышался лязг железа о камень. Олень заржал и так стремительно рванулся вперед, что один прыжок перенес его на зеленый бархатный луг, по которому, оглядываясь и прислушиваясь, он стал тихо пробираться, а затем, как видение, исчез из виду.

Человеческий голос все приближался, и уже можно было расслышать слова песни... Одновременно слышалось, как кто-то карабкается по стене, и тогда вспугнутый дух ущелья бежал по следам рыжего оленя. Зеленые ширмы были раздвинуты чьей-то дерзкой рукой, и из-за них выглянул человек, быстрым взглядом окинувший все вокруг. По его взгляду можно было судить, что это человек толковый. Оглянув все вокруг, он стал подробно осматривать все детали и только после того удовлетворенно воскликнул:

— Ах, черт возьми! Да ведь здесь — сущий рай... Все, что угодно: и лес, и ручьи, и луг, и горный откос! Настоящий приют отдохновения.

Это был белобрысый человек, с веселыми и добродушными глазами. На подвижном лице его каждая мысль, каждое внутреннее движение отражались, как в зеркале.

Словно рябь на поверхности воды, по лицу его быстро пробегали мысли. В общем он выглядел белобрысым, но трудно было определить как цвет его лица, так и цвет редковатых, давно нечесаных волос.

Только глаза были определенного ярко-синего цвета... В глазах этих сверкала чисто детская наивность и добродушный смех, но по ним же можно было судить и о большой доле самоуверенности и твердой воли — следствии жизни, полной скитаний, волнений и всевозможных случайностей.

Новоприбывший безусловно знал себя и цену себе.

Выбросив вперед кирку, лопату и таз для промывки золота, он вслед за этим и сам пробился вперед. На нем были старые брюки, черная ситцевая рубашка, грубые, подбитые гвоздями сапоги и самой неопределенной формы шляпа, говорившая о многолетней борьбе с непогодой, зноем и дымом.

Человек выпрямился во весь рост, жадно оглядел тайный уголок и так же жадно стал вдыхать аромат горного сада. Глаза его превратились в узенькие голубые щелки, лицо скорчилось от восторга, и он радостно улыбнулся.

— Ах, как хорошо здесь! И пахнет как чудесно! Куда там вашим духам и одеколонам!

Ясно было, что он привык разговаривать сам с собой. У него было очень подвижное лицо, которое тотчас же выдавало его настроение и мысли.

Он опустился на землю, припал к воде и медленно стал тянуть ее.

— Вкусно как! — произнес он, оторвавшись от воды и не спеша вытирая губы. После того, все еще лежа на животе, он пытливо стал вглядываться в окружающие откосы,

изучая горную породу. Это был взгляд опытного, знающего свое дело человека. Затем он поднялся на ноги и снова стал смотреть на откосы.

— Хорошо! — сказал он и поднял с земли свои инструменты. Ловко переступая с камня на камень, он перешел на ту сторону ручья, набрал немного земли и бросил ее в таз. Присев на корточки, погрузил таз в ручей и стал вращать его, отчего все частицы земли закружились в воде. Крупные легкие частицы всплывали кверху, и ловким движением он выбрасывал их. Иногда, чтобы ускорить дело, он пальцами выбирал со дна крупные, ненужные частицы.

В непродолжительном времени в тазу остался только мелкий ил и песок. Тогда человек перешел ко второй части своей работы, которая требовала наибольшей аккуратности и осторожности. Наконец, когда после продолжительной промывки в тазу, кроме воды, казалось, ничего не осталось, он чрезвычайно искусным поворотом таза выплеснул всю воду и открыл на дне тончайший, как мазок краски, слой черного песка, среди которого после внимательного осмотра обнаружил небольшую золотую крупинку. Затем человек краем таза набрал струйку воды и снова быстро завертел таз, отчего черные песчаные крупинки в возрастающем количестве стали подниматься кверху. После значительных усилий он обнаружил вторую крупинку, снова слил воду и стал зорко следить за каждой уходящей песчинкой... Вот почти у края таза что-то блеснуло. Мелькнула золотая блестка, крохотная, едва-едва видная, но золотоискатель заметил ее и быстрым движением спустил обратно в таз. Точно так же он открыл вторую, третью и четвертую блестку. Он, как пастух, собирал свое стадо золотых крупинок, любовно следя за каждой из них. Наконец, ушел весь песок, оставив по себе только золотой след. Человек внимательно пересчитал крупинки и обычным искусным поворотом таза сбросил их в воду вслед за песком.

— Семь! — сказал он, с жадным блеском в глазах подымаясь на ноги. — Семь! — повторил он настойчиво, словно

боясь забыть эту цифру. Долго после того он с любопытством смотрел на откос. Во всех его движениях чувствовался страстный охотник, напавший на свежий след зверя.

Наконец он сделал несколько шагов вниз по ручью, набрал полный таз земли и снова занялся промывкой.

— Пять! — сказал он по окончании работы и, как прежде, повторил: — Пять!

Он несколько раз проделал подобные операции, обнаруживая все меньшее и меньшее количество золотых крупинок. Последняя промывка дала единственную блестку, и тогда золотоискатель решил сделать перерыв; он разложил костер из сухих веток и закоптил на нем таз. Закончив эту работу и внимательно осмотрев таз, он удовлетворенно кивнул головой: на таком фоне ни единая блестка не убежит от его зоркого взгляда.

Он спустился еще ниже по ручью, и следующая промывка дала ему опять одну блестку. Последующий ряд промывок, несмотря на самую тщательную работу, золота не дал совсем. Но странное дело: по мере того как уменьшалось количество золота, повышалось радостное настроение золотоискателя; неудачи не только не огорчали его, но, напротив, убеждали в чем-то предполагаемом и желанном. Наконец он вскочил на ноги и воскликнул:

— Лопни я на месте, если это не здесь!

После того он стал подниматься вверх по течению от того места, где начал работу. Число золотых блесток все росло.

«Четырнадцать, восемнадцать, двадцать одна, двадцать шесть», — запоминал он. У пруда он наскочил на тридцать пять блесток.

— Жаль! Это можно было бы уже сохранить, — произнес он с сожалением и выплеснул воду.

Солнце стояло высоко.

Человек все шел вперед и вперед, вверх по течению, промывал таз за тазом, причем число золотых крупинок снова стало уменьшаться.

— Замечательно! — опять воскликнул он, обнаружив в последнем тазу единственную крупинку. Пять-шесть промывок ничего не дали.. Тогда он поднялся на ноги и радостным взглядом окинул окрестность.

— Да-с, госпожа жила! — сказал он, словно обращаясь к кому-то, засевшему в откосах. — Такое-то дело, сударыня! Дело мое в шляпе, и не сомневайся, что я завладею тобой.

Он поднял голову и взглянул на солнце, застывшее в безоблачной лазури. Затем пошел вниз по ручью, вдоль выкопанных им ямок, немного пониже пруда, перешел через ручей и исчез за деревьями. Но еще долго доносился оттуда его голос.

Через некоторое время раздался стук подкованных сапог; зеленые ветви подались вперед, отшатнулись и, словно в какой-то борьбе, заколыхались взад и вперед. Послышался скрип и типичный шум тяжелого металла, бьющегося о камень. Голос человека с каждой минутой становился все выше и резче. Что-то крупное и грузное пробивалось вперед, наконец сквозь ветви просунулась лошадиная голова, затем показалась и вся лошадь, а над нею дождем посыпались сорванные листья. Лошадь с изумленным видом оглянулась вокруг, потом опустила морду и стала жадно есть сочную траву; вслед за ней вышла вторая лошадь без седока, но с мексиканским седлом, видимо, служившим уже много лет. Наконец вышел и человек, который расседлал лошадей и стал готовиться к привалу: он вынул сковородку, кофейник, разные другие принадлежности и при помощи камней и хвороста разложил большой костер.

— Вот хочется есть! — громко произнес он. — Кажется, наелся бы железных опилок и гвоздей.

Он приподнялся и, нащупывая в кармане спички, случайно взглянул на откос. Пальцы, сжимавшие коробок, разжались, и рука из кармана показалась пустой.

— Нет, надо еще раз попытаться, — сказал он и спустился к ручью. — Знаю, что ничего из этого не выйдет, а попытаться нужно. Обед не убежит!

На расстоянии нескольких футов от первых ямок он начал рыть второй ряд. Уже длиннее стали тени; солнце стояло на крайнем западе, а человек начал третий ряд ямок. Он наметил себе план: изрезать весь откос поперечными рядами ямок. Человек обратил внимание на то, что больше всего золота давал центр, в то время как по краям редко попадались одна-две блестки. По мере повышения линии уменьшались, из чего золотоискатель вполне логично заключил, что где-нибудь наверху линия превратится в точку. Рисунок, таким образом, походил на опрокинутое V.

Конечной целью являлась верхушка, и золотоискателя всего более интересовал вопрос, в каком месте окажется эта верхушка, — конец золотоносной жилы.

— Пожалуйте сюда, сударыня! — сказал он. — Будьте любезны!

— Ну что ж, — продолжил он немного погодя, — если вам не угодно пожаловать сюда, мне придется подняться к вам. Будьте уверены!

С каждой новой пробой ему приходилось спускаться к ручью для промывки; по мере подъема по откосу пробы становились все богаче, и вскоре человек начал ссыпать золотой песок в небольшую жестянку, которую небрежным движением отправлял в карман.

Солнце уже скрылось. Надвинулись и сгустились сумерки, превратившись в вечерний мрак, и только тогда, когда стало трудно различать крупинки золота, человек опомнился и прекратил работу. Он выпрямился и с притворным ужасом воскликнул:

— Господи! А про обед-то я и забыл.

Перебравшись в темноте через ручей, он разжег костер и закусил бобами и лепешками с салом. Костер угасал. Человек, сидя возле него, курил трубку, вслушивался в ночной шум и следил за игрой лунных лучей. Затем приготовил постель, снял сапоги, улегся и до самого подбородка натянул одеяло. В свете луны он походил на мертвеца; но это

был живой мертвец, который вдруг поднялся и, уверенно глядя в направлении к откосу, сказал:

— Спите спокойно, госпожа жила! Спокойной ночи!

Разбудили его первые лучи солнца. Он проснулся, стал озираться вокруг и вспомнил все события последнего дня.

Одеваться ему пришлось недолго: натянул сапоги — и весь туалет. После некоторого колебания, нерешительно переводя взгляды с костра на откос и обратно, он сказал себе:

— Главное, Билль, не торопись. — И принялся разводить костер. — Ну, скажи на милость, чего лететь? Ведь ясно, что госпожа жила не уйдет. Так что и подкрепиться можно. Слышишь, Билль?

Убедив себя окончательно этими словами, он направился к реке, в которую опустил лесу, и через несколько минут вернулся к костру с несколькими чрезвычайно быстро пойманными форелями. После завтрака он сразу же направился к откосу, но у ручья им овладела новая мысль.

— А не мешало б сделать разведку вдоль ручья, — сказал он себе. — Кто его знает, может, здесь и засел кто-нибудь?

Тем не менее он переправился через ручей и усердно принялся за работу, которую без малейшего перерыва закончил только к сумеркам. Тело его совершенно одеревенело; он с усилием выпрямил спину, потянулся и сказал:

— Как вам нравится! Опять не обедал сегодня.

— Ну и подлые же эти жилы, — рассуждал он, устраиваясь на ночь. — Совсем отшибают память. — Он тотчас же добавил, обращаясь к склону: — Спокойной ночи, сударыня!

Поднявшись с зарей, он тотчас же приступил к работе, точно забыл про усталость. Не давая себе отдыха, копал, наполнял таз землей, бегом спускался к воде, промывал и после того опять бегом подымался вверх, причем задыхался, пыхтел и радостно ругался.

Теперь он работал на высоте ста ярдов над водой. Бока опрокинутого V уже приняли определенные очертания и убеждали золотоискателя в скором достижении цели.

Наконец он решил:

— Еще два ярда выше той манцаниты и ярд вправо — вот там-то оно и будет!

После этого, оставив постепенный подъем по откосу, он отправился к намеченному месту, набрал полный таз земли и спустился с ним для промывки к ручью. Золота не оказалось, как не оказалось и в следующих десяти-двенадцати тазах. Тут человек, совершенно забыв про свое человеческое достоинство, осыпал себя самыми замысловатыми и отборными ругательствами.

Спустившись снова к последнему ряду ямок и принявшись за прерванную работу, он стал убеждать себя:

— Возьмись за ум, Билль! Слышишь, возьмись за ум. Пора тебе понять, что сразу счастья не ухватишь. Только шаг за шагом, только постепенно.

По мере того как бока V сближались, жила углублялась; теперь золотые песчинки попадались только на глубине 30 дюймов. Работа с каждым разом становилась все трудней. «Черт знает, куда она еще заберется!» — пробормотал золотоискатель, продолжая, однако, работать. С другой стороны, с каждым разом в тазу оставалось все больше и больше золота. Каждая промывка давала на двадцать, тридцать и даже пятьдесят центов золота, а последний таз принес золота на целый доллар. После этого человек решил отдохнуть.

— Готов биться об заклад, что кого-нибудь черт принесет сюда! — произнес он, почти засыпая, и вдруг приподнялся:

— Послушай, Билль, завтра надо пройтись по окрестностям и узнать, что слышно. Понял? Завтра и без всяких разговоров!

На следующий день он поднялся раньше солнца. Первые лучи упали на него, когда он уже взбирался по откосу.

Взойдя наверх, он заметил, что находится посреди пустынной местности. По всем направлениям уходили высокие гряды гор. На востоке, на далеком расстоянии, высились белые гребни Сиерры. На юге и севере тянулись те же бес-

конечные, но менее высокие горы. На западе горы постепенно понижались, переходили в отлогие холмы, заканчивающиеся, в свою очередь, бесконечной равниной.

Человек долго и сосредоточенно оглядывался вокруг. Вдруг сравнительно близко ему почудилась тоненькая струйка дыма. Но после внимательного осмотра он убедился, что такое впечатление производит синеватая мгла, сгустившаяся в глубине ущелья.

Не медля больше и несмотря на тяжелую обувь, он с легкостью горной козы спустился в ущелье. Казалось, он заранее знал, какой камень грозит падением. И действительно, под его ногами сыпались камни, но это нисколько не останавливало его; он не опирался, а пользовался только мгновенной точкой опоры, которая давала ему возможность переноситься все дальше и дальше. Иногда в качестве опоры он выбирал выступ скалы, узловатый корень, куст, за который схватывался рукой. Наконец последний скачок сбросил его с совершенно отвесной стены на плоскую почву, а вслед за ним осыпалось несколько тонн песка и гравия.

Первый таз принес ему золота более чем на два доллара. Этот таз он набрал в верхушке V. Слева и справа процент золота был самый незначительный. Золотой след все глубже и глубже уходил в землю, и к полудню ямки имели уже до пяти футов глубины. В то же время каждый таз приносил золота на три-четыре доллара. Возрастающий процент золота начал беспокоить золотоискателя.

— Черт возьми, Билль! Дьявольская штука предстоит тебе. Тут, кажется, столько золота, что тебе и в жизнь не вывезти его, — и он ухмыльнулся при мысли о такой необыкновенной перспективе.

В эту ночь он долго не мог уснуть. Напрасно призывал сон, закрывал глаза, уходил с головой под одеяло... Жажда золота брала верх; она овладела всем его существом, и полусонный, усталый человек поминутно бормотал: «Хоть бы скорей солнце взошло!»

Наконец он уснул, но проснулся, когда звезды только-только стали терять свою яркость; еще стояли утренние сумерки, когда он позавтракал и стал подниматься по откосу к тайнику жилы.

В первом выкопанном им ряду были только три ямки; он, наконец, подходил к главному источнику золота, к которому приближался постепенно и настойчиво в течение четырех дней.

— Ну, сударыня, теперь не уйдешь от меня! — бормотал он, уходя все глубже и глубже.

Четыре фута... пять футов... шесть футов... а он копал, хотя работа становилась все тяжелее. Вдруг кирка с визгом прошлась по камню. Человек пристально вгляделся в него и принялся разбивать выветрившийся кварц, который множеством мелких камней рассыпался под каждым ударом.

Лопата ушла в рыхлую руду, и перед глазами мелькнуло что-то желтое. Человек уронил лопату и опустился на корточки. Он взял кусок кварца в руки и стал отрывать приставшую к нему землю.

— Вот так штука! — воскликнул он.

То, что он держал в руке, наполовину состояло из кварца, а наполовину из чистого золота. Он бросил комок в таз и пошел дальше. В попадающихся комках почти не видно было золота, но сильные пальцы опытного золотоискателя разбивали рыхлый, слабый кварц до тех пор, пока обе руки его не блестели от покрывшего их золота. Таз постепенно наполнялся. В некоторых кусках кварц настолько истлел, что его было меньше, чем золота; изредка попадались слитки чистого золота. Один комок, которому лом угодил в самое золотое сердце, заискрился, как куча драгоценных камней. Человек залюбовался его игрой и стал поворачиваться во все стороны.

— Черт возьми! Да тут только одно золото! — Он добавил торжественно: — Отныне ты будешь прозываться «Золотым ущельем».

Продолжая сидеть на корточках, он набирал слитки и сбрасывал их в таз. Вдруг ему почудилось, что где-то вблизи упала тень, хотя никакой тени не было. Захватило дыхание, и сердце словно поднялось к самому горлу. Затем он постепенно успокоился, но все еще не подымался, не оглядывался. Он получил от кого-то предостережение и старался понять ту таинственную силу, то неведомое, что стало угрожать ему. Имеются токи, которые человек, как слишком несовершенное существо, не в состоянии определить, он может только слегка ощутить их. Такое состояние переживаешь, когда видишь, что на солнце набегает легкое облако. Золотоискатель почувствовал, что между ним и жизнью только что пробежало что-то сумрачное и грозное. Пронеслась тень, тень смерти, его смерти.

Он инстинктивно порывался вскочить и лицом к лицу встретиться с неведомой опасностью, но самообладанием покорил темный страх и по-прежнему сидел на корточках и перебирал слитки золота. Все же он не решался оглянуться, хотя уже знал уверенно, что за ним или над ним кто-то стоит.

Тогда он с притворным интересом стал рассматривать кусок руды в своих руках, переворачивал его, срывал приставшую землю... И в то же время никак не мог отделаться от сознания, что *что-то* постороннее через его плечо смотрит на то же золото.

Он весь насторожился, превратился в слух, пока, наконец, не расслышал дыхание того, кто стоял позади. Глаза его стали искать какое-нибудь оружие, но видели только золото, повсюду золото, которое в это мгновение потеряло всю свою условную ценность. В настоящем случае и верный лом не мог бы оказать помощи, ибо золотоискатель сам себе устроил западню. Он находился на глубине шести-семи футов, и голова его не достигала уровня земли.

Он не потерял самообладания, рассуждал по-прежнему трезво и ясно; он понимал, что положение его безнадежно и все же продолжал скрести землю со слитков золота и бро-

сать их в таз. Ничего другого ему не оставалось! Он прекрасно сознавал, что рано или поздно ему придется подняться и повернуться лицом к лицу к опасности. Время уходило, и приближался решительный момент... Мокрая, насквозь пропотевшая рубаха с резким ощущением холода пристала к телу... Близка смерть... Он умрет здесь — здесь, над найденным кладом!

Он сидел, все сидел, очищал золото и думал, как ему встать.

Он мог бы молнией повернуться, мгновенно выбраться из ямы и, независимо от рода опасности, броситься на нее. Или, быть может, подняться медленно, неторопливо и, словно невзначай, увидеть врага? Инстинкт и пылкий характер подсказывали ему первое, в то время как чувство самосохранения и свойственная ему осторожность настаивали на втором.

А пока он так сидел и размышлял, сверху раздался оглушительный звук, и по телу человека пробежала огненная струя. Он рванулся кверху, но, не успев приподняться, свалился. Он весь съежился, — съежился, как лист, которого внезапно коснулся огонь. Подогнув под себя ноги, сдавленный крохотным пространством, он упал грудью на таз золота, а лицом зарылся в землю. По всему телу его прошла сильная дрожь, за нею судорога... Легкие механически набрали много воздуха, а затем медленно-медленно стали выпускать его, и в момент, когда весь воздух вышел наружу, тело человека сразу сплюснулось и замерло.

А наверху, несколько наклонившись над ямой, с револьвером в руке стоял человек. Он долго глядел на безжизненное скрюченное тело, затем опустил револьвер на колено и уселся с таким расчетом, чтобы все время видеть яму и человека. Затем он вытащил из кармана простую толстую бумагу и насыпал на нее немного табака. Не отрывая ни на мгновение глаз от ямы, он свернул себе толстую, большую папиросу, закурил ее и с наслаждением затянулся.

Курил он не спеша. Раз папироса потухла, но он снова зажег ее. Наконец он отбросил в сторону окурок, приподнялся и подошел к яме. Не выпуская револьвера из правой руки, он обеими руками оперся на края ямы и стал на мускулах спускаться вниз. Когда до дна осталось не больше ярда, он прыгнул вниз.

Но не успели еще ноги его коснуться дна, как ловко направленный и страшный удар в колени лишил его равновесия. Поднятую правую руку с револьвером новопришедший вынужден был опустить вниз, и не успел он еще упасть на дно, как раздался выстрел. Вся яма наполнилась густым едким дымом, на несколько мгновений скрывшим все очертания. Незнакомец упал навзничь, а золотоискатель, как кошка, прыгнул на него, удачным ударом отвел его руку вверх, и следующая пуля с глухим шумом ударилась в земляную стену.

Теперь борьба велась главным образом за револьвер. Каждый стремился завладеть оружием и направить его на другого. Дым в яме постепенно рассеялся, и пришедший, все еще оставаясь в прежнем положении, мог осмотреться. Но вдруг его ослепила горсть песка, брошенная ему в глаза. Он вздрогнул, и от этого ослабели руки, державшие револьвер. Через секунду опустился мрак над ним, а затем и мрак исчез...

Но золотоискатель еще долго стрелял, стрелял до тех пор, пока не выпустил последнего заряда. После того он отбросил револьвер и, прерывисто дыша, сел на ноги убитого.

— Мерзавец такой! — захлебываясь, сказал он. — Ишь умница! Дал мне всю работу сделать, а затем стреляет мне в спину. Ловкий молодец!

Он едва не заплакал от усталости и злобы. Он стал вглядываться в лицо убитого, но из-за насыпанной земли трудно было распознать черты.

— Впервые в жизни вижу его, — сказал он наконец. — Очевидно, какой-то самый обыкновенный воришка; порядочный человек в спину не будет стрелять.

Он стал нащупывать спину и грудь с левой стороны.

— Слава богу, навылет прошла, — заключил он радостно. — Зато уж я показал ему! Будет другой раз стрелять!

Он снова нащупал рану, и лицо его омрачилось.

— Как бы не разболелась, — пробормотал он. — Надо поскорее убраться отсюда.

Он выполз из ямы и направился к своему биваку.

Через полчаса он вернулся к яме с вьючной лошадью. Растегнутая рубаха позволяла видеть грубую повязку, наложенную на рану. Он с трудом передвигал левой рукой, что, однако, не мешало ему пользоваться ею. Он просунул под мышки убитого веревку, вытащил его из ямы и после того стал собирать золото. Эта работа отняла несколько часов; он часто отдыхал, угрюмо потирал рану и бормотал:

— Вот мерзавец! В спину стреляет!

По окончании работы, когда все золото самым надежным образом было навьючено на лошадь, он сделал мысленный подсчет.

— Черт возьми! Фунтов четыреста будет, — воскликнул он. — Ну допустим, фунтов двести кварца и земли, остается двести золота. Слышишь, Билль, двести фунтов золота! Это значит, что ты владеешь капиталом в сорок тысяч долларов!

Он восторженно провел рукой по голове и вдруг нащупал рубец, который тянулся на несколько дюймов. Золотоискатель вспомнил, что его задела вторая пуля незнакомца.

— Ах, негодяй! Убить меня хотел! Но вот видишь, я лучше тебя. За зло отплачу добром и похороню тебя как следует...

С этими словами он сбросил вниз мертвое тело и засыпал его землей. Навьюченного золота было слишком много для одной лошади, и поэтому часть поклажи пришлось переложить на верховую лошадь. И все же кирку, лопату, таз, разную другую мелочь надо было оставить на месте, чтоб не обременять лошадей.

Солнце стояло в зените, когда золотоискателю с лошадьми удалось пробраться сквозь чащу. Путь был очень затруднителен; животные нередко подымались на дыбы; как-то

раз верховая лошадь упала, и для того, чтоб поднять ее на ноги, пришлось снять тюк.

Кругом стояла тишина, и только звяканье подковных копыт нарушало ее. Изредка доносилась ругань золотоискателя, грубый окрик или нетерпеливое понукание. Вдруг золотоискатель затянул песню, и по мере того как он подвигался вперед, звуки песни ослабевали, и снова прежняя тишина вернулась в «Золотое ущелье».

Словно по пятам золотоискателя вернулась тишина, а вслед за ней по тем же пятам пробрался и дух ущелья.

Опять полусонно зажурчал, зашептал ручей, полусонно зажужжали горные пчелы. В ароматном воздухе падали и подымались кверху, плыли белоснежные цветы виргинских тополей... Там и сям с едва слышным шелестом мелькали бабочки. А надо всем этим ласково и безмятежно светило солнце. Кто-то пришел, оставил следы на лужайке, изрыл весь горный склон, убил себе подобного и ушел! Здесь снова сумрачно и мирно... Промчалась бурная жизненная струя, на миг возмутила величественный покой горного ущелья и унеслась дальше...

ПЛАНЧЕТ

— Это мое право! Я хочу знать, — сказала девушка.

Голос ее прозвучал твердо; в нем не было ни намека на просьбу, и все же чувствовалось, что эта решимость завершала собой длинный период просьб. Но не словами молила она, а всем своим существом...

Губы ее были немы, но глаза, все лицо, даже фигура изображали вопрос. Он знал это и все же не отвечал. И тогда, не в силах сдержать себя, она задала вопрос.

— Это мое право! — повторила девушка.

— Я знаю, — ответил он беспомощно.

Она ждала и все время не отрывала глаз от толстых сучьев и больших пней, которые озарялись теплым, мягким, ласкающим светом. Казалось, сияют сами по себе пни, так много вобрали они в себя света. Девушка смотрела, но не видела; она слышала, но не различала журчание ручейка, который протекал внизу, на дне оврага.

Она снова взглянула на мужчину.

— Итак, — сказала она с твердостью и полная уверенности, что тот сейчас повинуется ей.

Она сидела совершенно неподвижно, прислонясь к стволу упавшего дерева. Мужчина лежал почти рядом с ней, одной рукой опираясь на землю, а другой поддерживая голову.

— Милая, милая Лют! — пробормотал он.

Она вздрогнула при звуке его голоса; она не оттолкнула его, но тотчас же почувствовала необходимость бороться против обаяния этого мягкого, притягательного голоса. Словно каждая нотка, каждый звук обещал счастье и покой... Его ласковые слова, как и прикосновение, были мужественны, сильны и почти всегда бессознательны. Он всегда смутно чувствовал потребность в ласке, которая была частью его самого, дыханием его искренней и большой души...

Она потянулась к нему; он хотел взглянуть на ее лицо, но она строго и внушительно посмотрела на него из-под ровных, тонких бровей, и он покорно опустил голову на ее колени. Рука ее ласково коснулась его волос, а лицо приняло заботливое и нежное выражение. Но, когда он взглянул на нее, ее серые глаза были опять неумолимы.

— Что я могу тебе еще сказать? — начал он. — Я не могу на тебе жениться — ни на тебе, ни на какой-либо другой женщине. Ты прекрасно знаешь, как я люблю тебя, — больше всего в жизни. Я неоднократно взвешивал тебя и все остальное прекрасное на свете, и ты перетягивала. Чтобы всегда жить с тобой, я готов на все, но я бессилен, совершенно беспомощен. Я не могу на тебе жениться и никогда не смогу.

Он хотел овладеть собой и сжал губы, но голова его невольно и беспомощно стала склоняться к ее коленям; она остановила его.

— Крис, ты, может быть, женат?

— Нет, нет, — горячо воскликнул он, — я никогда не был женат. Я хочу жениться только на тебе и не могу.

— В таком случае?..

— Нет, нет, — прервал он, — не расспрашивай меня!

— Но я имею право знать это.

— Я знаю. Я знаю все и тем не менее ничего не могу сказать тебе.

— Ты не подумал обо мне, Крис, — мягко продолжала она.

— Нет! Не то.

— Ты не подумал обо мне. Ты не хочешь знать, сколько мне приходится дома терпеть из-за тебя.

— Я не предполагал, что твои так плохо ко мне относятся, — с горечью сказал он.

— Они почти не выносят тебя. Конечно, в твоем присутствии они этого не показывают, но они уже давно ненавидят тебя. Мне приходится все это сносить. Конечно, не всегда так было. Сначала они любили тебя. Чуть ли не так, как я любила тебя. Это было четыре года назад. Время шло — год, два года — и вдруг они восстали против тебя. Их нельзя винить. Ты не говорил ни слова, и им вдруг показалось, что ты разбиваешь мою жизнь. Ведь ты подумай: прошло четыре года, а ты ни разу не заговорил о свадьбе. Что же они могли подумать? Именно то, что и думают: будто ты разбиваешь мою жизнь.

Говоря это, она продолжала ласково перебирать его волосы, сама страдая от боли, которую причиняла любимому человеку.

— Они очень любили тебя вначале. Разве можно тебя не любить? Как дерево притягивает влагу из почвы, так ты притягиваешь любовь всего живого. Словно ты на все имеешь какие-то особые права, и все направляется к тебе со всех сторон. Тетя Мильдрэд и дядя Роберт находили, что другого,

подобного тебе, нет. Как солнце в небе, ты единственный на земле. Они считали меня счастливейшей из девушек, ибо мне удалось завоевать любовь такого человека, как ты. Да, они очень любили тебя. Тетя, иногда желая позлить дядю, задорно поглядывала на него и говорила: «Когда я подумаю о Крисе, мне самой хочется помолодеть». А дядя отвечал: «Нисколько не осуждаю тебя, дорогая, нисколько. А если можешь помолодеть, пожалуйста, ничего не имею против». И снова и снова, без конца они поздравляли меня с твоей любовью.

И они прекрасно знали, что я так же люблю тебя. Как я могла помешать этому? Как я могла помешать той огромной чудесной вещи, которая вторглась в мою жизнь и совершенно поглотила ее? Четыре года, Крис, четыре года я жила только тобой одним. Каждый миг принадлежал только тебе. Я просыпалась с мыслью о тебе, я засыпала с мыслью о тебе. Каждое мое действие, каждая мысль, каждый жест были от тебя. Издали, даже не присутствуя, ты направлял все мои мысли. Ты неизменно присутствовал во всем малом и великом в моей жизни.

— Я и не подозревал, что так подавляю, — пробормотал он.

— Ты ничего не подавлял. Ты давал мне полную свободу и, напротив, был моим послушным рабом. Умело, нисколько не оскорбляя, ты делал за и для меня все. Ты предупреждал все мои желания, хотя я даже не намекала на них. Всего больше мне нравилось то, что ты не был суетлив. Видишь ли, со стороны казалось, что ты ровно ничего не делаешь, а оказывалось, что все делалось именно тобой и удивительно к месту.

Да, я была рабой, но это было рабство любви. Именно любовь заставила меня так покориться, отдать тебе все мои помыслы и дни. Ты не вторгался в мои мысли — нет, постепенно и незаметно ты проник в них и всегда, всегда был в них. А в какой степени, тебе никогда не узнать...

Но по мере того как проходило время, тетя и дядя все меньше любили тебя. Они стали беспокоиться: что будет со

мной? Ты портил мою жизнь. Моя музыка? Ведь ты знаешь, как я мечтала о музыкальной карьере, и все мои мечты о ней потускнели. Когда я встретилась с тобой, мне было двадцать лет, и я хотела ехать в Германию продолжать музыкальное образование. Это было четыре года назад, а я все еще здесь, в Калифорнии.

У меня были другие поклонники, ты прогнал их. Нет, нет, я не то хочу сказать, не ты, а я прогнала их. Что мне было до них, до всего остального на свете, раз ты был здесь! Но, повторяю, дядя и тетя начали беспокоиться. Пошли пересуды, разговоры, сплетни. Ты продолжал молчать, а я удивлялась. Я знала, что ты любишь меня. Но мне так много приходилось выслушивать против тебя от дяди и тети, которые были для меня как родители. Я не могла защищать тебя и просто отказывалась спорить. Я ушла в себя. Что мне оставалось делать, что делать?

Он застонал от боли, снова опустил голову на ее колени и молчал.

— Я стала скрытной, и тетя Мильдрэд уже больше не выслушивала моих исповедей. Книга моего детства закрылась. Какая это была чудная книга, Крис! Я готова плакать, когда вспоминаю об этом. Но все равно. На мою долю выпало много счастья. Я рада, что откровенно могу говорить о любви к тебе; эта откровенность так сладостна. Я люблю тебя, Крис, я люблю тебя и даже не в состоянии выразить, в какой мере... Ты помнишь то Рождество, когда мы встречали сочельник вместе с детьми? Мы играли в жмурки; ты поймал меня за руку и так стиснул ее, что я закричала от боли. Я ничего не сказала тебе, но мне было страшно больно, и ты не можешь себе представить, до чего это было в то же время и сладко. Черным и синим запечатлелись следы твоих пальцев. Твоя память на руке оставалась в течение недели, и как часто я целовала ее, Господи! Я волновалась и сердилась, что она исчезала постепенно. Я хотела снова ушибить руку, лишь бы синяк продлился. Мне была противна возвращающаяся

белизна рук. Это смешно, Крис, но я не в состоянии объяснить, как я люблю тебя!

Наступило молчание, во время которого она продолжала проводить по его волосам, безучастно следя за большой серой белкой, резвой и веселой, снующей взад и вперед на отдаленной прогалине хвойного леса. Затем ее внимание привлек красногрудый дятел, энергично постукивавший клювом по упавшему дереву.

А Крис все не поднимал головы; напротив, он еще плотнее прижал свое лицо к ее коленям, между тем как высоко вздымавшаяся грудь выдавала его волнение.

— Ты должен мне все сказать, Крис, — мягко сказала девушка. — Эта таинственность убивает меня. Я должна знать, почему мы не можем пожениться. Неужели так всегда будет продолжаться? Правда, мы встречаемся очень часто, но продолжительные промежутки меня измучили. Неужели, Крис, никогда не наступит то время, когда мы всецело будем принадлежать друг другу? Я не отрицаю, Крис: в наших отношениях есть очень много хорошего, даже прекрасного, но временами так хочется чего-то другого, большего. Я хочу, чтоб ты весь принадлежал мне, чтобы все дни, всю жизнь мы провели вместе. Я хочу, чтобы мы жили теперь так, как будем жить, когда поженимся... — Она прервала себя на полуслове. — Ах да, я забыла: ведь мы никогда не поженимся. Крис, почему? Я должна знать, почему.

Он поднял голову и заглянул в ее глаза. Это была его привычка: смотреть прямо в глаза, с кем бы он ни говорил.

— Я думал о тебе, Лют, — начал он угрюмо. — Напрасно ты сомневаешься. Я думал о тебе с самого начала. Мне необходимо было уехать из-за тебя. Я знал это, понимал и все же... я не уехал. Боже мой, что мне было делать? Я любил тебя... не мог уехать... не был в силах. Я остался и каждый день менял свои решения. Это была ужасная слабость, непоправимая ошибка. Наконец, я собрался с силами и ушел — теперь ты знаешь почему. Теперь ты знаешь. Я ушел, но долго там не ос-

тавался и хотя знал, что мы не можем пожениться, все же вернулся к тебе. Теперь я снова с тобой. Прогони меня, Лют, прогони. У меня самого нет сил уйти. Прогони меня, Лют.

— Но зачем тебе уходить? — спросила она. — К тому же прежде чем прогнать тебя, я должна знать, почему я прогоняю.

— Не спрашивай меня.

— Нет, скажи мне, — произнесла она с нежным приказанием в голосе.

— Не надо, Лют, не вынуждай меня, — взмолился он.

— Нет, ты должен мне сказать. Это твой долг по отношению ко мне.

Он колебался.

— Если бы я это сделал... — начал он и решительно закончил: — Я никогда не простил бы себе этого. Нет, я не расскажу, и не вынуждай меня, Лют. Ты пожалела бы точно так же, как и я.

— Если что-нибудь... если имеются препятствия, если какая-то тайна действительно мешает...

Она говорила медленно, с длинными паузами, выбирая наиболее деликатный способ передачи своей мысли.

— Крис, я люблю тебя так глубоко, как только возможно для женщины любить, я в этом убеждена. И если бы ты мне сказал сейчас «Пойдем», я пошла бы за тобой, пошла бы, не оглядываясь, куда бы ты ни повел меня. Я сделалась бы твоим пажом. Ты — мой рыцарь, Крис, и ты не можешь сделать ничего дурного. Твоя воля — моя воля! Раньше я боялась мнения света. С тех же пор, как ты вошел в мою жизнь, я не считаюсь с ним больше. Мне смешно думать о нем. Повторяю, если ты скажешь хоть одно слово, я пойду за тобой.

— Нет, нет, — вскричал он, — я не смею звать тебя, я не смею и докажу тебе это.

Он решительно выпрямился и готов был заговорить. Он взял и сжал ее руку. Словно ища выражения, он готов был открыть свою тайну. Воздух содрогнулся. Девушка прибли-

зилась, чтоб услышать, но он глядел прямо перед собой и медлил. Его рука разжималась; девушка ободряюще стала сжимать ее и все же чувствовала, как решимость оставляет его. Он не будет говорить, она это знала; знала и твердо верила, что не говорит он потому, что не может.

Она безнадежно смотрела перед собой, с тяжелым гнетущим чувством на сердце, точно навсегда умерли для нее надежда и счастье. Она следила за лучами солнца, которые разбивались о красные стволы деревьев, — следила равнодушно, чисто механически. Словно издалека и чуждая всему, словно оторвавшись от земли и потеряв связь со всем окружающим, с деревьями и цветами, которые она так любила, она смотрела без интереса, апатично...

Но вдруг она почувствовала беспричинное любопытство. На прогалине стояло буковое дерево в полном цвету, и она смотрела на него, точно впервые видела его. Ее взгляд как прикованный остановился на желтой кисти «Диогеновых фонарей»... Обыкновенно цветы вызывали в ней легкую, мгновенную дрожь удовольствия, теперь же ничего подобного не было. Она разглядывала цветок подобно тому, как курильщик опиума разглядывал бы поток, заградивший путь его больному воображению. В ушах у нее звучал голос ручья, хриплого, старого богатыря, впавшего в детство и бормочущего сонные фантазии. Но, против обыкновения, шум ручья не возбудил ее воображения; она трезво сознавала, что это простой звук воды, протекающей меж камней глубокого оврага, — и больше ничего.

Взгляд ее проник за «Диогеновы фонари» и упал на открытую поляну. На откосе, по колени в диком овсе, паслись две ярко-золотистых на солнце, одинаковых, как на подбор, лошади. Их новая, весенняя шерсть отливала цветными блестками, которые сверкали, как огненные бриллианты.

Девушка почти с ужасом подумала о том, что одна из лошадей принадлежит ей. Долли, подруга ее детства, ее девичьих грез, горестей и восторгов. Глаза ее увлажнились

при виде той, на шее которой она выплакала столько слез, и мгновенно она пришла в себя, сбросила настроение отчужденности; стремительная в страсти и печали, она снова вернулась в мир, чтоб сделаться живой частью его.

Мужчина, совершенно ослабев, подался вперед и со стоном уронил голову на ее колени, а она наклонилась к нему и мягко и надолго прижалась губами к его волосам.

— Вставай, Крис, пойдем! — сказала она почти шепотом.

Голос ее прервался полурыданиями, но она тотчас же поднялась и сжала губы.

Его лицо было бледно, почти мрачно, до того он был потрясен борьбой, которую только что вынес. Они не взглянули друг на друга и направились прямо к лошадям. Она прислонилась к шее Долли, в то время как он подтягивал ремни. Потом она собрала в одну руку поводья и стала ждать. Он взглянул на нее с мольбой о прощении, и ее глаза ответили ему.

Опершись ногой на его руку, она легко прыгнула в седло. Безмолвные, не глядя друг на друга, они повернули лошадей и поехали по узкой тропинке, вьющейся вдоль темного бора, откуда выехали на открытую поляну, к залегшим внизу пастбищам.

Тропинка постепенно превращалась в протоптанную скотом дорожку, а дорожка — в проселочную дорогу, которая ниже сливалась с большой дорогой. Они понеслись вниз по отлогим бурым горам Калифорнии до того места, где ряд перекладин отмечал начало большой дороги. Девушка осталась на своей лошади, а мужчина слез и начал вынимать перекладины.

— Постой, постой! — закричала она, прежде чем он дотронулся до двух нижних перекладин.

Она сделала несколько шагов назад, затем прошла вперед, и животное небольшим безукоризненным прыжком пронеслось над перекладинами. Глаза мужчины засверкали, и он стиснул кулаки.

— Красавица моя, красавица! — воскликнула девушка, подавшись вперед и прижавшись щекой к шее кобылы в том месте, где шерсть отливала ярким пламенем на солнце.

— Если хочешь, поменяемся лошадьми, — предложила она, когда перекладины снова оказались на месте. — Ты до сих пор не знаешь, что за прелесть моя Долли.

— Нет, нет, — запротестовал он.

— Ты, очевидно, думаешь, что она слишком стара и для тебя не подходит. Ей действительно шестнадцать лет, но все же из десяти лошадей девять она всегда перегонит. И при всем том она очень спокойна и никогда не сбрасывает. — Она вдруг торжественно произнесла: — Послушайте, сэр, вызываю вас на поединок и утверждаю, что моя Долли побьет вашего Бана. Затем предлагаю вам самому прокатиться на моей Долли, достоинств которой вы не знаете и не цените.

Обрадовавшись новому развлечению, они живо принялись обмениваться седлами.

— Как я рада, — заметила Лют, — что родилась в Калифорнии и могу ездить верхом, как мужчина. Готов?

— Готов!

— К старой мельнице, — крикнула она, когда лошади ринулись вперед.

— Есть! — ответил он.

По гладкой, ровной дороге вздымались клубы пыли. Всадники совершенно пригнулись к лошадям, на полном ходу делали повороты, не замедляя хода, проносились через легкие деревянные настилы и с дробным, звучным грохотом мчались по железным мостам.

Они шли бок о бок, приберегая животных к финишу. За группой белых дубков дорога на протяжении нескольких сот ярдов совершенно выпрямилась и открывала в самом конце старую, полуразрушенную мельницу.

— Начинаем! — вскрикнула девушка и всем корпусом подалась вперед, прильнула к шее лошади, отпустила поводья и через несколько минут оказалась впереди Криса.

— Хлопни ее по шее! — крикнула она ему.

Крис исполнил это, и тотчас же Долли вынесла его впереди Бана.

До мельницы оставалось около ста ярдов.

Девушка пришпорила лошадь, но не переставала следить за своей Долли, которая медленно опережала ее.

— Побита на три корпуса! — победоносно воскликнула Лют, когда они миновали мельницу и поехали шагом.

— Теперь, сэр, вы видите, на что способна моя старая кобыла.

— В сравнении с ней Бан — настоящий медведь, — согласился Крис.

— Понимаешь, Крис, — возбужденно сказала Лют, — моя Долли хороша тем, что в ней есть горячность и нет глупости. Несмотря на свой возраст, она очень умна.

— В том-то и дело, — возразил Крис, — вместе с молодостью прошла и глупость. Я уверен, что в молодости она не мало раз сбрасывала тебя.

— Ничего подобного! — ответила Лют. — Я положительно не припомню случая, когда бы она дурила. За всю свою жизнь она не становилась на дыбы, не лягалась, не сбрасывала, никогда, ни разу.

Тяжело дыша после скорого бега, лошади продолжали идти шагом. Дорога вилась по низко лежащей долине, кое-где пересекаемой горными ручьями. Со всех сторон доносилось монотонное, усыпляющее бормотание косилок и зычные крики рабочих, собиравших сено. На западе подымались зеленые горы, а восточные, обращенные к солнцу, уже были выжжены и приняли желтовато-бурый оттенок.

— Как хорошо здесь! — сказала Лют. — Чудная Сономская долина! Вот лето, а вот и весна.

Глаза и лицо ее сияли любовью к родине. Она перевела взгляд на фруктовые сады и виноградники. Легкой, нежной дымкой залег повсюду пурпур, залег в полях и садах, в ущельях гор и долинах. А дальше, выше, среди горных вдоль

и поперек изрезанных ручьями хребтов, где крупные откосы были усыпаны кустами манзаниты, Лют увидела свободный участок, на котором дикая трава еще не утеряла своего девственно-зеленого цвета.

— Ты знаешь это место? — спросила она, указывая на далекую долину.

Крик ужаса заставил ее обернуться. С дико раскрытыми глазами, раздутыми ноздрями, Долли взвилась на дыбы. Крис припал к ее шее, чтобы помешать ей упасть на спину, и одновременно пришпорил ее, чтобы заставить опустить передние ноги, которыми она била по воздуху.

— Долли, Долли! — начала с упреком Лют, но, к ее удивлению, лошадь опустила голову, выгнула спину, прыгнула в воздух и опустилась на землю с выпрямленными ногами.

— Гениальный прыжок! — воскликнул Крис, в то время как кобыла собиралась сделать второй прыжок.

Лют удивлялась поведению своей лошади и любовалась умением Криса править; он оставался совершенно хладнокровен и, казалось, получал удовольствие от диких прыжков Долли. Лют отвела Бана в безопасное место и, оглянувшись, случайно поймала взгляд Долли. Глаза лошади, почти выскочив из орбит, выражали слепое, животное безумие; розоватый оттенок белка исчез и сменился белизной, похожей на матовый мрамор. Долли выпрямилась так, что спина, шея и морда представляли почти прямую линию; такое положение позволило ей закусить удила, и она с неимоверной быстротой понеслась по прямой дороге.

Впервые Лют действительно испугалась. Она пришпорила в погоню Бана, но тот не был в состоянии поспевать за взбесившейся кобылой и стал понемногу отставать. Лют видела, как с перекинутой через седло ногой, прилегши на бок и ухватившись рукой за гриву, Крис боролся с лошадью.

Долли мелькнула в чаще и с безумной быстротой помчалась по узкому берегу, к группе дубов, о стволы которых она хотела сбить всадника.

Лют поехала по диагонали, миновала кустарник и оказалась впереди Долли. Из кустарника до нее доносился ужасный треск сучьев и бурелома. Наконец кобыла проломилась в открытое место и, изможденная, вся в мыле, упала на мягкую траву.

Крис все еще сидел на ее спине. Рубашка его изорвалась в клочья. Руки были изодраны и изранены, а по лицу из раны у виска струилась кровь.

— Как хорошо! — крикнул он, вложив в голос всю сердечность, на которую был способен, но в данное время ее было немного, потому что он перенес слишком сильное нервное потрясение.

— Неподалеку ключ, — сказала Лют, обвив шею Криса, и, оставив лошадей невзнузданными, они прошли в прохладные заросли, к месту, где с едва слышным звоном у подножия горы протекала кристально чистая вода.

— А ведь ты говорила, что Долли никогда не сбрасывает, — сказал Крис, несколько успокоившись.

— Я отказываюсь понять что-либо. Впервые в жизни я видела, как она поднимается на дыбы.

— Может быть, какой-нибудь открывшийся застарелый ушиб, — сказал Крис и пожал плечами.

Они вернулись к лошадям и подвергли Долли самому внимательному осмотру, который, однако, ничего не дал. Все было в порядке и никаких следов укола, укуса или ранения не оказалось.

— Не иначе как какое-то бесовское наваждение, — сказала Лют. И они засмеялись при этой мысли, ибо оба были типичными продуктами XX века, здоровые, нормальные духом, любящие прекрасное и возвышенное, но вовремя останавливающиеся у той границы, где кончается реальное и начинается суеверие.

Лют стала укорачивать стремена.

— Зачем это? — спросил Крис.

— Я поеду на Долли.

— Нет, этого не будет, — заявил Крис. — Так лошадей не воспитывают. После всего того, что случилось, я обязан поехать на ней.

Они медленно, часто останавливаясь, поехали к дому.

* * *

— Кто едет за почтой? — послышался из-за деревьев женский голос.

Лют захлопнула книгу и вздохнула.

— Мы не предполагали сегодня ехать верхом, — сказала она.

— Позволь, я поеду, — предложил Крис. — Ты оставайся здесь, а я поеду и вмиг вернусь.

Она покачала головой.

— Кто едет за почтой? — настаивал голос.

— А где Мартин? — закричала Лют.

— Не знаю, — ответил тот же голос. — Его, вероятно, куда-нибудь увел с собой Роберт. Право, Лют, кроме тебя и Криса, никого нет. Довольно валяться в гамаке.

— Хорошо, тетя! Мы едем! — закричала Лют, вылезая из гамака.

Через несколько минут, в костюмах для верховой езды, они седлали лошадей. Они поехали по графской дороге, а затем свернули на шоссе к Глен Эллену. Маленький городок полностью заснул под палящими лучами солнца, а местный почтмейстер с большим трудом удерживался, чтобы не заснуть, когда перевязывал пачку писем и газет.

Спустя час всадники свернули с большой дороги и поехали по коровьей тропинке вниз к крутому берегу, желая до возвращения на дачу напоить лошадей.

— Долли как будто совершенно забыла про вчерашнее, — сказал Крис, указывая на вошедшую по колени в воду Долли.

Из чащи послышался перепелиный треск, и кобыла подняла голову, навострила уши... Крис наклонился и почесал у нее за ушами, что, очевидно, доставило ей большое удо-

вольствие, — она опустила голову и прислонилась к плечу Бана.

— Настоящий котенок, — заметила Лют.

— А между тем после ее вчерашней дикой выходки я никогда не смогу довериться ей, — сказал Крис.

— А я так по-прежнему доверяю ей, — сказала Лют и добавила: — Конечно, на Бане ты в большей безопасности. Это твоя лошадь; она тебя никогда не обманет.

Они повернули лошадей и отъехали от ручья. Долли остановилась, чтобы мордой смахнуть с колена муху, а Бан протеснился по узкой тропинке. Пространство было слишком узко для того, чтобы он мог вернуться, и Крис пустил его вперед.

Это случилось так быстро, что Лют едва успела заметить. Сверху и снизу был почти отвесный берег. На тропинке едва-едва можно было поместиться пешеходу. Между тем Бан взвился на дыбы, поднялся в воздух и в следующую минуту уже лежал спиной на тропинке.

Крису оставалось одно: выскочить из седла, что он и сделал, бросившись в сторону и вниз. До подножия скалы было около двенадцати футов. Крис удержался в перпендикулярном положении, но, подняв голову, увидел падающую на него лошадь и, как кошка, отскочил в сторону. Через мгновение Бан пронесся мимо него с тем ужасным криком, который иногда издают смертельно раненные лошади.

Крис ободряюще взглянул на стоящую наверху Лют.

— Я начинаю привыкать к этому, — с улыбкой ответила она ему.

— Я так и думал, — сказал он спустя несколько минут, когда стоял подле скатившейся лошади. — Последний раз я сидел сегодня верхом на Бане. Едем, Лют, домой.

На верхушке обрыва он повернулся и заглянул вниз.

— Прощай, Бан! — крикнул он с навернувшимися слезами. — Прощай, товарищ! — Он обратился к Лют: — Моей вины тут нет!

— Да, — сказала Лют. — Все это вышло так неожиданно, точно чья-то рука схватила его за поводья.

— Клянусь, что это была не моя рука. Между прочим, он шел на слабом поводу. Значит, чья-то посторонняя рука...

Мартин принял из рук Лют Долли, почти не выразив удивления при виде пешего Криса, который несколько отстал от девушки.

— Ты сумеешь застрелить лошадь? — спросил Крис.

Тот кивнул головой, затем добавил:

— Да, сэр! — и снова кивнул головой.

— Прекрасно, — сказал Крис. — Сходи к реке, там лежит Бан с переломленной спиной.

* * *

— Ах, вот и вы, сэр! А я повсюду ищу вас.

Крис отбросил сигару, потом подошел и наступил на нее ногой.

— Ты никому не говорила про Бана? — спросил он.

Лют отрицательно покачала головой.

— Они сами узнают. Мартин не замедлит рассказать. Но не расстраивайся так из-за этого, — сказала она после минутной паузы, взяв его за руку.

— Я знал его с рождения. Как это все странно! Какой-то непонятный импульс, как удар молнии, подействовал на него. Все это произошло в течение одной секунды, не больше. Похоже на самоубийство или покушение на убийство.

— Ведь бывает, Крис, что лошади сходят с ума, — сказала Лют. — Это чисто случайно, что ты два дня подряд испортил под собой лошадей.

— Возможно, — сказал он и поднялся вместе с Лют. — Но зачем я вдруг так понадобился?

— «Планчет»!

— Ах, «Планчет»! Как-то до сих пор мне не приходилось с нею иметь дело.

— Да и нам не приходилось, — ответила Лют. — Разве только одна миссис Грантли...

— Ах, и миссис Грантли будет? Очаровательное существо!

Они остановились между двух огромных деревьев, которые стояли у входа в столовую. Наверху, сквозь кружевную ткань ветвей, сияли звезды. Внизу свечи озаряли окруженную деревьями площадку. За столом три-четыре человека следили за начертанием «Планчет».

Крис взглянул на тетю Мильдрэд и дядю Роберта, уже разрыхленных жизнью и все же довольных ею, несмотря на целый ряд полученных от нее пощечин. Затем он перевел взгляд на черноглазую хрупкую мистрис Грантли и остановился на четвертой личности, величественном господине с массивной головой, седые виски которого оттеняли юношескую свежесть лица.

— Кто это? — шепнул Крис.

— Некий Бартон. Поезд опоздал, и вот почему ты не видел его за обедом. Очень крупный капиталист, хоть с виду не выдумает пороху.

Она прижалась к нему, и они пошли дальше.

— Роберт, где дети? — послышался голос тети Мильдрэд. — Надо начинать, становится холодно.

— Мы здесь! — закричала Лют, отходя от Криса.

Тетя Мильдрэд плотнее закуталась в шаль и торопила начать. На столе лежал белый чистый лист бумаги, поверх которой на трех ножках ходила маленькая треугольная дощечка; две ножки несли подвижные медные колесики, а третья, помещенная в вершине треугольника, — карандаш.

— Кто начинает? — спросил дядя Роберт.

С минуту длилось молчание, затем тетя Мильдрэд решительно положила руку на дощечку и сказала:

— Ведь кому-нибудь из нас придется для удовольствия других сыграть роль дурака. Я начинаю!

— Молодец женщина! — воскликнул муж. — М-с Грантли, начинайте!

— Я? — спросила дама. — При чем же я тут? Сила, или как вы ее там назовете, точно так же вне меня, как и вне вас. Какого это рода сила, я не могу сказать, но знаю, что эта сила имеется. Я убеждена, а теперь ваша очередь убедиться. М-с Стори, коснитесь дощечки легко, но твердо, и ничего не делайте по своей личной воле.

Присутствующие молча окружили тетю Мильдрэд, которая положила руку на «Планчет»; но в продолжение нескольких минут ничего не случилось, и «Планчет» оставалась неподвижной и безмолвной.

— Потерпите! — посоветовала м-с Грантли. — Никоим образом не противодействуйте влечению, которое, может быть, возникает в вас; но, повторяю, сами ничего не делайте. Вы почувствуете импульс, бороться с которым вы не будете в состоянии. Влияние возникает помимо вашей воли.

— Однако влиянию не мешало бы поторопиться, — заметила тетя Мильдрэд после нескольких минут неудачных попыток.

— Еще немного... еще минуту... — начала м-с Грантли, и вдруг рука тети Мильдрэд задергалась и задвигалась и послышалось царапание карандаша по бумаге. В конце следующих пяти минут тетя Мильдрэд сделала усилие и отняла свою руку.

— Какие-то каракули, — сказал дядя Роберт, глядя на исписанную бумагу.

— Да, — сказала м-с Грантли, — совершенно невозможно прочитать... Очевидно, влияние еще не начало работать. Не попробует ли кто-нибудь другой? Например, вы, мистер Стори?

Дядя Роберт, улыбаясь, подошел к столу и опустил руку на дощечку, и тотчас же его лицо приняло серьезное выражение. Его рука начала двигаться, и послышался скрип карандаша по бумаге.

— Черт возьми! — пробормотал он. — Это становится любопытно. Посмотрите-ка сюда. Уверяю вас, что точно кто-то водит моей рукой.

— Ну, Роберт, без глупостей, — пригрозила ему жена.

— Да ведь я говорю тебе, что не я это делаю, — ответил он с негодованием. — Влияние, как говорит м-с Грантли! Черт возьми, да взгляните на этот росчерк; я никогда не делаю росчерков.

— Будьте серьезны, — сказала м-с Грантли. — «Планчет» не любит легкомысленного отношения.

— Ну, я думаю, теперь довольно, — произнес Роберт, снимая руку. — Посмотрим! Лют, у тебя молодые глаза.

— Ой, какие росчерки! — воскликнула Лют, взглянув на бумагу. — Посмотрите, два разных почерка.

Она прочитала:

Вдумайся в следующую фразу:

«Безусловно, я — дух положительный, а не отрицательный. Всего выше на свете любовь, за которой следуют мир и душевная гармония. Твоя душа».

— А теперь другим почерком, — сказала Лют и продолжала читать:

«Бульфорк 96, Дикси 16, Золотой якорь 65, Золотая гора 13, Джим Бутлер 70, Джембо 76, Полярная звезда 42, Браун-Хот 16, Железная Крыша 3».

— «Железная крыша» — 3. Однако довольно низко, — пробормотал мистер Бартон.

— Роберт, ты опять сплутовал? — воскликнула тетя Мильдрэд.

— Нет, не сплутовал, — ответил он. — Моя воля бездействовала.

— Подсознательный дух, — предположил Крис. — Вы просмотрели сегодня в газетах биржевые цены?

— Не сегодня, а на прошлой неделе.

— День или год, для подсознательного духа не имеет никакого значения, — сказала м-с Грантли. — Подсознательный дух никогда ничего не забывает.

— Да что за теософическая чепуха такая! — воскликнул дядя Роберт.

Крис пожал плечами.

— Безусловно, необходимо известное серьезное отношение, — сказал он, опустив руку на «Планчет». — Попытаюсь и я. Попрошу вас, господа, не смеяться и даже не улыбаться. Ведь неизвестно, какая оккультная кара может постигнуть вас.

— Ну, хорошо, я буду умником, — воскликнул дядя Роберт. — Но все-таки я предпочел бы улизнуть отсюда.

Едва только Крис опустил на «Планчет» руку, как дощечка задвигалась, быстро и равномерно.

— Посмотри на него, — шепнула Лют своей тетке. — Как он бледен!

Некоторое время слышалось ровное царапанье карандаша, но вдруг что-то словно ужалило Криса, и он отдернул руку. Он вздохнул, затем зевнул, отошел от стола и огляделся вокруг с любопытством только что проснувшегося человека.

— Я, кажется, написал что-то, — сказал он.

— Я думаю, — сказала довольным тоном м-с Грантли, поднимая лист бумаги и вглядываясь в него.

— Прочтите вслух, — сказал дядя Роберт.

— Слушайте, написано следующее:

«ОСТЕРЕГАЙСЯ! ОСТЕРЕГАЙСЯ! ОСТЕРЕГАЙСЯ!

Крис Дунбар, я намереваюсь убить тебя. Я сделал уже два покушения на твою жизнь, но неудачно. Третье мне удастся. Я настолько уверен в этом, что не боюсь тебе сказать это. Я не должен объяснять причины. Ты сам знаешь. Зло, которое ты делаешь...»

— Вот и конец, тут обрывается, — сказала м-с Грантли, положила бумагу на стол и взглянула на Криса, который сделался центром внимания, но тем не менее зевал от овладевшей им сонливости.

«Я уже сделал два покушения на твою жизнь»... — повторила м-с Грантли.

— На мою жизнь? — спросил Крис. — Да на мою жизнь никто не покушался. Господи, как мне хочется спать!

— Послушай, Крис, — сказал дядя Роберт, — ты забываешь, что мы имеем дело с бескровным и бесплотным духом. Надо думать, — шутливо добавил он, — что на твою жизнь покушались невидимые и неведомые существа. Может быть, рука какого-нибудь духа пыталась ночью задушить тебя.

— Крис! — воскликнула невольно Лют. — Сегодня днем как будто чья-то рука схватила за повод Бана. Помнишь?

— Я пошутил, — возразил он.

— Но все-таки, — начала Лют и замолчала.

М-с Грантли насторожилась.

— А что такое случилось сегодня днем?

Сонливость Криса исчезла.

— А знаете, меня самого начинает это интересовать, — сказал он. — Сегодня днем Бан сломал себе спину. Он бросился с обрыва и едва-едва не увлек меня.

— А если я не ошибаюсь, — сказала м-с Грантли, — вы вчера сильно ушиблись, катаясь на лошади м-с Стори? Вот вам и два покушения. — И с этими словами она торжествующе оглядела присутствующих.

— Пустяки! — сказал дядя Роберт с улыбкой на лице, но с легким раздражением в голосе. — Таких вещей теперь не бывает. Послушайте, милая барыня, мы живем в XX веке, и средневековые суеверия к нам не пристали.

В это время м-с Грантли опустил руку на «Планчет».

— Кто ты? — спросила она. — Твое имя?

Все головы наклонились над столом, следя за тотчас же задвигавшимся карандашом.

— Дик! — вскричала тетя Мильдрэд с легкой истерической ноткой в голосе.

Муж ее выпрямился, и впервые лицо его приняло серьезное выражение.

— Это подпись Дика, — сказал он. — Я узнал бы ее среди тысячи других.

— Клянусь Иовом, это удивительно! — воскликнул мистер Бартон. — В обоих случаях почерк совершенно одинаков. Ловко, очень ловко! — добавил он.

— Дик Кертиз, — прочла вслух м-с Грантли. — Кто это Дик Кертиз?

— Отец Лют, — сказала тетя Мильдрэд. — Это мой брат. Он умер, когда Лют было несколько недель, и она получила нашу фамилию.

Оживленный разговор продолжался, а Лют в это время видела картины детства — картины, созданные ею самой, и в которых участвовал ее отец, никогда в жизни не виденный ею. У нее сохранилась его сабля, несколько старинных фотографий, много воспоминаний, слышанных ею из чужих уст, и все это послужило ей материалом для предполагаемого портрета отца.

Ее размышления были прерваны восклицанием м-с Грантли.

— Позвольте мне сделать маленькое испытание. Пусть мисс Стори поговорит с «Планчет».

— Нет, нет, умоляю вас, — вступилась тетя Мильдрэд. — Это слишком опасно. Я не люблю, когда шутят с покойниками. Я боюсь. Отпустите меня спать, а сами оставайтесь хоть до утра. — И она удалилась.

Едва только Лют опустила руку на дощечку, ею тотчас же овладело неопределенное чувство ужаса от игры со сверхъестественным... Дядя был совершенно прав: в XX веке они занимаются тем, что носит характер средневековья. И все же она не могла отделаться от инстинктивного чувства страха, который передался ей от диких обезьяноподобных предков, боявшихся темноты...

Затем она вдруг почувствовала слабое любопытство. Другое видение завладело ее представлением — на этот раз она видела мать, которую также не знала живой. Этот образ, — более смутный и туманный, чем образ отца, — был окружен ореолом нежности, доброты и кротости и вместе с тем выражал характер решительный и твердый.

— Другой почерк, — сказала м-с Грантли, когда рука Лют перестала двигаться. — Женский почерк, и подписано «Марта». Кто это Марта?

Лют нисколько не удивилась и просто сказала:

— Это моя мать. А что она говорит?

Она чувствовала легкую истому, и все время пред ее глазами стоял образ матери.

«Милое дитя мое! — читала м-с Грантли. — Не придавай значения его словам, в которых он был опрометчив. Не скупись в своей любви. Любовь никогда не повредит тебе. Отрицать любовь — грех. Повинуйся внушениям сердца твоего и никогда не совершишь дурного. Но повинуйся гордости твоей, повинуйся мнению света и тех, которые восстанавливают тебя против побуждений твоего сердца, и ты согрешишь. Не обращай внимания на слова твоего отца. Он поймет мудрость моего совета. Люби, дитя мое, и люби крепко. Марта».

— Дайте мне взглянуть, — сказала Лют, схватив бумагу и пожирая глазами написанное; она дрожала от переполнившей ее неизъяснимой любви к матери.

Послышались приближающиеся шаги дяди Роберта, проводившего тетю Мильдрэд, и Лют сказала:

— Ничего не говорите ему про второе послание, и тете Мильдрэд не говорите. Это только напрасно взволнует их. И вообще довольно будет на сегодня «Планчет». Забудем обо всех этих глупостях.

— Глупости, милая? — возмущенно сказала м-с Грантли, но в это время вошел дядя Роберт.

* * *

— Где ты пропадал все утро?

— Там, куда я намерен тебя взять после обеда.

— Не мешало бы справиться и с моим желанием.

— Я справился с ним и знаю, что оно совпадает с моим. Хочу тебе показать лошадь, которую я нашел.

— О, какой ты милый! — воскликнула она с восторгом, но тотчас же ее лицо приняло озабоченное выражение.

— Настоящий калифорнийский пони, — продолжал Крис. — Но что с тобой?

— Не будем больше ездить верхом, — сказала Лют. — Или хоть на некоторое время отложим. Право, мне это уже несколько надоело.

Он с удивлением посмотрел на нее, но она твердо выдержала его взгляд.

— Я знаю, Крис, что это очень глупо, но я ничего не могу поделать с собой. Конечно, это суеверие. Но что, если действительно что-то есть? Кто знает? Может быть, наука очень догматична, отрицая невидимое, которое слишком тонко, слишком возвышенно для того, чтоб поддаться научным исследованиям и точной формулировке. Во мне зародилось сомнение, а я слишком люблю тебя, чтоб рисковать тобой. Не забудь, что я женщина.

— Но можно ли серьезно относиться к такой чепухе, как «Планчет»? — сказал Крис.

— Но чем же объяснить тогда подлинный почерк моего отца, который признал дядя Роберт? Как объяснить все остальное? Ведь это очень странно, Крис.

— Не знаю, Лют. Я не могу точно ответить тебе, но уверен, что в самом недалеком будущем наука объяснит эти явления.

— Так или иначе, — созналась Лют, — но я горю нетерпением еще что-нибудь узнать от «Планчет». Доска все еще в столовой, там никого нет, и мы можем попытаться.

— Это забавно! — Крис взял ее за руку.

Через несколько минут они уже были в столовой. «Планчет» долгое время упорствовала; Крис хотел было заговорить, но Лют, у которой начались подергивания в руке и предплечье, остановила его. Затем карандаш начал писать:

«Есть знание, превыше знания человеческого разума. Не сознание рождает любовь, а сердце, которое выше разума, логики и философии. Верь своему сердцу, дочь моя, и если разум

тебе повелевает верить возлюбленному, смейся над разумом и его холодными теориями. Марта».

— Одного я не могу объяснить, — сказала после паузы Лют. — Посмотри на почерк. Мелкий, старинный, типичный почерк предшествующего поколения.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что действительно веришь в это послание от мертвых? — прервал Крис.

— Не знаю, Крис, я, право, ничего не знаю.

— Абсурд! — воскликнул Крис. — Твое воображение опутала паутина. Кто умер, тот умер; он — прах, он — достояние червей. Мертвые? Я смеюсь над мертвыми, ибо их нет, ибо я отрицаю их власть, как и власть привидений, оборотней и т. д.

Почти незаметно он опустил руку на «Планчет», которая тотчас же задвигалась. Оба от неожиданности вздрогнули. Послание было коротко:

«ОСТЕРЕГАЙСЯ! ОСТЕРЕГАЙСЯ! ОСТЕРЕГАЙСЯ!»

Крис бравадой хотел покрыть изумление, но Лют не скрывала своего ужаса и опустила свою дрожащую руку на его руку.

— Довольно, Крис, довольно! Я жалею, что мы начали. Оставим мертвых в покое. Это нехорошо; это, должно быть, очень нехорошо. Я вся дрожу, и мне кажется, что душа моя дрожит так же, как и тело. Сознаюсь, что я поражена. *В этом есть смысл.* Я чувствую живую связь с той тайной, которая мешает тебе жениться на мне. Если бы отец жил, он защитил бы меня от тебя. Мертвый, он пытается сделать то же. Его руки, его призрачные, невидимые руки подняты над тобой.

— Ну успокойся! — сказал Крис. — Все это ерунда! Мы просто играли со сверхъестественными силами, — с явлениями, которые науке еще не известны. Вот и все! Психология слишком молодая наука, а подсознательный дух, можно сказать, только что открыт. И пока его законы ждут формулировки, все явления, исходящие от него, кажутся нам таинственными и сверхъестественными. Что же касается «Планчет»...

Он внезапно замолчал, ибо, желая подчеркнуть свое замечание, он положил руку на дощечку, и в тот же миг какая-то сила завладела его рукой и вместе с карандашом направила по бумаге.

— Нет, с меня довольно! — воскликнула Лют, указывая на послание, которое гласило:

«Ты не можешь избегнуть ни меня, ни кары, которой подлежишь»

Лют смяла исписанный лист бумаги и убрала «Планчет».

— В самом деле, оставим это, — сказал Крис. — Я не думал, что это тебя так расстроит. Все объясняется тем, что наше возбужденное состояние сделало условия крайне благоприятными для этих мистических проявлений.

— Что нам делать, не знаю, — сказала Лют, когда они медленно шли по дороге. — Необходимо что-нибудь придумать. Ты надумал что-нибудь?

— Надумал сказать тете и дяде.

— То, чего не сказал мне?

— Нет! То, что я сказал тебе. Я не имею права сказать им больше, чем тебе.

Она отозвалась после минутного раздумья:

— Не говори им ничего. Они не поймут тебя. Я не понимаю, но верю в тебя, на что они не способны. Их беспокойство только усилится.

— Остается одно, — сказал он едва слышно. — Мне следует уйти, и я это сделаю. Теперь я не слаб.

— Не упрекай себя в слабости, — воскликнула она и быстро перевела дух. — Во всем только я виновата. Это я помешала тебе уйти раньше. Я передумала, Крис: оставим все как есть. Мы уверены в своей любви, и пусть все остальное будет как будет.

— Но лучше было бы, если бы я ушел.

— Но я не хочу, чтобы ты ушел, Крис! Ты знаешь это. А теперь довольно об этом. Слова не помогут, зачем же говорить?.. Может быть, будет такой день, когда ты придешь

и скажешь мне: «Лют, все устроилось, все хорошо. Лют, меня не связывает больше тайна, и я свободен. Будет этот день или не будет, но зачем нам лишать себя того малого, что еще в нашей власти? Я забыла про все эти глупости и, чтобы доказать это, согласна пойти с тобой после обеда смотреть новую лошадь, хотя предпочла бы, чтобы ты несколько дней не ездил. Как ее зовут?

— Команч, — ответил он. — Я уверен, что она тебе понравится.

* * *

Крис лежал на спине, прислонившись головой к обнаженной, далеко уходящей вперед каменной глыбе. Его внимательный взгляд был направлен через овраг к противоположному склону, на котором в изобилии росли деревья. Слышались звон стальных подков о камень и изредка мягкий шум сорвавшегося камня, который долго скатывался с горы и, наконец, с сильным всплеском падал в поток, с диким ревом пробирающийся меж скал. Доносился треск раздвигаемого кустарника, и иногда в рамке листвы мелькала золотисто-коричневая амазонка Лют.

Она выехала на открытое место, где рыхлая песчаная почва отказывалась приютить деревья и травы, остановила лошадь у края спуска и взглядом смерила расстояние. На сорок футов ниже склона лежала небольшая терраса с прочной насыпью из скатившейся земли и щебня.

— Это хорошая проба! — крикнула она через овраг.

Животное, осторожно, твердо и спокойно передвигая передними ногами, задними нащупывало почву и попеременно то теряло, то снова находило точку опоры. Лошадь вышла на террасу резвым, свободным шагом, который придавал много прелести ее спокойной грации, непринужденности и всем движениям.

— Браво! — воскликнул Крис и зааплодировал.

— Такой умной лошади я еще не видела, — ответила Лют, которая снова поднялась наверх и направила лошадь к деревьям.

Через некоторое время она снова появилась внизу и остановилась у потока, возле утеса, за которым свирепо бурлил водоворот. Налево, на несколько футов ниже, была небольшая куча щебня, доступ к которой преграждал громадный камень. Единственным способом достичь щебня был прыжок через выступ утеса. Движение левой руки Лют выдало Крису ее намерение.

— Лют! — закричал он. — Держи свободнее поводья.

— Я верю в Команча, — последовал ответ.

— Ни одна лошадь из тысячи не сделает этого.

— А Команч именно такая лошадь, — возразила она.

Она пришпорила Команча, и тот чисто, тесно сблизив передние ноги, поднялся на задние, с полуповоротом налево прыгнул и попал прямо на крошечную кучу щебня. Легкий прыжок перенес его через ручей; здесь Лют подстегнула его, направила вверх по откосу и через минуту остановилась перед Крисом.

— Ну, — сказала она и тотчас же добавила: — Купи его во что бы то ни стало, он стоит того! Никогда в жизни я еще не была так уверена в лошади.

— Его хозяин говорит, что до сих пор еще не было случая, чтоб он оступился.

— Если ты не купишь, я куплю его! Он гибок, как кошка, и, по-моему, им можно управлять шелковыми нитками. Крис, ты не должен отказать мне.

Крис улыбнулся в знак согласия и стал менять седла. Через несколько минут они уже спускались по склону к проселочной дороге.

— Мы не прямо домой!

— Ты забываешь про обед, — предупредил Крис.

— Но я помню про Команча, — возразила она. — Мы поедем и купим его, а обед подождет!

Они повернули лошадей и медленно поехали по Нап-Капионской дороге вниз к Напской долине. Иногда они подымались на сотни футов выше потока, снова спускались и пересекали его. Они долго ехали в глубокой тени гладкоствольных кленов и величественных сосен, после чего поднялись на открытые хребты гор, где была сухая и потрескавшаяся на солнце почва.

На четверть мили вперед перед ними расстилалась прямая, ровная дорога, окруженная с одной стороны угрюмыми, неприступными откосами, а с другой — крутой стеной оврага, кривыми уступами сбегающего к потоку. Они увидели пропасть, залитую солнцем и почти сплошь изрезанную узкими и глубокими расщелинами, вобравшими в себя весь мрак ночи. По неподвижному воздуху безустанно разливались звуки быстро несущейся воды и неумолчный говор горных пчел.

Лошади шли легкой рысью. Крис ехал почти у самого края оврага, заглядывал вниз и не переставал восторгаться.

— Посмотри, — вдруг закричал он.

Лют подалась вперед и увидела, как с гладкого утеса прозрачной лентой, легким, неомраченным дыханием срывался поток воды. Он падал в течение многих веков и все же казался неподвижным...

Нематериальный и легкий, как газ, и неизменный в составе и по форме, как близлежащие горы, ручей с безупречной красотой свергался вниз, к стене деревьев, за зеленой ширмой которых он неведомо куда исчезал, — быть может, превращался в потайной водоворот, грохот которого разносился по окрестности...

Они пронеслись мимо.

Отдаленным глухим ропотом стал уже доноситься шум падающей воды; он то сливался с говором пчел, то совсем замирал.

Во власти одного порыва Лют и Крис взглянули друг на друга.

— О Крис! Как хорошо здесь, как хорошо жить!

Он ответил ей теплым, нежным взглядом.

Они постепенно подымались на высоты, и, казалось, лошадям передалось то возбуждение, которое чувствовали всадники.

Не было никакого признака, предчувствия, предупреждения...

Лют ничего не слышала, но вдруг, за секунду перед тем как лошадь упала, девушка почувствовала, что нарушено единство, с которым неслись обе лошади. Она повернула голову и тотчас же увидела, что Команч падает. Команч не оступился и не споткнулся. Точно его кто-то сразу оглушил страшным ударом... Он упал на землю, но в силу инерции подскочил кверху, глухо застонал и стал скатываться вниз по откосу...

Лют спрыгнула с лошади и, не помня себя от ужаса, побежала к краю пропасти... Крис вылетел из седла, но правой ногой запутался в стремени и делал напрасные усилия освободиться. Спуск был слишком крутой, и нельзя было надеяться на то, что страшное падение в бездну будет чем-нибудь задержано.

Прижав руку к груди, Лют почти спокойно стояла у края обрыва, и образ погибающего Криса заслонился в ее глазах образом отца, который поднял грозную, призрачную руку и занес ее над лошадью и всадником.

Лют видела, каких усилий стоило Крису высвободить ногу из стремени... Она видела еще, как умный Команч цеплялся за каждый выступ, желая хоть на миг снова овладеть равновесием... Крис вдруг вытянул руку и ухватился правой рукой за молодой куст... Стремя натянулось — казалось, оно сейчас разорвется от напряжения, но через сотую долю секунды корень растения вырвался из рыхлой почвы и вместе с конем и человеком исчез из виду...

Лют оглянулась вокруг...

Одна на свете... Возлюбленный ее ушел — ушел навсегда и унес свою тайну с собой. Словно он никогда и не существовал — остался только след подков Команча.

— Крис! — закричала горестно Лют и повторила: — Крис!

Но напрасно.

Из глубины доносился только говор пчел и — изредка — всплески воды.

— Крис! — закричала Лют в третий раз и медленно опустилась на пыльную дорогу.

Она почувствовала, как прикоснулась к ней забытая Долли; она прильнула головой к шее лошади и стала ждать. Она сама точно не понимала, зачем и чего ждет, но инстинктивно сознавала, что, кроме ожидания, жизнь ничего не сохранила для нее...

МЕСТНЫЙ КОЛОРИТ

— Я не понимаю, почему бы тебе не использовать своих обширных знаний, — сказал я ему. — Такой энциклопедист, как ты, который к тому же обладает даром выражать свои мысли, с твоим стилем...

— .. в достаточной степени газетным, — нежно прервал он меня.

— Вот именно! Ты мог бы прекрасно заработать.

Но он в задумчивости скрестил пальцы и пожал плечами:

— Плохо оплачивается; я пробовал.

Он добавил после паузы:

— Но все же оплачивалось и печаталось... И меня даже почтили принятием на шестьдесят дней в Хобо.

— В Хобо? — осведомился я.

— В Хобо. — Его взгляд остановился на моей книге и пробежал по нескольким строкам в то время, как он сказал мне следующее: — Видишь ли, милый друг, Хобо — это особое место заключения, в котором собраны бродяги, нищие

и всевозможные человеческие отбросы. Слово само по себе красиво и имеет свою историю. Оно французского происхождения. По-настоящему оно звучит: *Hautbois*; *haut* — значит высокий, а *bois* — дерево. По-английски получается нечто вроде гобоя, деревянного музыкального инструмента. Замечательное дело! Удивительный скачок! Словцо это, перейдя через океан в столицу Северо-Американских Штатов, неведомо по каким причинам изменило свой смысл. В Европе музыкальный инструмент, а в Америке — хулиган. А затем постепенно, по мере того как искажают его смысл, искажают и произношение, и в конце концов получается Хобо.

Я прислонился к спинке кресла и про себя удивлялся этому человеку с энциклопедическим умом, этому простому бродяге, Лейсу Кле-Рандольфу, который чувствовал себя у меня как дома, который очаровывал моих гостей, как и меня, ослеплял блеском и изысканными манерами, тратил мои карманные деньги, курил мои лучшие папиросы и разборчивым взглядом пробегал по моим книжным полкам.

Он подошел к книжному шкафу и взглянул на «Экономические основы общества» Лориа.

— Ты знаешь, я люблю говорить с тобой, — заметил он. — Ты не односторонний человек и получил основательное образование. Ты очень много читал, даешь свое, как ты там называешь, экономическое толкование истории (с презрительной улыбкой!) и с течением времени выработал свой индивидуальный взгляд на жизнь. Но твои социологические суждения и теории в корне испорчены отсутствием соответствующих практических знаний. Разница между нами та, что — прости великодушно! — я больше твоего читал и к тому же знаю практическую сторону жизни. Понимаешь ли, я пережил свою жизнь, обнажил ее, ухватился за нее обеими руками, пристально вглядывался в нее, ощупывал ее, видел плоть и кровь ее и, как чистый интеллектуалист, не был сбит с толку ни страстями, ни

предрассудками. Вот это все, чего недостает тебе и чем владею я, необходимо для ясных и трезвых взглядов на действительность. — Он вдруг воскликнул: — А! Право, интересное место! Послушай!

И своим удивительно ясным голосом он прочел мне вслух несколько строк из книги Лориа, причем по ходу чтения давал свои меткие объяснения и замечания, популярно разъяснял запутанные и непонятные места, по-своему освещал исследуемый вопрос, останавливался на тех пунктах, которые, очевидно, самому автору были не совсем понятны, — одним словом, искрой своего яркого гения, огненным вдохновением великого ума оживил тяжелые, скучные и безжизненные страницы.

Уж много времени прошло с тех пор, как Лейс Кле-Рандольф впервые постучался у черного входа Айдльальда и покорил сердце Генды. Теперь Генда была холодна, как ее родные норвежские горы, хотя в иные минуты по-прежнему разрешала более приличным бродягам помещаться на черной лестнице и доедать остатки с нашего стола. Но это было безусловно исключительным явлением, что какой-то оборванец, ночной бродяга нарушил священные статуты кухонного царства и задержал обед; больше того — в это самое время Генда отводила ему самый теплый угол, где бы он мог отдохнуть. Ах, эта Генда, этот Подсолнечник с мягким сердцем и мгновенно загорающейся симпатией!

Лейс Кле-Рандольф очаровал ее, и мне доставляло искреннее удовольствие смотреть на нее. У нее вдруг возник новый проект: предложить ему костюм, нужды в котором я никогда больше не почувствую.

— Ну, конечно, — сказал я, — он мне совершенно не нужен. — И мысленно представил себе мой серый костюм с порванными карманами. — Но все же тебе следовало бы сначала починить карманы.

Лицо Подсолнечника вдруг омрачилось.

— Нет, — сказала она. — Я про черный костюм говорю.

— Черный! — начал я с легким раздражением, словно не веря ее словам. — Ведь я его надеваю довольно часто и даже сегодня вечером думаю надеть.

— У тебя имеются другие костюмы, и получше, — торопливо сказала она. — К тому же он уже блестит.

— Блестит?!

— Еще не блестит, но скоро будет блестеть. А человек этот, правда, почтенный, очень милый, вежливый, и я уверена, что он...

— Знавал лучшие дни?

— Вот именно! Жизнь у него была тяжелая, суровая, и белье вконец изорвалось. Ведь у тебя много костюмов.

— Пять! — уточнил я, считая и темно-серый рыболовный костюм с порванными карманами.

— А у него ни одного... И дома ничего нет...

— Даже Подсолнечника, — сказал я, обняв ее. — Вот почему он заслуживает все. Отдай ему мой черный костюм. Нет, дорогая, даже не черный, а самый лучший. Небо примет это во внимание и должным образом вознаградит меня.

— Какой ты милый! Какой ты милый! — Подсолнечник направился к двери и с порога послал мне очаровательный, обольстительный взгляд. — Ты настоящий душка.

Она вскоре вернулась робкая, с кающимся лицом.

— Я... я дала ему одну из твоих белых рубах. На нем дешевая, отвратительная бумажная рубаха. При твоем костюме это выглядело бы смешно и глупо. Потом у него были совсем стоптанные ботинки, и я отдала ему твои, с узкими носами, старые.

— Старые?

— Ну да! Ведь они страшно жали.

Уже семь лет прошло со дня первого визита к нам Лейса Кле-Рандольфа. Он часто с тех пор наезжал, и никто из нас никогда заранее не знал, как долго он думает оставаться. Никто не знал и того, когда он приедет, ибо он был подобен комете, странствующей в небесной выси.

Бывало, он приезжает чисто и хорошо одетый, недавно расставшись с высокопоставленными знакомыми, такими же друзьями, как и я. А иногда — усталый, грязный, скверно одетый, он буквально приползал ко мне неведомо откуда, не то из Монтанаса, не то из Мексики. И, пробыв неопределенное время, не говоря ни слова, не спрашивая совета, весь во власти своего Wanderlust'а, снова уходил — уходил в далекий, мистический и великий мир, который почему-то называл «путем».

— Я не решался уйти до тех пор, пока не поблагодарю вас от всего сердца, — сказал он в тот вечер, когда надел мой лучший костюм.

Сознаюсь, я был искренно поражен, взглянув на него поверх газеты. Я увидел вполне приличного, даже слегка надменного господина, свободного в манерах и развязного в разговоре. Подсолнечник был прав: этот человек безусловно знал лучшие дни, раз черный костюм и свежая рубашка могли произвести такую метаморфозу. Я невольно привстал и поздоровался с ним, как с равным. И вот именно в это время меня покорила обаятельность Кле-Рандольфа. Эту ночь он провел в Айдльальде, затем — следующую и много других ночей. Он был из тех людей, которых нельзя не любить.

Подсолнечник искренно любил его, что же касается меня, то тот же Подсолнечник — свидетель, как часто в отсутствие моего приятеля я гадал о дне возвращения Лейса — любимого Лейса.

И при всем том об этом человеке мы ровно ничего не знали. Знали только, что он родился в Кентукки; все остальное оставалось покрыто мраком неизвестности. Он никогда не заговаривал об этом. Он всегда хвастал полным противоречием между рассудком и чувством. Весь мир и все явления в нем для него представлялись проблемами. По виду было крайне трудно судить о нем. Часто в разговоре он пользовался всевозможными наречиями, не избегал жаргона; иногда проскальзывал настоящий воровской жаргон,

и по лицу, разговору, различным деталям Лейс выглядел преступником. Иной раз это был культурный, вылощенный джентльмен, философ и ученый. Иногда в его разговоре вспыхивали искры большого, неподдельного чувства, ощущался крупный человек, которым он когда-то был, но все это исчезало раньше, чем я успевал разобраться в нем. Это был человек под маской, но маска никогда не приподнималась, и настоящего человека мы не знали.

— Итак, значит, вас за журнальную деятельность почтили шестьюдесятью днями тюремного заключения, — сказал я. — Оставьте в покое Лориа и расскажите мне подробно, как это случилось.

— Что ж, если вам угодно выслушать... — и он с коротким смехом положил ногу на ногу. — Это случилось в городе, которого мы не назовем, — начал он. — И вот в столице, прекрасной, чудной столице с пятидесятитысячным населением, где мужчины раболепствуют из-за долларов, а женщины из-за нарядов, мне пришла в голову замечательная мысль. Мысль, как каждая мысль, казалась очень заманчивой, и к тому же у меня были совершенно пустые карманы. Собственно говоря, это была старая мысль, которая давно питалась соками моих мозгов. Видите ли, я хотел примирить Канта со Спенсером. Конечно, я примирить их не мог, но просто хотел написать сатиру.

Я нетерпеливо махнул рукой, но он оборвал меня.

— Позвольте, должен же я вам обрисовать то свое душевное состояние, при котором все это случилось. Итак, мысль явилась. Любопытно, какую статью может написать бродяга, хулиган! Написал и отправился в редакцию. Цербер в образе чахоточного юноши в лифте поднял меня наверх.

«Желтоликий юноша, — молвил я, — прошу тебя покорно указать мне путь к «святая святых».

Он удостоил меня усталым презрительным взглядом.

«Вам кого угодно?»

«Редактора, лилейный мой!»

«Какого редактора? — огрызнулся он, как бультерьер. — Драматического? Спортивного? Общественного? Политического? Телеграфного? Телефонного? По отделу хроники? Какого?»

«Не знаю какого. Редактора, — заорал я во все горло. — Только редактора! Главного!»

«Ах, Спарго!» — догадался он.

«Ну, конечно, Спарго, — подтвердил я. — Кого же еще?»

«Вашу карточку позвольте».

«Что такое? Мою?!»

«Карточку! И скажите, по какому делу», — и анемичный цербер смерил меня таким дерзким взглядом, что я достаточно решительно коснулся его худой груди своим кулаком.

Лейс рассеянно взглянул на длинный пепел своей сигары и повернулся ко мне.

— Знаешь, Анак, ты не в состоянии оценить то наслаждение, которое можно себе доставить, если умело разыграть буффона, шута, просто клоуна. Ты, если бы даже захотел, не мог бы это сделать. Тебе помешали бы эти жалкие мелкие условности и неукоснительные правила приличия. Конечно, разыграть дурака, совершенно не заботясь о последствиях, не может человек-домосед, почитающий законы и обязанности гражданина.

Одним словом, я узрел несравненного Спарго. Это был крупный, мясистый человек, с полным, потным, красным лицом и двойным подбородком. Когда я вошел, он говорил или, вернее, ругался по телефону и направил на меня испытующий взгляд. Повесив на место трубку, он выжидательно посмотрел на меня.

«Вы очень занятой человек?» — спросил я.

Он кивнул головой.

«Стоит ли в конце концов? — спросил я. — Стоит ли так трудиться? Разве жизнь воздаст вам по трудам вашим? Взгляните на меня. Я не пашу и не жну».

«Кто вы такой? Что вам угодно?» — неожиданно зарычал он и напомнил мне собаку, жадно раздирающую кость.

«Ваш вопрос, милостивый государь, я нахожу вполне уместным, — сознался я. — Прежде всего я — человек; во-вторых, угнетенный американский гражданин. Подобно немногим, я не обременен ни профессией, ни ремеслом, ни надеждами, но, подобно Исаву, я лишен похлебки. Резиденция моя — мир; кровля моя — небо. Я один из лишенных собственности как движимой, так и недвижимой; я — санкюлот, пролетарий, или, проще говоря, бродяга».

«То есть порождение сатаны?»

«Нет, прекрасный сэр, не то; бродяга — это человек, совратившийся с пути истинного, но человек...»

«Достаточно! — закричал он. — Что вам нужно?»

«Денег!»

Он вздрогнул и потянулся к открытому ящику, где, вероятно, лежал револьвер, но передумал и закричал:

«Это не банк!»

«Знаю! К тому же, сэр, я не захватил с собой чека для обмена на наличные деньги; но, сэр, я захватил с собой мысль, которую, с вашего позволения и любезного действия, превращу в наличные. Одним словом, что вы имеете против «Воспоминаний бродяги», очерка из бродяжнической жизни? Принципиально приемлема ли такая статья? Жаждут ли ее ваши читатели? Умоляют ли слезно о ней? Могут ли быть счастливы без нее?»

С минуту мне казалось, что его хватит апоплексический удар, но он смирил волнение крови и заявил, что ему нравится мой сильный характер. Я поблагодарил и уверил его, что я сам достаточно люблю его. Затем он предложил мне сигару и высказал предположение, что мы сговоримся.

«Имейте в виду, — сказал он, протянув мне бумагу и карандаш, — что легкомысленной философии и напыщенной фразеологии, к которой вы имеете склонность, я не потерплю. Главным образом, дайте *колорит*, местный оттенок, приправь-

те его частицей чувства, но, ради Бога, избегайте снотворного начала в духе политической экономии. Не касайтесь социализма, социологии и тому подобной дряни. С начала до конца дайте конкретные факты, трескучие жизненные факты, хрустящие, звонкие, интересные факты, — поняли?»

Я понял и занял у него доллар.

«Не забудьте про местный *колорит*», — бросил он мне вдогонку.

— Анак, этот местный колорит и подвел меня. Анемичный цербер ухмыльнулся, когда усадил меня в лифт.

«Что получил по шее, а?»

«Нет, бледноликий юноша, нет, лилия моя, — сказал я, проводя мимо его носа бумагой. — Не по шее я получил, а работу, понимаешь? Через три месяца я буду главным редактором у вас, и тогда ты у меня попрыгаешь», — с этими словами я смазал его по физиономии.

— Но как вы могли это сделать, Лейс! — закричал я, словно видя перед собой чахоточного мальчика.

Лейс сухо засмеялся.

— Милый друг мой, вот опять недоразумение! Вами овладело типичное, стереотипное волнение. Оставьте в покое ваш темперамент. Вы, право, не способны к рациональным суждениям. Цербер! Господи, о ком вы говорите! Потухающая искра, потускневшая блестка, слабо пульсирующий, умирающий организм... По-моему, он даже не проблема! В мертворожденных, недоношенных и хилых нет никакой проблемы! И цербер для меня не проблема.

— Местный колорит? — сказал я.

— Ах, да, — сказал он, — я опять уклонился от темы. Ну, и вот — пошел я со своей бумагой в железнодорожный двор (чтобы набраться местного колорита), уселся на ступеньках пульмана и написал чепуху. Конечно, она вышла довольно остроумной и даже блестящей. Я нашпиговал ее социальными парадоксами, меткими ударами по властям и привел несколько конкретных фактов. С точки зрения бродяги,

наиболее прогнившим социальным элементом является полиция. Я решил открыть глаза добрым людям и доказал чисто математически, что обществу гораздо дороже стоит преследовать, исправлять и арестовывать бродяг, чем в качестве гостей через определенные промежутки времени помещать их в лучших отелях. Я достаточно развил это положение, привел должные факты и цифры, указал на расходы по содержанию полиции, судов и тюрем и т. д. Уверяю вас, что это было очень убедительно и совершенно верно; я написал в легком юмористическом тоне, который вызывал смех и некоторое волнение, словно от укола. Главным образом, я указывал на то, что бродяг надувают самым жестоким образом. Общество, желая обезвредить себя от бродяг, отпускает громадные средства, на которые «бывшие люди» могли бы жить припеваючи, а между тем они гниют в тюрьмах. Я вывел на чистую воду одного из полицейских; не забыл также и известного Соль-Гленгарта, самого зловредного из людей и судей. Я указал на все его гражданские провинности, которые хорошо были известны всему городу, но имени его не назвал, а придерживался безличного тона, который, однако, ни у кого не вызывал сомнения относительно верности местного колорита. Не угодно ли тебе послушать часть моего заключения:

«Мы никогда не забываем, что находимся за бортом; наши пути — не их пути; наши способы отличны от способов всех других людей. Мы бедные, заблудшие овцы, отуманенные и забитые, мы плачем о корке хлеба и прекрасно сознаем всю свою беспомощность, ненужность и весь позор. И мы можем воскликнуть, как восклицают наши братья за морем: «Наша гордость в том, чтобы не хранить в душе и следа гордости». Человек забыл нас, и Господь оставил нас. О нас помнят только судьи, которые дорожат нашим отчаянием, нашей преступностью, ибо из наших вздохов и слез они куют свои ярко блестящие доллары». Очевидно, я недурно изобразил Соль-Гленгарта.

«Черт возьми! — крикнул Спарго, мигом просмотрев мою рукопись. — Ловкий удар, милый мой!»

Я направил выразительный взгляд на карман его сюртука, и он передал мне одну из лучших сигар, которые я когда-либо курил, после чего снова стал просматривать рукопись. Во время чтения он два или три раза вопросительно взглянул на меня поверх листа, но ничего не сказал, пока не закончил.

«Послушай, ты! Где ты до сих пор работал?» — спросил он.

«Мой первый опыт», — сказал я, дергая одной ногой и слегка симулируя замешательство.

«Какое хочешь жалованье?»

«О нет, только не жалованье! — воскликнул я. — Только не жалованье. Покорно благодарю вас. Я человек свободный, американский гражданин, и ни один человек не посмеет сказать, что мое время принадлежит ему».

«А как ты узнал, что я состою при полиции?» — быстро спросил он.

«Я не узнал, но только догадывался, что вы готовитесь к этому, — ответил я. — Вчера утром какая-то очень добрая женщина подала мне три сухаря, кусок сыра и кусок древнейшего шоколадного пирога — все это завернутое в последний номер Clarion'а, из которого я, к великой радости своей, узнал, что кандидат Cowbell'я в шефы полиции не прошел. Точно так же я узнал, что муниципальные выборы на носу, ну и помножил два на два. Как видите, очень просто».

Он встал, сердечно потряс мою руку и опорожнил свой туго набитый портсигар. Я убрал новые сигары и продолжал попыхивать старой.

«Вы подойдете! — радостно заявил он и указал на мою работу. — Эта дрянь — наш первый выстрел. С вашей помощью мы состряпаем еще много таких выстрелов. Знаете, такого человека, как вы, я ищу уже много лет. Идемте к издателю. — Я отрицательно покачал головой. — Ну же, идем, — настаивал он. — Без глупостей! Вы необходимы

Cowbell'ю, он давно жаждет вас, ищет повсюду и не будет знать покоя, пока вы не будете принадлежать ему».

Спустя только полчаса Спарго сдался.

«Но помните, — сказал он, — что всегда, когда бы вы ни обратились ко мне, я приму вас и выдам вам дукаты».

Я поблагодарил его и попросил сейчас же выдать мне гонорар за работу. Узнав, что гонорар выдается по четвергам после напечатания, я попросил у Спарго несколько монет взаймы и получил тридцать долларов.

Я намеревался сунуть церберу пять долларов, но, к моему удивлению, он наотрез отказался. Тогда я схватил его за шиворот, выбил из него то небольшое количество духа, которое еще было в нем, согнул его пополам и опустил в его карманы две монеты в пять долларов, но только лифт тронулся, как обе монеты покатились за мной вдогонку.

Не успел я завернуть за угол, как за плечом моим раздался голос:

«Здорово, бродяга! Куда?»

Это был Чи-Слим, с которым я однажды встретился, когда был сброшен с парохода в Джэконсвилле.

Тут с губ Лейса заструился жаргонный поток, и я остановил его.

— Ах да! — весело воскликнул он. — Я и забыл, что вы не знаете нашего жаргона. Одним словом, Слим рассказал мне, что за городом находятся наши парни. Мы и пошли туда. Приняли меня очень хорошо и даже решили все вместе немедленно собрать милостыню и после годичной разлуки со мной должным образом почтить мое возвращение. Но я, ни слова не говоря, выкинул свою выручку, и Слим немедленно пошел за напитками. Удивительно, какое количество вина можно купить на тридцать долларов, и не менее удивительно то, какое количество вина могут выпить двадцать молодцов. Это была замечательная, величественная оргия под открытым небом. В качестве этюда примитивной животности это собрание преступников и бродяг было верхом

совершенства. Для меня в пьяном человеке всегда есть что-то чарующее, и будь я президентом Соединенных Штатов, я непременно учредил бы «Общедоступные курсы практического пьянства». Они имели бы большой успех, уверяю вас.

Но к делу! В результате оргии на следующий день рано утром всю нашу шайку схватили и отвезли в тюрьму. После завтрака, часов в десять, нас выстроили всех в ряд в присутствии судьи в пурпурной мантии, с крючковатым носом и блестящими бисерными глазами. Словом, перед Соль-Гленгартом.

«Джон Амброз», — вызвал клерк, и Чи-Слим поднялся, продемонстрировав опытность бывалого человека.

«Бродяга, Ваша честь», — сказал судебный пристав, и его честь, не удостоив подсудимого даже взглядом, проронил: «Десять дней», и Чи-Слим сел.

Разбирательство пошло дальше с однообразием и монотонностью часового механизма: пятнадцать секунд на человека, четыре человека в минуту! Грязные лица поднимались и тотчас же, как марионетки, опускались. Клерк называл фамилию, пристав — вину, судья — приговор, и человек садился. Ну да, просто? И превосходно.

«Л. К. Рандольф!» — вызвал клерк.

Я встал, но в процессе судопроизводства произошла заминка. Клерк что-то шепнул судье, а пристав улыбнулся.

«Если не ошибаюсь, мистер Рандольф, вы — журналист», — сладко сказал его честь.

Я очень удивился его заявлению, ибо в перипетиях последнего вечера и утра я совершенно забыл про Cowbell, а теперь увидел себя на краю пропасти, которую сам себе вырыл.

«Это мое личное дело, ваша честь».

«Вы, очевидно, очень интересуетесь местными делами, — сказал он и взял в руки Gowbell. — Колорит хорош, безусловно, — пояснил он, одобрительно подмигнув глазом, — картина сделана великолепно и широкими мазками. Предполагаю, что судью, которого вы так хорошо обрисовали, вы взяли из жизни?»

«Не могу сказать, ваша честь! Это, собственно говоря, интуиция. Я просто намечал тип, как он мне представлялся».

«Но все-таки, сэр, местный колорит безусловно имеется», — продолжал он.

«Несколько ниже», — объяснил я.

«Значит, судья не взят из жизни?»

«О, нет», — смело заявил я.

«А могу осведомиться, сколько вы получили за эту работу?»

«Тридцать долларов, ваша честь».

«Гм, хорошо! — И его тон резко переменился. — Имейте в виду, молодой человек, что местный колорит — вещь очень дурная, а потому приговариваю вас к тридцати дням заключения, что при вашем желании могу заменить штрафом в тридцать долларов».

«Увы! Я истратил все свои деньги, кутнул вчера».

«И еще тридцать дней за неразумную трату заработка. Следующий!» — обратился он к клерку.

Лейс чиркнул спичкой, зажег потухшую сигару и раскрыл лежащую на коленях книгу:

— Возвращаясь к нашему разговору, хочу спросить тебя, Анак, не находишь ли ты, что, хотя Лориа к вопросу о раздвоении личности подходит с большой осторожностью, тем не менее он упускает из виду один весьма важный факт, а именно...

— Да, — сказал я рассеянно, — да!

ЛЮБИМЦЫ МИДАСА

Уэд Этчелер умер — покончил самоубийством. Было бы неправдой сказать, что его смерть явилась полной неожиданностью для той небольшой компании, в которой он чаще всего бывал. И при всем том, мы, наиболее близкие его друзья, никак не ожидали такого трагического

конца. До известной степени можно допустить, что мы были подготовлены к этому какими-то, на первый взгляд, непонятными, подсознательными обстоятельствами.

До того, как случилась эта смерть, сама мысль об ее возможности была бесконечно далека для нас, но в ту самую минуту, когда мы узнали, что Уэд Этчелер умер, нам показалось, что мы уже очень давно ждали его кончины и были уверены, что иначе и не могло быть. Так сказать, методом обратного анализа, вспомнив его тяжелое душевное состояние, мы легко объяснили себе этот факт. Я пишу «тяжелое душевное состояние» и подчеркиваю это выражение. Молодой, красивый, вполне обеспеченный материально, как правая рука известного магната «короля трамвая» Эбена Хэля, Уэд Этчелер, казалось бы, ни на что в общем не мог жаловаться. И, тем не менее, мы видели, как под воздействием какого-то неведомого и всепоглощающего горя его гладкий, чистый лоб избороздили морщины. Мы видели также, как его густые, черные кудри поредели и посеребрились, словно молодые побеги под палящим солнцем в засуху. Никто из нас не мог забыть того, как посреди самого буйного веселья, которого в последнее время он все чаще и все более жадно искал, — никто, повторяю, не мог забыть, как им вдруг овладевали глубокая рассеянность и мрачное настроение. В такие минуты, когда наши шалости доходили до апогея, внезапно, без всякой видимой причины, глаза его тускнели, лоб прорезали морщины, а лицо судорожно подергивалось от невыносимых нравственных мук... Он стискивал руки и, казалось, на краю пропасти боролся с какой-то неведомой нам опасностью.

Он никогда не говорил нам о своем горе; мы же были достаточно корректны и не расспрашивали его. Но все равно это ничего бы не прояснило. Если бы даже он поделился с нами своей тревогой, если бы даже мы знали все, ни наша помощь, ни наши силы не отвратили бы страшных событий.

С тех пор, как умер Эбен Хэль, при котором он состоял в качестве доверенного и ответственного секретаря (кроме

того, приемного сына и полноправного компаньона!), он не появлялся больше в нашей компании. Как я узнал теперь, он перестал встречаться с нами вовсе не потому, что ему разонравилось наше общество. Нет! Его горе было так велико, что он просто боялся нарушить наше веселое и радостное настроение и, с другой стороны, не был уверен в том, что найдет у нас утешение. В то время мы ничего не знали, ничего не понимали, так как было обнародовано завещание Эбена Хэля, который назначил Уэда единственным наследником своего многомиллионного богатства и в специальном примечании оговорил, что право Уэда распоряжаться им абсолютно ничем не ограничивается. Родственники покойного не получили ни единого цента наличными и ни единой акции. Что же касается семьи, то Эбен Хэль указал в завещании, что Уэду Этчелеру предоставляется неограниченное право выдавать вдове и сиротам любые суммы и в любые сроки по своему усмотрению. Все это было бы еще понятно, если бы семья покойного считалась неблагополучной или сыновья вели себя неподобающе в обществе. При подобных обстоятельствах в этом бессмысленном завещании можно было бы отыскать хоть крохотный проблеск разума. Но семейное счастье Эбена Хэля вошло у нас в поговорку, и много пришлось бы потрудиться тому чудаку, который пожелал бы найти более здоровое, чистое и прекрасное поколение, чем его сыновья и дочери... Если бы еще его жена... Но кто же не знает, что эту редкую женщину мы любовно называли «мать Гракхов».

Понятно, что в продолжение нескольких дней только об этом непонятном завещании и говорили. Но возбужденная обывательщина была окончательно разочарована, когда узнала, что никакого процесса не предвидится и никто не собирается оспаривать прав Уэда Этчелера.

Еще только на днях Эбен Хэль упокоился в своем замечательном мраморном мавзолее, и вот уже не стало и Уэда Этчелера... Сообщение об этом напечатано в сегодняшних утренних газетах. И я как раз только что получил от него по

почте письмо, которое, судя по всему, было отправлено незадолго до того, как он ушел из жизни. Письмо это, которое сейчас лежит предо мной, — это, собственно, его рассказ, дополненный рядом газетных выдержек и копиями из писем. Как он сообщал мне, оригиналы этих же писем он передал в руки полиции. Меня лично он просил, используя гласность, предупредить и предостеречь общество от страшной опасности, угрожающей его существованию. Он полагал, что читателям небезынтересно будет познакомиться с той ужасной серией трагических происшествий, невинной жертвой которых он стал.

Я счел наиболее благоразумным опубликовать все его послание ко мне.

* * *

Удар разразился в августе 1899 года, как раз после моего возвращения с летнего отдыха. Но в то время мы еще ничего не знали. В школах нас не приучили к восприятию таких страшных возможностей. Мистер Хэль открыл письмо, прочел его и со смехом перебросил на мой письменный стол. Просмотрев его, я в свою очередь расхохотался:

— Какая глупая шутка! Во всяком случае, мистер Хэль, письмо это свидетельствует о довольно дурном вкусе авторов!

Дорогой Джон, я посылаю тебе точную копию этого странного послания.

«Канцелярия “Л. М.”
17 августа 1899 года.
Мистеру Эбену Хэлю, Денежному Королю.

Предлагаем вам реализовать известную часть вашего имущества с тем, чтобы выручить наличными деньгами двадцать миллионов долларов. Эту сумму мы просим вас уплатить нам или же нашим агентам. Благоволите обратить внимание на то, что мы никоим образом не намерены торопить вас. Если вы найдете это для себя более удобным, то можете

уплатить нам деньги в десять, пятнадцать или же двадцать сроков, но предупреждаем вас, что меньше одного миллиона за раз мы никак не можем принять.

Убедительно просим вас, любезный мистер Хэль, верить нам, что никакие дурные чувства к вам в данном случае не руководят нами. Мы принадлежим к тому интеллигентному пролетариату, число членов которого неуклонно выросло за последние годы девятнадцатого столетия. Всестороннее изучение экономических наук вынудило нас выбрать этот путь, который имеет ряд преимуществ и, в первую голову, дает возможность организовать очень крупные и выгодные операции, не имея основного капитала. До сих пор мы работали вполне успешно и позволяем себе надеяться, что и с вами нам удастся завязать приятные и удовлетворительные отношения.

Просим вас отнестись с должным вниманием к изложению нашей тактики. В основе нынешней социальной системы лежит право собственности. И это право *индивидуума* владеть своей собственностью покоится, как показали последние весьма тщательные исследования, исключительно и безусловно на *силе*. Одетые в кольчугу рыцари Вильгельма Завоевателя раздробили и поделили Англию только с помощью обнажённого меча. Мы уверены, вы согласитесь с нами, что подобное положение сохраняет свою силу в отношении всех феодальных владений. С изобретением пара и последовавшей вслед за тем Индустриальной Революцией появился на свет божий Капиталистический Класс в современном значении этого слова. Капиталисты чрезвычайно быстро взяли верх над прежней аристократией. Рыцари индустрии очень ловко вытеснили с арены потомков рыцарей войны. Мозг, а не мускулы, играет теперь главную роль на всех поприщах человеческого существования. Но подобное положение вещей точно так же зиждется на *силе*. Перемена заключалась лишь в *качественном* отношении. Прежние феодальные бароны грабили мир огнем и мечом.

Нынешние же денежные бароны эксплуатируют мир тем, что поработили все мировые экономические силы, которые работают в их пользу. Остается в силе прежнее положение: не труд, а мозг! И вот что дает возможность побеждать более сильным в коммерческом и интеллектуальном отношении.

Мы, “Л. М.”, не желаем оставаться на положении наемных рабов. Мощные тресты и промышленные организации (к которым принадлежите и вы) препятствуют нам занять то место, на какое мы имеем право благодаря нашим способностям. Почему? Да только потому, что у нас нет капитала! Мы принадлежим к «неумытым», но с той разницей, что мы одарены первоклассными умами и лишены всяких этических и социальных предрассудков. В качестве наемных рабов, которые должны начать работу рано и закончить ее поздно, как бы экономно мы ни жили, нам не удалось бы и за шестьдесят лет (да и в двадцать раз по шестьдесят лет!) собрать достаточно денег для того, чтобы успешно бороться с нынешними могущественными капиталистическими объединениями. Тем не менее мы решили выступить на арену. Мы бросаем отважный вызов мировому капиталу. Хочет он бороться или же не хочет, все равно: бороться ему придется!

Мистер Хэль, наши интересы настоятельно диктуют нам необходимость требовать от вас двадцать миллионов долларов. Хоть мы и даем вам известный срок для реализации ваших ценностей, все же предлагаем вам не очень затягивать выплату денег. Если вам угодно принять наши условия, потрудитесь поместить соответствующее объявление в некрологическом отделе “Утреннего Света”. После этого мы выработаем совместный план получения причитающихся с вас денег. Лучше всего, если вы назначите для этого любой день до 1 октября. Если же наше условие будет отвергнуто вами, то с целью доказать вам серьезность своих намерений мы убьем человека на Восточной Тридцать Девятой улице. Это будет рабочий. Этого человека не знаете как вы, так и мы.

Вы представляете собой известную силу в современном обществе. Точно так же мы представляем собой силу — силу новую! Без гнева и злобы мы сошлись с вами в бою. Если вам угодно будет серьезно разобраться в нашем предложении, то вы согласитесь, что оно — чисто делового характера. Вы — верхний жернов, мы — нижний, и эта человеческая жизнь будет размолота между нами. Вы еще можете спасти его, если своевременно согласитесь на наши условия.

Некогда жил король, который был проклят тем, что превращал в золото все, чего бы ни касался. Его именем мы воспользовались как нашим официальным фабричным клеймом. Надо думать, что в свое время, желая избавить себя от подражателей, мы заявим на него авторские права.

С совершенным уважением,
Любимцы Мидаса».

Милый Джон, представьте себе, как развеселило нас это письмо. Нельзя отрицать, что идея была очень недурна, но было бы очень смешно, если бы мы хоть сколько-нибудь серьезно отнеслись к такому забавному предложению. Мистер Хэль сказал, что сохранит письмо как литературный курьез и сунул его в какой-то ящик своего бюро. Естественно, через пару дней мы совершенно забыли о нем. Но представьте себе наше изумление, когда, разбирая утром 3 октября полученную почту, мы наткнулись на следующее письмо:

«Канцелярия “Л. М.”
1 октября 1899 г.
Мистеру Эбену Хэлю, Денежному Королю.

Милостивый Государь! Вашу жертву постигла та судьба, которая была ей предназначена. Час тому назад на Восточной Тридцать Девятой улице убит рабочий ударом ножа в сердце. В то время, как вы будете читать это наше письмо, его тело уже будет перенесено в морг. Сходите и полюбуйтесь делом рук ваших.

Если к 14 октября вы, придерживаясь своей прежней тактики, не выполните наших требований, то с той же целью доказать всю серьезность наших намерений мы убьем полисмена на углу Польк-стрит и Клермон-авеню — на углу или же поблизости тех мест.

С сердечным приветом,
Любимцы Мидаса».

Мистер Хэль снова рассмеялся. Весь его мозг был во власти предстоящей крупной сделки с чикагским синдикатом, касающейся приобретения всех местных городских железных дорог, и поэтому он продолжал диктовать своей стенографистке, не удостоив письмо хоть сколько-нибудь серьезного внимания. Не знаю почему, но на меня это письмо произвело очень тяжелое впечатление. «А что, если все это вовсе не шутка?» — спросил я самого себя и невольно схватил утреннюю газету.

Я наткнулся именно на то, что нужно. Как и подобало незначительному существу из низшего класса, *ему* было посвящено всего несколько строк, загнанных куда-то в угол, рядом с аптекарским объявлением. Заметка гласила следующее:

«Сегодня утром, в начале шестого, на Восточной Тридцать Девятой улице убит ударом ножа в сердце рабочий Пет Лескаль, направлявшийся на завод. Неизвестный убийца скрылся. Полиция еще не успела выяснить причин этого злодеяния».

— Это невозможно! — воскликнул Эбен Хэль, когда я прочел ему эту заметку. Но видно было по всему, что инцидент произвел на него впечатление, потому что после обеда, всячески обвиняя себя в том, что обращает слишком большое внимание на такие пустяки, он попросил меня навести в полиции справку о положении вещей. К моему непередаваемому удовольствию, в участке полицейского инспектора меня буквально подняли на смех, но я все же добился от них обещания, что в ночь на 14 октября угол Польк-стрит и Клер-

мон-авеню будет особенно тщательно патрулироваться. И мы забыли об этом инциденте. Так прошли две недели, когда почта снова принесла нам такое послание:

«Канцелярия “Л. М.”
15 октября 1899 г.
Мистеру Эбену Хэлю, Денежному Королю.

Многоуважаемый сэр! Ваша вторая жертва пала в точно назначенное время. Мы нисколько не торопимся, но для того лишь, чтобы усилить давление на вас, мы отныне станем убивать еженедельно. Для того же, чтобы избежать нежелательного вмешательства полиции, мы будем извещать вас об убийстве либо одновременно с событием, либо чуть-чуть раньше. В надежде, что вы находитесь в добром здравии, просим принять уверения в полном уважении.

Любимцы Мидаса».

Мистер Хэль тут же схватил газету и, быстро отыскав интересующую нас заметку, прочел вслух следующее:

«Возмутительное убийство

Джозеф Донагю, лишь сегодня ночью специально назначенный на дежурство в Одиннадцатом Участке, убит наповал выстрелом в голову. Убийство совершено при полном освещении уличных фонарей на углу Польк-стрит и Клермон-авеню. Поистине устои нашего общества окончательно подгнили, если охранители его мира и спокойствия гибнут подобным образом, чуть ли не на виду у всех. До сих пор полиции не удалось получить ни малейших указаний на то, кем и почему был убит Джозеф Донагю».

Мистер Хэль еще не успел дочитать, как к нам явился сам полицейский инспектор в сопровождении двух лучших сыщиков. Они были сильно встревожены и взволнованы не на шутку. Несмотря на то, что факты были крайне немногочисленны и просты, мы очень долго всячески разбирали траги-

ческое происшествие. Уходя, полицейский офицер уверил нас, что им будут приняты чрезвычайные меры для того, чтобы преступники были схвачены и понесли должную кару. Он также заявил, что не мешает поставить несколько человек для личной охраны как мистера Хэля, так и меня. Кроме того, несколько человек были размещены на отдельных постах вокруг дома и служб. Спустя неделю, ровно в час пополудни, мы получили следующую телеграмму:

«Канцелярия “Л. М.”
21 октября 1899 г.
Мистеру Эбену Хэлю, Денежному Королю.

Многоуважаемый сэр! Нам крайне неприятно констатировать факт, что вы совершенно не понимаете нас. Мы узнали о том, что вы окружили себя лично и ваш дом вооруженными людьми, из чего заключили, что вы принимаете нас за самых обыкновенных преступников, способных напасть на вас и силой забрать двадцать миллионов. Смеем уверить вас, что, предполагая это, вы крайне далеки от понимания наших истинных намерений.

Если вам угодно будет несколько более трезво вдуматься в положение вещей, то вы, конечно, легко поймете, что ваша жизнь крайне дорога нам. Не бойтесь! Ни за что на свете мы не причиним вам никакого вреда. Напротив, вся наша тактика заключается именно в том, чтобы дорожить вашей жизнью и избавить вас от какого бы то ни было зла. Ваша смерть ровно ничего не может дать нам. Если бы она была нам нужна, то, будьте уверены, мы давно покончили бы с вами. Хорошенько подумайте над этим, мистер Хэль! Как только вы согласитесь выдать нам требуемые деньги, все ваши беспокойства и волнения кончатся. Поэтому мы усиленно рекомендуем вам как можно скорее рассчитать охранников и сократить ненужные расходы.

Еще до истечения десяти минут с момента получения вами этой телеграммы в Брентвуд-парке будет задушена

молодая девушка-нянька. Тело ее можно будет найти в кустах за дорожкой, влево от музыкальной эстрады.

С сердечным приветом,
Любимцы Мидаса».

В тот же миг мистер Хэль схватил телефон и предупредил полицейского инспектора о готовящемся убийстве. Инспектор ответил, что тотчас сообщил в главную квартиру и одновременно послал людей в Брентвуд-парк. Ровно через пять минут он снова позвонил нам и сказал, что тело, еще теплое, найдено в указанном месте. В тот же вечер все газеты пестрели сенсационными, крупно набранными заметками о новом Джеке-Душителе. Наряду с осуждением неслыханной жестокости газеты упрекали полицию в полной беспомощности. Мы снова заперлись с инспектором, который Господом Богом заклинал нас все держать в глубокой тайне, уверяя, что весь успех дела зависит от нашего молчания.

Как нам известно, мистер Хэль был железный человек. Он ни за что на свете не хотел сдаваться. Ах, Джон, это было странно, это было ужасно — таинственное нечто, слепая сила во мраке. Мы не могли бороться, не могли строить какие-либо планы, и нам оставалось только сидеть сложа руки и ждать... Недели следовали за неделями, и регулярно каждую неделю, так же регулярно, как всходило солнце на небе, к нам приходило сообщение о смерти какого-нибудь человека — мужчины или женщины, виновного или совершенно невинного — убитого нами, именно нами, так, как будто мы убили его нашими же руками. Стоило мистеру Хэлю произнести только одно слово, и эта бойня немедленно прекратилась бы. Но суровым и жестоким стало его сердце, и он ждал. Между тем все глубже и глубже становились морщины на его лице, суровее глядели глаза, мрачнее сжимались губы, и все лицо старилось с каждым днем, с каждым часом. По-моему, нет нужды, Джон, говорить вам о том, что я лично переживал в этот страшный период. Вам стоит

для этого просмотреть приложенные при сем письма и телеграммы Любимцев Мидаса, а также вырезки из газет для того, чтобы получить должное представление о всех случаях убийств, организованных этими злодеями.

Вы, вероятно, еще обратите свое внимание на то, что они часто письменно предупреждали мистера Хэля о махинациях его коммерческих врагов и некоторых секретных манипуляциях его конкурентов. Казалось, что Любимцы Мидаса все время держат руку на пульсе всего делового и финансового мира. Они весьма часто обладали сведениями, которых наши агенты никоим образом не могли получить. Между прочим, сделанное ими своевременное предупреждение спасло мистеру Хэлю пять миллионов долларов. А в другой раз они послали нам телеграмму, предупреждающую о готовящемся покушении на моего патрона со стороны анархиста. Мы арестовали этого человека, как только он явился к нам, и передали его в руки полиции, которая нашла у него изрядную порцию нового взрывчатого вещества, вполне достаточного для взрыва целого броненосца.

Мы упорствовали. Мистер Хэль держал себя молодцом и ни за что не хотел уступать. Он стал тратить уже по сто тысяч в неделю на «секретную службу». Были призваны на помощь многочисленные пинкертоны и специальные детективные агентства, к которым присоединились тысячи лиц, числящихся у нас на службе. Все вместе они находили тысячи улик. Сотни людей были арестованы. Тысячи были взяты на подозрение, но ничего более или менее серьезного обнаружить не удавалось. Любимцы Мидаса чуть ли не каждый раз меняли свои способы общения с нами. Каждый агент, являвшийся к нам с поручением от их имени, немедленно подвергался аресту, но неизменно каждый раз оказывалось, что это были совершенно невинные люди, которые сами не знали, что делают и какое поручение выполняют. Еще нужно указать на то, что описание их примет никогда не совпадало с приметами, которые нам сообщали

раньше. В последний день декабря мы получили следующее письмо:

«Канцелярия “Л. М.”
31 декабря 1899 г.
Мистеру Эбену Хэлю, Денежному Королю.
Многоуважаемый сэр! Применяя все ту же тактику — с ней, смеем надеяться, вы уже достаточно познакомились! — мы решили выдать сегодня пропуск из сей юдоли слез полицейскому инспектору Байингу, с которым благодаря нам вы так близко в последнее время сошлись. По своему обыкновению, он в настоящее время находится в своем кабинете. В тот момент, как вы просматриваете наше письмо, он испускает последнее дыхание.
С сердечным приветом,
Любимцы Мидаса».

Я бросил письмо и подбежал к телефону. Можете представить мою радость, когда я услышал бодрый голос инспектора. Но, продолжая разговор, я вдруг услышал, как его голос начинает замирать, слова сменяются отчаянным хрипом и тут же уловил звук падающего на пол тела. Затем чей-то чужой голос окликнул меня, передал привет от Любимцев Мидаса и повесил трубку. С быстротой молнии я соединился с главной полицейской квартирой и предложил начальнику немедленно послать людей в кабинет инспектора Байинга. Я продолжал стоять у телефона, когда через несколько минут мне сообщили, что инспектора нашли плавающим в луже крови, при последнем издыхании. Не было никаких свидетелей, и никто не мог дать ни малейших сведений о том, как все произошло.

После этого мистер Хэль довел свои расходы на секретную службу до четверти миллиона в неделю. Он решил во что бы то ни стало выйти победителем из этой страшной игры. Сумма наград, назначенных за поимку преступников, достигла

десяти миллионов. Вы имеете приблизительное представление о его богатстве и можете понять, как широко он поставил это дело. Он постоянно утверждал, что в данном случае ему дороже всего принцип, а не деньги сами по себе, и все его поступки вполне подтверждали и подчеркивали благородство его намерений. Была призвана на помощь полиция всех крупных городов. Мало того: в дело вмешалось правительство Соединенных Штатов, и вопрос приобрел общегосударственное значение. Были ассигнованы значительные средства из государственных фондов на поиски Любимцев Мидаса и одновременно объявлена мобилизация всех правительственных агентов. Но все напрасно! Любимцы Мидаса продолжали свою страшную работу с прежней регулярностью и последовательностью, которой, казалось, ничто не могло помешать.

В то же время, напрягая последние силы в борьбе, мистер Хэль никак не мог, однако, смыть ту кровь, которая пролилась по его вине. Конечно, формально он был совершенно не виноват, и обвинять его в прямом убийстве не отважился бы самый строгий состав присяжных заседателей, — но все же известная доля вины в смерти того или иного человека лежала на нем. Как я уже писал раньше, достаточно было одного его слова — и бойня прекратилась бы. Но он категорически отказывался произнести это слово. Он настаивал на том, что речь идет о неприкосновенности и безопасности всего общества, и дело вовсе не в том, что тот или иной трус постыдно сбежит со своего поста, жизненная справедливость требует, чтобы малая часть принесла себя в жертву ради большинства, ради всего остального человечества. И все же кровь была на нем, и он чувствовал это, и с каждым днем становился все угрюмее и удрученнее. Он как бы прикрывал своих соучастников, которые безжалостно убивали грудных младенцев, детей, взрослых, пожилых, стариков, причем эти ужасные убийства происходили не только в нашем городе, но в самом скором времени распространились по всей стране.

Как-то раз, в середине февраля, когда мы сидели в библиотеке, раздался сильный стук в дверь. Я подошел к двери, открыл ее и нашел на ковре в коридоре следующее послание:

«Канцелярия “Л. М.”
15 февраля 1900 г.
Мистеру Эбену Хэлю, Денежному Королю.
Многоуважаемый сэр! Неужели же ваша душа не возмущается той страшной кровавой жатвой, которая является делом ваших рук? Быть может, мы несколько абстрактно вели до сих пор наши переговоры и дела с вами? В таком случае разрешите нам перейти к более конкретным действиям. Как вам известно, мисс Аделаида Ледлоу, молодая девушка, столь же талантлива, сколь красива. Она — дочь вашего старого и лучшего друга, судьи Ледлоу, и нам случайно стало известно, что в свое время, когда она была еще ребенком, вы носили ее на руках. Она — близкая подруга вашей дочери и в настоящее время находится у вас в гостях. Так вот, разрешите довести до вашего сведения, что в настоящую минуту, когда вы читаете это наше письмо, визиту мисс Ледлоу пришел преждевременный конец.
Сердечно преданные вам,
Любимцы Мидаса».

Господи Боже мой! Вы можете представить себе, Джон, что было с нами, когда мы прочли эти строки! Мы немедленно бросились в гостиную, но там девушки не оказалось. Тогда мы поспешили в ее комнаты, в которых она всегда останавливалась, когда приезжала к Хэлям. Дверь была заперта, но мы высадили ее собственными телами. Она лежала мертвая. Видно было, что она одевалась, готовясь поехать в оперный театр. Ее задушили подушками, снятыми с кровати. Тело ее еще хранило теплоту, а со щек еще не успел сбежать румянец. Разрешите мне не продолжать описание этого ужа-

са. Я не сомневаюсь, что вы ясно помните все газетные отчеты по этому делу.

Поздно ночью мистер Хэль пригласил меня к себе и потребовал поклясться Господом Богом, что я всегда буду помогать ему действовать в том же направлении и не скомпрометирую его имени, если бы даже для этого пришлось пожертвовать всем его имуществом, до последнего цента.

На следующий день он поразил меня своим превосходнейшим настроением. Мне казалось сначала, что последнее трагическое происшествие должно страшно подействовать на него, — и только впоследствии убедился, до чего он на самом деле был потрясен... Весь день он шутил, оставался очень веселым, остроумным, словно нашел, наконец, выход из создавшегося ужасного положения. А на следующее утро он был найден мертвым в постели, с ясной улыбкой на похудевшем челе: он покончил самоубийством с помощью удушливого газа. Полиция и власти пошли нам навстречу, позволив официально объяснить смерть Эбена Хэля разрывом сердца. Нам казалось, что будет гораздо полезнее, если мы скроем правду, но в общем-то это нам совершенно не помогло. Впрочем, никто и ничто не могло уже помочь нам!

Едва я вышел из комнаты покойного, как — увы, слишком поздно — мне подали следующее экстраординарное письмо.

«Канцелярия “Л. М.”
17 февраля 1900 г.

Мистеру Эбену Хэлю, Денежному Королю.

Многоуважаемый сэр! Мы надеемся, что вы простите наше столь скорое обращение к вам спустя только три дня после последнего печального происшествия. Но то, что мы имеем сейчас сказать вам, не терпит отлагательства: это заявление крайней важности. Мы подумали о том, что вы, быть может, пожелаете скрыться от нас. Само собой разумеется, для этого имеется только один путь, который для вас так же ясен, как и для нас. Но мы хотим уведомить вас, что даже

этот единственный путь тоже отрезан для вас. Вы можете умереть, но умрете побежденным и признавшим свое поражение. Обратите внимание на следующее: *Мы являемся неотъемлемой частью ваших владений. Вместе с вашими миллионами мы перейдем к вашим наследникам навсегда*!

Мы — неизбежное! Мы — кульминационный пункт индустриальной и социальной несправедливости. Мы падаем на голову общества, которое вскормило нас таковыми. Мы — удачливые неудачники нашей эпохи, мы — бичи и скорпионы упадочной цивилизации.

Мы — создания вывернутого наизнанку социального подбора. Силе мы противоставим нашу силу. Выдержать и победить может только сила. Мы верим, что выживут только те, кто умел приспособиться. Вы втоптали в грязь ваших наемных рабов и поэтому выжили. По вашему приказанию военные вожди во время нескольких десятков кровавых забастовок, как собак, перестреляли рабочих — и вот что помогло вам выжить! Мы нисколько не жалуемся на подобные результаты, так как знаем, что и мы сами подчинены тем же самым стихийным законам. Теперь возникает лишь один вопрос: *при нынешних социальных условиях кто из нас переживет другого*? Вы уверены, что вы наиболее приспособлены. Мы же верим, что мы-то всех крепче. Разрешение этого вопроса мы предоставим времени и естественным законам.

С сердечным приветом,
Любимцы Мидаса».

Джон, вы все еще удивляетесь, почему я уклонялся от веселья и избегал друзей? Стоит ли продолжать дальнейшие объяснения? Ведь этот рассказ раскроет вам все карты, до единой. Три недели назад умерла Аделаида Ледлоу. С тех пор я стал жить в ожидании и страхе. Вчера состоялось мое утверждение в правах наследства, о чем было доведено до всеобщего сведения, а сегодня, несколько минут назад, мне сообщили, что женщина средних лет убита в Гольден-Гэт-

парке, недалеко от Сан-Франциско. Телеграммы утренних газет принесли все подробности этого кошмарного убийства — подробности, которые вполне сходятся с теми, которые я узнал, так сказать, авансом.

Борьба бесполезна. Бороться с неизбежным я не могу. Я всей душой был предан мистеру Хэлю и сделал все, что было в моих силах. Признаться, я сам не понимаю, почему за такую преданность я должен быть *так* вознагражден. Я не смею обмануть выраженное мне доверие, как и не смею нарушить данное слово. Но все же я решил, что не буду больше участником этой бойни. Те большие миллионы, которые я получил на днях, я возвращаю законным наследникам. Пусть крепкие и выносливые сыновья Эбена Хэля попробуют отстоять свои права и богатства.

Еще до того, как это письмо попадет в ваши руки, меня уже не будет в живых. Любимцы Мидаса — всемогущи. Полиция абсолютно беспомощна. Я узнал из достоверных источников, что подобные же письма получали и получают другие миллионеры, но неизвестно, кто и что получал, потому что стоило кому-нибудь из них поднять шум, как на его уста накладывалась печать вечного молчания. Те же, кто сдерживался, пожинали ту же кровавую жатву, что и мы. Игра подходит к концу. Федеральное правительство ровно ничего не может сделать. Мне сообщили, что подобные организации возникли уже и в Европе. Общество потрясено в самых своих основах. Малые княжества и великие державы — не больше чем топливо, которое ждет своего пожара. Вместо масс, восстающих против класса, теперь класс восстал против классов. Мы, стражи человеческого прогресса, повергнуты во прах. Закон и порядок обанкротились самым постыдным образом.

Власти убедительно просили меня держать все это в глубокой тайне. Пока я мог, я делал это; теперь же я больше не в силах молчать. Это превратилось в вопрос общественной важности — в вопрос, чреватый чрезвычайно тяжелыми последствиями, и я полагаю, что мой долг заключается в том,

чтобы до ухода из сей жизни предупредить всех о страшной опасности. Последняя моя просьба к вам, Джон, сводится к тому, чтобы вы обнародовали мое письмо к вам. Не бойтесь ничего! Судьба всего человечества ныне в ваших руках. Пусть пресса выпустит это миллионными тиражами! Пусть электрические провода разнесут это по всему миру! Где бы люди ни встретились и ни разговорились, пусть первым делом говорят об этом! И тогда, когда общество вдумается в создавшееся положение вещей, пусть оно поднимется во всей своей силе и мощи и уничтожит это гнусное порождение наших дней.

Примите прощальный привет от вашего
Уэда Этчелера».

РАССКАЗ УКРОТИТЕЛЯ ЛЕОПАРДОВ

Глаза его неизменно хранили мечтательное и отсутствующее выражение, и это вместе с печальным, мягким, как у девушки, голосом говорило о какой-то глубокой и безысходной меланхолии. Он был укротителем леопардов, но по внешнему виду этого никак нельзя было сказать. Повсюду, где бы он ни проживал, его профессиональная обязанность заключалась в том, что в присутствии многочисленной публики он входил в клетку с леопардами и нервировал эту публику, демонстрируя самые разнообразные опасные фокусы с хищными зверями, а получаемое им вознаграждение всегда было пропорционально успеху у зрителей.

Как я уже заметил, он нисколько не походил на укротителя. Узкогрудый и узкоплечий, довольно анемичного вида, этот человек, казалось, всегда был подавлен не столько безысходным горем, сколько сладостной и мягкой печалью, тяжесть которой имела такой же сладостный и мягкий характер.

В течение целого часа я пытался выудить из него какой-нибудь интересный рассказ, но в конце концов пришел к за-

ключению, что он абсолютно лишен фантазии. Если верить ему, то ничего романтичного, рискованного и страшного в его профессии не было. Ничего, кроме серого однообразия и беспредельной скуки.

Львы? Да, с ними ему тоже приходилось иметь дело. Это чепуха! Самое главное — всегда быть трезвым. Любой человек с обыкновенной палочкой в руках может укротить льва. Он лично однажды за полчаса укротил царя лесов. Надо уметь вовремя ударить его по носу и, когда лев опускает голову, умело отставить ногу. Когда же лев нацеливается на ногу, надо быстро отвести ногу назад и снова ударить его по носу. Вот и вся премудрость!

С тем же мечтательным выражением в глазах и неспешным, спокойным потоком слов он показал мне свои раны. У него было много ран, из коих одну он получил совсем недавно. Разозлившаяся тигрица до самой кости рванула ему плечо. Я увидел также аккуратно заштопанное место на пиджаке, куда пришелся отчаянный укус. Вся его правая рука, начиная от плеча, пострадала от когтей и клыков тигрицы так, что, казалось, будто бы несколько минут была под молотилкой. Но все это — пустяки, сказал он мне. Вот только старые раны надоедают в дождливую погоду. Только с ними ему и приходится возиться...

Вдруг его лицо прояснилось, точно он вспомнил что-то очень интересное, и я сразу понял, что ему так же хочется рассказать, как мне слушать.

— Я думаю, вам уже приходилось слышать об одном укротителе львов, которого ненавидел другой человек? — осведомился он.

Не дождавшись моего ответа, он выдержал паузу и с задумчивым видом поглядел на льва, лежавшего в клетке напротив.

— У него зубы болят! — пояснил он мне. — Ну, так вот, слушайте! Самый шикарный номер этого укротителя заключался в том, что в присутствии публики он вкладывал свою голову в пасть льва. Человек, ненавидевший его, терпеливо

посещал каждое представление в надежде, что рано или поздно лев загрызет его. Он следовал за цирком буквально по всей стране. Годы шли за годами, и этих лет прошло уж так много, что враг постарел, и укротитель львов постарел, да и сам лев стал совсем стареньким. И, наконец, в один прекрасный день враг дождался своего: сидя на представлении, он увидел, как лев сомкнул челюсти так, что не потребовалась даже докторская помощь: чистая была работа!

Рассказчик поглядел на свои ногти с таким видом, который можно было бы назвать забавным, если бы в нем не сквозило столько безысходной печали.

— Да, — вдруг снова заговорил он, — вот что я называю настоящим терпением, и это вполне в моем духе. Но это не было в духе одного парня, которого я тоже в свое время знавал. Это был маленький, худенький, поганенький французик, который занимался жонглерством и шпагоглотанием. Он называл себя де Виллем, и у него была прелестная женка. Она работала на трапеции и лучше всего проделывала номер, который заключался в том, что она падала с купола на сетку, протянутую чуть ли не над самой ареной, причем во время падения успевала несколько раз перекувырнуться в воздухе. Она здорово делала это!

У де Вилля был такой же горячий темперамент, как горяча была его рука, а рука его была горяча, как мгновенный удар лапы тигра. Однажды кто-то из наших коллег назвал его пожирателем лягушек, а, может быть, и того хуже, — и вот что выкинул де Вилль. Он загнал обидчика в самый угол, к деревянной доске, в которую он обычно втыкал свои бесчисленные ножи, и проделал это так быстро, что несчастный не успел опомниться и в присутствии публики буквально был пригвожден к доске массой ножей, которые в тело не впились, но пришпилили одежду.

Он был так пришит к доске, что клоунам долго пришлось выдергивать ножи, прежде чем он обрел свободу. Об этом стало известно всем нашим, и никто уже больше не осме-

ливался задевать его или приставать к его жене. А надо вам сказать, была она довольно легкомысленная штучка, и если бы не страх перед де Виллем...

Но у нас работал один паренек, по фамилии Уэллос, который ничего на свете не боялся. Он был укротителем львов и тоже проделывал трюк с головой в пасти льва. Он мог проделать этот фокус с любым львом, но предпочитал Августа, старого, очень добродушного льва, на которого всегда можно было положиться.

Как я сказал вам, Уэллос — мы все звали его «Король Уэллос!» — не боялся ничего на свете, ни мертвого, ни живого! Это был отчаянный парень! В своем роде он действительно был король. Однажды он напился вдребезги пьяным, и многие не побоялись заключить пари, что он все-таки вставит свою голову в пасть Августа, причем даже не пустит в ход свой хлыст. Так оно и было.

Мадам де Вилль... —

Он замолчал. Позади нас раздался какой-то шум, и мой приятель неторопливо оглянулся. За нами стояла клетка, разделенная пополам. В одной половине находилась обезьяна, которая все время прыгала у прутьев решетки и вдруг просунула одну лапу в соседнюю половину, где проживал огромный серый волк, мигом схвативший приманку. Лапа вытягивалась все больше и больше, словно была эластичной, и товарищи несчастной обезьяны подняли неимоверный визг... Вокруг не оказалось ни одного служителя, так что укротителю леопардов пришлось встать, сделать шага два вперед и ударить волка по носу легонькой палочкой, которая была у него в руках. После того он с печальной, извиняющейся улыбкой вернулся на место и продолжал так, как будто бы никакого перерыва и не было.

— ...смотрела на Уэллоса, а Уэллос — на нее, а де Вилль весьма мрачно глядел на обоих. Мы предостерегали Уэллоса, но напрасно. Он смеялся над нами, смеялся и над де Виллем, которого однажды даже сунул головой в кад-

ку с клейстером. Видно было по всему, что он ищет ссоры с ним.

От клейстера у де Вилля был страшно забавный вид. Я долго возился с ним, пока помог ему окончательно почиститься. Но он был холоден, как огурец, и ни разу не ругнулся. Все же я заметил злобный огонек в его глазах и вспомнил, что точно такой же огонек я часто видел в глазах хищных зверей. Поэтому я счел своим долгом сделать Уэллосу последнее предупреждение. Он снова рассмеялся, но все-таки с тех пор стал меньше засматриваться на мадам де Вилль.

Так прошло несколько месяцев.

Ничего такого не происходило, и я уже начал было надеяться, что и впредь ничего не случится. Мы тем временем все дальше двигались на Запад и остановились, наконец, в Сан-Франциско. Все, что я вам сейчас расскажу, произошло во время дневного представления, когда весь цирк был полон женщин и детей. Мне понадобился Рыжий Денни, один из главных лакеев, который взял у меня карманный нож да так и не отдал.

Проходя мимо одной из уборных, я заглянул в нее через дырку в парусине, желая узнать, нет ли тут моего Денни. Его тут не оказалось, но как раз против моего глаза сидел Король Уэллос, в трико, дожидаясь своего номера в клетке со львами. Он с большим любопытством следил за ссорой двух артистов, работавших на трапеции. Все остальные, находившиеся в уборной, с таким же интересом следили за ссорой, — все, за исключением де Вилля, с нескрываемой ненавистью и пристально смотревшего на Уэллоса, который, как и все остальные, был слишком увлечен сценкой, чтобы отвлечься на де Вилля.

Но через дырку в парусине я лично все видел. Де Вилль вынул из кармана носовой платок, сделал вид, будто бы вытирает им пот с лица (день действительно был очень жаркий!) и в то же время обошел Уэллоса сзади. Он ни разу не остановился, только взмахнул платком и дошел до двери, где на мгновение остановился и бросил быстрый взгляд назад. Этот

взгляд заморозил меня на месте, потому что, наряду с ненавистью, я прочел в нем самое доподлинное торжество.

«Де Вилль задумал что-то недоброе! — сказал я себе. — За ним надо последить». И я с огромным облегчением вздохнул, когда увидел, что де Вилль вышел из помещения цирка и вскочил в вагон электрического трамвая, который должен был доставить его к себе домой в пригород.

Через несколько минут я попал непосредственно в здание цирка, где, наконец, нашел Денни. Наступила очередь Уэллоса с его опасным номером в клетке львов — номером, который всегда оказывал сильное впечатление на публику. Сегодня он почему-то был в очень плохом настроении и так разъярил всех львов, что те подняли отчаянный рев на весь цирк. За исключением, конечно, Августа, который был слишком старым, жирным и ленивым для того, чтобы вообще из-за чего-либо раздражаться. Под конец Уэллос ударом бича поставил старичка на колени, и тот со своим обычным радушным видом раскрыл огромную пасть, в которую укротитель всунул свою голову. Вдруг челюсти Августа сомкнулись, раздался какой то странный звук — и все было кончено...

Прежняя, мягкая, какая-то упорная улыбка проступила на лице укротителя леопардов, и грустное, отсутствующее выражение снова вернулось в его глаза.

— Вот так и погиб Король Уэллос! — сказал он низким, печальным голосом. — После того как всеобщее возбуждение немного улеглось, я воспользовался подходящей минутой, нагнулся над покойником и понюхал его голову. И чихнул.

— Вы хотите сказать... что?.. — спросил я, задыхаясь от волнения.

— Я хочу сказать, что то был нюхательный табак! — ответил он. — Именно табаком посыпал де Вилль голову Уэллоса, когда проходил мимо него. У старого Августа никаких злых намерений не было. Он просто чихнул!

ЛЮБИТЕЛЬСКИЙ ВЕЧЕР

Мальчик у лифта с проницательным видом улыбнулся про себя. Когда он поднимал ее наверх, то обратил внимание на блеск в ее глазах и румянец на щеках. Маленькая кабинка, казалось, вся наполнилась лучистой теплотой от ее с трудом сдерживаемой энергии. А теперь, когда они спускались вниз, та же кабинка была холодна, как ледник. Исчезли блеск глаз и румянец щек. Она нахмурила брови, и тот крохотный кусочек глаза, который мальчик сумел разглядеть, был холоден и отливал сталью.

О, он прекрасно знал все эти симптомы! Он был очень наблюдателен и знал эту черту за собой точно так же, как знал, что рано или поздно, с годами, он тоже сделается репортером! Обязательно репортером! А в ожидании он терпеливо изучал жизнь, которая неустанными потоками стремилась вниз и вверх по лифту этого восемнадцатиэтажного небоскреба. Он весьма сочувственно открыл перед ней дверцу своей каретки и еще какое-то время после того следил за ней, когда она пошла по улице.

Особая крепость ощущалась в ее походке, и в этой крепости больше сказывалась природа, нежели городская мостовая. Крепость эта была очень утонченного свойства, в ней ощущалась изящная твердость, она дышала мужественностью, которая так редко свойственна женщине, и можно было с уверенностью сказать, что она унаследована от нескольких поколений искателей и борцов — людей, которые долго и упорно работали головой и руками. Далекие призраки этих людей маячили теперь из туманного прошлого, формировали дух девушки и помогали ей стать умелой устроительницей жизни.

Она была слегка раздражена, и самолюбие ее определенно страдало.

— Я заранее знаю, что вы можете и собираетесь мне сказать! — мягко, но решительно перебил ее редактор, когда она, наконец, удостоила его взглядом. — Вы уже достаточно мне сказали! — продолжал он (бессердечно — по крайней мере, теперь, когда она снова мысленно все переживала, она была уверена, что он разговаривал с ней самым бессердечным образом). — Вы никогда до сих пор не занимались газетным делом. Вы совершенно неприспособленны, недисциплинированны, не знаете азов! Вы, вероятно, кончили высшую школу. Возможно даже, что вы побывали в нормальной школе или колледже. Вы были очень сильны в английском языке. Ваши приятельницы восторгались тем, как чудесно вы пишете и как прекрасно, и как литературно и так далее, и так далее. Вы решили, что легко можете заняться газетным делом и пожаловали теперь ко мне. Ну, так вот: мне очень неприятно говорить вам это, но никаких свободных вакансий у нас в настоящее время нет. Если бы вы только знали, сколько жаждущих...

— Но раз у вас никогда нет вакансий, — в свою очередь перебила она его, — как же у вас устроились те, кто в настоящее время работают? Как я могу доказать и показать вам, на что я способна, если мне не суждено когда-либо попасть в число избранных?

— А это уж зависит от вас самой сделать себя незаменимой в деле! — последовал суровый ответ. — Станьте необходимой — вот и все!

— Но как же мне это сделать, раз не представляется подходящего случая?

— Найдите этот случай!

— Но каким образом? — настаивала она, делая весьма нелестный вывод об умственных способностях редактора.

— Каким образом? Ну, знаете, это уж ваше дело, а не мое! — решительно сказал он и встал как бы в знак того, что аудиенция окончена. — Дорогая моя, я должен уведомить вас, что только за последнюю неделю у меня перебывало восем-

надцать барышень, желавших поступить к нам в редакцию, и у меня нет достаточно времени для того, чтобы обучать каждую в отдельности. Те функции, которые я выполняю здесь, гораздо сложнее обязанностей инструктора из школы журналистов.

Она вскочила в вагон трамвая и всю дорогу, пока ехала, сотни раз мысленно переживала эту сцену объяснения с редактором.

«Но каким образом?» — повторяла и повторяла она про себя и снова задала себе этот вопрос, когда взбежала на третий этаж, где жила вместе с сестрой. «Каким образом?»

Она была очень упряма, как настоящая шотландка, несмотря на то что уже очень давно рассталась с родиной. И к тому же она действительно должна была найти способ проявить свои способности. Они с сестрой приехали из маленького, захолустного городка с тем, чтобы сделать в столице карьеру. Джон Виман был бедный землевладелец. В последнее время его дела пошли совсем плохо, и стесненные обстоятельства вынудили Эдну и Летти начать самостоятельную жизнь. Год пребывания в школе и вечерние занятия стенографией и машинописью показались им вполне достаточными для того, чтобы двинуться из родного города на завоевание столицы и... жизни. Они нисколько не сомневались, что их доблестные стремления к самостоятельной жизни завершатся успехом. Они были уверены, что столица кишит малоопытными стенографистками и машинистками, число которых с их приездом увеличится всего-навсего на два человека. Это не так важно!

Тайная мечта Эдны заключалась в том, чтобы сделаться журналисткой. Она предполагала сначала найти какую-нибудь случайную работу, а уже после того, в свободное время, выяснить, какую именно рубрику в газете она может освоить профессионально. Но, к сожалению, эта случайная работа ей, как и Летти, не попадалась, и с каждым днем все сильнее таяли их крохотные средства, между тем как цена

на комнату нисколько не уменьшалась, а печь с неукротимой жадностью пожирала огромное количество топлива. В настоящее время они жили на последние крохи.

— Но ведь здесь живет Макс Ирвин! — сказала Летти, опять возвращаясь к наболевшему вопросу. — Это журналист с именем. Сходи, повидайся с ним, Эдна. Он знает, что к чему, и я уверена, что он все с удовольствием сообщит и тебе.

— Я ведь не знакома с ним! — возразила Эдна.

— Во всяком случае ты не знакома с ним точно так же, как и с тем редактором, к которому ты ходила сегодня.

— Да... — протянула, в какой-то мере соглашаясь с сестрой, Эдна, — но все-таки это не одно и то же.

— По-моему, нет большой разницы между ним и теми, кого ты будешь интервьюировать, когда станешь настоящей журналисткой.

Летти старалась подбодрить сестру.

— С такой точки зрения я этот вопрос не рассматривала! — отозвалась Эдна. — В сущности, ты права! Какая разница, интервьюировать ли Макса Ирвина для какой-нибудь газеты или того же Макса Ирвина для себя лично? Я могу посмотреть на это как на практику, и больше ничего. Сейчас же схожу и поищу его адрес в «Справочнике».

— Знаешь, Летти, — заявила она с очень решительным видом чуть позже, — я уверена, что при первом же подходящем случае я сумею написать именно так и именно то, что нужно! Я *чувствую*, что во мне есть эта самая жилка. Не знаю только, понимаешь ли ты, что я хочу сказать!

Летти поняла и покачала головой.

— Посмотрим, как ты возьмешься за дело! — мягко произнесла она.

— Я задамся целью во что бы то ни стало найти подобный случай! — уверенно заявила Эдна. — Все подробности моего ближайшего налета я сообщу тебе в течение сорока восьми часов.

Летти всплеснула руками.

— Господи Боже! — воскликнула она. — Вот так газетная жилка! Постарайся все это проделать в двадцать четыре часа, и тогда ты будешь молодцом!

— ...Мне так неприятно, что я беспокою вас! — закончила свою вступительную речь Эдна, обращаясь к Максу Ирвину, знаменитому военному корреспонденту и ветерану-журналисту.

— Что вы! Что вы! — с умоляющим видом замахал тот рукой. — Вы совершенно не беспокоите меня! Если вы сами за себя не будете говорить, кто же тогда станет говорить за вас? Я прекрасно понимаю, в каком вы сейчас положении. Вы хотите стать сотрудницей «Intelligencer», стать немедленно, но не имеете предварительной подготовки и практики. Прежде всего позвольте осведомиться, имеется ли у вас объект, на котором вы могли бы испытать свои таланты? Здесь, в городе, проживает с десяток человек, одна строка о которых раскроет пред вами все сезамы. После того уже от вас одной, от вашей ловкости зависит: победить или пасть! Вот вам, например, сенатор Лонгбридж или же Клаус Инскип, трамвайный король, или Лен, или Мак-Чесней...

Он выдержал паузу.

— Но я ведь ровно никого из них не знаю! — уныло произнесла Эдна.

— Да в этом нет никакой необходимости! Знаете ли вы кого-нибудь, кто знал бы их? Или же кого-нибудь, кто знает кого-то, кто знает их?

Эдна покачала головой.

— Тогда нам нужно что-нибудь придумать! — весело сказал Макс Ирвин. — Да, милая моя, вам надо что-нибудь также изобрести! Ну, давайте подумаем!

Он замолчал и на минуту задумался, наморщив лоб и закрыв глаза. Она не отрывала от него взгляда, внимательно изучая его лицо, как вдруг его голубые глаза широко раскрылись и весь он просиял.

— Готово! Но нет, подождите еще минуту!

И в продолжение этой минуты он, казалось, изучал ее, изучал до тех пор, пока под его взглядом ее щеки не покрылись густым румянцем.

— Да, — сказал он наконец с загадочным видом, — вам придется этим заняться, хотя я еще не знаю, насколько это вам удастся. Во-первых, благодаря этому вы сумеете проявить тот талант, которым, возможно, обладаете, а, во-вторых, то, что вы преподнесете читателям «Intelligencer», будет им в тысячу раз приятнее и интереснее, чем бог весть какие сведения о сенаторах и магнатах всего мира. Речь идет о том, чтобы провести любительский вечер в Лупсе.

— Я... я... не совсем понимаю вас, — до Эдны еще не дошла идея Макса Ирвина. — Что это за Лупс? И что такое «любительский вечер»?

— Ах, Господи, я и забыл, что вы из провинции! Ведь вы предупредили меня. Но тем лучше, если только, конечно, в вас есть настоящая журналистская жилка. Это будет ваше первое впечатление, а первое впечатление, как известно, самое сильное, непосредственное и безошибочное, свежее и яркое. Лупс — так называется одно увеселительное место — находится почти на конце города, близ парка. Там имеются игрушечная железная дорога, искусственные озера, оркестры, театр, дикие животные, кинематограф и так далее, и так далее. Большинство людей отправляются туда, чтобы посмотреть животных и поразвлечься, а остальные зрители присутствуют там с единственной целью: следить за веселящейся публикой. Чисто демократическое, очень живое, веселое варьете на вольном воздухе — вот что такое Лупс!

Он помолчал и продолжал:

— Но вас больше всего касается театр. Там ставятся в основном водевили, в которых участвует несметное количество исполнителей: жонглеры, акробаты, гимнасты, танцовщики и танцовщицы, певцы-солисты, певцы-хористы, имитаторы и так далее, и так далее. Все эти исполнители —

профессиональные артисты, для которых работа здесь является единственным источником доходов. Многие из них получают превосходный гонорар. Большинство — народ бродячий, кочевой, который работает там, где есть вакансия. Сегодня артист у Обермана, завтра в «Орфеусе», затем в «Лувре», «Альказаре» и так далее. Значительная часть их изъездила всю территорию нашего государства. В общем, жизнь у них довольно занятная, и к тому же работа оплачивается весьма хорошо для того, чтобы кандидатов всегда было больше, чем нужно.

— Теперь вот что, милая моя! Администрация этого заведения, чтобы привлечь еще больше публики, выдумала нечто, что назвала «любительскими вечерами». Что это за «вечера»?

Два раза в неделю, после того как профессиональные артисты заканчивают представление, сцена и вообще весь театр отдаются в полное распоряжение любителей. Право критики остается за той же публикой, которая, таким образом, является арбитром, — по крайней мере, она считает себя таковым, что в общем одно и то же. Зрители платят денежки, получают полное удовольствие, а администрация театра прекрасно зарабатывает на этом, что и требуется доказать! Но, видите ли, фокус заключается в следующем: эти любители — вовсе не любители! За свои выступления они получают наличные денежки. В лучшем случае их можно характеризовать как «профессионалов-любителей». Понятно, что администрация театра нигде не найдет таких дураков, которые пожелали бы бесплатно выйти на потеху и осмеяние публики, а случается, что зрители временами буквально сходят с ума. Это — самое лучшее и веселое развлечение для публики. Вот в этом и заключается ваша работа, которая, предупреждаю вас, требует сильных и здоровых нервов. Вам надо два раза подряд выступить на этих «любительских вечерах», которые даются, если не ошибаюсь, по средам и субботам, а после того изложить в литера-

турной форме ваши впечатления. Для читателей «Sunday Intelligencer» это будет такое удовольствие...

— Но... но... — заикаясь начала Эдна, — я... я...

Максу Ирвину нетрудно было уловить слезы и нотку разочарования в ее голосе.

— Я понимаю вас! — мягко начал он. — Вы, конечно, ждали чего-то другого, более интересного и привлекательного. Но мы все так начинаем. Вспомните-ка того адмирала королевского флота, который начал свою карьеру с того, что мыл палубу и чистил ручки дверей! Вы обязаны пройти всю трудную школу ученичества или же сразу бросайте все к черту! Ну, что! Как решили?

Резкость, с какой был поставлен этот последний вопрос, буквально ошеломила ее. В первую же минуту смущения она заметила, как тень разочарования начала расплываться по его лицу.

— В конце концов, рассматривайте это как пробу! — сказал он. — Правда, проба эта очень тяжелая, но тем лучше! Теперь вам как раз время взяться за дело! Так что?

— Я попытаюсь, — неуверенно произнесла она и подумала о том, какие прямолинейные, резкие и торопливые люди — все те, с кем ей до сих пор пришлось встретиться в этом большом городе.

— Господи Боже мой! — воскликнул Макс Ирвин, — когда я начинал мою карьеру... Если бы вы только знали, с каких омерзительнейших, скучнейших и противнейших дел начал я! И только после того, спустя довольно продолжительный и тяжелый промежуток времени, я перешел, наконец, на полицейскую и бракоразводную хронику. Но я работал настойчиво, шел к своей цели прямо и, как видите, ни на что жаловаться не смею. Вам повезло больше моего: вы сразу начинаете с работы для воскресного приложения. Конечно, и это не бог весть какая удача, но что из этого следует? Делайте свое дело, и больше ничего! Покажите сперва, на что вы способны, а все остальное приложится.

Далее вы получите более ответственную работу, которая повлечет за собой и более ответственное положение, и более высокое жалованье. Ну, а теперь извольте отправляться в Лупс и проделать все то, что я вам наметил.

— Но в качестве кого и с чем мне выступить? — неуверенно спросила Эдна.

— В качестве кого? Ну, это совсем пустяки! Петь умеете? Нет? Тем лучше! Там вовсе не требуется голос. Визжите, пищите, делайте все, что вам заблагорассудится. За это вы получаете деньги и обязаны вызвать возмущение публики отвратительным исполнением тех или иных номеров. Имейте в виду следующее: после исполнения номера вам необходимо обзавестись каким-нибудь покровителем, который состоял бы при вас в течение всего вечера. Не бойтесь никого и ничего! Работайте вовсю! Двигайтесь между любителями, толкайте их, задевайте, изучайте, фотографируйте... в уме и так далее. Усвойте все особенности тамошней атмосферы, тамошних красок, странностей. Погрузитесь в Лупс с головой... Что это значит? Ну, милая, уж вам самой надо понять, что все это значит! Вы там на месте выясните, что делать и с чего начать! Старайтесь чутьем понять, что нужно читателям «Sunday Intelligencer».

Он добавил:

— Найдите строгий, скупой, выдержанный стиль! Пусть ваша фраза будет сильна, конкретна, выразительна, образна. Избегайте общих мест и расплывчатости. Сделайте естественный подбор. Схватите наиболее разительное, яркое, броское, а на остальное не обращайте никакого внимания. Дайте *картину*! Если вы найдете должное словесное обрамление этой картине, то «Intelligencer» будет ваш! Я вот еще что советую вам. Просмотрите несколько старых номеров этого журнала и постарайтесь разобраться в общем тоне помещенных там рассказов. Содержание вашего очерка вы сначала изложите в заголовке, а затем, в самом изложении, вы детально разработаете фабулу и все прочее. Приберегите

на конец что-нибудь наиболее пикантное и интересное. Если редактор найдет, что вы слишком размазали, то он много помарает, но конец сохранит, и в общем весь ваш рассказ произведет должное впечатление. Вот и все, что я могу вам сказать. Все остальное вы сами должны понять и разработать уже в соответствии со своим вкусом и разумением.

Оба одновременно поднялись, и Эдна почти восторженно смотрела на этого человека, который сыпал меткими, быстрыми замечаниями и умело разъяснял ей все то, чего она не знала, но так жадно хотела узнать.

— И помните еще вот что, мисс Виман! Если вы человек честолюбивый, то вы ни в коем случае не можете ограничить свою цель и стремления вот этакими статеечками самого незначительного удельного веса. Избегайте рутины. Помните, что такая работа носит всегда несколько трюковый характер. Владейте ею, но ни в коем случае не давайте ей овладеть вами. Эту форму вы во что бы то ни стало должны осилить, потому что если она вам не дастся, то ничто другое, литературное, не будет вам доступно. Короче говоря, вложите в это маленькое дело всю свою индивидуальность, рассмотрите его внутри, снаружи, с боков, сверху, снизу, но оставайтесь сами собой: помните это неукоснительно. А теперь позвольте пожелать вам всего доброго!

Они вместе дошли до дверей и обменялись крепким рукопожатием.

— И еще одна вещь! — остановил он поток ее благодарности. — До того как вы сдадите материал, принесите мне просмотреть его. Я думаю, что смогу внести в него две-три не лишних поправки.

Эдна нашла хозяина Лупса.

Это был полный, тяжелый мужчина, с необыкновенно густыми бровями, довольно мрачного вида, не выпускавший изо рта сигару. Как она узнала, его фамилия была Саймс. Эрнст Саймс.

— Что делаете? — резко спросил он, почти не дав ей открыть рот.

— Лирическая певица, солистка, сопрано! — быстро, согласно совету Ирвина, ответила она.

— Фамилия как? — снова спросил хозяин, даже не удостаивая ее взглядом.

Она замялась. Она так стремительно занялась своим делом, что даже не подумала о том, чтобы обзавестись сценическим именем.

— Какое-нибудь имя есть у вас? Сценическое имя, фамилия? — нетерпеливо воскликнул Саймс.

— Нэн Белейн! — придумала она в один миг: — *Белейн*!

Он нацарапал ее фамилию в своей записной книжке.

— Готово! Вам выступать в среду и субботу!

— А сколько я буду получать? — осведомилась новая артистка.

— По два с половиной за выступление. За два выступления — пять! Выплата по первым понедельникам после второго выступления.

И, не сочтя даже нужным бросить ей «до свидания!», он повернулся к ней спиной и снова погрузился в газету, от которой она оторвала его своим приходом.

Эдна явилась в среду вечером, очень рано. Она захватила с собой Летти; театральный костюм положила в футляр из-под телескопа. Простой платок, занятый у прачки, старая юбка, занятая у поденщицы, седой парик, взятый на прокат у костюмера по двадцати пяти центов в вечер, — вот был и весь ее костюм. После долгих размышлений она остановилась на роли старой ирландки, поющей горестные песни по случаю отъезда ее единственного сына.

Несмотря на то что они пришли очень рано, театральная машина работала уже во всю. На сцене шло представление, оркестр играл, а публика время от времени аплодировала. Любителей набралось и набилось такое множество, что они попадались на каждом шагу, загромождали кулисы, прохо-

ды, даже часть сцены, всем мешали, становились у всех на дороге и сильно тормозили закулисную работу. Особенно досаждали они профессионалам, которые, как и следовало ожидать, считали себя несравненно выше и поэтому смотрели на любителей как на форменных париев и обращались с ними крайне грубо и надменно. Эдна попала в водоворот. Ее немилосердно толкали, пихали, швыряли, но это нисколько не мешало ей самым внимательным образом наблюдать за всем и в то же время с отчаянным видом прижимать к груди свой футляр с платьем и искать уборную.

После долгих поисков она, наконец, нашла уборную, занятую тремя любительницами-«леди», которые с невероятным шумом и отвратительным визгом возились около единственного зеркала. Ее собственный наряд был до того прост, что отнял у нее совсем немного времени, и она вскоре рассталась с тремя леди, заключившими временное вооруженное перемирие и внимательно следившими за ней. Летти неотступно была при ней, и, призвав на помощь невероятное терпение и такое же упорство, они, наконец, добрались до какой-то кулисы, откуда кое-как могли видеть, что происходит на сцене.

Маленький черненький юркий и изящный человек во фраке и цилиндре выделывал какие-то красивые, неторопливые па и подпевал себе тонюсеньким, крохотным голоском. Похоже, песня его была патетического характера. Когда голос, казалось, совсем было изменил ему, какая-то громадная женщина, с копной светлых волос на голове, грубо протискалась между Эдной и Летти, наступила им на ноги и с презрительным видом растолкала их по сторонам.

— Вот паршивые любители! — прошипела она, пройдя мимо, и через минуту оказалась уже на сцене, отвешивая грациозные поклоны публике, в то время как маленький черненький человечек все еще вытанцовывал свои замысловатые па.

— Здорово, девочки!

Это приветствие, произнесенное очень протяжно и с особенной вокальной лаской в каждом слоге, заставило Эдну несколько податься в сторону от неожиданности. Гладко выбритое, луноподобное лицо посылало ей самую добродушную улыбку на свете. По наряду соседа можно было судить, что он готовится изобразить типичного, узаконенного театрального босяка, несмотря на отсутствие неизбежных бакенбард.

— Ну, это чепуха! Приклеить их — дело одной секунды! — объяснил он, заметив легкое недоумение в ее глазах и размахивая бутафорскими бакенбардами. — От них страшно потеешь! — продолжал он свое объяснение и затем заключил свою речь вопросом: — А вы что работаете?

— Лирическая певица, сопрано! — ответила Эдна, стараясь проявить как можно больше развязности и уверенности.

— А на какого дьявола вам делать это? — бесцеремонно спросил он.

— А так, шутки ради! — в том же тоне отозвалась она.

— Как только мои глаза остановились на вас, я тотчас же понял это. Послушайте, барышня, а не работаете ли вы для газеты, а?

— За всю мою жизнь я видела только одного редактора газеты, — уклончиво ответила она, — и надо вам сказать... что мы с ним сразу не поладили.

— Вы что, за работой пришли к нему?

Эдна беспечно кивнула головой, напрасно пытаясь как можно скорее найти предлог для того, чтобы переменить тему разговора.

— Ну, и что же он сказал вам?

— А сказал он мне вот что: за одну последнюю неделю у него перебывало целых восемнадцать барышень таких же, как я.

— Что называется, сразу заморозил, так, что ли? — Молодой человек с луноподобным лицом расхохотался и ударил себя по бедрам. — Как видите, мы тоже не лишены наблюдательности. Воскресные газеты страшно хотят напечатать что-нибудь такое насчет «любительских вечеров»,

но нашему хозяину не очень это улыбается. При одной мысли об этом у него глаза на лоб выскакивают.

— А вы что работаете? — спросила девушка.

— Кто? Я? Я сегодня играю босяка, трампа. Разве вы не знаете: я — Чарли Уэлш!

Она поняла, что это имя должно было сразу бросить яркий свет на его носителя, но ее хватило только на то, чтобы вежливо сказать:

— Ах, вот как!

Она чуть-чуть не рассмеялась, увидев, как от разочарования вытянулось лицо ее собеседника, но она скрыла свое смешливое состояние.

— Нет, послушайте, милая моя! — резко произнес он. — Это невозможно! Не может быть, чтобы вы были здесь и никогда не слышали о Чарли Уэлше! Не иначе как вы слишком молоды. Поймите же, я — единственный, единственный настоящий любитель! Несомненно, вам приходилось видеть меня! Я — повсюду. При желании я легко мог бы сделаться профессионалом, но играть любителя гораздо выгоднее.

— Но что значит «единственный»? — осведомилась она. — Мне интересно знать, что это такое!

— Конечно, конечно! — очень галантно отозвался Чарли. — Я сейчас дам вам самые исчерпывающие сведения. Единственный — это несравненный, неподражаемый. Это человек, который любое дело делает лучше всякого другого человека! Вот и все! Поняли?

Эдна поняла.

— Для того, чтобы еще больше убедить вас, — продолжал он, — я попрошу вас внимательно посмотреть на меня. Я — единственный настоящий любитель, который знает, может и умеет все! Сегодня я показываю босяка. Имейте в виду, что имитировать гораздо труднее, чем в самом деле играть. Любительское искусство — самое настоящее, самое высокое искусство! Изволите видеть! Я могу делать все, начиная с чтения монологов до характерных танцев в гол-

ландских пантомимах. Помните же: я — Чарли Уэлш, Единственный Чарли Уэлш!

И таким образом, в то время как маленький черненький человечек и дородная светловолосая женщина исполняли свои изящные танцы, а затем сменились другими профессионалами, Чарли Уэлш посвящал Эдну во все особенности театральной жизни, снабжал ее самой разнообразной и превосходной информацией, которую девушка старательно откладывала в своей памяти на потребу читателям «Sunday Intelligencer».

— Ах, вот и он! — вдруг воскликнул Чарли. — Его светлость ищет вас. Вам первой выступать: вы начинаете программу. Не обращайте внимания на публику, когда выйдете на сцену. Работайте, как настоящая леди, и больше ничего!

В этот момент Эдна почувствовала, как ей изменяет журналистское самолюбие, и она готова была отдать все на свете за то, чтобы очутиться где-нибудь в другом месте. Но режиссер, точно леший, наскочил на нее и отрезал отступление. Она ясно слышала вступительную музыку оркестра и по наступившей тишине в зале поняла, что публика ждет ее выхода.

— Ну, иди же! — прошептала над ее ухом Летти и ободряюще пожала ей руку. С противоположной стороны она услышала решительный голос Чарли Уэлша:

— Да не робейте! Чего там!

Но у нее было такое состояние, точно ноги ее приросли к полу и никак не могут оторваться. Она в бессилии прислонилась к ближайшей стене. Оркестр снова сыграл вступительную фразу, и из публики послышался единственный голос, произнесший отчетливо до ужаса:

— Вот оробела! Подбодрись, Нэн!

По театру прокатился оглушительный хохот, и Эдна отскочила еще дальше от сцены. Но в ту же минуту могучая рука антрепренера опустилась на ее плечо и быстрым, сильным толчком выдвинула ее вперед, к рампе. Публика прежде всего увидела его плечо и руку, поняла, что разыгралось за

кулисами, и залпом аплодисментов приветствовала решительность директора. В зале воцарился такой хаос, что звуки оркестра совершенно тонули в нем, и Эдна отметила такое интересное явление: смычки с большим усердием гуляли по скрипкам, а ни единого звука не было слышно. При таких условиях она никак не могла начать свой номер и поэтому, упершись руками в бока и до крайности напрягая слух, она спокойно стояла и ждала, пока публика, наконец, угомонится; она не знала, что в таком шуме заключается любимейший прием местной аудитории, умеющей смущать исполнителей.

Вскоре Эдна уже вполне овладела собой. Она успела осмотреть весь зрительный зал, от верхних до нижних ярусов, увидела безграничное море улыбающихся, очень веселых лиц, которые, волну за волной, изрыгали чисто звериный хохот, — и тогда взыграла ее холодная шотландская кровь. Оркестр старался по-прежнему, но по-прежнему не слышалось ни звука, и тогда Эдна придумала следующее: в свою очередь не издавая ни единого звука, она начала шевелить губами, жестикулировать руками, покачиваться из стороны в сторону, — словом, проделывать все то, что полагается певице на сцене. Желая заглушить голос Эдны, публика начала еще более неистовствовать и шуметь, но девушка с невозмутимым спокойствием продолжала свою пантомиму. Казалось, так будет тянуться до бесконечности, как вдруг вся аудитория, словно по уговору, замолчала, желая услышать певицу, и только теперь убедилась в шутке, которую та сыграла с ней. На одно мгновение в зале воцарилась абсолютная тишина. Слышны были только звуки оркестра, и видны беззвучно шевелящиеся губы исполнительницы. Окончательно убедившись в хитрости Эдны, публика снова разразилась оглушительными аплодисментами и тем признала полную победу любительницы. Этот момент Эдна сочла наиболее подходящим для своего ухода. Отвесив глубокий поклон, она стремительно убежала со сцены и очутилась в объятиях Летти.

Самое ужасное миновало, и весь остаток вечера она провела среди любителей и профессионалов, беседовала, слушала, замечала, доискивалась значения многочисленных явлений, с которыми она столкнулась впервые, и мысленно все записывала. Чарли Уэлш продолжал свою роль гида и добровольного ангела-хранителя и делал это так удачно, что к концу вечера Эдна считала себя начиненной всем необходимым для статьи. Но она условилась с директором, что выступит у него два раза, и ее самолюбие требовало, чтобы она выполнила обещание. Кроме того, в течение нескольких дней между обоими выступлениями у нее возникли некоторые сомнения технического порядка и их необходимо было проверить. Вот почему в субботу вечером она снова очутилась в Лупсе, рядом с сестрой, держа в руках футляр из-под телескопа и платье для сцены.

Директор, казалось, ждал ее, и она уловила выражение облегчения в его глазах, когда он первый увидел ее. Он поспешил к ней навстречу, поздоровался и отвесил почтительнейший поклон, который не имел ничего общего с его обычными людоедскими манерами. Когда он поклонился, она заметила через его плечо ироническую усмешку Чарли Уэлша, который был тут же.

Но сюрприз только еще начинался. Директор деликатно попросил Эдну познакомить его с сестрой, после чего чрезвычайна мило побеседовал с обеими и все время держал себя выше всяких похвал. Он дошел даже до того, что отвел Эдне отдельную уборную, к неописуемой досаде трех леди, с которыми она познакомилась в первый вечер. Эдна ничего не понимала до тех пор, пока не встретилась в коридоре с Чарли Уэлшем, пролившим свет на загадочное поведение Саймса.

— Здравствуйте, милая! — приветствовал он девушку. — Что, вышли уже на вольную дорогу, и теперь все как по маслу пошло?

Она ответила ему ясной улыбкой.

— А все это потому, что людоед принимает вас за репортершу! — пояснил Чарли. — Ну и забавно было смотреть, как он лебезил перед вами. А теперь скажите мне вполне честно: вы и вправду репортерша?

— Ведь я уже говорила вам про мою связь с редакциями газет! — ответила она. — Я абсолютно честна была и тогда, и теперь!

Но Чарли Уэлш недоверчиво покачал головой.

— Впрочем, это не так важно! — сказал он. — Дело такое! Если вы репортерша, то, когда будете писать, катните этак строчки две-три и на мой счет. А если же вы не репортерша, то... и не надо! Вот и все! Скажу вам только одно: не пристали вы к нашему двору, не ваше это дело!

После того как она исполнила свой номер с темпераментом настоящего любителя, директор возобновил свое наступление. Наговорив ей кучу любезностей, он сразу нажал на педаль:

— Позволяю себе надеяться, что вы ничего дурного о нас не скажете? — спросил он весьма многозначительно. — Ведь вы тоже находите, что у нас все обстоит как нельзя лучше, не так ли?

— О, — с самым невинным видом ответила она, — вам теперь уж никак не удастся убедить меня еще раз выступить! Я знаю, что понравилась и вам, и публике, но клянусь, что я больше не в силах... не могу никак!

— Позвольте, позвольте, ведь вы знаете, о чем я говорю! — произнес он таким тоном, что мигом снова проступили все его бульдогские черты.

— Нет, нет, я никак не могу! — продолжала Эдна. — Пребывание в вашем театре слишком отражается на моих нервах.

Он окинул ее смущенным взглядом и прекратил свой допрос. Но в понедельник утром, когда она, согласно условию, пришла за расчетом, он, в свою очередь, смутил ее:

— Тут, очевидно, вышло какое-то недоразумение! — нагло солгал он. — Если я не ошибаюсь, мы с вами говорили толь-

ко об оплате проезда. Мы всем платим только за проезд. Кто же платит любителям за выступления? Если бы утвердилась подобная система, то наша игра потеряла бы и прелесть, и смысл. Нет, Чарли Уэлш обманул вас — вот и все! Он не получает ни цента за свои выступления у нас. Повторяю, ни один любитель ничего не получает. Прямо смешно даже думать об этом. Пятьдесят центов я могу вам дать: за проезд ваш и сестры. И, — слащаво добавил он: — позвольте вам от имени администрации Лупса выразить глубокую благодарность за ваши милые и очень удачные выступления.

Согласно обещанию Эдна в тот же день отправилась к Максу Ирвину со своей статьей, переписанной на машинке. Пробегая ее, старый журналист время от времени покачивал головой и все время поддерживал беглый огонь метких, отрывистых замечаний.

— Хорошо! Так, верно! Подмечено правильно! Психология чудесная! Хорошая мысль! Схвачено как следует! Превосходно! Сильно! Метко! Живо! Картинно, очень картинно! Превосходно! Превосходно!

Дойдя до точки на последней странице, он поднял руку и произнес следующее:

— Милая мисс Виман, от души поздравляю вас. Должен вам сказать, что вы превзошли все мои ожидания и требования, которые были весьма и весьма велики. Вы — журналистка, самая настоящая журналистка! У вас есть именно то, что для этого дела требуется, теперь я окончательно убедился в этом. Я нисколько не сомневаюсь, что «Intelligencer» примет вашу статью с превеликим удовольствием. Он обязан принять ее. А если он не примет, то другие газеты с радостью ухватятся за нее.

— Позвольте, позвольте! — воскликнул он минутой позже, и лицо его приняло озабоченное выражение. — Почему вы не коснулись оплаты за выступления? Ведь вы помните, что я специально подчеркнул эту особенность «любительских вечеров».

— Нет, этого нельзя допустить! — сердито произнес он и покачал головой, когда она сказала ему, как расплатился с ней Саймс! — Вы во что бы то ни стало должны получить у него гонорар. Но как бы устроить это? Давайте подумаем.

— Ах, мистер Ирвин, не стоит! — сказала она. — Вы и без того достаточно потрудились для меня. Позвольте мне воспользоваться вашим телефоном, и я снова поговорю с ним. Может быть, он согласится теперь уплатить мне.

Он освободил для нее место за своим письменным столом, и она взяла в руку трубку.

— Чарли Уэлш болен, — начала она, когда ее соединили с театром. — Что? Что? Нет, я не Чарли Уэлш. Чарли Уэлш болен, и его сестра хочет узнать, может ли она явиться в контору, чтобы получить за него?

— Скажите сестре Чарли Уэлша, что Чарли Уэлш собственной персоной был сегодня в конторе и получил все, что ему причиталось! — последовал грубый и резкий, как обычно, ответ Саймса.

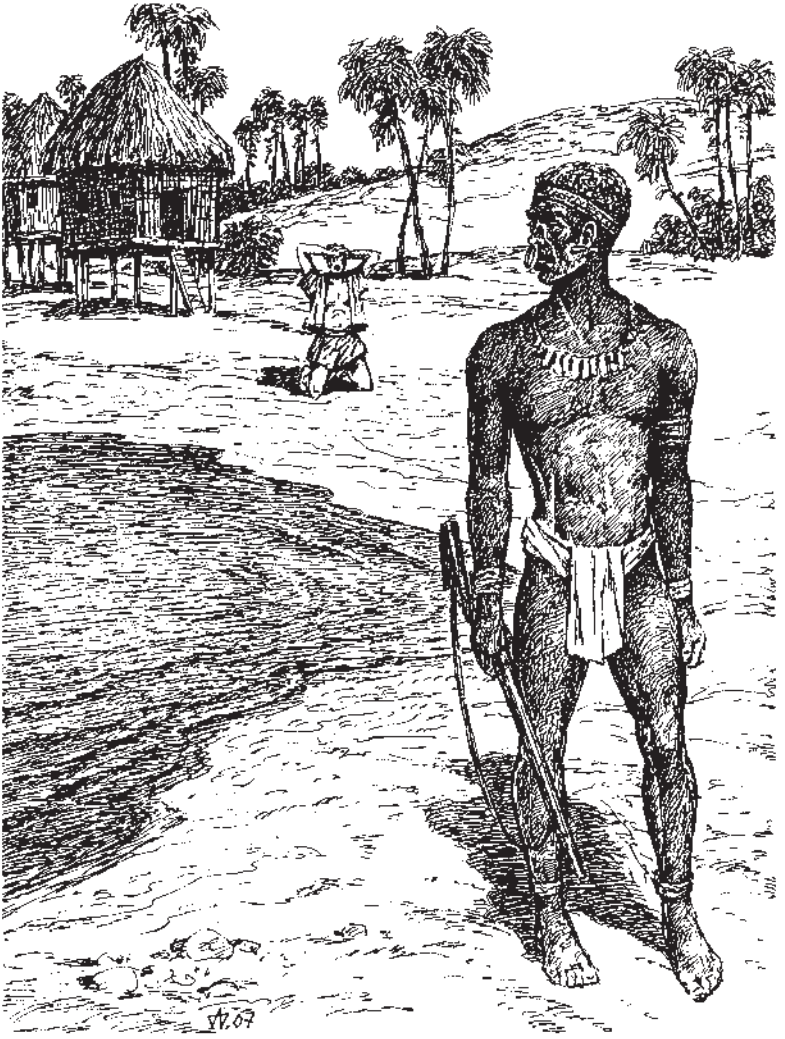
— Прекрасно! — продолжала Эдна. — А теперь Нэн Белейн желает узнать, может ли она сегодня вечером явиться с сестрой в контору и получить гонорар, причитающийся Нэн Белейн?

— Что он говорит? Что он говорит? Что он сказал? — возбужденно спросил Макс Ирвин, когда Эдна повесила трубку.

— Он сказал, что Нэн Белейн слишком яркая для него птичка, и добавил, что она может явиться сегодня вечером с сестрой и получить гонорар, а заодно и полный расчет.

— И еще одна вещь! — остановил он поток ее благодарности, когда, как и в первый визит, проводил ее до дверей. — Теперь, когда вы доказали мне свои права на звание журналиста, окажите мне честь и разрешите дать вам рекомендательное письмо в редакцию «Intelligencer».

РАССКАЗЫ ЮЖНЫХ МОРЕЙ



ДОМ МАПУИ

Плавно скользила под слабым бризом тяжелая, неуклюжая «Аораи». Капитан, ловко лавируя, лег в дрейф как раз против опасной полосы прибоя. Атолл Хикуэрэ слегка возвышался над водой; во время прилива песчаный круг измельченного коралла, в сто ярдов шириной и двадцать миль в окружности, поднимался от трех до пяти футов над уровнем моря. Дно обширной зеркальной лагуны изобиловало жемчужными раковинами, и с палубы шхуны, находившейся за узким кольцом атолла, можно было различить водолазов, поглощенных работой. Вход в лагуну оставался недоступным даже для торговых шхун. При благоприятном ветре гребные суда пробирались туда по извилистому мелкому каналу, но шхуны разгружались и нагружались вне его пределов; туда они посылали свои небольшие лодки.

Без промедления «Аораи» спустила лодку, и около полудюжины темнокожих матросов, с одними лишь ярко-красными повязками на бедрах, проворно вскочили в нее. Они разместились у весел, а место на корме у руля занял молодой человек, одетый в белое — отличительный признак европейца под тропиками. Но это не был чистокровный европеец. Золотая кровь полинезийца просвечивала сквозь его светлую, позолоченную солнцем кожу и рассыпала золотистые блики в мерцающей синеве его глаз. Рауль, Александр Рауль, был младшим сыном Марии Рауль, зажиточной квартеронки, владевшей полудюжиной торговых шхун.

Пересекая водоворот, образовавшийся у самого входа, скользя и взлетая на пенистые, бурлящие волны, лодка прокладывала себе путь к зеркальному спокойствию лагуны. Молодой Рауль выпрыгнул на белый песок и обменялся

рукопожатием с высоким туземцем. Грудь и плечи этого человека были великолепны, но обрубок правой руки с выдававшейся на несколько дюймов и побелевшей от времени костью свидетельствовал о столкновении с акулой, которая положила конец его благоденствию и превратила в льстеца и проныру, добивающегося ничтожных подачек.

— Вы слыхали, Алек? — были его первые слова. — Мапуи нашел жемчужину — и какую! Никогда такой жемчужины не вылавливали в Хикуэрэ и во всем Паумоту. Да такой вы нигде не сыщете. Купите ее. Она сейчас у него. И помните, что я первый сообщил вам о ней. Он простак и продаст дешево. Есть у вас табак?

Вверх по берегу Рауль направился к хижине, скрытой пандановым деревом. Рауль был судовым приказчиком своей матери, и на нем лежала обязанность объезжать острова всего Паумоту и скупать местные сокровища — копру, раковины и жемчуг.

Судовым приказчиком он был недавно, в этом звании отплывал лишь второй раз, и недостаток опытности в оценке жемчуга доставлял ему немало тайных мучений. Но когда Мапуи показал ему жемчужину, он постарался скрыть свое восхищение под равнодушием делового человека.

Жемчужина поразила его. Величиной она была с голубиное яйцо безукоризненной формы. Ее опаловая белизна искрилась отраженными лучами всех красочных тонов. Она казалась живой. Рауль никогда не видел ничего подобного. Когда Мапуи опустил жемчужину ему на руку, ее вес удивил его и убедил в том, что это действительно редкий экземпляр. Он тщательнее рассмотрел ее в карманную лупу. Ни единого пятнышка, ни малейшего изъяна! Безукоризненно чистая, она, казалось, растворяется в воздухе.

В тени она неясно светилась, словно молодой месяц. Она была такой прозрачно-белой, что, опустив ее в стакан воды, он с трудом нашел ее там. Быстро и ровно упала она на дно, и это свидетельствовало о превосходном весе.

— Хорошо. Что ты хочешь за нее? — спросил он с напускной небрежностью.

— Я хочу... — начал Мапуи, а за его спиной закивали такие же темные, как его, лица двух женщин и девочки, выражая свою полную солидарность с его желанием. Их головы наклонились вперед; сдерживаемое нетерпение оживляло их лица; жадностью горели глаза.

— Я хочу дом, — продолжал Мапуи. — Дом с крышей из гальванизированного железа и восьмиугольными стенными часами. Он должен быть сорока футов в длину, с террасой вокруг. Хочу, чтобы в доме была большая комната с круглым столом посредине и с восьмиугольными часами на стене. Там должны быть четыре спальни, по обе стороны большой комнаты, а в каждой спальне — железная кровать, два стула и умывальник. Позади дома кухня — хорошая кухня с горшками, кастрюлями и печкой. И дом ты должен построить на моем острове, на Факарава.

— Все? — недоверчиво спросил Рауль.

— В доме должна быть швейная машина, — громко заявила Тефара, жена Мапуи.

— Не забудь о восьмиугольных часах на стене, — прибавила Наури, мать Мапуи.

— Да, это все, — подтвердил Мапуи.

Молодой Рауль засмеялся. Он хохотал долго и искренно. Но в то же время в уме решал арифметическую задачу.

Никогда в жизни он не строил домов, и его познания в этой области были туманны. Продолжая смеяться, он вычислял стоимость проезда на Таити за материалом, стоимость материала и обратного путешествия на Факараву, расходы по выгрузке материала на берег и по постройке дома. Общая сумма достигала четырех тысяч французских долларов, не считая страховки — четыре тысячи французских долларов, или же двадцать тысяч франков. Это невозможно. Откуда он мог знать стоимость такой жемчужины? Двадцать тысяч франков — изрядная сумма денег; к тому же деньги были материнские.

— Мапуи, — сказал он, — ты большой дурак. Назначь цену наличными деньгами.

Но Мапуи покачал головой, и вместе с ним качнулись три головы за его спиной.

— Я хочу дом, — повторил он. — Дом в сорок футов длиною, с террасой вокруг.

— Да, да, — прервал его Рауль. — Я слыхал о твоем доме, но так дело не пойдет. Я даю тебе тысячу чилийских долларов.

Четыре головы дружно качнулись, отказываясь дать согласие.

— И на сто чилийских долларов товара.

— Я хочу дом, — снова начал Мапуи.

— Что толку в доме? — задал вопрос Рауль. — Первый же ураган сметет его с лица земли. Тебе бы следовало это знать. Капитан Рэффи говорит, что и сегодня нам не миновать урагана.

— Не на Факарава, — ответил Мапуи. — Там местность значительно выше. На этом острове, да. Каждый ураган может смести Хикуэрэ. У меня будет дом на Факарава. Он должен быть сорока футов в длину, с террасой вокруг...

И Рауль еще раз выслушал повествование о доме. Несколько часов потратил он, стараясь выбить навязчивую идею из головы Мапуи. Но жена Мапуи, и мать, и дочь Нгакура поддерживали его в этом решении.

Выслушивая в двадцатый раз детальное описание требуемого дома, Рауль сквозь открытую дверь заметил причалившую к берегу вторую лодку со шхуны. Матросы оставались на веслах, что указывало на необходимость немедленного возвращения.

Первый помощник «Аораи» выпрыгнул на берег и, обменявшись фразой с одноруким туземцем, поспешил навстречу Раулю. Внезапно стало темно: поднявшийся вихрь затмил солнце. На поверхности лагуны Рауль различил приближающуюся зловещую полосу волн, вздутых ветром.

— Капитан Рэффи передает вам, что, оставаясь здесь, вы попадете в дьявольскую переделку, — объявил помощник.

— Если здесь имеются какие-нибудь раковины, придется вернуться за ними позже — вот что говорит капитан. Барометр упал до двадцати девяти семьдесят.

Бешеный порыв ветра ударил по пандановому дереву, под которым сидел Рауль, и понесся сквозь пальмовую рощу, сбрасывая спелые кокосы, со стуком падавшие на землю. Издалека приближался дождь, слышался злобный рев ветра, вздымающего воду лагуны пенистыми, мятущимися валами. С резким шумом первые капли дождя упали на листья, когда Рауль вскочил на ноги.

— Тысячу чилийских долларов получай наличными, Мапуи, — сказал он. — И на двести чилийских долларов товара.

— Я хочу дом, — твердил тот.

— Мапуи! — воскликнул Рауль, стараясь перекричать шум ветра. — Ты дурак!

Он выбежал из хижины и вместе с помощником стал пробираться по берегу к лодке. Лодки не было видно. Тропический ливень окутал их плотной завесой; они различали лишь почву под ногами да злобные маленькие волны лагуны, хлещущие и разъедающие песок.

Какая-то фигура выпрыгнула из-под завесы дождя. То был однорукий Хуру-Хуру.

— Получили жемчужину? — крикнул он в самое ухо Раулю.

— Мапуи дурак! — последовал ответный крик, и через секунду они потеряли друг друга в низвергающемся потоке дождя.

Полчаса спустя Хуру-Хуру с берега атолла, обращенного к морю, увидел, как подняли обе лодки, и «Аораи» повернулась носом к открытому морю. Неподалеку показалась другая шхуна; она неслась с моря на крыльях шквала, затем легла в дрейф и спустила на воду лодку. Он узнал ее. Это была «Орогена», принадлежавшая Торики — полукровке-торговцу, самолично выполнявшему обязанности судового приказчика. И в данный момент, несомненно, он сидел на

корме своей шлюпки. Хуру-Хуру отрывисто рассмеялся. Он знал, что Мапуи год назад взял в долг у Торики товар.

Шквал затих. На зеркальной поверхности лагуны сверкали горячие лучи солнца. Но воздух оставался удушливым и вязким, тяжесть его давила на легкие и затрудняла дыхание.

— Вы слышали новость, Торики? — спросил Хуру-Хуру. — Мапуи нашел жемчужину. Никогда такой жемчужины не вылавливали ни в Хикуэрэ, ни в Паумоту, ни где бы то ни было. Мапуи — простак. К тому же он вам должен. Помните, что я первый сообщил вам. Есть у вас табак?

И Торики направился к травяной хижине Мапуи. Он был человек наглый и глуповатый. Беззаботно взглянул он на удивительную жемчужину — бросил лишь один взгляд, — а затем спокойно опустил ее в карман.

— Тебе повезло, — сказал он. — Прекрасная жемчужина. Я открою тебе кредит.

— Я хочу дом, — начал было ошеломленный Мапуи. — Дом в сорок футов длиною...

— В сорок футов, рассказывай своей бабушке! — был ответ торговца. — Тебе надо уплатить долг — вот и все. Ты был должен мне двенадцать сотен чилийских долларов. Прекрасно! Теперь ты ничего мне не должен. Счет погашен. А кроме того, я открываю тебе кредит на двести чилийских. Если, добравшись до Таити, я выгодно продам жемчужину, я тебе открою кредит еще на одну сотню. Итого три сотни. Но помни: только в том случае, если хорошо продам жемчужину. Я ведь могу и потерять на ней.

Мапуи, горестно сжав руки, сидел с опущенной головой. У него отняли жемчужину. Вместо дома пришлось уплатить долг. И ничего осязаемого он не получил.

— Ты дурак, — сказала Тефара.

— Ты дурак, — повторила Наури, его мать. — Зачем ты дал ему в руки жемчужину?

— Что мне было делать? — оправдывался Мапуи. — Я ему должен. Он знал, что у меня есть жемчужина. Вы сами слы-

шали — он просил ее показать. Я ему ничего не говорил. Он знал. Кто-то сказал ему. А я ему был должен.

— Мапуи дурак, — повторила, как попугай, Нгакура.

Ей было двенадцать лет, и она не давала себе отчета в происходившем.

Мапуи дал выход своим чувствам, закатив ей пощечину.

А в это время Тефара и Наури заливались слезами и с женским упрямством продолжали его укорять.

Хуру-Хуру со своего наблюдательного поста на берегу увидел третью шхуну, которая легла в дрейф у входа в лагуну и спустила шлюпку. Это была «Хира»: удачное название, так как шхуна принадлежала Леви, немецкому еврею, самому богатому из всех скупщиков жемчуга, а Хира, как известно, — таитянский бог рыбаков и воров.

— Слыхали новость? — бросился Хуру-Хуру к высадившемуся на берег Леви, толстому человеку с массивными, неправильными чертами лица. — Мапуи нашел жемчужину. Не было еще такой жемчужины ни в Хикуэрэ, ни во всем Паумоту, ни где бы то ни было на свете. Мапуи дурак. Он продал ее Торики за четырнадцать сотен чилийских. Я подслушал и знаю. Торики глуповат. Вы можете дешево купить у него жемчужину. Не забудьте, что я первый сообщил. Есть у вас табак?

— Где Торики?

— В доме капитана Линча, пьют абсент. Он сидит там уже целый час.

И пока Леви и Торики пили абсент и торговались, Хуру-Хуру подслушивал. Он узнал, что они сошлись на неслыханной цене — двадцать пять тысяч франков!

В это время «Орогена» и «Хира», подплыв ближе к берегу, начали стрелять из пушек и сигнализировать. Когда оба торговца и капитан вышли на берег, обе шхуны поспешно отплывали, спуская гроты и бом-кливера, спасаясь из пасти шквала, который пришпоривал их и гнал по белеющей пеною воде.

Затем дождь поглотил их.

— Они вернутся, когда пройдет шквал, — сказал Торики. — Разумней было бы и нам не оставаться здесь.

— Барометр, должно быть, упал еще ниже, — заметил капитан Линч.

Это был седобородый морской волк, слишком старый, чтобы продолжать службу; он понимал, что для него с его астмой Хикуэрэ — единственное подходящее место для жизни. Он вошел в дом проверить барометр.

— Великий Боже! — услышали они его восклицание и бросились вслед за ним взглянуть на стрелку, остановившуюся на двадцать девять двадцать.

Все трое снова вышли, на этот раз озабоченно и внимательно поглядывая на море и на небо. Шквал утих, но небо оставалось мрачным. На море показались обе шхуны и присоединившаяся к ним третья; на всех парусах они возвращались назад. Но ветер изменил направление, и паруса безжизненно повисли, а пять минут спустя ветер внезапно подул с другой стороны, отшвырнул шхуны назад, и стоявшие на берегу видели, как в один момент снасти были сорваны.

Громко, глухо угрожая, шумел прибой; шли тяжелые, вздувшиеся бесчисленные валы. Ослепительно вспыхнула страшная полоса молнии, мощными раскатами загрохотал гром.

Торики и Леви бросились сквозь завесу дождя к своим лодкам, прыгающим на волнах подобно испуганным гиппопотамам. Когда обе лодки выскользнули из прохода, мимо них пронеслась в лагуну лодка с «Аораи».

На корме, ободряя гребцов, стоял Рауль. Он не в состоянии был выбросить из головы мысль о жемчужине и возвращался, готовый уплатить за нее Мапуи домом.

Он высадился на берег под гремящим, захлестывающим ливнем, таким густым, что ничего не видно было вокруг, и столкнулся с Хуру-Хуру.

— Слишком поздно, — крикнул Хуру-Хуру. — Мапуи продал ее Торики за четырнадцать сотен чилийских, а Торики

уступил ее Леви за двадцать пять тысяч франков. А Леви продаст ее во Франции за сто тысяч франков. Есть ли у вас табак?

Рауль почувствовал облегчение. Настал конец всем его тревожным колебаниям. Ему не нужно было больше беспокоиться, хотя жемчужина и не досталась ему. Но он не поверил Хуру-Хуру. Мапуи еще мог продать ее за четырнадцать сотен чилийских, но чтобы Леви, знаток жемчуга, заплатил за нее двадцать пять тысяч франков!.. Это казалось преувеличением. Рауль решил расспросить капитана Линча. Но, подойдя к дому старого моряка, он застал его взирающим широко раскрытыми глазами на барометр.

— Что он показывает? — с беспокойством спросил капитан, протирая очки и снова вглядываясь в прибор.

— Двадцать девять десять, — ответил Рауль. — Этого я еще никогда не видел.

— Ну, еще бы! — фыркнул капитан. — Пятьдесят лет я плавал по всем морям, а такого падения барометра еще не видывал. Слушайте!

На секунду они притихли. Прибой грохотал и сотрясал дом. Они вышли. Шквал миновал. На расстоянии мили они различили лежавшую в дрейфе «Аораи» с обвисшими парусами. Она ныряла и безумно металась на страшных волнах, стройной процессией катившихся на северо-восток и яростно взлетающих на коралловый берег. Один из матросов указал на зияющую пасть канала и покачал головой. Рауль поглядел в ту сторону и увидел вскипающую белую пену и мятежные волны.

— Я думаю, придется на ночь остаться с вами, капитан, — сказал он. Затем, повернувшись к матросу, приказал ему втащить лодку на берег и приискать себе и товарищам убежище на ночь.

— Ровно двадцать девять, — возвестил капитан Линч, возвращаясь со стулом в руках после вторичного обследования барометра.

Он сел и стал смотреть на море. Показалось солнце; духота все увеличивалась. Мертвое затишье продолжалось. Волнение же на море росло.

— Понять не могу, откуда эти волны? — возмущенно проворчал Рауль. — Ветра нет, но посмотрите на море, полюбуйтесь-ка этой волной!

Волна, увлекавшая десятки тысяч тонн воды и растянувшаяся на несколько миль, потрясла неустойчивый атолл, дрогнувший словно при землетрясении. Капитан Линч испугался.

— Боже милостивый! — воскликнул он, приподнимаясь со стула и снова падая на него.

— Но нет же ветра, — продолжал недоумевать Рауль. — Понимаю, если бы был ветер.

— Дождетесь и ветра; нечего скучать по нем, — раздался угрюмый ответ.

Оба погрузились в молчание. Пот выступил на их коже мириадами маленьких капель; эти капельки, сливаясь вместе, образовали большие капли, те в свою очередь соединялись и струйками стекали на землю. Дышать было трудно, особенно тяжело пришлось старику. А море заливало берег и лизало стволы кокосовых пальм, подступая почти к ногам Рауля и капитана.

— Никогда так не поднимался уровень воды, — заметил капитан Линч, — а я уже одиннадцать лет живу здесь. — Он посмотрел на часы. — Сейчас три часа.

Мимо медленно прошли подавленные горем мужчина и женщина; за ними тянулась пестрая свита мальчуганов и собачонок. Они остановились позади дома и после долгих колебаний уселись на песок. Пять минут спустя другая семья притащилась с противоположной стороны; мужчины и женщины несли домашний скарб. И скоро сотни людей различного возраста и пола столпились вокруг жилища капитана. Он подозвал одну только что прибывшую женщину с грудным ребенком на руках и, расспросив ее, узнал, что вода смыла ее дом в лагуну.

Дом капитана был расположен на самой высокой площадке атолла. Уже во многих местах мощные волны пробили настоящие бреши в тонком коралловом кольце и слились с водой лагуны. Кольцо имело двадцать миль в окружности, а максимальная его ширина достигала ста ярдов. Был разгар сезона ловли жемчуга, и сюда собрались туземцы со всех окружающих островов, даже таких отдаленных, как Таити.

— Здесь тысяча двести человек: мужчин, женщин и детей, — сказал капитан Линч. — Интересно, сколько останется к утру.

— Но почему нет ветра? Вот что хотелось бы мне знать, — спросил Рауль.

— Не волнуйтесь, молодой человек, не волнуйтесь; вам и без того придется поволноваться.

Не успел капитан Линч закончить фразу, как громадная водяная масса обрушилась на атолл. Морская вода забурлила под их стульями, на три дюйма покрыв землю. Унылый испуганный вопль вырвался из толпы женщин. Дети, цепляясь за них руками, с ужасом смотрели на несметные валы и жалобно плакали. Цыплята и кошки в смятении перебегали по воде и в поисках убежища взлетали и карабкались на крышу дома капитана. Один туземец, с новорожденными щенятами в корзине, влез на кокосовую пальму и на высоте двадцати футов от земли прикрепил корзину. Сука в отчаянии барахталась внизу в воде, визжа и лая.

А солнце все еще ярко светило, и мертвый штиль продолжался. Капитан и Рауль сидели, наблюдая за волнами и бешено раскачивавшейся «Аораи». Капитан Линч смотрел на быстро несущиеся огромные горы воды, затем закрыл лицо руками, чтобы избавиться от этого зрелища, и немного погодя вошел в дом.

— Двадцать восемь шестьдесят, — спокойно объявил он, вернувшись.

В руках он держал веревку, сложенную в кольцо. Разрезав ее на несколько кусков, по пятнадцать футов в каждом, один

кусок он передал Раулю, один оставил себе, а остальные распределил между женщинами, советуя им выбрать крепкое дерево и взобраться на него.

Легкий ветерок повеял с северо-востока, и, почувствовав свежее дыхание воздуха на щеках, Рауль оживился. Он увидел «Аораи» с поставленными парусами, удалявшуюся от берега, и пожалел, что не на борту. Там он, конечно, был бы спасен; что же касается атолла... Море вторгалось сюда, почти сбивая его с ног, и он наметил себе дерево. Но, вспомнив о барометре, побежал к дому и столкнулся с капитаном Линчем, шествовавшим в том же направлении; вместе они вошли в дом.

— Двадцать восемь двадцать, — сообщил старый моряк. — Похоже на то, что светопреставление начинается... а это еще что?

Казалось, что-то несется навстречу, рассекая воздух. Дом дрожал и колебался; они услышали монотонные отголоски мощной, звучной ноты. Окна дребезжали. Разбились две чашки. Ворвалась струя сквозного ветра и, ударив по капитану и Раулю, заставила их пошатнуться. Противоположная дверь с треском захлопнулась; щеколда сломалась. Белая дверная ручка упала на пол и разбилась. Стены комнаты трепетали, словно стенки баллона, который наполняют газом. Раздался гул, похожий на ружейный выстрел, и морская пена окатила стену дома. Капитан Линч взглянул на часы. Было четыре часа. Он надел пальто из грубого сукна, снял с крючка барометр и спрятал его во вместительный карман. Снова море с тяжелым гулом ударило в дом, и хрупкое строение заколыхалось и немного сдвинулось со своего фундамента, осев под углом в десять градусов.

Рауль вышел первым. Ветер подхватил его и завертел, увлекая вперед. Рауль заметил, что ветер дует с востока. С большим усилием он бросился на песок и, съежившись, старался удержаться. Капитан Линч, уносимый ветром, словно клок соломы, повалился на него. Два матроса с «Аораи»,

спустившись с кокосовой пальмы, на которую взобрались, поспешили к ним на помощь: согнувшись вдвое, чтобы противостоять ветру, они отвоевывали каждый дюйм пути.

Суставы старика окоченели, и он не мог подняться на дерево. Матросы, связав короткие куски веревки, втянули его наверх и привязали к верхушке дерева, в пятидесяти футах над землей. Рауль обвил своей веревкой ствол ближайшего дерева и ждал. Ветер сбивал с ног. Никогда Рауль не представлял себе такой жестокой силы ветра. Волны перебрасывались через атолл, сбегая в лагуну, и скоро он вымок до колен. Солнце скрылось, спустились свинцовые сумерки. Несколько капель дождя, секшего почти горизонтально, ударили его, словно свинцовые пули. Брызги соленой пены хлестали по лицу, будто осыпая пощечинами. Щеки горели; слезы выступали на его глазах, разъеденных соленой водой. Несколько сот туземцев разместились на деревьях, и Рауль не прочь был посмеяться над этими гроздьями людей, украсившими верхушки. Будучи уроженцем Таити, он ловко согнулся вдвое, обхватил руками ствол, прижал к нему ступни и начал взбираться на дерево. На верхушке он нашел двух женщин, двух детей и мужчину. Маленькая девочка сжимала в руках кошку.

С высоты своего гнезда он сделал рукой приветственный знак капитану, и отважный патриарх ответил ему тем же. Небо пугало Рауля. И действительно, оно словно придвинулось ближе, казалось, опускалось на его голову и из свинцового превратилось в черное. Внизу, на земле, оставалось еще много народу. Люди толпились у подножия деревьев и цеплялись за стволы. В нескольких группах молились, и мормонский миссионер ободрял их. Чарующий звук, ритмичный и слабый, как нежная песня сверчка, на секунду коснулся его слуха, и в этот момент Рауль смутно подумал о небе и небесной музыке. Он оглянулся и увидел у подножия другого дерева большую группу людей, державшихся за веревки и друг за друга. Он видел их напряженные лица

и согласно движущиеся губы. Звуки не достигали его слуха, но он понял, что они пели гимны.

Ветер все усиливался. Измерить силу ветра Рауль был не в состоянии. Этот ураган давно уже смел всякое представление о ветре, но Рауль все же как-то угадывал, что ветер дует еще сильнее. Неподалеку упало дерево, вырванное с корнями, и попадали на землю живые гроздья. Волна омыла эту полосу песка и поглотила людей. События развивались быстро. Он увидел коричневое плечо и черную голову на бурлящей белизне лагуны. А через секунду все исчезло. Падали другие деревья и ломались точно спички. Мощь ветра изумляла Рауля. Дерево, на котором он приютился, гнулось; одна из женщин плакала и прижимала к себе маленькую девочку, а та в свою очередь цеплялась за кошку.

Мужчина, державший другого ребенка, коснулся руки Рауля и указал ему вниз. Тот взглянул и увидел мормонскую церковь, которая неслась по воде словно пьяная. Она сорвалась с фундамента, ветер и волны подхватили ее и влекли к лагуне. Страшная водяная гора приподняла ее и понесла, швыряя о стволы кокосовых пальм. Гроздья человеческих тел осыпались, будто спелые кокосы. Отливающая волна оставила их на земле; некоторые лежали неподвижно, другие метались и корчились. Они странно напоминали муравьев. Рауль не был потрясен. За той гранью, какую он переступил, человек не ведает ужаса. Спокойно, как на обычное явление, смотрел он на следующую волну, очистившую песок от человеческих останков. Третья волна, чудовищнее всех до сей поры им виденных, увлекла мормонскую церковь в лагуну, и церковь, полузатопленная, гонимая ветром, поплыла в темноту, напомнив Раулю ветхозаветный Ноев ковчег.

Он посмотрел в сторону дома капитана Линча и с изумлением увидел, что дома нет. Действительно, события чередовались быстро. Рауль заметил, что многие из приютившихся на деревьях теперь спускаются на землю. Но ветер все усиливался — Рауль мог судить об этом по тому дереву, на котором

сидел. Оно не качалось больше, сгибаясь и выпрямляясь. Теперь оно казалось почти неподвижным и, согнутое ветром, дрожало мелкой дрожью. Дрожь эта вызывала тошноту. Мелкая, частая, она была подобна вибрированию камертона или язычка варгана[1] и действовала в высшей степени неприятно. И хотя корни крепко держали дерево, оно не могло противостоять такому напору и должно было подломиться.

А вот и еще одно дерево погибло. Он не заметил, как оно упало, и видел только уцелевшую половину ствола. Расслышать ничего было нельзя, так как все звуки — и треск деревьев, и человеческие вопли отчаяния — терялись в этом величественном необъятном грохоте моря и ветра. Когда подломилось дерево капитана Линча, Рауль как раз смотрел в ту сторону и видел, как ствол бесшумно сломался пополам.

Верхушка дерева с тремя матросами с «Аораи» и старым капитаном понеслась к лагуне. Она не коснулась земли и словно плыла по воздуху, как огромный клок соломы. Он следил за ее стремительным полетом, пока она не достигла моря. Напрягая зрение, он заметил, что капитан Линч машет ему на прощание рукой.

Теперь Рауль решил не терять времени. Он дотронулся до туземца и подал знак, что пора спуститься на землю. Мужчина на это соглашался, но женщины оцепенели от ужаса, и туземец предпочел остаться с ними. Рауль обвязал веревку вокруг ствола и скользнул вниз. Поток соленой воды пронесся над его головой. Он задержал дыхание и с силой отчаяния уцепился за веревку. Волна отхлынула, и под прикрытием ствола он передохнул. Он едва успел надежней закрепить веревку, как его снова накрыла волна. Одна из женщин спустилась и присоединилась к нему. Туземец остался на дереве с другой женщиной, двумя детьми и кошкой.

---

[1] Музыкальный инструмент — железная полоса, согнутая лирой, с вставленным посредине стальным язычком.

Рауль еще раньше заметил, как постепенно редеют группы, жмущиеся у подножия деревьев. Теперь та же участь грозила и ему. Он собрал все силы, чтобы противостоять напору волн, но женщина, присоединившаяся к нему, заметно слабела. Непрерывно заливаемый волнами, он удивлялся, что и он, и женщина — оба еще целы и невредимы. Наконец, вынырнув еще раз, он увидел, что остался один. Он поднял голову. Вершина дерева исчезла; мелкой дрожью дрожал расщепленный ствол. Итак, он был спасен. Корни еще крепко держались, а верхушка была срезана начисто. Рауль начал взбираться по стволу. Но, ослабев, продвигался медленно, и волна за волной окатывали его, пока он не поднялся над ними. Там он привязал себя к стволу и приготовился встретить ночь.

Окутанный тьмой, он чувствовал себя очень одиноким. Временами ему казалось, что наступил конец света, и он — единственный человек, оставшийся в живых. А ветер все усиливался, с каждым часом крепчал. Около одиннадцати часов, по вычислениям Рауля, ветер достиг предельного напряжения. То было страшное чудовище, неистово вопящая фурия; разрушительный вихрь налетал беспрерывно, неустанно. Раулю казалось, что он сам стал легким и словно эфирным и теперь несется вперед, с невероятной быстротой прорывая непроницаемую толщу материи. Ветер перестал быть воздушным течением. Он казался плотным, как вода или ртуть. У Рауля было такое чувство, что этот воздух можно осязать и рвать на куски, точно мясо; казалось, можно ухватиться за него и держаться, повиснув на нем, как на выступе скалы.

Ветер давил его. Рауль не мог сопротивляться его порывам, не мог дышать. Ветер растягивал его легкие, как пузыри, врывался в рот и ноздри. Ему казалось в эти моменты, что тело его пухнет, переполняясь песком. И только прижав губы к стволу дерева, он мог вздохнуть. Неутомимый напор ветра истощил его силы. Тело и мозг изнемогали. Он больше ни на что не смотрел, не думал и впал в полусознатель-

ное состояние. Только одна мысль еще мерцала в сознании: «Так вот что такое ураган!» Эта мысль, обрываясь, снова возникала в нем, подобно случайным вспышкам слабого пламени. Из состояния полного отупения он снова возвращался к ней: «Так вот что такое ураган!»

И опять погружался в оцепенение...

Бешеный натиск урагана длился от одиннадцати ночи до трех часов утра. В одиннадцать часов сломалось дерево, куда взобрался Мапуи с семьей. Мапуи выплыл на поверхность лагуны, прижимая к себе свою дочь Нгакуру. Только островитяне южных морей могут вынести такой удушающий вихрь и волнение. Пандановое дерево, к которому он привязал себя, беспрестанно переворачивалось в бурлящей пене. Мапуи цеплялся за него, то ныряя вместе с ним, то высовываясь из воды, и, напряженный, увертывался от грозящих ударов. Лишь благодаря необычайной ловкости мог он выплывать вместе с Нгакурой на поверхность, чтобы набраться воздуха. Но воздух был пропитан водой от летящих брызг и потоков дождя, падающего отвесно, сплошной завесой.

Оставалось пересечь лагуну, проплыть десять миль до противоположного берега атолла. Швыряемые из стороны в сторону стволы деревьев, бревна, обломки лодок и разрушенных домов убивали девятерых из десяти несчастных, переплывавших лагуну.

Полузадушенные, изнемогающие, быстро попадали они в эту дьявольскую ступку и здесь, искалеченные, разбитые, превращались в бесформенные трупы. Но Мапуи повезло. На спасение у него был один шанс из десяти, и этот шанс выпал ему благодаря извечным капризам судьбы. Истекающий кровью, Мапуи был выброшен на берег. Левая рука Нгакуры была сломана; пальцы правой раздроблены; щека и лоб ободраны до кости. Мапуи обхватил ствол уцелевшего дерева и, держа девочку, прижался к нему, глубоко, прерывисто вбирая воздух. А в это время волны с лагуны омывали его до колен, иногда поднимаясь до талии.

Около трех часов ярость урагана начала стихать. К пяти часам подул свежий, резкий бриз, а в шесть наступило затишье и засияло солнце. Волнение на море улеглось. На берегу еще не совсем утихшей лагуны Мапуи видел разбитые тела тех, кому не удалось спастись. Несомненно, Тефара и Наури были среди них. Он побрел вдоль берега, осматривая трупы, и нашел свою жену, которая лежала, наполовину погруженная в воду. Он сел возле нее и заплакал — стал испускать резкие, животные стоны. Вдруг она пошевельнулась и застонала. Он стал ближе присматриваться к ней. Она не только была жива, но на теле ее не оказалось даже никаких ран. Просто она спала. Ей также выпал один шанс из десяти.

Из тысячи двухсот человек в живых оказалось триста. Мормонский миссионер и жандарм сделали перепись. Лагуна кишела трупами. Ни одного дома, ни одной хижины не было видно. На всем атолле не осталось камня на камне. Из каждых пятидесяти кокосовых пальм уцелела одна, но и та была искалечена, и ветер сбил все орехи. Пресной воды не было. Вода в мелких водоемах, до краев переполненных дождем, оказалась насыщенной солью. Из лагуны вытащили несколько промокших мешков с мукой. Оставшиеся в живых вырезали сердцевину из упавших кокосовых пальм и съедали ее. Вырывая в песке ямы и покрывая их обломками железных крыш, они сооружали повсюду маленькие норы и вползали в них. Миссионер устроил грубый перегонный куб, но не в силах был перегнать воду для трехсот человек. К концу второго дня Рауль, купаясь в лагуне, заметил, что жажда его слегка утихла. Он сообщил эту новость, и тотчас же триста человек мужчин, женщин и детей вошли по шею в лагуну и утолили жажду, впитывая воду порами кожи. Мертвецы плавали вокруг, и все новые трупы поднимались со дна. На третий день оставшиеся в живых похоронили своих покойников и стали ждать пароходов.

Тем временем Наури, оторванная ураганом от своей семьи, совершила путешествие, полное приключений. Уце-

пившись за грубую доску, которая поранила ее и покрыла все тело занозами, она на волнах перелетела через атолл в открытое море. Здесь, под страшными ударами водяных гор, она потеряла свою доску. Наури была старая шестидесятилетняя женщина, но, как уроженка Паумоту, она сжилась с морем. Плывя во тьме, испуганная, задыхающаяся, она ловила каждый глоток воздуха. Вдруг ее больно ударил в плечо кокосовый орех. В одно мгновение в голове ее созрел план. Она схватила орех. В продолжение следующего часа она поймала еще семь кокосов. Связанные вместе, они образовали спасательный пояс, который сохранял ей жизнь, но в любой момент мог превратить ее тело в кашу. Она была толстой женщиной и сильно страдала от ударов. Но ураганы ей были не в новинку, и, не переставая молиться своему богу акул, чтобы сохранил ее от них, она выжидала, пока утихнет ветер. Однако к трем часам она находилась в таком отупении, что ничего уже не сознавала. В таком же состоянии она была и в шесть часов, когда наступил штиль. И только выброшенная на берег, она пришла в себя.

С ободранной кожей, с окровавленными руками и ногами, ползла она, выкарабкиваясь из затягивающих ее волн отлива, пока не оказалась за их пределами.

Она знала, куда ее выбросили волны. Несомненно, то был маленький островок Такокота. Здесь не было лагуны. Никто тут не жил. Хикуэрэ находился в пятнадцати милях отсюда. Видеть Хикуэрэ она не могла, но знала, что он расположен к югу. Дни шли; она питалась кокосами, на которых приплыла. Они заменяли ей воду и пищу. Но она не могла напиться и наесться вдосталь. Спасение было проблематично. Она видела на горизонте дым пароходов, но разве можно было надеяться, что какой-нибудь пароход подойдет к заброшенному, необитаемому Такокота?

Первое время ее мучили трупы. Море упорно выбрасывало их на берег, и она, пока не истощались силы, с таким же упорством бросала их назад в море, где акулы подхваты-

вали их и пожирали. Когда она ослабевала, трупы окаймляли берег, и, испытывая суеверный ужас, она уходила как можно дальше, в глубь острова.

На десятый день последний кокосовый орех был съеден, и она корчилась от мучительной жажды. Еле передвигая ноги, она бродила по берегу в поисках орехов. Странно было, что вокруг плавает столько трупов и нет ни одного ореха, тогда как, казалось бы, кокосов должно быть больше. Наконец она прекратила поиски и, совершенно изможденная, легла. Приближался конец. Оставалось только ждать смерти.

Выйдя из оцепенения, она начала медленно сознавать, что все время, не отрываясь, смотрит на клок ярко-рыжих волос на голове одного из трупов. Волна ближе прибила труп, а затем оттащила обратно. Он перевернулся, и Наури увидела, что лица у него нет. Эти ярко-рыжие волосы казались ей знакомыми. Она не старалась опознать труп. Она ждала смерти, и ей мало было дела до того, кем мог быть этот ужасный мертвец.

Но через час она медленно приподнялась и пристально уставилась на труп. Огромная волна отбросила его дальше, куда не достигали меньшие волны. Да, Наури не ошиблась: эта копна ярко-рыжих волос могла принадлежать одному только человеку в Паумоту — Леви, немецкому еврею, скупавшему жемчуг и увозившему его на «Хире». Итак, ясно одно: «Хира» погибла. Божество рыбаков и воров отвернулось от скупщика жемчуга.

Она подползла к мертвому. Рубашка его была разодрана, и она увидела на трупе кожаный пояс для денег. Затаив дыхание, она с усилием расстегнула пряжку. Это оказалось гораздо проще, чем она ожидала. Торопливо поползла она по песку, волоча за собой пояс. Она расстегивала карман за карманом, но они были пусты. Куда же он ее спрятал? В последнем кармане она нашла ее — первую и единственную жемчужину, купленную им в это плавание. Она отползла на несколько шагов, подальше от зловонного пояса,

и осмотрела находку. Это была та самая жемчужина, найденная Мапуи и отнятая у него Торики. Она взвесила ее на руке и осторожно стала перекатывать по ладони. Но подлинной ее красоты она не замечала. В ней она видела дом, так заботливо построенный мысленно Мапуи, Тефарой и ею. Всякий раз, взглянув на жемчужину, она видела дом во всех его деталях, включая и восьмиугольные часы на стене. Для этого стоило жить.

Она оторвала полоску от своей юбки и крепко привязала жемчужину к шее. Затем побрела вдоль берега, задыхаясь, охая, но упорно продолжая искать кокосовые орехи. Неожиданно она нашла один и, осмотревшись кругом, другой. Разбив орех, она выпила сок, который был уже испорчен, и съела сердцевину. Немного позже она нашла разбитую лодку, в которой недоставало колышка, заменяющего уключину. Наури не теряла надежды и к концу дня нашла колышек. Каждая находка была счастливым предзнаменованием.

Жемчужина оказалась талисманом. К вечеру Наури увидела глубоко сидящий в воде деревянный ящик. Когда она вытаскивала его на берег, в ящике что-то тарахтело — там оказалось десять жестянок с лососиной. Колотя по лодке, она пробила одну жестянку: показался сок, и Наури высосала его. В продолжение нескольких часов вытаскивала она по кусочкам лососину из жестянки.

Еще восемь дней ждала она, что ее спасут. За это время она успела прикрепить колышек к лодке, привязав его волокнами кокосовых орехов и употребив в дело все, что осталось от ее юбки. Лодка была в трещинах, и Наури никак не удавалось сделать ее непроницаемой для воды, тогда она решила использовать вместо черпака скорлупу кокосового ореха. С большим трудом соорудила она весло. Куском жестянки обрезала до самых корней все свои волосы и из них сплела веревку. С помощью этой веревки она привязала трехфутовую палку к доске от ящика, зубами выгрызла клинья и этими клиньями укрепила веревку, скрепляющую весло.

На восемнадцатый день, дождавшись прилива, она в полночь спустила на воду лодку и поплыла обратно на Хикуэрэ. Эта старая толстая женщина от непосильной работы потеряла весь свой жир; остались кости да кожа, да жилистые мускулы. Лодка была большая, и управлять ею должны были трое сильных людей. Но Наури гребла одна, пользуясь самодельным веслом. Лодка сильно протекала, и много времени уходило на вычерпывание воды. В ясном дневном свете Наури высматривала Хикуэрэ, но тщетно. За кормой исчезла Такокота, словно потонула в море. Жгучие лучи солнца палили обнаженное потное тело Наури. Оставалось еще две жестянки с лососиной; она пробила в них дыры и выпила сок. Терять время на вытаскивание по кусочкам лососины она не смела. Течение уносило ее к западу, и все время она должна была бороться с ним, направляя лодку на юг.

С приближением сумерек она выпрямилась в лодке и, наконец, увидела Хикуэрэ. Его пышные кокосовые пальмы исчезли. И лишь кое-где видела она ободранные уцелевшие деревья. Теперь Наури приободрилась.

Она оказалась значительно ближе к цели, чем предполагала. Течение все относило ее к западу. Борясь с ним, она продолжала грести. Связывающая весло веревка растянулась, и Наури теряла много времени, скрепляя ее. То и дело она вычерпывала воду. Через каждые два часа приходилось работать черпаком. А течение все время относило ее к западу.

К заходу солнца Хикуэрэ находился в трех милях от нее, на юго-востоке. Было полнолуние; к восьми часам Наури приблизилась к острову на одну милю. Еще час изо всех сил боролась она с течением, но земля была все так же далеко. Наури находилась в самом центре течения; лодка была очень большая, а весло несоразмерно маленькое; много времени и сил тратила Наури на вычерпывание воды. Вдобавок старуха сильно ослабела. Несмотря на все ее усилия, лодку относило на запад.

Наури произнесла молитву богу акул, соскользнула за борт и поплыла. Вода освежила ее; вскоре лодка осталась далеко позади, а через час Наури значительно приблизилась к берегу. Но тут-то и надвинулась опасность: прямо перед ней, на расстоянии двадцати шагов, широкий плавник разрезал воду. Она решительно поплыла на него. Неторопливо акула скользнула в сторону, обогнула Наури справа и стала кружиться возле. Та, не отрывая глаз от плавника, продолжала плыть. Когда он исчезал, она опускала лицо в воду и высматривала акулу. Когда плавник снова появлялся, она плыла дальше. Чудовище обленилось, она это видела. Несомненно, оно насытилось после урагана. В противном случае, оно, разумеется, накинулось бы на нее. Длиной акула была в пятнадцать футов и одним движением челюстей могла перерезать ее пополам.

Но нельзя было терять столько времени из-за акулы. Плыла Наури или останавливалась, но течение по-прежнему влекло ее прочь от земли. Прошло полчаса, и акула расхрабрилась. Не видя ничего угрожающего со стороны Наури, она придвинулась ближе, все суживая круги, и, скользя, нагло таращила на нее глаза. Наури знала: рано или поздно акула наберется храбрости и бросится на нее. И старуха решила сделать первый шаг. Эта мысль была вызвана отчаянием. Одинокая старуха, заброшенная в море, ослабевшая от голода и тяжелой работы, отважилась напасть на этого морского хищника, предупреждая его нападение.

Она продолжала плыть, выжидая удобного случая. Наконец акула лениво проплыла мимо, всего лишь в восьми шагах от нее. Старуха рванулась к ней, словно переходя в наступление. Акула яростно взмахнула хвостом; его жесткая чешуя содрала с Наури кожу от локтя до самого плеча. Поспешно уплывая, акула все расширяла круги и, наконец, скрылась.

...В норе, вырытой в песке и покрытой сверху обломками железной крыши, лежали и спорили Мапуи и Тефара.

— Если б ты сделал так, как я говорила, — в тысячный раз повторяла Тефара, — спрятал бы жемчужину и не говорил о ней никому, она была бы сейчас у тебя.

— Но ведь Хуру-Хуру был со мной, когда я открыл раковину, — сколько раз мне повторять!

— А теперь у нас не будет дома. Рауль сказал мне сегодня, что если б ты не продал жемчужину Торики...

— Я ее не продавал. Торики отнял ее у меня.

— Если б ты не продал жемчужину, он дал бы тебе пять тысяч французских долларов, а это равняется десяти тысячам чилийских.

— Он поговорил с матерью, — пояснил Мапуи. — Она знает толк в жемчуге.

— А теперь жемчужина потеряна, — жаловалась Тефара.

— Я уплатил долг Торики. Ведь я был должен ему тысячу двести.

— Торики умер, — крикнула она. — О его шхуне никто ничего не слыхал. Она погибла вместе с «Аораи» и «Хирой». Разве Торики откроет тебе кредит на триста долларов? Нет, потому что Торики умер. А если б ты не нашел жемчужину, был бы сейчас должен Торики тысячу двести? Нет, Торики умер, а мертвому ты не мог бы заплатить.

— Ведь и Леви не заплатил Торики, — сказал Мапуи. — Отдал ему клочок бумаги, за который в Папеэтэ Торики мог бы получить деньги. А теперь Леви умер и не может заплатить; и Торики умер, бумага пропала, и жемчужина погибла. Ты права, Тефара. Я упустил жемчужину и ничего не получил за нее. А теперь давай спать.

Но вдруг он поднял руку и прислушался. Откуда-то доносились звуки, словно кто-то с трудом, тяжело дышит. Чья-то рука нерешительно ощупывала циновку, служившую вместо двери.

— Кто там? — крикнул Мапуи.

— Наури, — послышался ответ. — Не можешь ли ты сказать, где мой Мапуи?

Тефара испуганно вскрикнула и схватилась за руку мужа.

— Привидение! — пролепетала она. — Привидение!

У Мапуи лицо пожелтело от ужаса. Он слегка придвинулся к дрожащей жене.

— Добрая женщина, — выговорил он, заикаясь и силясь изменить голос. — Я хорошо знаю твоего сына. Он живет на восточном берегу лагуны.

Раздался вздох, Мапуи почувствовал некоторую гордость: он одурачил привидение.

— Но откуда ты пришла, старуха? — спросил он.

— С моря, — был унылый ответ.

— Так я и знала! Так и знала! — закричала Тефара, покачиваясь из стороны в сторону.

— С каких это пор Тефара ночует в чужом доме? — послышался из-за циновки голос Наури.

Мапуи боязливо и укоризненно посмотрел на жену: ведь это ее голос их выдал.

— А с каких пор Мапуи, мой сын, отрекся от своей старой матери? — продолжал голос.

— Нет, нет, я не отрекался, Мапуи не отрекался от тебя, — закричал он. — Я не Мапуи. Говорю тебе, он живет на восточном берегу лагуны.

Нгакура приподнялась на кровати и начала плакать. Циновка заколыхалась.

— Что ты делаешь? — спросил Мапуи.

— Я хочу войти, — сказал голос Наури. Конец циновки приподнялся. Тефара пыталась нырнуть под одеяла, но Мапуи цеплялся за нее. Ему нужно было за кого-нибудь уцепиться.

Они боролись друг с другом, дрожали, стуча зубами, и пристально расширенными глазами смотрели на поднимающуюся циновку. И, наконец, увидели медленно входившую Наури. Морская вода струйками стекала с нее. Юбки на ней не было.

Они отскочили, вырывая друг у друга одеяло Нгакуры, чтобы прикрыться им.

— Вы могли бы дать матери хоть глоток воды, — жалобно сказало привидение.

— Дай ей воды, — приказала Тефара дрожащим голосом.

— Дай ей воды, — повторил приказание Мапуи, обращаясь к Нгакуре.

И вдвоем они вытолкнули Нгакуру из-под одеяла. Через минуту, выглядывая украдкой из-за жениной спины, Мапуи увидел, что привидение пьет. Когда же оно протянуло дрожащую руку и положило ее на руку Мапуи, он почувствовал ее тяжесть и убедился, что это не привидение. Тогда он встал, таща за собой Тефару, и через несколько минут все они слушали повествование Наури. А когда она рассказала о Леви и положила жемчужину на руку Тефары, та убедилась, что свекровь ее жива.

— Утром, — сказала Тефара, — ты продашь жемчужину Раулю за пять тысяч французских долларов.

— А дом? — спросила Наури.

— Рауль построит дом, — отвечала Тефара. — Он говорит, что дом будет стоить четыре тысячи долларов. А на одну тысячу он нам даст товаров в кредит. Одна тысяча французских равняется двум тысячам чилийских.

— И дом будет в сорок футов длиною? — допытывалась Наури.

— Ну, конечно, — ответил Мапуи, — в сорок футов.

— И в средней комнате будут восьмиугольные часы на стене?

— Конечно! И круглый стол.

— Дайте же мне чего-нибудь поесть, я голодна, — с довольным видом сказала Наури. — А после этого мы ляжем спать, я устала. Завтра мы еще поговорим о доме, прежде чем продавать жемчужину. Лучше было бы взять тысячу французских наличными. Приятнее иметь деньги, чем кредит на покупку товаров у купцов.

КИТОВЫЙ ЗУБ

Это произошло давно на островах Фиджи, в селении Реве, в миссионерском доме. Джон Стархэрст поднялся и громко заявил о своем намерении проповедовать Евангелие племенам всего Вити-Леву. Вити-Леву, иначе — «Великая Страна» — самый большой остров в группе, состоящей из многих больших островов и множества мелких. На побережье Вити-Леву приютилась горсточка белых людей: то были миссионеры, торговцы, рыбаки и дезертиры с китобойных судов. Жизнь их всегда висела на ниточке. Под окнами их домов нередко поднимался дым жарких печей, а мимо дверей тащили на пиршества тела убитых.

Лоту — богопочитание — распространялось медленно и нередко ползло вспять, подобно раку. Вожди, объявлявшие себя христианами и с восторгом принятые в лоно Церкви, имели прискорбное обыкновение впадать в грех, соблазняясь мясом какого-нибудь давно намеченного врага. Съесть либо быть съеденным — таков был закон страны, и власть его над страной обещала быть очень продолжительной. Иные вожди, например Таноа, Туйвейкозо и Туикилакила, поедали своих собратьев сотнями. Но среди этих ненасытных первое место занимал Ра Ундреундре, проживавший в Такираки. Он вел счет своим трофеям. Ряд камней перед его хижиной символизировал тела, съеденные им. Этот ряд простирался на двести тридцать шагов в длину, а камней в нем было восемьсот семьдесят два. Каждый камень соответствовал одной жертве. Ряд этот оказался бы и длиннее, если бы Ра Ундреундре не получил коварного удара копьем в крестец во время схватки в зарослях Сомо-Сомо. И Ра Ундреундре был подан на стол Наунгавули, ничтожный ряд камней которого отмечал всего лишь сорок восемь побед.

Изнуренные тяжелой работой, истощенные лихорадкой, миссионеры твердо стояли на посту и упорно выполняли

свой долг. Временами, впадая в отчаяние, они все же надеялись на какое-то чудо, вроде благодарного сошествия святого духа в виде огненных языков, которое принесло бы им великую жатву душ.

Но людоеды Фиджи оставались по-прежнему упорными. Курчавоголовые лакомки не желали отказываться от своих горшков с мясом, пока жатва была обильна. Иногда пленных бывало слишком много, и каннибалы, шантажируя миссионеров, тайком распускали слух, что в такой-то день произойдет процедура избиения и состоится пиршество. Миссионеры спешили откупить жизнь жертв и раздавали пачки табака, коленкор и связки бус. Уступая этот избыток живого мяса, вожди тем не менее получали большую прибыль от подобных сделок, ибо всегда имели возможность совершить нападение на другие селения и захватить еще пленных.

Вот при каких обстоятельствах объявил Джон Стархэрст о своем намерении проповедовать слово Божие по побережью Великой Страны. Он сказал, что начнет с горных твердынь у верховьев реки Ревы. Его слова были приняты с изумлением и ужасом.

Проповедники из туземцев даже прослезились. Два товарища-миссионера всеми силами пытались его отговорить. Повелитель острова Ревы заявил, что жители гор несомненно сделают с ним «каи-каи», или иначе — съедят, и что он, повелитель Ревы, познавший Лоту, вынужден будет идти на них войной, а жители гор непобедимы, это он хорошо знал. Они могут спуститься вниз по реке и разгромить селение Реву — это повелитель острова Ревы тоже прекрасно знал. Но что было ему делать? Если же Джон Стархэрст все-таки хочет туда отправиться, он будет съеден, а тогда вспыхнет война и сотни людей погибнут.

К вечеру того же дня депутация вождей Ревы посетила Джона Стархэрста. Он терпеливо их выслушал, спокойно с ними поговорил, но ни на шаг не отступил от своего решения. Своим товарищам-миссионерам он заявил, что

вовсе не намерен стать мучеником; он лишь выполняет волю Бога, призвавшего его и повелевшего проповедовать Евангелие жителям Вити-Леву.

Торговцам, убеждавшим его особенно пылко, он сказал:

— Ваши доводы ничего не стоят. Вами руководит лишь опасение понести убытки в ваших делах. Ваши интересы сводятся к накоплению денег, мой же — к спасению душ человеческих. Язычники этой темной страны должны быть спасены.

Джон Стархэрст не был фанатиком. Он первый стал бы возражать против такого обвинения. Он был в высшей степени практичным и рассудительным человеком. В благих результатах своей миссии он не сомневался и лелеял мечту зажечь в душах горных жителей искру священного огня и открыть им путь к новой жизни; и новая жизнь разольется затем вглубь, вширь и вдаль — по всей Великой Стране, от моря и до моря, до самых отдаленных островов, затерянных в океане. Мягкие серые глаза его не горели огнем безумия; им руководила спокойная решимость и непоколебимая вера во всемогущего Бога.

Нашелся лишь один человек, который одобрил его намерение. Это был Ра Вату. Он ободрял его и предложил ему проводников до подножия первых холмов. Джону Стархэрсту доставило величайшую радость поведение Ра Вату. Закоснелый язычник, Ра Вату — с сердцем таким же черным, как его поступки, — начинал как будто исправляться. Он даже поговаривал о принятии христианства. Правда, уже три года тому назад он выразил подобное желание — и был бы принят в лоно Церкви, если бы Джон Стархэрст не воспротивился его намерению захватить с собой всех своих четырех жен. И с экономической, и с этической точки зрения Ра Вату был противником моногамии. Кроме того, его оскорбила такая неосновательная придирка миссионера, и, желая продемонстрировать свою полную независимость, он взмахнул дубиной над головой Стархэрста. Стархэрст спасся лишь бла-

годаря тому, что успел подскочить к Ра Вату и плотно к нему прижаться. Он сжимал его до тех пор, пока не подоспела помощь. Но теперь все было забыто и прощено. Ра Вату готов стать членом Церкви, и не только как обращенный язычник, но и как раскаявшийся полигамист. Он уверял Стархэрста, что лишь ждет смерти своей самой старой, больной жены.

В одном из каноэ Ра Вату Джон Стархэрст направился вверх по тихому течению Ревы. На каноэ он должен был плыть два дня до того места, где судоходство на реке прекращается.

Вдали виднелись громады туманных гор, поднимающихся к самому небу: то был горный хребет Великой Страны. Весь день Джон Стархэрст, не отрываясь, с жадным нетерпением смотрел в ту сторону.

Временами он тихо молился. Иногда к его молитве присоединялся Нарау, туземец-проповедник, семь лет назад принявший христианство после того, как был спасен от пылающей печи доктором Джемсом Эллери Брауном. Этот доктор внес за него грошовый выкуп: несколько пачек табака, два шерстяных одеяла и большую бутылку целебного бальзама.

Только в последний момент, после двадцатичасовых молитв в полном уединении, ухо Нарау удостоилось услышать глас, призывающий его идти в горы с Джоном Стархэрстом.

— Господин, я иду с тобой, — объявил он.

Джон Стархэрст с тихой радостью приветствовал его решение. Поистине Господь Бог не оставит его — Джона Стархэрста, если даже такое слабое существо, как Нарау, вызвалось сопровождать его.

— Я действительно не из храбрых, я — слабейший из сосудов господних, — объяснял Нарау в первый день пути.

— Ты должен верить, крепко верить, — сказал ему миссионер.

В тот же день другое каноэ отправилось в путь вверх по течению Ревы. Но оно шло позади и старалось держаться незаметно. Это каноэ тоже принадлежало Ра Вату. В нем находился Эрирола, двоюродный брат Ра Вату и преданный

его слуга. Всю дорогу он не выпускал из рук маленькой корзинки, где лежал китовый зуб.

Это был великолепный китовый зуб — шесть дюймов длины, идеальной формы, слегка пожелтевший, с красноватым оттенком от времени. Зуб был собственностью Ра Вату. С появлением на Фиджи китового зуба связан любопытный обычай. Вот в чем он заключается: всякий, получивший китовый зуб, не имеет права отказать в просьбе тому, кто этот зуб ему подарил. Просьбы могли быть самые разнообразные: можно требовать и человеческой жизни, и братского союза между племенами. И ни один уроженец Фиджи не обесчестит себя отказом ее исполнить, раз китовый зуб им уже принят. Иногда просьба откладывается на некоторое время или выполнение ее замедляется, но последствия всегда неизбежны.

К концу второго дня пути Джон Стархэрст остановился почти у самых истоков Ревы, в деревне одного вождя, по имени Монгондро.

Утром он рассчитывал отправиться пешком, в сопровождении Нарау, к вершинам туманных гор, казавшихся вблизи бархатисто-зелеными. Монгондро, старый маленький вождь, кроткого нрава, приветливый, близорукий, страдающий слоновой болезнью, не питал больше склонности ко всем треволнениям войны. Миссионера он встретил с радушным гостеприимством, дал ему пищу со своего стола и даже завязал с ним спор на религиозные темы. Монгондро обладал любознательным умом и весьма обрадовал Джона Стархэрста, обратившись к нему с просьбой объяснить сущность и происхождение бытия.

Кратко рассказав вождю о сотворении мира по Книге Бытия, Джон Стархэрст увидел, что Монгондро глубоко взволнован. Несколько минут старый маленький вождь молча курил. Затем, вынув изо рта трубку, печально покачал головой.

— Этого не могло быть, — сказал он. — Я, Монгондро, в юности умел работать стругом. И все же мне требовалось три месяца, чтобы сделать каноэ, маленькое каноэ, совсем

маленькое. А ты говоришь, что вся земля и вода созданы одним человеком...

— Нет, созданы одним Богом, единым истинным Богом, — перебил его миссионер.

— Это все равно, — продолжал Монгондро, — значит, все: земля, вода, деревья, рыба, леса, горы, солнце и луна и звезды созданы в шесть дней! Нет, нет. Говорю тебе, в юности я был ловким человеком, и все же мне нужно было три месяца, чтобы сделать одно небольшое каноэ. Это — сказка для маленьких детей, и ни один взрослый человек ей не поверит.

— Но я же взрослый человек, — заметил миссионер.

— Это верно, ты взрослый. Но мой темный разум не в состоянии постичь то, чему ты веришь.

— Говорю тебе, я верю, что все сотворено в шесть дней.

— Да, ты так говоришь; да, да, — успокоительным тоном забормотал старый людоед.

А когда Джон Стархэрст и Нарау улеглись спать, в дом вождя прокрался Эрирола и после дипломатической беседы протянул старику китовый зуб. Старый вождь долго держал зуб в руке. Это был превосходный китовый зуб, и Монгондро хотелось его заполучить.

Но он угадывал просьбу, какая последует за подарком. Нет, нет! Китовый зуб великолепен, и всякому лестно было бы его иметь, но все же старик с бесконечными извинениями вернул его Эрироле.

С первыми проблесками рассвета Джон Стархэрст был уже на ногах и в своих высоких кожаных сапогах зашагал по тропинке сквозь заросли. По его стопам следовал верный Нарау, а голый проводник, подданный Монгондро, указывал им дорогу к ближайшей деревне. В полдень они пришли туда. Отсюда путь им показывал новый проводник. Позади, на расстоянии мили от них, пробирался Эрирола, с китовым зубом в корзинке, привязанной за плечами. Два дня он шел

по следам миссионера, в каждом селении предлагая вождям китовый зуб. Но все от него отказывались. Эрирола являлся тотчас же после ухода миссионера, а потому вожди догадывались, какая просьба их ждет, и предпочитали уклониться.

Миссионер и Нарау направлялись по прямому пути в горы, а Эрирола избрал мало кому известную тропинку и опередил их. Он явился в укрепленные владения вождя Були из Гатока. Були не был осведомлен о скором прибытии Джона Стархэрста. Китовый зуб был великолепен — редкий экземпляр — и окраска его казалась необыкновенной. Зуб был предложен в присутствии посторонних. Були из Гатока восседал на лучшей своей циновке, окруженный главными советниками; три раба опахалами отгоняли от него мух. Из рук своего глашатая удостоил он принять китовый зуб, подарок Ра Вату, доставленный сюда, в горы, двоюродным братом Ра Вату, Эриролой.

Рукоплескания сопровождали передачу подарка; группа советников, глашатаи и рабы с опахалами восторженно кричали хором:

— А! вои! вои! вои! А! вои! вои! вои! А! табуа леву! вои! вои! А! мудуа, мудуа, мудуа!

— Скоро придет сюда один белый, — начал Эрирола после длительной паузы. — Это — миссионер; он будет здесь сегодня. Ра Вату желает получить его сапоги. Он хотел бы подарить их своему доброму другу Монтондро. А вместе с сапогами он пошлет ему и ноги белого. Монгондро — старик, зубы у него плохие. Постарайся непременно, Були, чтобы ноги были доставлены вместе с сапогами, а туловище может остаться здесь.

Були уже не рад был китовому зубу; он нерешительно оглянулся вокруг. Но ведь подарок уже принят.

— Такая мелюзга, как миссионер, ничего не значит, — ободрял Эрирола.

— Конечно, на такую мелюзгу, как миссионер, нечего обращать внимание, — ответил Були, овладев собой. — Мон-

гондро получит сапоги. Вперед, молодцы! Ступайте втроем или вчетвером! Идите по тропе навстречу миссионеру. Постарайтесь же доставить сюда сапоги.

— Слишком поздно, — сказал Эрирола и прошептал: — Слышишь! Он идет сюда.

Пробравшись сквозь густой кустарник, Джон Стархэрст, а за ним Нарау выступили вперед. Высокие сапоги, намокшие при переходе через поток, на каждом шагу выбрасывали тонкие струйки воды. Стархэрст оглядел всех горящими глазами. Воодушевленный непоколебимой верой, не испытывая ни страха, ни сомнения, он ликовал, глядя на раскинувшуюся перед ним крепость. Он знал, что с сотворения мира он был первым белым человеком, вступившим в эту горную крепость Гатока.

Зеленые хижины лепились по крутым горным склонам или нависали над бурной Ревой. По обе стороны вздымались отвесные скалы. Узкое ущелье озарялось солнцем не больше чем на три часа. Ни кокосовых пальм, ни бананов нигде не было видно, но буйная тропическая растительность покрывала горы, проникая в каждую выбоину и трещину, и легкие зеленые гирлянды ниспадали с острых выступов скал. В глубине ущелья, с высоты восьмисот футов мощным потоком низвергалась Рева, и воздух в скалистой крепости дрожал и гудел в унисон с грохотом водопада.

Джон Стархэрст увидел, как из дома вышел сам вождь Були и с ним его свита.

— Я принес вам благую весть, — приветствовал их миссионер.

— Кто послал тебя? — спокойно спросил Були.

— Бог.

— Это имя неизвестно в Вити-Леву, — усмехнулся Були. — Каких островов, селений или долин он повелитель?

— Он повелитель всех островов, всех селений, всех долин, — торжественно прозвучал ответ Джона Стархэрста. — Он — владыка неба и земли, и я принес вам его слово.

— А прислал ли он китовый зуб? — послышался дерзкий вопрос.

— Нет, но драгоценнее всякого китового зуба...

— У нас в обычае, чтобы вожди обменивались подарками и посылали китовый зуб, — перебил его Були. — Или твой повелитель скряга, или ты дурак, если пришел в горы с пустыми руками. Посмотри, более щедрый человек тебя опередил.

С этими словами он показал китовый зуб, полученный от Эриролы.

Нарау застонал.

— Это китовый зуб Ра Вату, — шепнул он Стархэрсту. — Я его хорошо знаю. Теперь мы погибли.

— Вещь красивая, — сказал миссионер, поглаживая свою длинную бороду и поправляя очки. — Ра Вату позаботился о том, чтобы нас здесь хорошо приняли.

Но Нарау снова застонал и отошел от того, за кем так преданно следовал.

— Ра Вату скоро станет христианином, — заявил Стархэрст, — я принес тебе весть о Лоту.

— Не нужно мне твоего Лоту, — гордо ответил Були. — Я хочу, чтобы тебя сегодня же прикончили дубиной.

Були дал знак одному из своих рослых горцев, и тот, выступив вперед, замахнулся дубиной. Нарау стремглав бросился в ближайший дом, пытаясь спрятаться под защиту женщин среди циновок. Джон Стархэрст прыгнул вперед и обхватил руками шею палача. Теперь, когда ему не угрожала неминуемая смерть, он пустил в ход все свое красноречие. Зная, что защищает свою жизнь, он, однако, не испытывал ни страха, ни волнения.

— Ты совершишь злое дело, если убьешь меня, — говорил он палачу. — Я ничего плохого не сделал ни тебе, ни Були.

Он так крепко уцепился за шею горца, что остальные не осмеливались пустить в дело дубину.

В такой позе он отстаивал свою жизнь и убеждал дикарей, громко требовавших его смерти.

— Мое имя Стархэрст, — спокойно говорил он. — Я работал на Фиджи в течение трех лет и не просил за это никакой награды. К вам я пришел для вашего же блага. Зачем меня убивать? Разве это принесет кому-нибудь выгоду?

Були украдкой бросил взгляд на китовый зуб: правитель Гатоки уже был щедро вознагражден.

Толпа голых дикарей окружила миссионера. Они затянули песнь смерти — песнь раскаленной печи — и заглушили обличавший их голос. Но Стархэрст ловко обхватывал тело палача, не давая возможности нанести смертельный удар. Эрирола усмехался, а Були рассердился.

— Прочь, дураки! Нечего сказать, хорошая молва распространится по берегу: целая дюжина против одного безоружного, слабого, как женщина, миссионера! И он вас осиливает!

— Послушай, Були, — стараясь перекричать шум свалки, воззвал миссионер. — Я и тебя одолею. Мое оружие — истина и справедливость, и ни один человек не может мне противостоять.

— Ну, подойди ко мне, — отвечал Були. — Мое оружие — всего лишь жалкая, ничтожная дубина, и, как ты сказал, она против тебя бессильна.

Толпа расступилась, и Джон Стархэрст очутился лицом к лицу с Були, опиравшимся на огромную, сучковатую дубину.

— Что ж, подходи, миссионер! — вызывающе кричал Були, — победи меня!

— Не сомневайся, я подойду и одолею тебя, — ответил Джон Стархэрст. Протерев очки и снова надев их, он шагнул вперед. Були поднял дубину и ждал.

— Прежде всего, заметь, что моя смерть никакой пользы тебе не принесет, — возобновил свои доводы миссионер.

— За меня ответит моя дубина, — сказал Були.

И на каждый довод миссионера он давал один и тот же ответ, зорко следя, чтобы предупредить ловкий маневр белого человека, бросающегося на шею палачу.

И теперь, только теперь, Джон Стархэрст почувствовал, что смерть близка. Он не пытался ее избежать. С непокрытой головой стоял он под ярким солнцем и громко молился — непонятная фигура неизбежного белого человека, который с Библией, с пулей или бутылкой рома настигает смущенного дикаря в его собственных укреплениях. Таким предстал Джон Стархэрст перед Були из Гатока в его скалистой крепости.

— Прости им, ибо они не ведают, что творят, — молился он. — О Господи, сжалься над Фиджи. Имей сострадание к Фиджи. О Иегова, внемли моей молитве ради него, твоего сына, который всех нас привел к тебе. От тебя мы пришли и молим — прими нас опять к себе. Но ты всемогущ и можешь ее спасти. Простри свою длань, о Господи, и спаси Фиджи, несчастных людоедов Фиджи.

Були потерял терпение.

— Теперь я тебе отвечу, — пробормотал он, замахиваясь дубиной.

Нарау, скрывавшийся в хижине среди женщин, услышал тяжелый удар и содрогнулся. Затем раздалась песнь смерти, и он понял, что тело его друга-миссионера волокут к печи.

Он слышал слова:

— Осторожней! Осторожней несите меня. Ибо я подвижник моей страны. Благодарю тебя! Благодарю! Благодарю тебя!

Потом из шума выделился одинокий голос и спросил:

— Где мужественный человек?

Сотни голосов проревели в ответ:

— Сейчас его приволокут к печи и изжарят.

— Где трус? — снова прозвучал одинокий голос.

— Убежал, чтобы донести, — загудела в ответ толпа. — Убежал, чтобы донести! Убежал, чтобы донести!

Нарау застонал в тоске. Слова старой песни были правдивы. Он был трусом — и ему оставалось только пойти и донести.

МАУКИ

Он весил сто десять фунтов. Волосы у него были курчавые — негритянские, и весь он был черен — своеобразно черен, без всякого синеватого или красноватого отлива, — черен, как черная слива. Его звали Мауки, и он был сын вождя. У него имелось три *тамбо*. Тамбо в Меланезии соответствует табу. Оба эти слова — одного и того же полинезийского происхождения. Три тамбо Мауки налагали на него следующие запрещения: во-первых, он никогда не должен был здороваться за руку с женщиной или позволять ей прикасаться к нему, а также к его вещам; во-вторых, он не смел есть ракушек и пищу с огня, на котором они жарились; в-третьих, он не должен был притрагиваться к крокодилу и ездить в каноэ, где находится хотя бы самая крохотная часть — скажем, зуб — крокодила.

И зубы у него были черные, но иного оттенка. Они были густо-черные, пожалуй, как сажа. Такими они стали в одну ночь, когда его мать натерла их минеральным порошком, добытым ею в горах за Порт-Адамсом. Порт-Адамс — приморское селение на Малаите, а Малаита — самый дикий остров Соломоновой группы, — такой дикий, что до сих пор ни торговцы, ни плантаторы не сумели там обосноваться. Начиная с первых рыбаков и торговцев сандаловым деревом и кончая современными вербовщиками рабочих, снаряженными автоматическими ружьями и гранатами, все белые искатели приключений погибали и погибают на Малаите от томагавков и разрывных снайдеровских пуль. И теперь, в двадцатом столетии, Малаита все еще остается проклятым местом для вербовщиков, нанимающих здесь рабочих, которых затем отправляют на плантации соседних, более цивилизованных островов, где они получают жалованье тридцать долларов в год. Туземцы этих цивилизованных островов слишком эмансипировались и сами не желают работать на плантациях.

Уши Мауки были проколоты, но не в одном или двух местах, а во многих. В одной из небольших дырок он носил глиняную трубку. Более широкие отверстия не годились для этой цели, так как трубка проскакивала насквозь. В самых больших дырах каждого уха у него обычно были продеты куски дерева четырех дюймов в диаметре. Окружность этих дыр равнялась приблизительно двенадцати с половиной дюймам. В своих вкусах и склонностях Мауки уподоблялся католику. Во всех остальных, меньших размеров дырах он носил самые разнообразные предметы: пустые ружейные патроны, гвозди для подков, медные винты, кусочки веревок, обрывки хвороста, пучки зеленых листьев и по вечерам красные цветы гибиска. Ясно, что карманы не нужны были в его обиходе. Кроме того, у него и не могло быть карманов — вся его одежда состояла из куска коленкора шириной в несколько дюймов. В волосах он носил перочинный нож, защемив лезвием жесткий локон.

Но самым ценным предметом являлась ручка от фарфоровой чашки, подвешенная к черепаховому кольцу, которое пронизывало хрящ его носа.

Невзирая на все эти украшения, у Мауки все же было приятное лицо. Он был действительно миловиден, с любой точки зрения, а для меланезийца являлся образцом красоты. Единственным его недостатком было полное отсутствие мужественности: лицо нежно-женственное, почти девичье, мелкие, правильные, тонкие черты, бесхарактерный подбородок и бесхарактерный рот. Лоб, челюсти и нос не носили ни малейшего отпечатка силы или характера. Только в глазах можно было уловить намек на те неведомые качества, какие ставили его значительно выше остальных людей, даже не способных его понять, — это: отвага, настойчивость, бесстрашие, воображение и сметливость. Когда они случайно проявлялись в каком-нибудь необычайном поступке, окружающих охватывало изумление.

Отец Мауки был вождем племени, обитавшего в Порт-Адамсе, и, таким образом, Мауки, с самого рождения живший у моря, сделался как бы животным земноводным. Он был хорошо знаком с жизнью рыб и устриц, и рифы являлись для него открытой книгой. И управлять каноэ он также умел. Он научился плавать на втором году жизни. В семь лет он мог задерживать дыхание на целую минуту и нырял на дно, на глубину тридцати футов. В этом возрасте он был похищен жителями лесов, не умевшими плавать и боявшимися соленой воды. И теперь Мауки видел море лишь издали, сквозь просветы в джунглях или с открытых уступов гор. Он стал рабом старого Фанфоа, старшего вождя двух десятков селений, рассеянных в зарослях Малаиты. В тихое утро поднимающийся к небу дым служил для белых людей, бороздящих море, показателем того, что джунгли Малаиты обитаемы. Белые не проникали в глубь Малаиты. Однажды, в дни погони за золотом, они сделали эту попытку, но оставили там свои головы, которые скалят теперь зубы с закопченных бревен лесных хижин.

Когда Мауки исполнилось семнадцать лет, у Фанфоа вышел запас табака. Ему очень недоставало табака. То было тяжелое время для всех его селений. Фанфоа допустил ошибку. Суо была очень мелкой гаванью, и большая шхуна не могла бросить там якорь. Весь берег зарос мангиферами, свисающими над темной водой. Это была хорошая западня, и в нее попали два белых человека в маленьком кече. Они приехали вербовать рабочих, и у них имелся большой запас табака и много товаров, не говоря уже о трех ружьях и несметном количестве патронов. Здесь, в Суо, не было прибрежных селений, и жители лесов приходили к морю. На кече дела шли великолепно. В первый день записалось двадцать рабочих. Даже старый Фанфоа записался. И в тот же день толпа завербованных снесла головы двум белым, перебила весь экипаж и сожгла кеч. После этого события в течение трех месяцев во всех селениях было много табака

и всяких товаров. Затем явилось военное судно. Оно метало снаряды, проникающие на мили в глубь острова, выгоняя испуганных жителей из их селений. Туземцы отступили дальше, в чащу лесов. На берег высадились отряды белых, которые сожгли деревни со всем запасом табака и со всеми товарами. Кокосовые пальмы и бананы были срублены, поля таро [1] уничтожены, свиньи и куры перебиты.

Фанфоа считал это хорошим уроком, но табака у него опять не было. И молодые люди его племени были слишком напуганы, чтобы пойти на вербовочные суда. Вот почему Фанфоа приказал отвести своего раба Мауки вниз к морю и записать рабочим за пол-ящика табака; кроме табака, авансом были выданы ножи, топоры, коленкор и бусы как плата за работу Мауки на плантациях. Мауки, очутившись на борту судна, пришел в ужас. Он походил на агнца, ведомого на заклание. Белые люди были свирепыми существами. Иными они быть не могли, ибо не отважились бы тогда разъезжать вдоль берегов Малаиты и заходить в гавани — двое белых на судне, переполненном чернокожими; ведь на каждой шхуне находилось от пятнадцати до двадцати негров-матросов и часто свыше шестидесяти и семидесяти завербованных негров-рабочих. Вдобавок им всегда грозила опасность со стороны прибрежных жителей. Внезапное нападение — и весь экипаж шхуны мог быть вырезан. Поистине белому человеку нужно быть жестоким. Кроме того, у них имелись дьявольские приспособления: ружья, стрелявшие необычайно быстро и далеко; железные и медные предметы, заставлявшие шхуну двигаться даже во время штиля, и ящики, которые разговаривают и смеются совсем, как живые люди. Да, Мауки слыхал еще об одном белом: то был самый могущественный дьявол, он мог, по желанию, вынимать все свои зубы и снова вставлять их на место.

---

[1] Тропическое растение, корни которого идут в пищу.

Мауки отвели в нижнюю каюту. На палубе остался на страже один белый с двумя револьверами. В каюте сидел другой белый, держа перед собой книгу, где чертил какие-то странные знаки и линии. Он осмотрел Мауки, точно тот был курицей или поросенком, заглянул ему под мышки и записал что-то в книгу. Затем протянул пишущую палочку Мауки; тот только прикоснулся к ней, но этого было достаточно, чтобы отметить в книге его согласие работать в течение трех лет на плантациях Мунглимской мыльной компании. Он этого не подозревал, ему ничего не объяснили; задача же суровых белых людей состояла в наблюдении за точным выполнением обязательства, и в этом поддержкой им являлись все могущество и весь флот Великобритании.

На борту находились и другие чернокожие из неведомых, далеких стран. Белый человек отдал им приказание, и они выдернули из волос Мауки длинное перо, коротко обрезали ему волосы и обернули его бедра куском ярко-желтого коленкора.

Много дней провел он на шхуне, посетил столько стран и островов, сколько ему и не снилось, и наконец был высажен на берег в Новой Георгии и поставлен на работу по расчистке джунглей и срезыванию тростника. Только теперь узнал он, что такое работа. Даже у Фанфоа ему не приходилось так работать. Эта работа ему не понравилась. Работали с рассвета и до темноты, а есть полагалось всего лишь два раза в день. И пища была однообразная. По целым неделям ничего не давали, кроме сладкого картофеля и риса. День за днем, неизменно, его заставляли очищать кокосовые орехи от скорлупы, и много дней и недель подряд он поддерживал огонь, на котором коптили копру; наконец у него заболели глаза. Тогда его поставили рубить деревья. Топором он владел великолепно, и позднее его зачислили в партию, строившую мост. Один раз его, в виде наказания, заставили прокладывать дорогу. Иногда он служил матросом на китобойных судах, привозивших коп-

ру с дальних берегов, или вместе с белыми выплывал на ловлю рыбы динамитом.

Между прочим он немного усвоил английский язык и мог объясняться теперь со всеми белыми и со всеми завербованными рабочими, говорившими на тысяче всевозможных наречий. Он немало узнал также и о белых людях и, в частности, убедился, что они верны своему слову. Если они обещали дать ему табак — он его получал. Если они грозили выбить из рабочего «семь склянок» — неизменно эти «семь склянок» они из виновного выбивали. Мауки не понимал, что значит «семь склянок», но эти слова слышал часто и заключил, что «семь склянок» обозначают зубы и кровь. Он узнал и кое-что иное: никто не бывал наказан и избит без вины. Даже когда белый человек напивался, — а это случалось нередко, — никогда он не наносил удара, если порядок не был нарушен.

Мауки не любил плантации. Он ненавидел работу — ведь он был сыном вождя. Уже десять лет прошло с тех пор, как Фанфоа похитил его из Порт-Адамса, и Мауки стосковался по своему дому. Он тосковал даже по Фанфоа. И наконец сбежал. Он ушел в лес, надеясь пробраться к южному берегу, украсть каноэ и уехать в Порт-Адамс. Но схватил лихорадку, был пойман и, полумертвый, доставлен назад.

В следующий раз он убежал вместе с двумя малаитскими мальчиками. Они прошли двадцать миль вдоль берега и спрятались в одном селении, в хижине вольного человека с острова Малаита. Но темной ночью явились двое белых и бесстрашно, в присутствии всех жителей селения, выбили «семь склянок» из беглецов, связали их, точно поросят, и впихнули на китобойное судно. А из человека, который их спрятал, семь раз выколотили по «семи склянок», судя по его выбитым зубам, содранной коже и вырванным волосам. На всю жизнь отбили они у него охоту давать приют беглым рабочим.

Еще год проработал Мауки, а затем его взяли слугой в один дом. Там у него была хорошая пища, много свободного времени и нетрудная работа по уборке дома. Он прислуживал

белому человеку, подавая ему во все часы дня и ночи виски и пиво. Это ему нравилось, но жизнь в Порт-Адамсе нравилась еще больше. Он должен был отработать два года — слишком большой срок для Мауки, охваченного мучительной тоской по родине. За год работы на плантации он поумнел, а сейчас, служа в доме, имел возможность бежать. Ему поручено было чистить винтовки, и он знал, где висит ключ от чулана. Был составлен план бегства, и однажды ночью десять мальчиков с Малаиты и один из Сан-Кристобаля ускользнули из рабочих бараков и подтащили к берегу одну из китобойных лодок. Это Мауки раздобыл ключ и открыл замок, висевший на лодке. Мауки же принес двенадцать винчестеров, большой запас патронов, ящик динамита с детонатором и фитилем и десять ящиков с табаком.

Дул северо-западный муссон, и по ночам они плыли к югу, а днем прятались на уединенных, необитаемых островках или втаскивали лодку в кустарник у берегов больших островов. Наконец они достигли Гвадалканара, поплыли вдоль берега, затем пересекли пролив у острова Флориды. Здесь они убили мальчика из Сан-Кристобаля, голову его спрятали, а туловище, руки и ноги зажарили и съели. Малаита находилась теперь в двадцати милях, но ночью сильное течение и изменивший направление ветер помешали им доплыть до берега. Рассвет застал их на расстоянии нескольких миль от цели путешествия. И с рассветом пришел катер с двумя белыми, не испугавшимися одиннадцати малаитских негров, вооруженных двенадцатью ружьями. Мауки с товарищами был отправлен в Тулаги, где проживал великий белый, господин над всеми белыми. Великий белый господин назначил суд, после чего беглецов связали, дали им по двадцать ударов плетью и оштрафовали на пятнадцать долларов каждого. Затем их отослали назад на Новую Георгию, где белые выбили из них «семь склянок» и поставили на работу. Но теперь Мауки уже не был слугой в доме. Он был зачислен в партию прокладывающих дорогу рабочих. Штраф в пят-

надцать долларов уплатили белые, от которых он сбежал, и Мауки было сказано, что он должен отработать эти деньги, иными словами — работать лишних шесть месяцев. И, кроме того, его доля украденного табака обошлась ему еще в один добавочный год.

Теперь от Порт-Адамса его отделяли три с половиной года. Однажды ночью он украл каноэ, спрятался на островке в проливе Маннинг, затем пересек пролив и стал пробираться вдоль восточного берега Изабеллы. Когда было пройдено уже две трети пути, его поймали белые, обитавшие у лагуны Мериндж. Спустя неделю он убежал от них и скрылся в зарослях кустарника. На Изабелле леса были необитаемы, а все приморские жители были христианами. Белые назначили за поимку Мауки премию в пятьсот пачек табака. Всякий раз, когда Мауки пробирался к морю, чтобы похитить у кого-нибудь лодку, прибрежные жители пускались за ним в погоню. Так прошло четыре месяца. Когда премия повысилась до тысячи пачек табака, он был пойман и возвращен на Новую Георгию, на работу по прокладке дороги. Тысяча пачек табака стоила пятьдесят долларов, и Мауки должен был уплатить эти деньги, то есть работать еще год и восемь месяцев. Теперь Порт-Адамс отодвинулся на пять лет.

Тоска по родине становилась все мучительнее и сильнее. Ему вовсе не улыбалось четыре года терпеливо трудиться, покорно ожидая возвращения домой. И через некоторое время его вновь поймали при попытке бежать. На этот раз о нем донесли мистеру Хэвби, уполномоченному Мунглимской мыльной компании; последний осудил его как неисправимого. Компания владела плантациями на островах Санта-Круц, отделенных от Новой Георгии несколькими сотнями миль. Туда они отсылали неисправимых рабочих с Соломоновых островов. Туда отправили и Мауки, но он не доехал до места назначения. Шхуна остановилась в Санта-Анна, и ночью Мауки сбежал, доплыл до берега, стянул у торговца два ружья и ящик с табаком и в каноэ добрался

до Кристобаля. Малаита лежала на севере, в пятидесяти или шестидесяти милях; но, достигнув пролива, Мауки был захвачен небольшим штормом и отнесен назад к Санта-Анна. Здесь торговец надел на него кандалы и продержал у себя до возвращения шхуны из Санта-Круц. Оба ружья вернулись к торговцу, но за ящик с табаком Мауки должен был работать еще год. В общем он теперь был должен компании шесть лет работы.

На пути к Новой Георгии шхуна бросила якорь в проливе Марау, находящемся на юго-востоке от Гвадалканара. С кандалами на руках Мауки поплыл к берегу и скрылся в лесу. Шхуна ушла, но поставщик Мунглимской компании, находившийся на берегу, предложил за поимку Мауки тысячу пачек табака, и лесные жители привели Мауки, к счету которого прибавился еще год и восемь месяцев. До прибытия шхуны он опять пытался бежать, на этот раз на китобойной лодке, с ящиком украденного табака. Но шквал, налетевший с северо-запада, выбросил его на берег Уджи, где туземцы-христиане отняли табак и доставили Мауки проживавшему там мунглимскому поставщику. За отнятый туземцами табак он должен был заплатить дополнительным годом работы. И в итоге получилось восемь с половиной лет.

— Придется отослать его на Лорд Хов, — объявил мистер Хэвби. — Там живет Бэнстер. Пусть они встретятся друг с другом. Или Мауки одолеет Бэнстера, или Бэнстер — Мауки. А мы выиграем в обоих случаях.

Если выйти из лагуны Меринджу Изабеллы и направиться на север по магнитной стрелке, то, сделав сто пятьдесят миль, можно увидеть выступающие над водой коралловые берега Лорд Хова. Лорд Хов — коралловое кольцо, приблизительно ста пятидесяти миль в окружности, в наиболее широких местах достигающее ста ярдов, — поднимается кое-где на десять футов над уровнем моря. Внутри песчаного кольца находится огромная лагуна, усеянная коралловыми рифами. Ни с географической, ни с этнографической

точки зрения Лорд Хов не относится к группе Соломоновых островов. Это настоящий атолл, а Соломонова группа состоит из возвышенных островов. Обитатели Лорд Хова — полинезийцы, а Соломоновой группы — меланезийцы. Еще до сих пор продолжается наплыв западных полинезийцев на берега Лорд Хова; сюда пригоняет их большие многовесельные каноэ юго-восточный пассат. Очевидно, что в период северо-западных пассатов к берегам Лорд Хова прибивает меланезийцев.

Никто не посещает Лорд Хова, иначе именуемый Онтонг-Ява. Компания «Томас Кук и сын» не продает туда билетов, и туристы не подозревают о существовании этого острова. На нем даже нет ни одного белого миссионера. Его пять тысяч жителей отличаются мирным нравом и пребывают в первобытном состоянии. Но они не всегда были миролюбивы. «Руководство для мореплавателей» отмечает их враждебность и коварство. Составители «Руководства», очевидно, не знают о событии, смягчившем обитателей атолла; несколько лет тому назад они напали на одно судно и вырезали весь экипаж, за исключением второго помощника. Этот человек, случайно оставшийся в живых, донес о происшествии своим белым братьям. С тремя торговыми шхунами он вернулся на Лорд Хов. Капитаны ввели суда в лагуну и начали проповедовать Евангелие белого человека: проповедь сводилась к тому, что право убивать белых людей принадлежит лишь белому человеку, а остальные низшие расы должны от этого воздерживаться. Шхуны плавали по лагуне, разрушая и уничтожая все. На узком песчаном кольце негде было скрыться, лесов не было. Выстрелы метко поражали туземцев, служивших прекрасной мишенью. Деревни были сожжены, каноэ разбиты, куры и свиньи истреблены, и самое ценное — кокосовые пальмы — срублены. Это длилось около месяца. Затем шхуны ушли, но ужас перед белым человеком глубоко прожег души островитян, и никогда больше не осмеливались они причинить ему зло.

Макс Бэнстер, представитель вездесущей Мунглимской мыльной компании, был единственным белым на Лорд Хове. Не зная, как от него отделаться, компания загнала его на этот остров, самый отдаленный и затерянный, какой можно было найти. Другого человека на это место трудно было подыскать, и пришлось удовольствоваться Бэнстером. Это был плотный, рослый немец с каким-то изъяном в мозгу. Полусумасшествие — так можно было определить его состояние, относясь к нему снисходительно. Это был буйный забияка и трус, самый дикий из всех дикарей на острове. Трусость его граничила с подлостью. Принятый Мыльной компанией на службу, он получил место на Саво. Потом его хотели заменить чахоточным колонистом, но Бэнстер избил его и полуживого отослал обратно на привезшей его шхуне.

В следующий раз мистер Хэвби избрал заместителем Бэнстера молодого гиганта из Йоркшира. Этот йоркширец заслужил репутацию кулачного бойца и драку предпочитал еде. Однако Бэнстер не желал драться. Он превратился в настоящего ягненка, но всего лишь на десять дней; затем приступ лихорадки и дизентерии свалил с ног йоркширца. Тогда Бэнстер явился к нему и, издеваясь, стащил с постели и стал топтать ногами. Страх перед тем, что произойдет, когда его жертва оправится, заставил Бэнстера бежать на катере в Гувуту. Здесь он проявил себя, избив молодого англичанина, уже изуродованного пулей буров, пробившей ему бедра.

Тогда-то мистер Хэвби и отправил его на Лорд Хов — самое заброшенное место на земном шаре. В честь своего прибытия он осушил полубочонок джина и выпорол старого, больного астмой помощника со шхуны, доставившей его сюда. После ухода шхуны он созвал туземцев на берег и предложил им сразиться с ним врукопашную, пообещав победителю ящик табака. Он повалил трех туземцев, но четвертый быстро его свалил и вместо табака получил пулю, пробившую ему легкие.

Так началось правление Бэнстера на Лорд Хове. В главном селении было три тысячи жителей, но стоило появиться там Бэнстеру, как даже среди бела дня оно становилось словно вымершим и пустым. Мужчины, женщины и дети, едва завидев его, убегали. Даже собаки и свиньи уступали ему дорогу. Сам король не считал для себя унижением прятаться от него под циновку. Оба первых министра тряслись от страха перед Бэнстером, не допускавшим никаких возражений и доводов и разрешавшим все спорные вопросы только кулаками.

И Мауки явился сюда на Лорд Хов, чтобы отработать под наблюдением Бэнстера восемь с половиной долгих лет. Убежать отсюда было немыслимо. Что бы ни случилось — отныне Бэнстер и Мауки были тесно связаны друг с другом. Бэнстер — ярко выраженный тип дегенерата — больше походил на зверя. А Мауки был первобытным дикарем.

И оба отличались сильной волей и настойчивостью.

Мауки не имел никакого представления о своем новом господине. Его никто не предупреждал, и он, конечно, считал Бэнстера похожим на всех остальных белых людей, поглощающих в изобилии виски, правящих страной и предписывающих законы, — на белых людей, которые держат свое слово и никогда без причины не бьют мальчика. Бэнстер находился в лучшем положении. Он знал все о Мауки и горел желанием укротить его и подчинить. У его повара была сломана рука и вывихнуто плечо, и Бэнстер назначил Мауки поваром и слугой в доме.

И Мауки скоро узнал, что белые люди бывают разные. В день отхода шхуны Бэнстер приказал ему купить цыпленка у Самизи, миссионера, уроженца Тонгана. Но Самизи переправился на другой берег лагуны и должен был вернуться только через три дня. Мауки вернулся с этой вестью. Дом Бэнстера стоял на сваях, на высоте двенадцати футов над песком. Мауки взобрался по крутой лестнице и вошел в комнату. Бэнстер потребовал цыпленка. Мауки раскрыл

рот, намереваясь сообщить об отсутствии миссионера, но Бэнстеру не было дела до объяснений. Он ударил его кулаком. Удар пришелся по лицу и подбросил Мауки на воздух. Тот пролетел в дверь, миновал узкую веранду, сломал перила и упал на землю. Его разбитые губы превратились в кашу, рот был полон крови и выбитых зубов.

— Посмей еще раз со мной разговаривать, — кричал Бэнстер, побагровев от бешенства и грозно взирая на него через сломанные перила.

Мауки еще никогда не встречал такого белого и потому решил смириться и остерегаться ошибок. Он видел, как были избиты гребцы с лодки, а один закован в кандалы и на три дня оставлен без пищи в наказание за сломанную уключину. Он также слышал всякие пересуды в деревне и понял, почему Бэнстер взял себе третью жену. Конечно, всем было известно, что он захватил ее насильно. Его первая и вторая жены были погребены на белом коралловом кладбище, и глыбы коралла стояли на могилах. Ходила молва, что они умерли от его побоев. И с третьей женой он обращался скверно — Мауки сам это видел.

Напрасны были все старания не прогневать белого человека, казалось, злившегося на все — даже на жизнь. Если Мауки молчал, Бэнстер его бил и называл упрямой скотиной. Когда Мауки начинал говорить, он бил его за непокорные речи. Если Мауки был серьезен, Бэнстер обвинял его в злоумышлении и на всякий случай избивал. Когда же он старался быть веселым и улыбался, Бэнстер принимал это как насмешку и издевательство над господином и повелителем — и награждал палочными ударами.

Бэнстер был сущим дьяволом. Туземцы давно расправились бы с ним, если бы позабыли урок, преподанный им тремя шхунами. Пожалуй, они все-таки отплатили бы ему, если бы был лес, куда можно скрыться. Они знали: убийство белого человека, каков бы он ни был, привлечет военное судно, и белые убьют провинившихся и срубят драгоценные

кокосовые пальмы. Гребцы с лодок страстно мечтали при первой возможности опрокинуть — как бы случайно — лодку и потопить Бэнстера. Но Бэнстер зорко следил за ними и не допускал этой случайности.

Но Мауки был из другого теста; уразумев, что бегство невозможно, пока жив Бэнстер, он твердо решил его убить. К несчастью, трудно было найти удобный случай. Бэнстер всегда был настороже. Ни днем ни ночью не расставался он с револьвером. Он никому не позволял идти позади него; Мауки это запомнил после побоев. Бэнстер знал, что этого добродушного и, пожалуй, миловидного малаитского мальчишку следует опасаться больше, чем всех туземцев Лорд Хова. Это сознание увеличивало удовольствие при выполнении составленной им для Мауки программы издевательств. Мауки оставался покорным, принимал наказание и ждал.

Все белые люди уважали его тамбо, но не так относился к ним Бэнстер. Мауки полагалось две пачки табака в неделю. Бэнстер передал табак жене и приказал Мауки получать его из ее рук. На это Мауки согласиться не мог — и остался без табака. Таким же путем его лишали обеда, и часто он ходил голодный. Затем ему приказали приготовить кушанье из ракушек, водившихся в лагуне. Этого сделать он не мог, ибо ракушки были тамбо. Шесть раз он отказывался притронуться к ракушкам и шесть раз был избит до потери сознания. Бэнстер знал, что мальчик скорее согласится умереть, но все же принял его отказ как явный бунт и убил бы Мауки, если бы мог заменить его другим поваром.

Одним из излюбленных приемов представителя Мунглимской компании был следующий: Бэнстер хватал Мауки за жесткие волосы и ударял его головой об стену. Другой прием заключался в том, чтобы прижечь горящим концом сигары тело застигнутого врасплох Мауки. Бэнстер называл это прививкой, и Мауки выносил такую прививку по нескольку раз в день. Однажды, в припадке ярости, Бэнстер вырвал ручку от чашки из носа Мауки и разодрал хрящ.

— Ну и морда! — было единственным его замечанием, когда он увидел нанесенное им повреждение.

Кожа акулы подобна наждачной бумаге, но кожа рыбыската жестче терки. Туземцы южных морей употребляют ее вместо деревянного струга для полировки каноэ и весел. У Бэнстера была рукавица, сделанная из кожи этой рыбы. Впервые он испробовал ее на Мауки: одним взмахом руки он содрал всю кожу от шеи до лопатки. Бэнстер был в восторге. Он угостил рукавицей жену, а затем испробовал ее на всех гребцах. Очередь дошла и до первых министров. С искаженными лицами они должны были смеяться и принимать это как шутку.

— Ну, смейтесь же, черт возьми, смейтесь! — приговаривал он.

Ближе всех познакомился с рукавицей Мауки. Ни один день не проходил без такой «ласки». Бывало, боль всю ночь не давала ему заснуть, а Бэнстер часто забавлялся и снова раздирал полузажившее тело. Мауки терпел и ждал, поддерживаемый уверенностью, что рано или поздно пробьет его час. Он обдумал все, до мельчайших подробностей, когда долгожданный день наконец наступил.

Однажды утром Бэнсгер поднялся в таком настроении, что готов был выбить «семь склянок» из всей вселенной. Он начал с Мауки и закончил им же, а в промежутках избивал свою жену и колотил подряд всех своих гребцов. За завтраком он назвал кофе помоями и выплеснул горячий напиток в лицо Мауки. В десять часов Бэнстер дрожал от озноба, а спустя полчаса горел в лихорадке. Приступ был необычайно сильный. Болезнь быстро приняла угрожающий характер. То была болотная лихорадка. Дни шли, а Бэнстер все слабел и не поднимался с постели. Мауки выжидал и следил, а тем временем ссадины его заживали. Он приказал туземцам вытащить на берег катер, выскоблить дно и посмотреть, нет ли повреждений. Туземцы повиновались: они думали, что распоряжение исходит от Бэнстера. Но Бэнстер в это время был без

сознания и никаких распоряжений не давал. Удобный случай представился, но Мауки все еще ждал.

Наконец кризис миновал, и Бэнстер стал выздоравливать; он находился в полном сознании, но лежал слабый, как ребенок. Мауки уложил все свои драгоценности, включая и ручку от фарфоровой чашки, в дорожный сундук, после чего отправился в селение и переговорил с королем и двумя его главными министрами.

— Этот парень Бэнстер, он — хороший парень, вы его много любите? — спросил он.

Те в один голос поспешили объяснить, что они совсем не любят представителя торговой фирмы. Министры излили все накопившееся в них негодование, перечисляя обиды, нанесенные им. Король не выдержал и заплакал. Мауки резко прервал их.

— Вы меня знаете; мой — большой человек, господин моей страны. Вы не любите того парня, белого господина, и я не люблю. Будет совсем хорошо, если вы отнесете сто кокосовых орехов, двести кокосовых орехов, триста кокосовых орехов и положите на катер. Потом кончите и пойдете спать, как добрые парни. Все канаки — спать, как добрые парни. Будет большой шум в доме. Вы не слышите этот большой шум. Вы совсем спите, крепко и еще крепче.

Такой же разговор Мауки имел с гребцами лодок. Затем он приказал жене Бэнстера вернуться к родным. Если б она отказалась, он был бы в большом затруднении, ибо его тамбо не разрешало ему прикасаться к ней руками.

Дом опустел, и Мауки отправился в спальню, где дремал в постели Бэнстер. Сначала Мауки спрятал револьверы, затем надел рукавицу из кожи ската.

Первый удар, нанесенный Бэнстеру рукавицей, совершенно содрал кожу с носа.

— Ну что — хорошо? — усмехаясь, оскалил зубы Мауки в перерыве между ударами: одним ударом он ободрал кожу со лба, другим — со щеки. — Смейся же, черт возьми, смейся!

Мауки исполнял свою работу в совершенстве, и канаки, прячась по домам, слышали «большой шум» — рев Бэнстера, продолжавшийся час или больше.

Когда Мауки справился с этим делом, он отнес компас и все ружья и патроны на катер и приступил к погрузке ящиков с табаком. Пока он этим занимался, из дома выскочило страшное, лишенное кожи существо и побежало с воплями к берегу, где упало на песок, корчась и визжа под палящими лучами солнца. Мауки посмотрел в ту сторону и задумался. Затем подошел, отрезал ему голову и, завернув ее в циновку, спрятал в ящик на корме катера.

Канаки так крепко спали в тот долгий, знойный день, что не видели, как катер отчалил, вышел из пролива и направился к югу, подгоняемый юго-восточным пассатом. Никто не видел, как катер подошел к берегам Изабеллы, а затем совершил томительный переезд на Малаиту. Он прибыл в Порт-Адамс с таким количеством ружей и табака, какое и не снилось туземцам. Но здесь Мауки не остановился. Ведь он захватил с собой голову белого человека, и только лес мог служить ему приютом. Он ушел в селения лесных жителей, застрелил старого Фанфоа и несколько вождей и стал повелителем всех селений. После смерти его отца в Порт-Адамсе правил его брат, и оба народа — приморские жители и лесные — заключили союз. На всем острове Малаите, среди его двухсот воинственных племен, не было народа сильней и могущественней, чем народ Мауки.

Страх Мауки перед британским правительством уступал место страху перед всемогущей Мунглимской мыльной компанией. Однажды пришло к нему известие, что компания требует с него долг — восемь с половиной лет работы. Он объявил ей свое согласие уплатить все. Вслед за этим появился неизбежный белый человек, капитан шхуны, единственный белый за все время правления Мауки, проникший в леса и возвратившийся оттуда невредимым. Он не только вернулся живым, но унес с собой семьсот пятьдесят долларов

в золотых соверенах — плату за восемь с половиной лет работы плюс стоимость нескольких ружей и ящиков табака.

Мауки весит уже не сто десять фунтов. Он отпустил брюшко и имеет четырех жен. У него много всяких вещей: ружья и револьверы, ручка от фарфоровой чашки и превосходная коллекция голов лесных жителей. Но дороже всей коллекции ценит он голову, великолепно высушенную и сохранившуюся, со светлыми волосами и рыжеватой бородой, — голову, завернутую в полосу тончайшей ткани. Когда Мауки отправляется за пределы своих владений воевать с соседними племенами, он неизменно достает эту голову и в уединении своего дворца из зеленых веток и травы долго, с торжеством ее созерцает. И в эти часы безмолвие смерти спускается на селение, и ни один младенец не осмеливается нарушить глубокую тишину. Высоко чтут на Малаите эту голову, — этот могущественный талисман, завладев которым, Мауки обрел власть и величие.

ЯХ! ЯХ! ЯХ!

Он был шотландец и большой любитель виски. Поглощал он виски в огромном количестве, пропуская первую рюмочку ровно в шесть часов утра, а затем, с небольшими перерывами, тянул виски в течение всего дня, вплоть до отхода ко сну, что бывало обычно в полночь. Из двадцати четырех часов он посвящал сну лишь пять, а в продолжение остальных девятнадцати часов неизменно и неукоснительно пребывал в состоянии опьянения. Я провел с ним восемь недель на атолле Улонг и ни разу не видел его трезвым. Вполне понятно: его сон был так непродолжителен, что парень не успевал протрезвиться. Пьянство он возвел в систему; он был самым добросовестным, мето-

дичным, непробудным пьяницей, какого мне когда-либо приходилось видеть.

Его звали Мак-Аллистер. Это был старик, нетвердо державшийся на ногах. Руки его дрожали, как у паралитика; особенно это было заметно, когда он наливал себе виски, но я ни разу не видел, чтобы он пролил хотя бы каплю. Он прожил в Меланезии двадцать восемь лет, скитаясь по германской Новой Гвинее и германским Соломоновым островам, и настолько сжился с этим уголком земного шара, что усвоил и местное варварское наречие, известное под названием «beche-de-mer».

Так, в разговоре со мной вместо того, чтобы сказать «солнце взошло», он говорил «солнце встал»; «он будет каи-каи» означало, что обед подан, а «мой живот гуляет» означало боль в животе.

Маленький, сухощавый, сморщенный, казалось, он насквозь пропитан жгучим спиртом, а снаружи опален солнцем. Обожженный кусок кирпича, еще не остывший, полный неугомонной жизни, он двигался порывисто, припрыгивая, словно автомат. Ветру ничего не стоило опрокинуть его и смести. Он весил девяносто фунтов.

Властно управлял он атоллом.

Атолл Улонг имеет сто сорок миль в окружности. Придерживаясь указаний компаса, можно было ввести судно в лагуну. Население атолла состояло из пяти тысяч полинезийцев — высоких, статных мужчин и женщин. Многие были ростом в шесть футов и весили около двухсот фунтов. От ближайшей земли Улонг отстоял на расстоянии двухсот пятидесяти миль. Дважды в год сюда заглядывала маленькая шхуна, вывозившая копру. Единственным белым на Улонге был Мак-Аллистер, жалкий торговец и непробудный пьяница. И он правил Улонгом и его пятью тысячами дикарей, держа их в железных тисках. Если он говорил им «приходите», они немедленно шли к нему; приказывал уйти — и они уходили. Они никогда не противоречили его

воле и беспрекословно исполняли его требования. Он отличался сварливостью и придирчивостью, свойственными старым шотландцам, и вечно вмешивался в личные дела туземцев. Когда Нугу, дочь короля, пожелала выйти замуж за Ханау, жившего на другом берегу атолла, отец дал согласие, но Мак-Аллистер не разрешил, и свадьба не состоялась. Однажды король захотел купить у главного жреца маленький островок в лагуне, но Мак-Аллистер воспротивился. Король был должен компании сто восемьдесят тысяч кокосовых орехов и, пока он не уплатил долга, не имел права истратить на что-либо другое хотя бы один орех.

Народ и король не любили Мак-Аллистера. Вернее, они глубоко его ненавидели, и мне было известно, что в продолжение трех месяцев все население, со жрецами во главе, тщетно молило богов о ниспослании ему смерти. Они насылали на него самых страшных своих злых духов, но Мак-Аллистер не верил в них, и духи не имели над ним никакой власти. Этот пьяница-шотландец казался неуязвимым. Они подбирали остатки пищи, которой касались его губы, пустые бутылки из-под виски, кокосовые орехи, выеденные им, и даже его плевки — и произносили над ними всевозможные заклинания. Но Мак-Аллистер оставался здравым и невредимым. Он был необычайно здоровым человеком. Никогда не болел лихорадкой, никогда не простуживался, не кашлял; дизентерия щадила его; злокачественные язвы и всякие накожные болезни, от которых страдали в этом климате и черные и белые в равной мере, словно избегали его. Он был так пропитан алкоголем, что бациллы погибали. Я представляю себе, как они, придя в соприкосновение с насыщенными алкоголем испарениями его тела, тотчас же испепелялись. Никто его не любил, даже бациллы, а он любил только виски и жил себе припеваючи.

Я был в недоумении. Я не мог понять, почему пять тысяч туземцев покорно терпят гнет этого сморщенного карлика. Чудом казалось, что он до сих пор не погиб. Местное насе-

ление не походило на трусливых меланезийцев, оно отличалось гордым и воинственным характером. На большом кладбище, на могилах, покоились реликвии минувших кровавых дней: лопаты для китового жира, старинные ржавые штыки и кортики, медные болты, железные обломки руля, гарпуны, бомбы, брусья; все это могло быть завезено сюда лишь каким-нибудь китобойным судном; а старинные медные монеты шестнадцатого века подтверждали предание о первых навигаторах — испанцах. Много кораблей погибло у берегов Улонга. Около тридцати лет назад китобойная шхуна «Бленнердэль», войдя в лагуну для ремонта, подверглась нападению, и весь экипаж был вырезан. Таким же образом погиб и экипаж судна «Гаскет», торговавшего сандаловым деревом. Большое французское судно «Тулон», застигнутое штилем возле атолла, было взято островитянами на абордаж и после жестокой схватки затоплено в проливе Липау. Капитан и несколько матросов спаслись на баркасе. О гибели одного из ранних исследователей этих морей свидетельствуют также испанские монеты. Все это достоверные исторические факты, записанные на страницах «Руководства по мореплаванию на юге Тихого океана». Но мне суждено было узнать иные факты, нигде не отмеченные. Повторяю, меня изумляло, почему пять тысяч первобытных дикарей так долго щадят жизнь этого пьяницы, дегенерата и деспота.

Однажды в жаркий день я сидел с Мак-Аллистером на веранде, любуясь лагуной, искрившейся, словно драгоценные камни. За нами, на расстоянии сотни ярдов от пальмовой рощи, ревел прибой, бросаясь на рифы. Жара стояла невыносимая. Мы находились под четвертым градусом южной широты, и солнце стояло как раз над головой; лишь несколько дней назад оно на пути своем к югу пересекло экватор. Не только ветра — даже ряби не было на поверхности лагуны. Период юго-восточных пассатов закончился раньше обычного, а северо-западный пассат еще не начинал дуть.

— Ни к черту не годятся их танцы, — сказал Мак-Аллистер.

Я только что вскользь заметил, что полинезийские танцы значительно красивее папуасских, а Мак-Аллистер из духа противоречия это отрицал. Было слишком жарко, чтобы затевать спор, и я ничего не ответил. Кроме того, я ведь никогда не видел танцев жителей Улонга.

— Я докажу вам, — добавил он и подозвал чернокожего, уроженца Нового Ганновера, завербованного рабочего, исполнявшего у него обязанности повара и домашнего слуги.

— Эй ты, послушай, скажи королю, пусть сейчас же придет ко мне.

Негр ушел и вернулся в сопровождении первого министра. Этот, смущенный, стал бормотать бессвязные извинения. Короче, оказалось, король спал, и его нельзя тревожить.

— Король совсем крепко, хорошо спит, — закончил он свои объяснения.

Мак-Аллистер так рассвирепел, что первый министр тотчас же убежал и вернулся с королем. Это была великолепная пара; особенно хорош был король — не менее шести футов и трех дюймов ростом. В чертах его лица просматривалось что-то орлиное; такие лица часто встречаются у индейцев Северной Америки. Его внешность вполне соответствовала высокому сану правителя страны. Глаза его сверкнули, когда он выслушал Мак-Аллистера, но, быстро овладев собой, он повиновался и приказал собрать сотни две лучших танцоров селения, мужчин и женщин. И в течение двух бесконечных часов они танцевали под ярким, палящим солнцем. Вот за такие издевательства они и ненавидели его, а он вовсе не замечал их ненависти; наконец он их отпустил с ругательствами и насмешками.

Рабское смирение этих гордых дикарей было возмутительно. Как объяснить его? В чем секрет его власти? С каждым днем мое недоумение возрастало. Видя бесчисленные примеры его неограниченной власти, я не мог найти подходящий ключ к разгадке тайны.

Однажды я случайно поделился с ним своим огорчением по поводу несостоявшейся покупки двух великолепных оранжевых раковин. В Сиднее такие раковины стоят пять фунтов. Я предложил владельцу двести пачек табака, он же требовал триста. Когда я так необдуманно рассказал обо всем Мак-Аллистеру, тот немедленно послал за владельцем раковин, отнял их у него и отдал мне. Больше пятидесяти пачек табака он не позволил мне уплатить. Негр взял табак и, казалось, был в восторге, что так легко отделался. Я же решил держать впредь язык на привязи. Тайна могущества Мак-Аллистера продолжала меня мучить. Я дошел до того, что обратился за разъяснением прямо к нему, но он только прищурился, принял глубокомысленный вид и налил себе виски.

Как-то ночью я ловил в лагуне рыбу вместе с Оти, тем самым негром, у которого купил раковины. Тайком я прибавил ему еще сто пятьдесят пачек, и он стал относиться ко мне с уважением, доходившим до какого-то почитания; это было странно и смешно, ибо он был вдвое старше меня.

— Как назвать вас, канаков? Все вы — словно малые дети, — обратился я к нему. — Этот парень, торговец, ведь он — один. Племя канаков большое, много людей. Люди дрожат, как собаки, в большом страхе перед этим парнем, торговцем. Ведь он вас не съест, не загрызет. Почему у вас такой большой страх?

— Ты говоришь, племя канаков пусть убьет его? — спросил он.

— Пусть он умрет, — ответил я. — Племя канаков убивало много белых людей, давно-давно. Почему же оно боится этого белого парня?

— Да, мы много убивали, — последовал ответ. — Клянусь тебе! Не сосчитать! Много дней назад! Когда-то — я был совсем молодой — большой корабль останавливается возле острова. У них нет ветра. Нас много людей — канаков — подплывает в каноэ; много-много каноэ. Мы пришли взять этот большой корабль. Клянусь, мы взяли корабль; было большое

сражение. Два, три белых парней — стреляют, как дьяволы. Мы не боимся. Взбираемся на борт, вскакиваем на палубу; много людей, я думаю, может быть, пятьдесят раз по десять. Одна белая Мэри на корабле. Никогда я прежде не видел белую Мэри. Много белые парни убиты. Шкипер не умирает; пять, шесть белые парни не умирают. Шкипер кричит. Белые парни дерутся; спускают лодки. Потом все бросаются туда. Шкипер берет с собой белую Мэри. Потом они взмахивают веслами очень быстро, очень сильно. Мой отец — храбрый человек. Он бросает дротик. Этот дротик летит туда, где белая Мэри. Он не останавливается. Клянусь, он насквозь пролетает через белую Мэри. Она умирает. Мой не боится. Большое племя канаков тоже не боится.

Гордость старого Оти была задета: он быстро сдернул свою набедренную повязку и показал мне несомненный шрам от пули. Прежде чем я успел что-нибудь ему сказать, его удочка внезапно опустилась. Он дернул ее, пытаясь вытащить, но рыба запуталась в разветвлениях коралла. Бросив укоризненный взгляд на меня за то, что я отвлек его внимание, он полез в воду, спустив сначала ноги; затем, очутившись в воде, перевернулся и нырнул, следуя за удочкой на самое дно. Глубина достигала двадцати ярдов. Я наклонился и стал следить за движениями его ног, становившихся все менее отчетливыми; они слабо отсвечивали в фосфоресцирующей воде. Спуститься на глубину двадцать ярдов — иначе шестьдесят футов — было пустяком для него, старого человека, по сравнению с возможной потерей такой драгоценности, как леса и крючок. Мне казалось, что прошло пять минут, но в действительности через минуту он уже выплыл на поверхность. Он бросил в каноэ большую десятифунтовую треску. Леса и крючок были невредимы, последний застрял в пасти рыбы.

— Возможно, — безжалостно начал я опять, — что прежде вы ничего не боялись. А теперь вы сильно боитесь этого торговца.

— Да, мы сильно боимся, — согласился он с видом человека, не желающего продолжать разговор. В течение получаса мы в полном молчании вытаскивали и снова забрасывали наши удочки. Затем к нам подплыли акулы, и, потеряв по крючку, мы стали ждать, когда они уплывут.

— Мой расскажет всю правду, — прервал молчание Оти, — и твой будет знать, почему мы боимся.

Я зажег свою трубку и приготовился слушать. Историю, рассказанную мне Оти на этом ужасном жаргоне «beche-de-mer», я передаю понятным английским языком, но характер и порядок повествования — сохраняю.

— Это произошло после того, как мы возгордились. Мы много раз сражались с этими странными белыми людьми, проживающими на воде, и всегда мы их побеждали. И у нас бывали убитые, но какое это имело значение по сравнению с огромными богатствами и всевозможными товарами, которые мы находили на кораблях? И вот однажды, лет двадцать или двадцать пять назад, какая-то шхуна вошла прямо через пролив в лагуну. Это была огромная шхуна с тремя мачтами. На ней находилось пять белых людей и около сорока матросов — чернокожих с Новой Гвинеи и Новой Британии; она пришла на ловлю морских улиток. У противоположного берега лагуны, возле Паулу, она бросила якорь. Лодки ее рассеялись по всей лагуне, и, причаливая к берегу, матросы заготовляли впрок улиток. Так они разбрелись во все стороны и стали слабыми и беззащитными, ибо многие из ловцов очутились на расстоянии пятидесяти миль от шхуны, а другие забрались еще дальше.

Король и старшины созвали совет, и я попал в число тех, кто весь вечер и всю ночь разъезжал в каноэ по лагуне, оповещая жителей Паулу о предстоящем утром нападении на стоянки ловцов и приказывая им завладеть тем временем шхуной. Все мы, развозившие этот приказ, очень устали от долгой гребли, но все-таки приняли участие в атаке. На шхуне оставались двое белых — шкипер и второй помощник —

и с полдюжины черных матросов. Шкипера и трех матросов мы захватили на берегу и убили их, но раньше шкипер уложил из своих двух револьверов восьмерых. Видишь ли, мы сражались всерьез.

Шум битвы оповестил помощника о случившемся. Он погрузил съестные припасы и бочонок с водой на маленькую лодку с одним парусом. Она была совсем маленькой, длиной не более двенадцати футов. Мы направились к шхуне; нас было тысяча человек, и наши каноэ рассеялись по всей лагуне. Мы дули в раковины, распевали воинственные песни и ударяли веслами по бортам каноэ. Что мог сделать один белый человек и трое черных матросов? Они были бессильны, и помощник это знал.

Белые люди — сущие дьяволы. Я многих видал, я уже старик, и теперь я понял, почему белые люди завладели всеми островами на море. Потому что они дьяволы! Здесь вот ты сидишь со мной в каноэ. Ты почти что мальчик. Ты не умный, ты не знаешь многого, о чем я рассказываю тебе каждый день. Когда я был ребенком, я больше знал о рыбах и о море, чем знаешь ты сейчас. Я уже старик, а могу нырнуть на самое дно, и ты не можешь следовать за мной. Ну, к чему ты пригоден? Не знаю, разве что драться умеешь. Тебя я не видел в битве, но все же думаю, что ты подобен своим братьям и будешь сражаться, как дьявол. И подобно своим братьям, ты — дурак. Вы не знаете поражений. Вы деретесь, пока не умрете, а тогда уже поздно, и вы так и не поймете, что вас победили.

Теперь послушай, как поступил этот помощник. Мы направились к нему, и наши каноэ покрыли всю лагуну; мы дули в наши раковины; тогда он с тремя чернокожими спустился со шхуны в маленькую лодку и устремился к проливу. Ну, разве он не дурак? Умный человек не пустился бы в море в такой крохотной лодке. Ее борта едва на четыре дюйма поднимались над водой. Двадцать каноэ с двумя сотнями крепких молодцов помчались за ней. Мы делали пять футов,

пока черные матросы продвигались только на один. У него не было никакой надежды, но он — дурак. Он встал, держа в руке винтовку, и начал стрелять. Стрелял он плохо, но когда мы подошли ближе, многие из наших были ранены и убиты. И все же ему не на что было надеяться.

Помню, он все время курил сигару. Когда мы были уже в сорока футах и быстро приближались, он бросил винтовку, поджег сигарой палочку динамита и швырнул в нас. Он зажигал одну палочку за другой и быстро швырял их. Теперь я знаю, что он расщеплял концы фитилей и вставлял туда спички, поэтому динамит и воспламенялся так быстро. Фитили были слишком короткие; иногда палочки разрывались в воздухе, но большая часть их попадала в каноэ. И всякий раз, попав в каноэ, динамит уничтожал его. Из двадцати каноэ десять были разнесены на куски. И каноэ, где я находился, погибло таким же образом; погибли и два человека, сидевшие возле меня. Динамитная палочка упала между ними. Другие каноэ повернули назад и обратились в бегство. Тогда помощник громко закричал: «Ях! Ях! Ях!» И снова поднял винтовку. Многие из бежавших были убиты. А чернокожие в лодке все время гребли. Ты видишь, я правду сказал: этот помощник — настоящий дьявол.

Но это не все. Покидая шхуну, он поджег ее. Весь порох и динамит он сложил наверху, и эта куча могла ежеминутно взорваться. Сотни наших находились на борту, пытаясь потушить огонь и заливая его водой, и в это время шхуна взорвалась. Таким образом, все, ради чего мы боролись, для нас погибло. А убитых было больше, чем когда-либо. Порой у меня бывают скверные сны, даже теперь, в старости; и во сне я слышу крик этого помощника: «Ях! Ях! Ях!» Он кричит громовым голосом: «Ях! Ях! Ях!»

Но все-таки всех их рыболовов, рассеявшихся по берегу, перебили.

Помощник уплыл через пролив в своей маленькой лодке, и мы не сомневались, что гибель его неизбежна. Разве мог-

ла этакая крохотная лодка с четырьмя людьми продержаться на волнах океана? Прошел месяц, и однажды утром, в промежутке между двумя шквалами, вошла в лагуну шхуна и бросила якорь перед самым селением. Король и вождь долго и серьезно совещались, и было постановлено завладеть шхуной, но не ранее чем через два-три дня. А пока мы, следуя своему обычаю, прикинулись дружелюбно настроенными и поплыли к шхуне в наших каноэ, нагруженных всяким добром: связками кокосовых орехов, курами и поросятами. Но едва мы подошли к борту, как люди с палубы начали обстреливать нас из винтовок. Отплывая назад, я увидел помощника, уплывшего в море в маленькой лодке. Он подскочил к самому борту и, приплясывая, закричал:

— Ях! Ях! Ях!

После полудня от шхуны отчалили три небольшие лодки, переполненные белыми людьми. Люди высадились на берег и пронеслись по селению, пристреливая всякого, попадавшегося им на пути. Все куры и поросята также были перестреляны. Те, кому удалось избежать смерти, уплыли в каноэ подальше в лагуну. Оглядываясь, мы видели наши дома, объятые пламенем. Немного позже к нам присоединились каноэ, подъехавшие со стороны Нихи, из деревни на северо-востоке, у пролива Нихи. Эти люди были единственными оставшимися в живых; их селение, подобно нашему, было сожжено второй шхуной, вошедшей в пролив Нихи.

Когда опустилась тьма, мы направились на запад к Паулу, но около полуночи услыхали вопли женщин, и вскоре нас окружила флотилия каноэ. Это было все, что осталось от Паулу, также обращенного в пепел третьей шхуной, вошедшей в пролив Паулу. Да, этот помощник со своими черными матросами не потонул. Они добрались до Соломоновых островов, и там он рассказал своим белым братьям обо всем случившемся на Улонге. И его братья обещали ему прийти и наказать нас. Они явились на трех шхунах, и наши три селения были стерты с лица земли.

Что мы могли предпринять? Утром, когда поднялся ветер, две шхуны настигли нас на середине лагуны. Дул сильный пассат, и многие из наших каноэ были затоплены. Ружья не переставали греметь. Мы рассыпались во все стороны, подобно мелкой рыбешке; нас было так много, что тысячи человек спаслись на островках, окаймляющих атолл. Но шхуны продолжали гонять нас по всей лагуне. Ночью мы ускользнули от них. Но на следующий день или дня через два-три шхуны неизменно появлялись и гнали нас в другой конец лагуны. Так продолжалось долго. Мы больше не считали убитых и не вспоминали о наших потерях. Правда, нас было много, а их мало. Но что мы могли сделать? Я находился в одной из двадцати каноэ, наполненных людьми, не боявшимися смерти. Мы напали на самую маленькую шхуну. Они осыпали нас градом пуль. Они бросали динамитные палочки в наши каноэ; когда закончились все динамитные палочки, они лили на нас кипяток. И ружья не переставали трещать. Те, чьи каноэ потонули, были пристрелены во время попытки спастись вплавь. А помощник, прыгая и танцуя на крыше рубки, кричал: «Ях! Ях! Ях!».

Все дома на самых маленьких островках были сожжены. Ни одного поросенка, ни одной курицы не осталось. Наши колодцы они наполнили трупами или забросали обломками коралла. Нас было двадцать пять тысяч на Улонге до прихода трех шхун. Теперь нас пять тысяч. После ухода шхун нас осталось только три тысячи.

Наконец трем шхунам надоело гонять нас взад и вперед. Они направились в Нихи, на северо-восток, и оттуда стали теснить нас, отгоняя на запад. Их девять лодок были спущены на воду. Они обшарили каждый островок перед тем, как двинуться дальше. Они гнали нас упорно, настойчиво, изо дня в день. Ночью все три шхуны и девять лодок составляли сторожевую цепь, тянувшуюся через лагуну от края и до края, и нам невозможно было ускользнуть.

Однако бесконечно преследовать нас они не могли. Лагуна была невелика, и все мы, оставшиеся в живых, были загнаны наконец на песчаную отмель на западе. За ней простиралось открытое море. Там нас собралось десять тысяч человек. Мы усеяли песчаную отмель от самого края лагуны до берега, где разбивались волны прибоя. Было так тесно, что мы не могли лежать. Мы стояли бок о бок, плечо к плечу. Два дня они продержали нас там. Помощник взбирался на мачту, издевался над нами и кричал: «Ях! Ях! Ях!» Мы раскаивались в том, что месяц назад осмелились причинить ему и его шхуне вред. Пищи у нас не было, и мы стояли на ногах два дня и две ночи. Маленькие дети умирали; старые и слабые умирали; раненые умирали. И хуже всего то, что у нас не было воды, чтобы утолить жажду, и в продолжение двух дней палящее солнце пекло наши головы; тени не было. Многие мужчины и женщины входили по пояс в воду и тонули; прибой выбрасывал их трупы на берег. Появились ядовитые мухи. Иные мужчины поплыли к борту шхуны, но были застрелены все до одного. А мы, оставшиеся в живых, горько раскаивались в том, что, возгордившись, напали на шхуну с тремя мачтами, явившуюся к нам ловить морских улиток.

На утро третьего дня к нам подъехали в маленькой лодке шкиперы трех шхун и помощник. Они держали перед собой винтовки и револьверы и начали переговоры. Они заявили, что им надоело нас убивать, и поэтому они прекращают бойню. А мы им сказали, что горько раскаиваемся и никогда больше не тронем ни одного белого человека; в знак покорности мы посыпали наши головы песком. Все женщины и дети подняли вой, прося воды, и некоторое время ничего нельзя было расслышать. Затем мы узнали о назначенном нам наказании. Мы должны были наполнить три шхуны копрой и морскими улитками. Мы согласились; нам нужна была вода, мы ослабели, и мужество нам изменило: мы поняли, что в искусстве сражаться мы — дети по срав-

нению с белыми, которые дерутся, как дьяволы. Переговоры были закончены, и помощник вскочил на ноги и начал нас высмеивать и кричать: «Ях! Ях! Ях!» Затем мы отплыли в наших каноэ и принялись за поиски воды.

Много недель трудились мы, вылавливая и высушивая улиток, собирая кокосовые орехи и приготовляя из них копру. Днем и ночью поднимался клубами дым над всеми островами Улонга; так несли мы кару за наше неправедное дело. Эти дни смерти навсегда запечатлелись в нашей памяти, и мы поняли, что нельзя вредить белому. Постепенно шхуны наполнились копрой и улитками. Наши кокосовые пальмы были ободраны. Три шкипера и помощник созвали нас всех для важной беседы. Они выразили радость по поводу того, что мы приняли к сведению преподанный нам урок, а мы повторили в тысячный раз, что раскаиваемся и клянемся больше этого не делать. И опять мы посыпали песком наши головы. Шкиперы сказали, что все это прекрасно, но они желают о нас позаботиться и оставят нам своего дьявола, чтобы мы вспоминали их всякий раз, как почувствуем влечение причинить зло белому человеку. Помощник еще раз посмеялся над нами и прокричал: «Ях! Ях! Ях!» Затем шесть наших людей, которых мы считали мертвыми, были доставлены с одной из шхун на берег. После этого шхуны подняли паруса и направились через пролив к Соломоновым островам.

Шесть наших людей, спущенных на берег со шхуны, явились первыми жертвами страшного дьявола, посланного к нам шкиперами.

— Появилась страшная болезнь? — прервал я его, догадавшись о проделке белых: на борту шхуны свирепствовала заразная болезнь, и шесть пленников были умышленно заражены.

— Да, страшная болезнь, — продолжал Оти. — Это был неумолимый дьявол. Самые старые люди никогда не слыхали о таком дьяволе. Жрецы, оставшиеся в живых, были убиты нами, потому что не могли его победить. Зараза рас-

пространялась. Я уже говорил, что на песчаной отмели мы стояли плечом к плечу — десять тысяч человек. Когда болезнь ушла от нас, в живых осталось три тысячи. Все наши кокосовые орехи пошли на копру, и начался голод.

— Этот парень, торговец, — прибавил в заключение Оти, — он — грязный парень. Он — как слизь, дохлое мясо и воняет. Он собака, больная собака, и мухи ползают по собаке. Мы не боимся этого торговца. Мы боимся, потому что он белый. Мы знаем, много знаем: нехорошо убивать белого человека. Этот человек, эта больная собака, торговец — за него заступятся много братьев; белые люди сражаются, как дьяволы. Мы не боимся этого проклятого торговца. Иногда он много мучает канаков, и канаки хотят убить его; но канаки помнят дьявола; канаки слышат: помощник кричит: «Ях! Ях! Ях!» — и канаки не убивают торговца.

Оти насадил на крючок кусок макрели, вырвав его зубами из живой, еще трепещущей рыбы, и крючок с приманкой, поблескивая и белея в воде, опустился на дно.

— Акула больше не гуляет, — сказал Оти.

— Я думаю, мы поймаем много рыбы.

Его леса дернула. Он поспешно ее вытащил, и на дне каноэ забилась, разевая пасть, большая треска.

— Солнце взойдет, и я отнесу этому проклятому торговцу подарок — большую рыбу, — сказал Оти.

ЯЗЫЧНИК

Впервые я встретился с ним в бурю; и хотя мы выдержали ее на одной шхуне, я взглянул на него, лишь когда судно было уже разбито в щепки. Несомненно, я и раньше видал его на борту, вместе с остальным канакским экипажем, но не обратил на него внимания, ибо «Petite Jeanne» была довольно-таки переполнена людьми. Кроме

восьми или десяти канакских матросов, белого капитана, помощника, судового приказчика и шести каютных пассажиров, она везла из Ранжироа восемьдесят пять палубных пассажиров, жителей Паумоту и Таити; то были мужчины, женщины и дети, каждый со своими корзинами, не говоря уже о матрацах, одеялах и узлах с платьем. В Паумоту кончился «жемчужный» сезон, и все рабочие руки возвращались на Таити; мы шестеро — каютные пассажиры — были скупщиками жемчуга. В эту полудюжину входили два американца, один китаец — А-Чун — самый белый из всех виденных мною китайцев, один немец, один польский еврей и я.

То был удачный сезон. Ни один из нас не имел причины жаловаться; довольны были и восемьдесят пять палубных пассажиров. Все хорошо поживились и теперь с надеждой смотрели вперед, предвкушая отдых и хорошее времяпрепровождение в Таити.

Конечно, «Petite Jeanne» перегрузили. Вместимость ее была всего лишь семьдесят тонн, и шхуна никакого права не имела нести на себе и десятую долю того сброда, какой находился у нее на борту. Трюм, под люками, был битком набит жемчужными раковинами и копрой. Даже чулан был полон ими. Чудом казалось, что матросы могли справляться со шхуной. На палубах совсем не было движения. Матросам, чтобы добраться до нужного места, приходилось карабкаться вперед и назад вдоль перил.

В ночное время они прогуливались по спящим, которые, как ковром, устилали палубу. Могу поклясться, что они устилали ее двойным ковром! О, здесь были даже свиньи и цыплята, и кульки с мясом, а всякое свободное местечко было разукрашено связками кокосов и кистями бананов! По обе стороны между фок- и грот-вантами протянули бурундуктали так низко, чтобы унтер-лисель [1] мог свободно раскачи-

---

[1] Унтер-лисель — рангоутовое дерево, употребляемое при повороте косого паруса.

ваться; а с бурундук-талей свешивалось по пятидесяти кистей бананов.

Плавание обещало быть не особенно спокойным, даже если бы мы и совершили переезд в два или три дня, что могло произойти лишь при сильных юго-восточных пассатах. Но ветер дул слабо. Спустя пять часов он затих после нескольких угасающих вспышек. Штиль продолжался всю ночь и следующий день; то был один из тех сияющих зеркальных штилей, когда одна только мысль открыть глаза и посмотреть на море причиняет головную боль.

На второй день умер человек, — житель восточных островов, один из лучших водолазов в лагуне. Оспа — вот от чего он умер; хотя непонятным казалось, каким образом занесло оспу на борт судна: при нашем отплытии из Ранжироа о ней ничего не было слышно. Однако сомнений быть не могло — один человек умер, и трое были больны. Положение было безвыходное. Мы не могли отделить больных, не могли и ухаживать за ними. Мы были набиты здесь, как сардины. После ночи, последовавшей за первой смертью, оставалось только гнить и умирать, ибо в ту ночь улизнули на большом вельботе штурман, судовой приказчик, польский еврей и четыре туземца-водолаза. Больше мы о них не слыхали. Наутро капитан приказал продырявить остальные лодки, и мы застряли на судне.

В этот день умерло двое; на следующий — трое, а затем число сразу возросло до восьми. Любопытно было наблюдать, как это действовало на нас. Туземцы стали добычей немого, тупоумного страха. Капитан — он был французом, а звали его Удуз — нервничал и болтал без умолку. Его даже стало трясти. Это был огромный, мясистый человек, весивший по крайней мере двести фунтов. Вскоре он стал походить на дрожащее желе из жира.

Немец, американцы и я насосались шотландским виски и решили париться допьяна. Теория была великолепна: если мы пропитаем себя алкоголем, все проникшие в нас мик-

робы оспы немедленно будут сожжены в пепел. И теория оправдала себя, хотя я должен сознаться, что и капитан, и А-Чун уцелели от оспы. Француз вовсе не пил, а А-Чун ограничивался одной выпивкой в день.

Ну и славное же было времечко! Солнце — на своем пути к Северному полушарию — стояло как раз над головой. Ветра не было, но часто налетали шквалы; через пять минут или через полчаса все затихало, а затем нас затоплял дождь. После каждого шквала грозно выглядывало солнце, поднимая с палуб облака пара. Пар был скверный. Нам он казался туманом смерти, насыщенным миллионами бацилл. Когда мы видели, как он поднимается над мертвыми и умирающими, мы всегда принимались пить; обычно мы из разных напитков приготовляли необыкновенно крепкую смесь. Кроме того, мы взяли себе за правило угощаться добавочной порцией всякий раз, когда сбрасывали мертвецов за борт — к кишащим вокруг корабля акулам.

Так продолжалось с неделю. Затем кончилось виски. Это оказалось кстати, ибо иначе я бы не выжил. Только совершенно трезвый человек мог пережить то, что затем последовало. Вы согласитесь с этим, когда узнаете, что нас осталось лишь двое: я и язычник — так по крайней мере назвал его капитан Удуз, когда я впервые его заметил. Но возвратимся назад. В конце недели, когда вышло все виски и скупщики жемчуга были трезвы, я случайно взглянул на висевший в кают-компании барометр. В Паумоту он обычно стоял на 29,90 и часто колебался между 29,85 и 30,00 или даже 30,05. Я же увидел его стоящим ниже 29,62: это могло протрезвить самого пьяного скупщика жемчуга, когда-либо испепелившего микробов оспы в шотландском виски.

Я обратил на это внимание капитана Удуза, но тот заявил, что вот уже несколько часов наблюдает падение барометра. Мало что можно было сделать, но, принимая во внимание все обстоятельства, с этим малым он справился превосходно. Он убрал часть парусов, оставив только штормовые,

растянул леера́[1] и ждал ветра. Но когда поднялся ветер, капитан допустил ошибку — он заставил шхуну лечь в дрейф на левый галс. Конечно, когда находишься к югу от экватора, такая мера правильна, если — вот в чем затруднение — если только ты не стоишь на пути урагана.

Да, мы оказались как раз на его пути. Я мог судить об этом по тому, как непрестанно усиливался ветер и падал барометр. На мой взгляд, капитан должен был повернуть шхуну так, чтобы ветер дул с левого борта, а затем, когда барометр перестанет падать, лечь в дрейф. Мы спорили до тех пор, пока в его голосе не послышались истерические нотки, но уступить он не хотел. Хуже всего то, что мне не удалось привлечь на свою сторону остальных: скупщиков жемчуга. Мог ли я знать море — все его капризы — лучше, чем опытный капитан? Вот что они думали, и я это знал.

Конечно, поднялось страшное волнение. Я никогда не забуду первых трех волн, обрушившихся на «Petite Jeanne». Она накренилась, как накреняются все суда, ложась в дрейф, и первая волна хлынула на палубу. Поручни предназначались только для здоровых и сильных людей, но и им они не пригодились, когда женщины и дети, бананы и кокосы, свиньи и дорожные корзины, больные и умирающие, подхваченные волной, визжащей, стонущей массой понеслись вдоль палубы.

Вторая волна загромоздила палубы брусьями от поручней, а когда корма шхуны погрузилась в воду и нос высоко взметнулся к небу, несчастные со всем своим багажом съехали на корму. Это был поток человеческих тел. Люди неслись, кто головой вперед, кто вперед ногами, перекатывались, извивались, корчились, давили друг друга. Кое-кому удавалось ухватиться рукой за стойку или веревку; но тяжесть тел, напиравших сзади, заставляла разжать руку. Я видел, как один, летевший головой вперед, ударился о бимсы на штирборте.

---

[1] Леер — туго вытянутая веревка, у которой оба конца закреплены.

Голова его треснула, словно яичная скорлупа. Я понял, к чему все это может привести, вскочил на крышу кают-компании, а оттуда перелез на грот-мачту. А-Чун и один из американцев пытались последовать моему примеру. Но я опередил их на целый прыжок. Американец был смыт с кормы, словно соломинка; А-Чун ухватился за штурвал и удержался на месте. Какая-то огромная женщина — вагина племени Раратонга — налетела на него и обхватила рукой его шею. Она весила не меньше двухсот пятидесяти фунтов. Свободной рукой он уцепился за канакского рулевого, и как раз в этот момент шхуна легла на правый борт.

Поток человеческих тел, двигавшийся вдоль левого борта, между рубкой и поручнями, внезапно изменил направление и понесся на штирборт. Все были снесены — вагина, А-Чун и рулевой; могу поклясться, что я видел, как А-Чун, выпуская из рук поручни, усмехнулся мне с философской покорностью. Третья волна — самая большая — причинила меньше вреда. К тому времени почти все успели перебраться на такелаж. Внизу оставалось, может быть, человек двенадцать; несчастные, полузадохшиеся, оглушенные, захлебывающиеся люди катались по палубе или пытались забраться в какое-нибудь безопасное местечко. Их снесло за борт вместе с двумя оставшимися разбитыми лодками. В промежутках между волнами мне и другим скупщикам жемчуга удалось поместить пятнадцать женщин и детей в кают-компанию и закрыть люк. Но в конце концов это принесло им мало пользы. А ветер? Несмотря на весь мой опыт, я никогда не поверил бы, что ветер может дуть с такой силой. Он не поддается описанию. Разве можно описать кошмар? Так же точно немыслимо дать представление об этом ветре. Он срывал с нас одежду. Я говорю: «срывал» — именно так и было. Но я не прошу вас верить. Я лишь рассказываю то, что сам видел и чувствовал. Бывают минуты, когда я сам перестаю себе верить. Однако все это я пережил. Можно ли пережить встречу с таким ветром? Он был чудо-

вищен, и самым ужасным казалось то, что он все усиливался и усиливался.

Представьте себе бесчисленные миллионы и биллионы тонн песка. Этот песок несется со скоростью девяносто, сто, сто двадцать и более миль в час. Далее представьте себе, что он невидим, неощутим — и при этом сохраняет плотность и вес песка. Представьте себе все это, и вы получите смутное представление о налетевшем на нас ветре.

Быть может, сравнение с песком неправильно. Сравним его с грязью, невидимой, неосязаемой, но тяжелой. Нет, и это слишком слабо! Считайте, что каждая молекула воздуха представляла собой грязевую отмель. Затем постарайтесь вообразить сплошную массу таких молекул. Нет, я не нахожу слов! Словами можно изобразить лишь обычные явления жизни, но язык становится бессильным перед таким чудовищным ветром. Гораздо лучше было бы, если бы я остался при своем первоначальном намерении и не пытался дать описание.

Но одно я должен сказать: волны, поднявшиеся на море, были разбиты, придавлены ветром. Мало того: казалось, ураган, разинув пасть, поглотил весь океан, заполнил то пространство, где раньше был воздух.

Конечно, паруса давно были сорваны. Но у капитана Удуза имелось на «Petite Jeanne» то, чего я никогда еще не видел на шхунах южных морей, — морской якорь. То был конический парусиновый мешок, в отверстие которого вставлен огромный железный обруч. Морской якорь, падающий в воду, походил на коршуна, взлетающего к небу, но имелась и некоторая разница: он оставался у самой поверхности воды и сохранял перпендикулярное положение. Длинный канат соединял его со шхуной. В результате «Petite Jeanne» поплыла носом к ветру и навстречу морю. Действительно, наше положение улучшилось бы, если бы мы не находились на пути шторма. Правда, ветер вырвал наши паруса из ревантов, сломал верхушки мачт, спутал все снасти,

но все же мы, вероятно, выпутались бы благополучно, если бы не попали в самый центр шторма. Вот это-то и решило нашу судьбу. Я был оглушен, находился в состоянии какого-то оцепенения и ослабел от напора ветра. Я уже готов был сдаться и умереть, когда центр урагана захватил нас. Мы попали в полосу полного затишья. Не было ни малейшего дуновения ветерка. Это оказывало болезненное действие.

Вспомните, как сильно напряжены были у нас мускулы, когда мы боролись с чудовищным давлением ветра. И вдруг давление сразу прекратилось. Помню, у меня было такое чувство, словно я вот-вот распадусь, разлечусь на части. Казалось, все атомы моего тела отделяются друг от друга и непреодолимо рвутся в пространство. Но это длилось одно мгновение. Гибель надвигалась.

В центре шторма не было ветра, и на море поднялось волнение. Волны прыгали, бились, взметались к самым облакам. Не забудьте: этот чудовищный ветер дул от каждой точки окружности в направлении центра штиля. Поэтому и волны стали надвигаться со всех сторон. В центре не было ветра, чтобы их остановить. Они вырывались, словно пробки со дна бочек; в их продвижении не заметно было ни системы, ни постоянства. То были сумасшедшие волны. Они вздымались по крайней мере на восемьдесят футов. Нет! То были вовсе не волны: ни один человек никогда не видел таких волн.

Скорее они походили на брызги, чудовищные брызги — вот и все! Брызги в восемьдесят футов вышиною. Восемьдесят футов! Больше восьмидесяти! Они перебрасывались через верхушки мачт. То был смерч, извержение. Они были пьяны. Они падали где и как попало. Сталкивались, налетали и обрушивались друг на друга или разлетались тысячами водопадов. Этот центр урагана не был океаном — ни одному человеку не снился такой океан. То был хаос, адский хаос — дьявольский кладезь взбесившейся морской воды.

А «Petite Jeanne»? Не знаю, что сталось с нею. Язычник говорил мне впоследствии, что и он не знает. Она была буквально разодрана, расколота надвое, затем превращена в массу раздробленного, горящего дерева и, наконец, уничтожена. Придя в себя, я увидел, что нахожусь в воде и плыву машинально, хотя — если можно так выразиться — я уже на две трети утонул. Не помню, как я очутился в воде. Я видел, как «Petite Jeanne» разлетелась на части, должно быть, в тот самый момент, когда я потерял сознание.

Теперь, когда я пришел в себя, мне оставалось только использовать все преимущества своего положения, но эти «преимущества» сулили мало хорошего. Снова дул ветер, волны уменьшились, и я понял, что выбрался из центра урагана. По счастью, вблизи не было акул. Ураган разогнал прожорливую стаю, которая окружала обреченное на гибель судно и кормилась мертвецами.

Было около полудня, когда «Petite Jeanne» разлетелась в щепки, и, должно быть, часа два спустя мне удалось уцепиться за крышку от люка шхуны. В то время лил дождь, и я совершенно случайно натолкнулся на крышку. Короткий обрывок бечевки болтался на ручке; я понял, что могу считать себя в безопасности по крайней мере в течение суток — в том случае, конечно, если не явятся акулы. Часа три спустя мне послышались голоса. Все это время я тесно прижимался к крышке и, закрыв глаза, сосредоточивал свое внимание на работе легких, стараясь вдыхать достаточное количество воздуха, чтобы не задохнуться и в то же время не наглотаться воды. Дождь перестал, а ветер и море затихли. Вот тогда-то я и увидел на расстоянии двадцати футов капитана Удуза и язычника, примостившихся на крышке от другого люка. Они боролись за обладание ею — во всяком случае француз боролся.

— Paien noir! [1] — завопил он и лягнул ногой канака.

---

[1] Paien noir — черный язычник, безбожник (*фр.*).

На капитане Удузе из одежды остались лишь тяжелые, грубые сапоги. Язычнику он нанес жестокий удар по рту и подбородку и едва не оглушил его. Я думал, парень отплатит ему той же монетой, но он удовольствовался тем, что уныло отплыл на десять футов в сторону. Всякий раз, как волна пригоняла его ближе, француз, руками цеплявшийся за крышку, лягал его обеими ногами и, лягаясь, называл канака черным язычником.

— Эй ты, белая скотина! — заревел я. — За пару сантимов я до тебя доберусь и утоплю!

Только сильная усталость помешала мне выполнить угрозу. Одна мысль об усилии, какое требовалось, чтобы переплыть к нему, вызывала тошноту. Поэтому я окликнул канака и решил разделить с ним люковую крышку. Отоо — так его звали (он произносил свое имя протяжно: «О-т-о-о») — сообщил мне, что он уроженец Бора-Бора, самого западного острова из группы Товарищества. Как я впоследствии узнал, он захватил люковую крышку первым, а затем, встретившись с капитаном Удузом, предложил ему воспользоваться ею, а тот в благодарность за эту услугу отогнал его пинками.

Вот каким образом я впервые встретил Отоо. Он не был забиякой; он являлся воплощением кротости, мягкости и доброты, хотя и был шести футов ростом, мускулистый, словно римский гладиатор. Да, забиякой он не был, но не был и трусом. В его груди билось львиное сердце; в последующие годы я видел, как он шел на такие опасности, перед которыми я бы отступил. Я хочу сказать, что, избегая заводить ссору, он никогда не отступал перед надвигающейся бедой. А раз Отоо начинал действовать — тогда «берегись мели!». Я никогда не забуду, как он отделал Билля Кинга. Случилось это в германском Самоа. Билль Кинг был провозглашен чемпионом-тяжеловесом американского флота. То был человек-зверь, настоящая горилла, один из тех парней, что бьют здорово и наверняка умеют управлять своими кулаками. Он затеял

ссору, ударил и дважды пихнул ногой Отоо, пока тот осознал необходимость драться. Думаю, бой закончился через четыре минуты; к концу этого времени Билль Кинг оказался несчастным обладателем четырех поломанных ребер, сломанной руки и вывихнутого плеча. Отоо понятия не имел о науке бокса. Он дрался по-своему, но Биллю Кингу пришлось пролежать три месяца, пока он не оправился от урока, полученного им на берегу Апии.

Но я забегаю вперед. Мы поделили люковую крышку и поочередно пользовались ею. Один лежал ничком на крышке и отдыхал, в то время как другой, по шею погрузившись в воду, придерживался за крышку обеими руками. В течение двух суток, без перерыва, то отдыхая на крышке, то погружаясь в воду, мы носились по океану. К концу второго дня я почти все время бредил; по временам мне случалось слышать, как бормочет и бредит Отоо на своем родном языке. Мы постоянно погружались в воду и благодаря этому не умерли от жажды, хотя морская вода и солнце для нас были равносильны рассолу и пеклу. Кончилось тем, что Отоо спас мне жизнь, ибо очнулся я на берегу, в двадцати футах от воды, защищенный от солнца листьями кокосовой пальмы. Конечно, не кто иной как Отоо притащил меня сюда и укрепил надо мной листья, отбрасывавшие тень. Он лежал рядом. Я снова потерял сознание. Когда я пришел в себя, была прохладная звездная ночь. Отоо прижимал к моим губам кокосовый орех.

Из всего экипажа «Petite Jeanne» спаслись только мы двое. Капитан Удуз, должно быть, погиб от истощения, так как спустя несколько дней к берегу прибило крышку от его люка. Целую неделю Отоо и я прожили с туземцами атолла; затем нас подобрал французский крейсер и доставил на Таити. Тем временем мы совершили обряд обмена именами. В южных морях этот обряд связывает людей крепче, чем братство по крови. Инициатива была моя, а Отоо пришел в восторг, когда я заговорил об этом.

— Вот это хорошо, — сказал он по-таитянски. — Ведь мы вместе провели два дня на устах смерти.

— А смерть не разжала уст, — с улыбкой ответил я.

— Ты совершил славное дело, господин, — сказал он, — и у смерти не хватило подлости заговорить.

— Зачем ты называешь меня господином? — спросил я, делая обиженный вид. — Разве мы не обменялись именами? Для тебя я — Отоо, для меня ты — Чарли. И для меня ты на вечные времена будешь Чарли, а я для тебя — Отоо. Таков обычай. И даже после нашей смерти, если нам случится жить где-нибудь в надзвездном мире, даже тогда ты будешь для меня Чарли, а я для тебя — Отоо.

— Да, господин, — ответил он, и глаза его засверкали от радости.

— Ну вот, ты опять! — негодующе вскричал я.

— Разве важно то, что произносят мои уста? — возразил он. — Ведь это только уста. Мысленно же я всегда буду звать тебя Отоо. Когда бы я ни подумал о себе, я буду думать о тебе; и если кто назовет меня по имени, я вспомню о тебе. И в надзвездном мире, во все времена ты будешь для меня Отоо. Так ли я говорю, господин?

Я скрыл улыбку и кивнул ему головой.

Мы расстались в Папеэтэ. Я остался на берегу, чтобы оправиться от перенесенного потрясения, а он на катере отплыл к своему родному острову Бора-Бора. Спустя шесть недель он вернулся. Я очень удивился, так как раньше он рассказал мне о своей жене, о том, что возвращается к ней и думает навсегда отказаться от далеких путешествий. После первых приветствий он спросил меня, куда я собираюсь отправиться. Я пожал плечами; это был трудный для меня вопрос.

— Я хочу странствовать по всему свету, — ответил я наконец, — по всему свету: изъездить все моря, посетить все острова, какие только есть на земном шаре.

— Я еду с тобой, — просто сказал он. — Моя жена умерла.

У меня никогда не было брата, но, вспоминая отношения, какие мне приходилось наблюдать между братьями, я начинаю сомневаться: способен ли брат относиться так, как относился ко мне Отоо. Для меня он был и братом, и отцом, и матерью. Знаю одно: благодаря Отоо я стал более справедливым и честным человеком. Я мало заботился о мнении других людей, но должен был оставаться честным в глазах Отоо. Помня о нем, я не осмеливался себя запятнать. Я был для него идеалом и боюсь, что из любви ко мне он меня наделял несуществующими добродетелями.

Бывали минуты, когда я подходил к самому краю пропасти, и только мысль об Отоо удерживала меня от прыжка. Его гордость мной передавалась и мне; и не делать того, что подорвало бы его гордость, стало первым правилом моего кодекса чести.

Естественно, я не сразу понял, каковы были его чувства ко мне. Он никогда не критиковал, никогда не осуждал меня. Лишь мало-помалу мне открывалось его преувеличенное мнение о моей особе, и постепенно я стал понимать, как сильно его оскорбил бы поступок, недостойный моего лучшего «я».

В продолжение семнадцати лет мы не разлучались; семнадцать лет он всегда был рядом со мной, бодрствуя во время моего сна, ухаживая за мной, когда я болел, сражаясь за меня и получая раны. Он записывался на те же корабли, что и я, и вместе мы избороздили Тихий океан, от Гавайских островов до мыса Сиднея, от Торресова пролива до Галапагос. Мы занимались вербовкой чернокожих на всем протяжении от Новогебридских островов и островов на экваторе до Луизиады, Новой Британии, Новой Ирландии и Нового Ганновера. Трижды мы терпели кораблекрушение: у островов Джильберт, Санта-Крус и Фиджи. Мы скупали и продавали все, что попадалось под руку, — жемчуг, жемчужные раковины, копру, черепах, — и кое-как сводили концы с концами.

Это началось в Папеэтэ, сейчас же после того, как Отоо заявил мне о своем решении объездить со мной все моря и острова. В те дни в Папеэтэ был клуб, где собирались скупщики жемчуга, торговцы, капитаны и разношёрстные авантюристы южных морей. Игра шла азартная, пили много; боюсь, что я засиживался за карточным столом дольше, чем следовало бы. Но как бы поздно я ни уходил из клуба, Отоо всегда ждал меня, чтобы проводить домой.

Сначала я улыбался, затем пожурил его. Наконец сказал напрямик, что в няньке не нуждаюсь. С тех пор, выходя из клуба, я его уже не видел. Однако спустя неделю я совершенно случайно обнаружил, что он по-прежнему провожает меня до дому, скользя в тени манговых деревьев, окаймлявших улицу. После этого я стал раньше возвращаться домой. В дождливые и бурные ночи, в самый разгар кутежа меня неотвязно преследовала мысль об Отоо, печально стоящем на страже под проливным дождем. Да, действительно, благодаря ему я изменился к лучшему. Однако он воздействовал на меня не строгостью. О христианской морали он не имел понятия. Все туземцы Бора-Бора приняли христианство, но Отоо был язычником — единственным неверующим человеком на всем острове — подлинным материалистом, не сомневающимся в том, что смертью кончается все. Он верил только в честную игру. В его кодексе чести низость являлась едва ли не таким же серьезным преступлением, как и зверское убийство, и, думаю, он скорее стал бы уважать убийцу, чем человека, способного на подлые делишки.

Что же касается меня, то он всегда возражал против тех моих поступков, которые могли бы мне повредить. Игру он допускал, он и сам был страстным игроком, но игру до поздней ночи считал вредной для здоровья. Ему случалось видеть, как люди, не заботившиеся о своем здоровье, умирали от лихорадки. Он не давал обета трезвости и в сырую погоду не прочь был глотнуть спиртного. Однако он знал, что спирт хорош лишь в умеренном количестве. Он видел, что, зло-

употребляя им, многие гибли либо на всю жизнь оставались калеками. Отоо всегда заботился о моем благополучии. Он думал о моем будущем, обсуждал мои планы и интересовался ими больше, чем я сам. Сначала, когда я еще не подозревал о его интересе к моим делам, ему приходилось угадывать мои намерения, как например в Папеэтэ — там я размышлял о том, входить ли мне в компанию с одним плутом, моим земляком. Операция с гуано была рискованной. Конечно, тогда я не знал, что он мошенник; этого не знал и ни один белый в Папеэтэ. Отоо также не был известен этот факт, но он видел, как туго идет дело, и выведал все, не дожидаясь моей просьбы. Много моряков со всех концов света заглядывают на Таити, и Отоо, еще только подозревая, отправился к ним и терся среди них до тех пор, пока не собрал достаточно данных, подтверждающих его предположение. История была замечательная — с этим Рудольфом Уотерсом! Отоо рассказал мне ее, а я не поверил; но, когда я припер Уотерса к стенке, он сдался без ропота и на первом же пароходе уехал в Оклэнд. Признаюсь, сначала я сердился на Отоо за то, что он сует нос в мои дела. Но я знал, что он руководствуется не какими-либо корыстными побуждениями, и вскоре мне пришлось признать его мудрость и осторожность. Моей выгоды он никогда не упускал из виду — глаза у Отоо были проницательные и дальнозоркие. В конце концов я стал с ним советоваться, и мои дела он знал лучше, чем я сам. Объяснялось это тем, что мои интересы он принимал ближе к сердцу, нежели я. Я был молод и беспечен. Долларам я предпочитал романтику, спокойной жизни — приключения. Счастье, что нашелся человек, заботившийся обо мне. Знаю, что не будь Отоо, я бы давно погиб.

Позвольте вам привести один из многочисленных примеров. Еще до того, как я отправился в Паумоту за жемчугом, у меня имелся некоторый опыт в вербовке чернокожих. Отоо и я застряли на берегу Самоа — «сели на мель», но тут мне посчастливилось поступить вербовщиком на один бриг; на

тот же бриг записался матросом Отоо. В последующие шесть лет мы, часто меняя суда, избороздили всю Меланезию. Когда мне приходилось на лодке подплывать к берегу, Отоо всегда стремился занять место у рулевого весла. Обычно вербовщика высаживали на берег. Сторожевая лодка, всегда наготове, держалась на расстоянии нескольких сот футов от берега, тогда как лодка вербовщика от берега не отходила. Когда я сходил со своим товаром на сушу, Отоо пересаживался на корму, где лежал прикрытый брезентом винчестер. Экипаж лодки был вооружен ружьями системы Снайдера, также скрытыми под брезентом. Пока я спорил и убеждал курчавых каннибалов наняться рабочими на плантации Квинслэнда, Отоо стоял на страже. И часто-часто его тихий голос предупреждал меня о подозрительных действиях дикарей или о назревающей измене. Иногда первым предостережением мне служил неожиданный ружейный выстрел, сбивающий негра. И когда я подбегал к лодке, рука Отоо втаскивала меня на борт. Помню однажды, когда мы служили на корабле «Санта-Анна», наша лодка села на мель, и в этот момент дикари взбунтовались. К нам на помощь ринулась сторожевая лодка, но до ее прибытия несколько десятков дикарей могли стереть нас с лица земли. Отоо одним прыжком очутился на берегу, запустил обе руки в товары и стал разбрасывать во все стороны табак, бусы, томагавки, ножи, куски коленкора.

Перед этими богатствами каннибалы устоять не могли; пока они дрались за обладание сокровищем, мы отпихнули лодку, вскочили в нее и отъехали на сорок футов. Через четыре часа я заполучил на этом берегу тридцать рекрутов.

Случай, особенно мне запомнившийся, произошел на Малаите — самом диком острове из восточной группы Соломоновых островов. Туземцы встретили нас удивительно дружелюбно; как могли мы знать, что в течение двух лет жители всей деревни собирали коллекцию голов, предназначенную для обмена на голову белого человека? Эти негодяи все охотятся за головами, а особенно ценят головы

белых. Тому, кто заполучит голову белого, должна была перейти вся коллекция.

Как я уже упомянул, встретили они нас очень дружелюбно; в тот день я отошел на сотню шагов от лодки. Отоо своевременно предостерег меня; разумеется, я попал в беду, как всегда бывало в тех случаях, когда я не слушался его совета.

О своей опасности я узнал лишь тогда, когда со стороны мангиферового болота показалась целая туча копий.

Штук двенадцать по крайней мере были направлены на меня. Я пустился бежать, но наткнулся на копье. Оно вонзилось мне в икру, и я упал. Дикари бросились ко мне. Все они размахивали своими томагавками на длинных рукоятках, намереваясь отрубить мне голову. Спеша завладеть добычей, они мешали друг другу. Воспользовавшись этой суматохой, я стал кататься по песку и избежал многих ударов.

В этот момент явился Отоо, Отоо-борец. Он раздобыл где-то тяжелую боевую дубину, в рукопашном бою оказавшуюся гораздо полезнее ружья, и ворвался в самую гущу дикарей. Благодаря этому они не могли пронзить его копьями, а томагавки, казалось, им только мешали. Он сражался за меня, как викинг. Своей дубиной он действовал поистине удивительно: черепа дикарей лопались, словно перезрелые апельсины. Разогнав толпу, он схватил меня на руки, пустился бежать и тогда только получил первые раны. Четыре копья задели его. Добежав до лодки, он схватился за винчестер, и ни одна пуля не пропала даром. Затем мы добрались до шхуны и стали залечивать раны.

Семнадцать лет мы прожили вместе. Он сделал меня человеком. Не будь его, я либо отошел бы в небытие, либо и по сей день оставался бы судовым приказчиком или вербовщиком.

Однажды он мне сказал:

— Ты растрачиваешь свои деньги, затем находишь работу, добываешь еще больше. Сейчас тебе нетрудно зарабатывать; когда же ты состаришься, деньги будут потрачены, а заработать

ты уже не сможешь. Я это знаю, господин. Я изучал привычки белых; я видел много стариков, которые некогда были молоды и, как и ты, могли зарабатывать. Теперь же они старые и нищие; им остается только ждать, когда какой-нибудь молодчик вроде тебя сойдет на берег и угостит их рюмочкой.

Чернокожий раб на плантациях. Он зарабатывает двадцать долларов в год. Он работает много; надсмотрщик работает мало и только разъезжает верхом, наблюдая за чернокожими. Он получает тысячу двести долларов в год. Я — матрос на шхуне. В месяц я зарабатываю пятнадцать долларов, так как считаюсь хорошим матросом. Я исполняю тяжелую работу. А у капитана на палубе натянут тент, и пиво он пьет из длинных бутылок. Я ни разу не видел, чтобы он тянул канат или работал веслом. Он получает сто пятьдесят долларов в месяц. Я — простой матрос, он — навигатор. Господин, я думаю, тебе следовало бы изучить навигацию.

И Отоо побуждал меня учиться. На первую мою шхуну он поступил вторым помощником и гораздо больше меня гордился моим командованием.

Затем он пошел дальше:

— Господин, капитану хорошо платят. Но судно находится на его попечении, и на нем всегда лежит тяжкое бремя. Гораздо лучше платят судовладельцу, который живет на берегу, держит много слуг и пускает в оборот свои деньги.

— Все это верно, но ведь шхуна стоит пять тысяч долларов, и притом старая шхуна, — возразил я. — Я состарюсь раньше, чем накоплю такую сумму.

— Белый может разбогатеть в самый короткий срок, — заявил он, указывая на берег, окаймленный кокосовыми пальмами.

В то время мы находились у Соломоновых островов и, плывя вдоль восточного берега Гвадалканара, нагружали наш корабль слоновыми орехами [1].

---

[1] Jury-nuts — орехи южноамериканской пальмы.

— Между устьями этой реки и следующей — расстояние в две мили, — сказал он. — Равнина тянется далеко в глубь страны. Сейчас эта земля ничего не стоит. Но кто знает? Быть может, через год или два за нее будут платить большие деньги. Здесь удобная якорная стоянка. Большие пароходы могут подходить к самому берегу. Старый вождь отдаст тебе эту землю, простирающуюся на четыре мили в глубь острова, за десять тысяч пачек табака, десять бутылок водки и ружье; все вместе будет тебе стоить не больше ста долларов. Затем ты поручишь это дело комиссионеру, а через год или два продашь землю и обзаведешься своим собственным судном.

Я последовал совету Отоо, он оказался прав — так и получилось, но не через два года, а через три. Затем подвернулось дело с полями на Гвадалканаре — двадцать тысяч акров, аренда у государства на девятьсот девяносто девять лет по цене, обусловленной в договоре. Этот контракт я продержал у себя ровно девяносто дней, затем продал его за большие деньги одной компании. И, как всегда, Отоо все предусмотрел и не упустил случая. По его совету я взялся за ремонт «Донкастера», купленного мной на аукционе за сто фунтов, и теперь, по погашении сделанных затрат, приносящего чистой прибыли три тысячи. Он же посоветовал мне приобрести плантацию на Саваи и заняться торговлей кокосовыми орехами на Уполу.

По морю мы скитались теперь меньше, чем в былые дни. Я разбогател, женился и зажил широко, но Отоо остался все тем же Отоо старых дней: он бродил вокруг дома или топтался в конторе, не вынимая изо рта своей деревянной трубки; по-прежнему носил шиллинговую рубашку и четырехшиллинговую повязку вокруг бедер. Мне никак не удавалось заставить его тратить деньги. Наградой ему могла быть только любовь, и мы на нее не скупились. Дети его обожали, а если бы можно было его избаловать, моя жена неминуемо сделала бы его другим человеком.

А дети? Он буквально поставил их на ноги. Он учил их ходить, ухаживал за ними, когда они болели. По мере того как они подрастали, он брал их с собой в лагуну и там превращал в амфибий. Он рассказывал им о жизни рыб и о том, как их ловить, — больше, чем знал об этом я. То же самое можно сказать и о лесном царстве. В семь лет Том знал такие охотничьи уловки, о каких я и не подозревал. Шестилетняя Мэри бесстрашно карабкалась по скользкой скале, а я видал многих сильных мужчин, которые перед этим отступали. Шести лет Франк умел доставать шиллинг со дна моря, на глубине двадцати футов.

— Мой народ на Бора-Бора не любит язычников, все мои соотечественники — христиане; а я не люблю христиан Бора-Бора, — сказал он однажды, когда я убеждал его воспользоваться принадлежащими ему по праву деньгами и на одной из наших шхун посетить родной остров. Я надеялся, что это путешествие заставит его расходовать деньги.

Я говорю «на одной из наших шхун», хотя в то время все они по закону принадлежали мне. Я с ним долго спорил, уговаривая войти со мной в компанию.

— Мы — товарищи с того дня, как потонула «Petite Jeanne», — сказал он наконец. — Но если этого желает твое сердце, оформим наше товарищество. Работы у меня нет никакой, расходы огромные: я вдосталь ем, пью, курю, а ведь это, я знаю, стоит больших денег. Я не плачу за игру на бильярде, так как пользуюсь твоим бильярдом, но все же деньги уходят. Только богатый человек может позволить себе удовольствие удить рыбу на рифе. Страшно подумать, сколько стоят крючки и леса! Да, следует нам оформить наше товарищество. Деньги мне нужны. Я буду получать их у старшего клерка.

Итак, бумаги были написаны и засвидетельствованы, но через год я стал ворчать.

— Чарли, — сказал я ему, — ты — старый, злой обманщик, скупердяй и жалкий краб! За этот год тебе причитается

несколько тысяч. Эту бумагу дал мне старший клерк. Здесь сказано, что за год ты взял ровно восемьдесят семь долларов и двадцать центов.

— А разве мне следует еще что-нибудь получить? — спросил он с озабоченным видом.

— Говорю тебе — несколько тысяч.

Его лицо прояснилось, словно он почувствовал громадное облегчение.

— Это хорошо! — сказал он. — Смотри, чтобы старший клерк правильно вел записи. Когда-нибудь мне эти деньги понадобятся, и тогда вся сумма должна быть налицо, до последнего цента.

И, помолчав, свирепо добавил:

— Если же случится какая-нибудь недостача, то пострадает жалованье клерка.

Как я впоследствии узнал, все это время в сейфе американского консула хранилось завещание Отоо, составленное Каррутерами, по которому я являлся единственным наследником.

А затем наступил конец, обрывающий все дела человеческие. Случилось это на Соломоновых островах — там, где в дни необузданной юности мы столько вместе работали. И вот мы снова приехали сюда, главным образом для того, чтобы устроить себе праздник: затем нам нужно было наведаться в наши владения на острове Флорида, а, кроме того, мы хотели разузнать, выгодно ли промышлять жемчугом в проливе Мболи. Мы бросили якорь у острова Саво, куда заглянули для покупки диковинных жемчужин. Море у берегов Саво кишит акулами. Обычай дикарей — бросать своих мертвецов в море, а это, естественно, привлекает сюда акул. Судьбе угодно было, чтобы маленькая перегруженная туземная пирога, на которой я плыл, перевернулась. Четверо дикарей и я уцепились за нее, а шхуна находилась на расстоянии сотни ярдов от нас. Я стал кричать, чтобы нам прислали лодку, как вдруг один из дикарей поднял вой. Он

крепко держался за край кормы и несколько раз вместе с кормой погружался в воду — что-то тянуло его вниз. Затем он разжал руки и скрылся под водой. Акула утащила его.

Три оставшихся негра пытались вскарабкаться на перевернутую вверх дном пирогу. Я кричал, ругался, ударил кулаком ближайшего, но остановить их не мог. Они обезумели от ужаса, а ведь пирога едва ли могла выдержать и одного из них. Под тяжестью троих она стала стоймя, потом опрокинулась на бок, и они снова очутились в воде. Тогда я бросил пирогу и поплыл к шхуне, надеясь, что лодка подберет меня. Один из негров решил отправиться со мной; молча плыли мы бок о бок, изредка ныряя и высматривая акул. Вопли негра, оставшегося у пироги, известили нас о его гибели. Пристально вглядываясь в воду, я заметил огромную акулу, скользнувшую как раз подо мною. Она была не меньше шести футов в длину — я разглядел ее прекрасно. Негра, плывшего рядом со мной, она схватила поперек туловища и поплыла вместе с ним; его голова, плечи и руки поднимались над водой, бедняга испускал раздирающие душу крики. Таким образом акула тащила его на протяжении нескольких футов, а затем вместе с ним исчезла под водой. Я плыл вперед, надеясь, что это была последняя акула, болтавшаяся, так сказать, без дела. Но вскоре появилась еще одна. Была ли это та же самая, что атаковала нас раньше, или она в другом месте успела плотно позавтракать, я не знаю. Во всяком случае, она не особенно спешила. Теперь я не мог плыть так быстро, как раньше, ибо тратил силы на то, чтобы держаться позади нее, и наблюдал за ней, когда она перешла в наступление. По счастью, мне удалось обеими руками хватить ее по носу и оттолкнуть, причем она круто повернула и чуть не увлекла меня под воду. Затем она снова начала приближаться ко мне, все суживая круги. Вторично я от нее ускользнул, проделав тот же маневр. При третьей атаке неудача постигла обе стороны. Акула увернулась как раз в тот момент, когда я собирался ударить ее по носу. Шершавая, словно

полированная бумага, она содрала мне кожу с руки, от локтя до плечей — на мне была нижняя рубаха без рукавов.

К тому времени я был истощен борьбой и потерял надежду на спасение. Шхуна все еще находилась на расстоянии двухсот футов. Лицо мое было в воде, и я наблюдал за приготовлениями акулы к очередной атаке. В этот момент какое-то темное тело заслонило меня от акулы. То был Отоо.

— Господин, плывем к шхуне, — сказал он так весело, словно все это было одной лишь шуткой. — Я знаю акул. Акула — мне друг.

Я повиновался и медленно поплыл вперед; Отоо плыл возле меня, все время держась между мной и акулой, парируя ее нападения и подбадривая меня. «Такелаж на боканцах ни к черту не годится, и они прилаживают фалы», — пояснил он минуту спустя, а затем нырнул, чтобы отразить нападение. Шхуна находилась на расстоянии тридцати футов, когда я выбился из сил и едва мог плыть. С палубы нам бросали веревку, но она падала слишком далеко от нас. Акула, поняв, что ей не могут причинить вред, осмелела. Несколько раз она едва меня не схватила, но в самый последний момент на помощь являлся Отоо... Конечно, сам он в любое время мог спастись, но не хотел меня оставить.

— Прощай, Чарли! Видно, пришел конец, — задыхаясь, выговорил я.

Я чувствовал, что конец близок: через секунду я закину руки и пойду ко дну.

Но Отоо рассмеялся мне в лицо и сказал:

— Я покажу тебе новый фокус, и акуле от него не поздоровится.

Он отстал, заслонив меня от акулы, приготовлявшейся к новой атаке.

— Немного левее! — крикнул он мне вслед. — Там канат на воде. Левее, господин, левее!

Я повернул налево и слепо ринулся вперед. К тому времени я начал терять сознание. Когда рука моя схватилась за

канат, с палубы шхуны донесся крик. Я повернулся и взглянул. Нигде не видно было Отоо. Но через секунду он вынырнул на поверхность воды. Кисти обеих рук его были оторваны, из ран хлестала кровь.

— Отоо! — тихо позвал он. И любовь, звучавшая в его голосе, светилась в устремленных на меня глазах.

Теперь — только теперь, в последнюю минуту жизни, — он назвал меня этим именем.

— Прощай, Отоо! — воскликнул он. И скрылся под водой. Меня подняли на борт, и я без чувств упал в объятия капитана.

Так погиб Отоо — Отоо, который спас меня, сделал человеком и пожертвовал собой, чтобы еще раз спасти мне жизнь. Мы встретились с ним в пасти урагана, а расстались у пасти акулы; семнадцать лет дружбы протекло между этими двумя событиями; думаю, я с полным правом могу заявить, что никогда еще такая дружба не связывала двух людей — черного и белого. И если действительно око Иеговы всевидящее, то не последним в его царстве будет Отоо, язычник с острова Бора-Бора.

СТРАШНЫЕ СОЛОМОНОВЫ ОСТРОВА

Несомненно, Соломоновы острова — обездоленная и неприветливая группа островов. На свете, конечно, существуют места и похуже. Но новичку, который не в состоянии понять жизнь и людей в их изначальной неприглядной грубости, Соломоновы острова могут показаться поистине страшными.

Действительно, лихорадка и дизентерия неутомимо разгуливают там, больные отвратительными накожными болезнями встречаются на каждом шагу, а воздух насыщен

ядом, который проникает в каждую пору, царапину или ссадину, порождая злокачественные язвы. Многие, избежавшие смерти на Соломоновых островах, возвращаются на родину жалкими развалинами. Известно также и то, что туземцы Соломоновых островов — народ дикий, пристрастный к человеческому мясу и склонный коллекционировать человеческие головы. Отважным поступком считается у них напасть на человека сзади и нанести ему меткий удар томагавком, рассекающим спинной хребет у основания головного мозга. Не менее справедливы и слухи о некоторых островах, как например о Малаите, где общественное положение человека определяется количеством совершенных им убийств. Головы являются там меновой ценностью, предпочтение всегда отдается голове белого человека. Очень часто несколько селений месяц за месяцем складывают свои припасы в общий котел, пока какой-нибудь отважный воин не преподнесет им свежую, окровавленную голову белого человека и не потребует у них котел.

Все сказанное — истинная правда; а между тем иные белые живут десятки лет на Соломоновых островах и, покидая их, испытывают тоску и желание вернуться. Человеку, имеющему намерение обосноваться там надолго, необходимо обладать известной осторожностью и своего рода счастьем. Помимо этого, он должен принадлежать к особому разряду людей. Его душа должна быть отмечена клеймом непреклонного белого человека. Ему надлежит быть неумолимым. Он должен невозмутимо встречать всевозможные непредвиденные сюрпризы и отличаться безграничной самоуверенностью, а также расовым эгоизмом, убеждающим его, что в любой день недели белый человек стоит тысячи чернокожих, а в воскресный день ему позволительно уничтожать их в большем количестве. Все эти качества и делают белого человека непреклонным. Да, имеется еще одно обстоятельство: белый, желающий быть непреклонным, не только должен презирать другие расы и быть высокого мнения о себе, но и обязан

не давать воли воображению. Ему нет надобности вникать в нравы, обычаи и психологию черных, желтых и коричневых людей, ибо вовсе не этим способом белая раса проложила свой царственный путь по всему земному шару[1].

Берти Аркрайт не был непреклонным. Он был слишком чувствителен, отличался утонченной нервной организацией и обладал избытком воображения. Жизнь представляла для него несоразмерно большой интерес. Он отдавался всецело и трепетно своим впечатлениям. И поэтому Соломоновы острова являлись для него самым неподходящим местом. Он не имел намерения основаться там надолго. Пятинедельное пребывание на Соломоновых островах до прибытия следующего парохода казалось ему вполне достаточным, чтобы удовлетворить ту тягу к примитивному, какая обуяла все его существо. По крайней мере, так говорил он, хотя и в иных выражениях, туристкам на «Макамбо»; они восхищались его героизмом, ведь то были дамы-туристки, обреченные пребывать на скучной и безопасной палубе парохода, пробирающегося между Соломоновыми островами.

На борту находился еще один мужчина, но дамы не обращали на него внимания. Это было маленькое, сгорбленное существо с морщинистой кожей цвета красного дерева. Его имя, занесенное в список пассажиров, не представляет интереса, но другое его имя — капитан Малу — являлось для негров заклятым именем; им они пугали маленьких детей на всем пространстве от Нового Ганновера до Новогебридских островов. Он культивировал дикарей, страдал от лихорадок и всяких лишений и с помощью снайдеров и бичей надсмотрщиков сколотил себе пятимиллионное состояние, заключавшееся в морских улитках, сандаловом

---

[1] Типичная философия империалистов, считающих цветные расы «навозом», предназначенным для удобрения капиталистической «цивилизации».

дереве, перламутре, черепаховой кости, слоновых орехах, копре, земельных участках, торговых станциях и плантациях. В сломанном мизинце капитана Малу заключалось больше силы, чем во всей особе Берти Аркрайта. Но дамы-туристки привыкли судить лишь по внешнему виду, а Берти, несомненно, обладал красивой наружностью.

Берти разговорился с капитаном Малу в курительной комнате и сообщил ему, что намерен познакомиться с яркой, кровожадной жизнью Соломоновых островов. Капитан Малу признал такое стремление честолюбивым и достойным похвалы. Но лишь спустя несколько дней он заинтересовался Берти, когда этот молодой искатель приключений пожелал показать ему свой автоматический пистолет калибра 44. Берти объяснил устройство механизма и продемонстрировал его, вынув обойму с патронами.

— Это совсем просто, — сказал он, вкладывая обойму назад. — Таким образом оно заряжается и разряжается, видите? Затем мне остается лишь нажать собачку восемь раз подряд возможно быстрее. Посмотрите на этот предохранитель. Потому-то он мне так нравится. Он вполне безопасен. Сомнений быть не может. — Он опять вынул обойму. — Сами посудите, насколько это безопасно.

Он держал дуло револьвера на уровне живота капитана Малу, и голубые глаза капитана пристально следили за ним.

— Не лучше ли повернуть его в другую сторону? — спросил капитан.

— Но он совершенно безопасен, — уверял его Берти. — Я вытащил обойму. Вы понимаете, он теперь не заряжен.

— Огнестрельное оружие всегда заряжено.

— Но уверяю же вас, он не заряжен!

— Все равно, отведите дуло в сторону.

Голос капитана Малу звучал тихо и невыразительно, но глаза, не отрываясь, смотрели на дуло револьвера, пока оно не отклонилось в сторону.

— Я готов держать пари на пять фунтов, что оно не заряжено, — с жаром предложил Берти.

Но тот покачал головой.

— Ну, так я вам докажу.

Берти поднял револьвер и приложил дуло к виску с явным намерением спустить курок.

— Одну секунду, — спокойно сказал капитан Малу, протягивая руку. — Дайте мне взглянуть.

Он направил револьвер в сторону моря и нажал собачку. Последовал оглушительный выстрел, и одновременно механизм выбросил горячий дымящийся патрон вбок, вдоль палубы.

У пораженного Берти отвисла челюсть.

— Значит, я вставил обратно обойму, — попытался он объяснить. — Должен сознаться, что это было очень глупо.

Он смущенно захихикал и опустился в кресло. Кровь отлила от его лица, и под глазами появились темные круги. Руки его дрожали и никак не могли поднести папиросу ко рту. Он слишком любил жизнь, а сейчас он видел себя с размозженной головой, распростертым на палубе.

— Но право же, — бормотал он, — право...

— Это прекрасное оружие, — сказал капитан Малу, возвращая ему автоматический пистолет.

На борту «Макамбо» находился комиссар, возвращавшийся из Сиднея, и с его разрешения судно остановилось в Уджи, чтобы опустить на берег миссионера. В Уджи стоял кеч «Арла» под командой капитана Ганзена. «Арла» являлась одним из многих судов, принадлежавших капитану Малу, и он соблазнил Берти предложением пересесть на «Арлу» и совершить четырехдневный рейс вдоль берегов Малаиты, где предполагалось вербовать рабочих. После этого «Арла» должна была доставить его на плантации Реминдж, тоже принадлежавшие капитану Малу; там Берти остановится на неделю, а затем отправится в Тулаги, местопребывание правительства, где воспользуется гостепри-

имством комиссара. Капитан Малу, отдав еще два других распоряжения, в дальнейшем не оставшиеся без последствий, исчезает со страниц этого рассказа. Одно распоряжение получил капитан Ганзен, другое — мистер Гарривель, управляющий плантациями Реминдж. По характеру обе инструкции были сходны: предписывалось предоставить возможность мистеру Бертраму Аркрайту познакомиться с суровой и кровожадной жизнью Соломоновых островов. И многие шептались, что капитан Малу пообещал ящик с шотландским виски тому, кто поможет мистеру Аркрайту пережить исключительные приключения.

— Да, Шварц всегда отличался упрямством. Видите ли, он повез четырех матросов из своего экипажа в Тулаги, где их должны были выпороть — официально, вы понимаете; а затем отправился с ними на вельботе обратно. Был ветер, и лодка перевернулась. Потонул только Шварц. Конечно, это несчастный случай.

— Несчастный случай? Действительно так? — спросил Берти лишь слегка заинтересованный; он внимательно рассматривал чернокожего у руля.

Уджи исчез за кормой, и «Арла» плавно скользила по залитому солнцем морю, направляясь к заросшим лесом берегам Малаиты. Рулевой, овладевший вниманием Берти, был украшен гвоздем, продетым сквозь носовой хрящ. Вокруг его шеи висело ожерелье из пуговиц от брюк. В отверстия, продырявленные в ушах, были вставлены: ключ от коробки консервов, сломанная ручка зубной щетки, глиняная трубка, медное колесо от будильника и несколько ружейных патронов. На груди красовалась подвешенная к шее половина фарфоровой тарелки. Около сорока в таком же духе разукрашенных чернокожих бродило по палубе; пятнадцать человек составляли команду судна, остальные были недавно завербованными рабочими.

— Конечно, это был несчастный случай, — сказал помощник «Арлы» Джэкобс, стройный, с темными глазами,

походивший скорее на профессора, чем на моряка. — Джонни Бедипп пережил приблизительно то же. Он возвращался с несколькими высеченными матросами, и они опрокинули лодку. Но он умел плавать не хуже их, и двое из них потонули. Он же пустил в дело подножку для гребцов и револьвер. Несомненно, это был несчастный случай.

— Обычное явление, — заметил шкипер. — Видите вон того человека у руля, мистер Аркрайт? Он — людоед. Шесть месяцев назад он вместе с остальной командой утопил капитана «Арлы». Они напали на него на этой самой палубе, как раз на корме, возле бизань-мачты.

— Палуба была в ужасном виде, — прибавил помощник.

— Так ли я понял?.. — начал Берти.

— Да, да! — сказал капитан Ганзен. — Это несчастный случай; он утонул случайно.

— Но палуба?..

— Вот именно. По секрету я, так и быть, скажу вам: они пустили в дело топор.

— Вот эта самая ваша команда?

Капитан Ганзен утвердительно кивнул головой.

— Прежний шкипер был слишком уж беспечен, — объяснил помощник. — Он не успел повернуться, как они его прикончили.

— У нас нет никакой власти над ними, — пожаловался шкипер. — Правительство обычно на стороне негров и защищает их против белых. Вы не имеете права стрелять первым. Вы должны предоставить первый выстрел негру, иначе закон обвинит вас в убийстве и сошлет на Фиджи. Вот почему здесь так часты всякие несчастные случаи.

Позвали к обеду, и Берти со шкипером спустились вниз, оставив помощника на палубе.

— Следите внимательно за этим черным дьяволом — Ауики, — предостерег, уходя, шкипер, — Мне он не внушает доверия. Я уже несколько дней к нему приглядываюсь.

— Есть, — ответил помощник.

Обед уже кончился, а шкипер дошел лишь до середины своего повествования о резне на пароходе «Шотландские Вожди».

— Да, — продолжал он, — это было лучшее судно на всем побережье. И вот, не успев повернуть вовремя, оно устремилось прямо на рифы; большая флотилия каноэ направилась к нему. На борту находились пять белых и команда из двадцати чернокожих, уроженцев Санта-Крус и Самоа, а спасся только судовой приказчик. Кроме того, там было шестьдесят завербованных рабочих. И они все были каи-каи...

— Каи-каи?

— О, прошу извинения, это значит — они были съедены. Было еще одно судно «Джемс Эдвард», чудесно оснащенное...

В это время с палубы донесся резкий окрик помощника и дикие вопли. Раздалось три выстрела, затем послышался отчетливый всплеск воды. Капитан Ганзен мгновенно взбежал по трапу, и перед глазами Берти сверкнул блестящий револьвер, выхваченный на бегу капитаном. Берти поднялся значительно медленнее и нерешительно высунул голову в отверстие люка. Но, казалось, ничего не произошло. Помощник, дрожа от возбуждения, стоял с револьвером в руке. Вдруг он отскочил, полуобернувшись назад, словно опасность угрожала с тыла.

— Один из туземцев упал за борт, — сказал он неестественным, натянутым тоном. — Он не умел плавать.

— Кто? — спросил шкипер.

— Ауики, — последовал ответ.

— Но подождите, ведь я слышал выстрелы, — говорю вам, выстрелы, — сказал Берти в страшном волнении, почуяв какое-то загадочное приключение, к счастью, уже миновавшее.

Помощник набросился на него рыча:

— Это наглая ложь! Не было ни одного выстрела. Негр упал за борт.

Капитан Ганзен смотрел на Берти тусклыми, немигающими глазами.

— Но я... я ведь думал... — начал Берти.

— Выстрелы? — задумчиво произнес капитан Ганзен. — Выстрелы? Вы слышали хоть один выстрел, мистер Джэкобс?

— Ни одного, — ответил мистер Джэкобс.

Шкипер с торжеством посмотрел на своего гостя и сказал:

— Несомненно, несчастный случай. Идемте вниз, мистер Аркрайт, и покончим с обедом.

Эту ночь Берти спал в каюте капитана, крохотной комнатке, отделенной от большой кают-компании. Передняя переборка была украшена стойкой с ружьями. Под койкой стоял большой ящик; вытащив его, Берти нашел там запас боевых припасов, динамита и несколько коробок с детонаторами. Он предпочел взять себе койку у противоположной стены. На маленьком столе, совсем на виду, лежал журнал «Арлы» — Берти не подозревал, что капитан Малу распорядился его приготовить. Берти прочел в нем, что 20 сентября два матроса упали за борт и утонули. Берти читал между строк и понимал, в чем тут дело. Дальше он узнал, что одна китобойная лодка с «Арлы» подверглась нападению лесных жителей у берегов Суу и потеряла трех матросов; что шкипер застал повара за варкой человеческого мяса на огне судовой печи; мясо было приобретено командой на берегу в Фуи; случайный взрыв динамита при сигнализации уничтожил матросов одной лодки. Там рассказывалось о ночных нападениях; о бегстве из портов и ожидании рассвета; о нападениях лесных жителей в мангиферовых зарослях и флотилий приморских жителей — в больших проливах. С монотонной настойчивостью перечислялись там случаи смерти от дизентерии. С испугом отметил он, что от дизентерии погибло двое белых, находившихся на борту «Арлы» в качестве гостей.

— Должен сказать вам, — заявил Берти на следующий день капитану, — что я просмотрел ваш журнал.

Шкипер был недоволен и даже рассердился, что судовой журнал был оставлен в каюте.

— Все эти случаи смерти от дизентерии — вздор, все равно как и случайные прыжки за борт, — продолжал Берти. — Что, собственно, означает эта дизентерия?

Шкипер откровенно выразил восторг по поводу проницательности гостя, хотя сначала с негодованием отрицал это предположение, а затем любезно уступил:

— Видите ли, мистер Аркрайт, дело обстоит так: эти острова и без того пользуются дурной славой. С каждым днем все труднее становится заполучить на службу белого человека. Предположим, человек убит. Компания должна за большие деньги нанять другого. Но если человек умер просто от болезни, тогда все в порядке. Новички болезней не боятся, их страшит быть убитыми. Поступая на «Арлу», я полагал, что шкипер ее умер от дизентерии. А потом уже стало поздно. Контракт был заключен.

— И кроме того, — прибавил мистер Джэкобс, — слишком уж часто бывают несчастные случаи. Это может вызвать подозрения. Во всем вина правительства. Иначе белый человек не имеет возможности защищаться от негров.

— Да, вспомните «Принцессу» и ее помощника-янки, — подхватил шкипер. — На ней находилось пять белых, не считая правительственного агента. Капитан, агент и приказчик причалили к берегу в двух лодках. Все они были убиты — все до единого. На борту остались помощник, боцман и около пятнадцати матросов из Самоа и Тонгана. Толпа негров бросилась к ним с берега. При первом же натиске была перебита вся команда и боцман. Помощник захватил три сумки с патронами и два винчестера и забрался на краспицсалинг. Он единственный остался в живых, и нечего удивляться, что он совсем обезумел. Он стрелял из одного ружья; наконец его уже невозможно было держать в руках, настолько оно накалилось; тогда он взял другое. Палуба была вся черная от толпы негров. Он прогнал их. Он сбивал их, ког-

да они скакали за борт, и продолжал стрелять, когда они схватились за весла. Тогда они бросились в воду и пустились вплавь, а он, обезумевший, уложил еще шестерых. А как, по-вашему, он поплатился за это?

— Сослали на семь лет на Фиджи, — злобно фыркнул помощник.

— Правительство заявило, что он не имел права стрелять, когда они прыгнули за борт, — пояснил шкипер.

— Вот почему они умирают теперь от дизентерии, — закончил помощник.

— Невероятно! — сказал Берти, испытывая сильное желание поскорее закончить свое путешествие.

Позднее он разговорился с чернокожим, на которого ему указали как на каннибала. Его звали Сумасои. Он провел три года на плантациях в Квинслэнде, побывал и на Самоа, и на Фиджи, и в Сиднее; служа матросом на шхуне для вербовки рабочих, посетил Новую Британию, Новую Ирландию, Новую Гвинею и острова Адмиралтейства. Он был большой шутник и в разговоре с Берти следовал примеру шкипера. Да, он съел много людей. Сколько? Он не может всех припомнить. Да, и белых людей тоже, их мясо очень вкусно, если только они не больные. Однажды Сумасои съел больного.

— Плохое дело! — воскликнул он при этом воспоминании. — Мой совсем заболел после него. Живот много болел.

Берти содрогнулся и осведомился относительно голов. Да, на берегу Сумасои хранил несколько голов, хорошие головы — высушенные на солнце и прокопченные. Есть голова капитана шхуны. С длинными бакенбардами. Сумасои продал бы ее за два соверена. Есть у него и несколько детских голов, но плохо сохранившихся, он их уступит за десять шиллингов.

Спустя пять минут Берти очутился возле одного негра, пораженного страшной накожной болезнью; он сидел рядом с ним на верхней ступеньке трапа. Берти отстранял-

ся от него и после расспросов узнал, что это проказа. Он поспешил вниз и старательно вымылся антисептическим мылом.

Много раз в течение дня приходилось ему прибегать к антисептическим средствам: почти у каждого туземца на борту были злокачественные язвы.

У мангиферовых болот «Арла» бросила якорь; вдоль перил борта был протянут двойной ряд колючей проволоки. Видимо, дело было нешуточное; увидев вереницу каноэ с дикарями, вооруженными дротиками, луками, стрелами, а также снайдерами, Берти горячее, чем когда-либо, пожелал, чтобы его поездка уже закончилась.

Весь вечер после захода солнца туземцы вертелись в своих каноэ у борта судна. И нагрубили помощнику, когда тот приказал им отправляться на берег.

— Будьте спокойны, я сейчас разделаюсь с ними, — сказал капитан Ганзен, спускаясь вниз.

Вернувшись, он показал Берти палочку динамита, прикрепленную к рыболовному крючку. Дело в том, что бутылочка из-под хлоридина, с содранной этикеткой, и кусок самого безобидного фитиля могут всех ввести в заблуждение. Эта бутылочка одурачила и Берти, и туземцев. Капитан Ганзен поджег фитиль и зацепил рыболовным крючком набедренную повязку одного туземца; туземец рванулся, охваченный страстным желанием удрать на берег, и второпях позабыл сорвать с себя повязку. Он бросился бежать, а фитиль шипел и трещал за его спиной; туземцы перепрыгивали через проволочное заграждение, цепляясь за колючки. Ужас охватил Берти. И капитан Ганзен разделял его чувство: он забыл о двадцати пяти своих рабочих, оплаченных по тридцать шиллингов каждый. Все они бросились за борт вместе с прибрежными жителями, а за ними следовал чернокожий с шипящей бутылкой из-под хлоридина.

Берти не видел, взорвалась ли бутылка; но помощник кстати разрядил на корме палочку настоящего динамита,

никому не причинившего вреда; Берти же готов был на суде поклясться, что один негр был разорван на куски.

Исчезновение двадцати пяти рабочих обошлось «Арле» в сорок фунтов; никакой надежды не могло быть на их возвращение, раз они добрались до леса. Шкипер и помощник решили потопить свое горе в холодном чае. Этот холодный чай содержался в бутылках из-под виски, и Берти не понимал, что, собственно, они поглощают. Он только видел, что оба усиленно пьют и серьезно обсуждают, доносить ли правительству о случае со взорвавшимся негром под видом случайного падения в воду или смерти от дизентерии. Вскоре они погрузились в сон, и Берти, единственному белому на борту, ничего иного не оставалось, как нести вахту. До самого рассвета стоял он на опасном посту, со страхом ожидая нападения с берега или восстания экипажа.

Больше трех суток стояла «Арла» у берега, и каждую ночь шкипер и помощник вдребезги напивались холодным чаем, предоставляя Берти нести вахту. Они знали, что ему можно довериться, а он в равной мере был убежден, что донесет об их поведении капитану Малу, если останется в живых. Наконец «Арла» бросила якорь у плантации Реминдж, на Гвадалканаре, и Берти, сойдя на берег, с облегчением вздохнул, обмениваясь рукопожатием с управляющим. Мистер Гарривель был подготовлен к приему гостя.

— Вы, пожалуйста, не беспокойтесь, если настроение наших негров-рабочих покажется вам несколько странным, — сказал мистер Гарривель, таинственно отводя его в сторону. — Поговаривают о восстании, и, действительно, имеются кое-какие подозрительные признаки, но я лично убежден, что это пустая болтовня.

— А сколько... сколько негров у вас на плантации? — с замирающим сердцем спросил Берти.

— В настоящее время четыреста, — ободряюще ответил мистер Гарривель, — но нас трое — с вами, да еще шкипер

и помощник с «Арлы»; мы прекрасно справимся с чернокожими.

Берти пошел навстречу Мак-Тавишу, заведующему складами, но тот почти не обратил внимания на вновь прибывшего и, волнуясь, заявил о своем намерении оставить службу.

— Я женатый человек, мистер Гарривель, я не могу дольше здесь оставаться. Бунт неизбежен, это ясно как день. Негры готовы к восстанию, и здесь повторятся ужасы Хохоно.

— Что это за ужасы Хохоно? — спросил Берти, после того как удалось убедить заведующего складами остаться здесь до конца месяца.

— А он имел в виду плантации Хохоно на Изабелле, — пояснил управляющий. — Там негры убили пятерых белых, живших на берегу, захватили шхуну, убили капитана и помощника и все до одного бежали на Малаиту. Но я всегда говорил, что там, на плантациях Хохоно, белые были слишком беспечны. Нас не удастся поймать врасплох. Идемте, мистер Аркрайт, я вам покажу вид с нашей веранды.

Берти был поглощен размышлениями, каким бы образом ему убраться поскорей в Тулаги к комиссару, и вид мало его занимал.

Он все еще придумывал способ, когда совсем близко, за его спиной, раздался выстрел из ружья. И в ту же секунду мистер Гарривель стремительно схватил его, почти вывернув ему руку, и втолкнул в комнату.

— Ну, скажу вам, дружище, вы были на волосок от смерти, — заявил управляющий, ощупывая его, чтобы узнать, не ранен ли он. — Я ужасно огорчен. Никогда не думал, чтобы среди бела дня...

Берти побледнел.

— Вот так же они напали на прежнего управляющего, — вступил в разговор Мак-Тавиш. — А какой был славный парень! Они размозжили ему голову здесь, на веранде. Видите это темное пятно между лестницей и дверью?

Берти счел момент благоприятным, чтобы выпить коктейль, приготовленный и поданный ему мистером Гарривелем, но в это время вошел человек в костюме для верховой езды.

— Ну, в чем дело? — спросил управляющий, взглянув на вошедшего. — Опять река разлилась?

— К черту реку, речь идет о неграх. Они выскочили из тростника в двенадцати шагах от меня, и раздался выстрел. Это был снайдер, а стрелявший держал ружье у бедра. Хотел бы я знать, где он достал этот снайдер? О, прошу извинения! Рад познакомиться с вами, мистер Аркрайт.

— Мистер Браун, мой помощник, — представил его мистер Гарривель. — Ну, давайте-ка выпьем.

— Но где он взял снайдер? — настаивал мистер Браун. — Я всегда советовал не держать оружие в конторе.

— Оружие лежит на своем месте, — раздраженно ответил мистер Гарривель.

Мистер Браун недоверчиво усмехнулся.

— Идем, посмотрим, — предложил управляющий.

Берти последовал за ними в контору, где мистер Гарривель с торжеством указал на большой ящик, стоявший в пыльном углу.

— Отлично, но откуда же этот негодяй достал снайдер? — упорствовал мистер Браун.

В это время Мак-Тавиш приподнял крышку. Управляющий вздрогнул и сорвал крышку. Ящик оказался пуст. Все переглянулись, онемев от ужаса. Гарривель, обессилев, упал на стул.

Мак-Тавиш злобно выругался.

— А что я твердил постоянно? Этим чернокожим слугам нельзя доверять.

— Дело становится серьезным, — согласился Гарривель, — но мы выкрутимся. Этим кровожадным неграм нужна хорошая встряска. Пожалуйста, господа, не выпускайте из рук ружей и во время обеда, а вы, мистер Браун, будьте добры

приготовить сорок или пятьдесят палочек динамита; покороче обрежьте фитили. Мы их проучим. А теперь, господа, обед подан.

Берти ненавидел рис и сойю[1] и принялся за яичницу.

Он почти покончил со своей порцией, когда Гарривель положил себе на тарелку яичницу.

Он взял кусок в рот и тотчас же, ругаясь, выплюнул.

— Это уже второй раз, — зловеще объявил Мак-Тавиш.

Гарривель все еще откашливался и отплевывался.

— Что — вторично? — содрогнулся Берти.

— Яд, — последовал ответ. — Повар будет повешен.

— Таким вот образом и погиб бухгалтер на мысе Марш, — заговорил Браун. — Ужасная смерть. На судне «Джесси» рассказывали, что его нечеловеческие вопли были слышны на расстоянии больше трех миль.

— Я закую повара в кандалы, — пробормотал Гарривель. — К счастью, мы вовремя это обнаружили.

Берти сидел, словно парализованный. В его лице не было ни кровинки. Он пытался говорить, но слышались лишь нечленораздельные звуки и хрип. Все с тревогой смотрели на него.

— Не говорите, не надо говорить, — воскликнул Мак-Тавиш напряженным голосом.

— Да, я съел ее, всю съел, целую тарелку! — вскричал Берти, словно человек, внезапно вынырнувший из-под воды и еле переводящий дух.

Страшное молчание длилось еще полминуты, и в их глазах он читал свой приговор.

— В конце концов, возможно, это не был яд, — мрачно проговорил Гарривель.

— Позовите повара, — сказал Браун.

Вошел, скаля зубы, черный мальчишка-повар с проколотым носом и продырявленными ушами.

---

[1] Мясное кушанье с пряной приправой.

— Смотри сюда, Ви-Ви, что это значит? — заорал Гарривель, указывая на яичницу.

Вполне естественно, что Ви-Ви перепугался и смутился.

— Добрый господин каи-каи, — пробормотал он, оправдываясь.

— Пусть он съест ее, — посоветывал Мак-Тавиш. — Это будет лучшим испытанием.

Гарривель наполнил ложку и бросился к повару, но тот в ужасе обратился в бегство.

— Все ясно, — торжественно заявил Браун. — Он не хочет ее есть.

— Мистер Браун, не окажете ли вы любезность пойти и заковать его в кандалы? — Затем Гарривель беззаботно повернулся к Берти: — Все в порядке, дружище; комиссар разделается с ним, а если вы умрете, будьте покойны — его повесят.

— Я не думаю, что правительство пойдет на это, — возразил Мак-Тавиш.

— Но господа, господа, — закричал Берти, — подумайте все же обо мне!

Гарривель соболезнующе пожал плечами:

— Грустно, дружище, но это туземный яд, и мы не знаем противоядий. Соберитесь с духом и успокойтесь, а если...

Два громких ружейных выстрела прервали его речь. Вошел Браун, зарядил винтовку и присел к столу.

— Повар скончался, — объявил он. — Лихорадка. Внезапный приступ.

— Я только что говорил мистеру Аркрайту, что с туземным ядом мы не умеем бороться, не знаем никаких противоядий...

— Кроме джина, — прибавил Браун.

Гарривель обозвал себя безмозглым идиотом и бросился за бутылкой джина.

— Сразу, друг мой, сразу, — наставлял он Берти, который отхлебнул две трети из большого стакана с чистым спиртом и, задыхаясь, кашлял, пока из глаз его не полились слезы.

Гарривель пощупал пульс, делая вид, что не может его прощупать, и усомнился в наличии яда в яичнице. Браун и Мак-Тавиш тоже стали сомневаться, но Берти уловил оттенок неискренности в их тоне. Он больше не мог ни есть, ни пить и украдкой стал щупать себе пульс под столом. Конечно, пульс все учащался, но Берти не догадался приписать это действию джина.

Мак-Тавиш с винтовкой в руке ушел на веранду, чтобы произвести рекогносцировку.

— Они толпятся возле кухни, — было его донесение. — И у них невероятное количество снайдеров. У меня есть план обойти их с другой стороны и напасть с фланга. Нанести первый удар, понимаете? Вы идете, Браун?

Гарривель, сидя за столом, продолжал есть, а Берти обнаружил ускорение пульса на пять ударов. Но все же при звуках начавшейся стрельбы он вскочил с места. Среди треска снайдеров гулко выделялись выстрелы из винчестеров Брауна и Мак-Тавиша; пальба сопровождалась диким визгом и воплями.

— Наши обратили их в бегство, — заметил Гарривель, когда голоса и выстрелы, удаляясь, стали замирать.

Едва только Браун и Мак-Тавиш вернулись к столу, последний снова отправился на рекогносцировку.

— Они достали динамит, — объявил он.

— Тогда и мы пустим в ход динамит, — предложил Гарривель.

Все трое положили по полдюжине палочек в свои карманы, зажгли сигары и направились к двери.

И вот тогда-то и произошел взрыв. Впоследствии обвиняли в этом Мак-Тавиша, и он согласился, что действительно использовал динамита больше, чем следовало. Как бы то ни было, а дом взорвался — он поднялся под углом, а затем снова осел на фундамент. Почти вся посуда, стоявшая на столе, разбилась вдребезги, а стенные часы с недельным заводом остановились. Вопя о мщении, все

трое ринулись в беспросветную тьму ночи, и началась бомбардировка.

Вернувшись, они не нашли Берти. Он кое-как дотащился до конторы, забаррикадировался там и свалился на пол; его терзали пьяные кошмары, он умирал от тысячи всевозможных смертей, а вокруг него шел бой. Утром он проснулся совсем разбитый и с головной болью от джина. Он выбрался из конторы и увидел, что солнце стоит на своем месте, — вероятно, и Бог не покинул неба, ибо хозяева Берти были целы и невредимы.

Гарривель убеждал его погостить подольше, но Берти настоял на немедленном отплытии на «Арле» в Тулаги, где он и засел безвыходно в доме агента вплоть до прибытия парохода. Пароход был тот же самый, и дамы-туристки были те же, и Берти снова превратился в героя, а на капитана Малу по-прежнему никто не обращал внимания. Из Сиднея капитан Малу выслал два ящика с лучшим шотландским виски. Он не мог решить, кому отдать предпочтение: капитану ли Ганзен или мистеру Гарривель, — кто из двух во всем блеске развернул перед Берти Аркрайтом жизнь Соломоновых островов?

НЕПРЕКЛОННЫЙ БЕЛЫЙ ЧЕЛОВЕК

— Чернокожий никогда не поймет белого человека, так же и белый не поймет чернокожего, пока черный остается черным, а белый — белым.

Так говорил капитан Уудворд. Мы сидели в трактире Чарли Робертса в Апиа и вместе с самим хозяином пили «Абу-Гамид» — напиток, приготовленный Чарли Робертсом по рецепту Стивенса, который изобрел прославивший его «Абу-Гамид» во время своих блужданий по Нилу, где его

мучила необычайная жажда, — Стивенса, автора книги «С Китчепером до Хартума», — Стивенса, который погиб при осаде Лэдисмит.

Капитан Уудворд, плотный, невысокий, уже пожилой, весь обожженный солнцем от сорокалетнего пребывания под тропиками, с необыкновенно красивыми, ласковыми карими глазами, каких я у мужчин никогда не видел, производил впечатление человека с большим опытом. Шрам на его лысом черепе возвещал об интимном знакомстве с томагавком негра, другой шрам тянулся вдоль правой стороны его шеи: то был след от стрелы, посланной вдогонку и прошедшей насквозь. Он объяснял, что в тот момент очень торопился, а стрела задержала его бегство; он понимал, что ему нельзя терять время, отламывая конец и вытаскивая стрелу, а потому он проткнул ее насквозь. В настоящее время он был капитаном «Саваи», большого парохода, который набирал рабочих с Запада для немецких плантаций на Самоа.

— Добрая половина всех недоразумений возникает из-за тупости белых, — сказал Робертс, приостанавливаясь, чтобы отхлебнуть из своего стакана и выругать довольно добродушно слугу-самоанца. — Если бы белый человек хоть немного постарался вникнуть в психологию негров-рабочих, большей части неурядиц можно было бы избежать.

— Я встречал нескольких, кто претендовал на понимание негров, — ответил капитан Уудворд, — и всегда замечал, что эти люди первые подвергались каи-каи, то есть были съедены. Посмотрите на миссионеров в Новой Гвинее и на Новогебридских островах — на Эрраманге — этом острове мучеников, и на прочих островах. Вспомните австрийскую экспедицию, все участники которой были изрублены в куски на Соломоновых островах, в зарослях Гвадалканара. А эти торговцы с многолетним опытом, хвастающие, что ни один негр их не тронет! Их головы и по сей день украшают стропила сложенных из каноэ хижин. Старый Джонни Симонс, двадцать шесть лет блуждавший по неисследованным облас-

тям Меланезии, клялся, что негр для него — открытая книга и никогда не причинит ему вреда. Он погиб у лагуны Мароово в Новой Георгии. Черная Мэри и старый одноногий негр, оставивший другую ногу в пасти акулы, когда нырял за рыбой, убитой динамитом, вдвоем отрубили ему голову. А Билли Уоттс, с ужасной репутацией истребителя негров, способный устрашить самого дьявола! Я помню, мы стояли у Маленького мыса в Новой Ирландии — вы этот мыс знаете; там негры украли у Билли пол-ящика табака, предназначенного для продажи и стоившего ему около трех с половиной долларов. В отместку он, внезапно нагрянув, застрелил шестерых негров, уничтожил все их боевые каноэ и сжег две деревни. А четыре года спустя у этого же Маленького мыса он, в сопровождении пятидесяти негров из Буку, шнырял вдоль берега, вылавливая морских улиток. Не прошло и пяти минут, как все они были мертвы, исключая троих негров, которым удалось спастись в каноэ. Не говорите же мне о каком-то понимании негров! Миссия белого человека — насаждать плоды цивилизации во всем мире. Это достаточно серьезное и хлопотливое дело. Где уж тут заниматься психологией негров!

— Совершенно верно, — сказал Робертс. — И в конце концов — вовсе нет надобности понимать негров. Именно эта тупость белого человека и обеспечивает ему наибольший успех в его миссии распространения цивилизации...

— И внедрения в сердце негра страха божьего, — добавил капитан Уудворд.

— Возможно, вы правы, Робертс. Пожалуй, эта тупость создает успех, и, конечно, одним из видов ее является неумение разбираться в психологии негров. Но одно несомненно: белый должен управлять неграми, независимо от того, понимает он их или нет. Это неизбежно. Это судьба.

— Одним словом, белый человек непреклонен. Для негра он является олицетворением судьбы, — заметил Робертс. — Сообщите белому человеку о жемчужине в какой-нибудь

лагуне, на берегах которой живут десятки тысяч воинственных каннибалов, и он устремится туда, захватив около полудюжины канакских водолазов и будильник вместо хронометра, — явится на первом попавшемся судне вместимостью в пять тонн, где они будут набиты, как сельди в бочке. Шепните ему, что на Северном полюсе золотая жила, и это же неутомимое белое создание тотчас же отправится в путь, прихватив с собой кирку, лопату, кусок сала и самый усовершенствованный аппарат для промывки золота. И не сомневайтесь, он доберется до места. Намекните ему, что за раскаленной докрасна стеной ада есть бриллианты, и мистер Белокожий атакует и снесет стену и заставит самого старого сатану рыть и копать. Вот что значит быть тупым и непреклонным.

— Но интересно, как относится черный человек к этой непреклонности, — поинтересовался я.

Капитан Уудворд усмехнулся. Глаза его блеснули, словно он о чем-то вспомнил.

— Мне тоже любопытно было бы узнать, что думали, а быть может, и до сих пор думают об одном непреклонном белом человеке негры с Малу. Он был с нами на «Герцогине», когда мы посетили Малу, — пояснил он.

Робертс приготовил еще три порции «Абу-Гамида».

— Это случилось двадцать лет назад. Его звали Саксторф. То был, несомненно, самый глупый человек, какого я когда-либо встречал, но он был непреклонен как сама смерть. Он обладал единственным талантом: умением стрелять. Я помню, как познакомился с ним здесь, в Апиа, двадцать лет назад. Вас еще здесь не было, Робертс. Я ночевал в гостинице голландца Генри, там, где сейчас рынок. Слыхали вы когда-нибудь об этом Генри? Он контрабандным путем снабдил оружием мятежников, продал свою гостиницу, но спустя шесть недель был убит в Сиднее, в каком-то кабаке, во время драки.

Но вернемся к Саксторфу. Однажды ночью мне не давали уснуть две кошки, устроившие концерт во дворе. Я вы-

скочил из постели и с кувшином воды в руке подошел к окну. Но в этот момент услыхал шум раскрывшегося окна в средней комнате. Раздалось два выстрела, и окно захлопнулось. Я не могу передать вам, как быстро все это произошло. Не более десяти секунд: окно раскрылось, два револьверных выстрела, окно закрылось. И он, этот неизвестный, даже не поинтересовался узнать о результате. Он и так знал. Вы понимаете, он знал! Кошачий концерт прекратился, и на утро во дворе нашли два окоченелых трупа оскорбителей тишины. Я был поражен. И по сей день меня это изумляет. Прежде всего, было темно, лишь звезды светили и Сакторф стрелял без прицела; затем — он стрелял так быстро, что оба выстрела почти слились, и наконец он знал, что попал в цель, и не позаботился даже в этом убедиться.

Спустя два дня он явился ко мне на борт. Я был тогда помощником на «Герцогине», шхуне в сто пятьдесят тонн вместимостью, предназначенной для вербовки негров. Должен вам сказать, что в те времена вербовка негров была делом нешуточным. Тогда не было никаких правительственных инспекторов, и ни один из нас не мог рассчитывать на какую-либо поддержку или защиту со стороны власти. Работа была тяжелая — делай или умри! — а если дело принимало скверный оборот, мы никому не жаловались. Мы охотились за неграми по всем островам южных морей, куда только нам удавалось проникнуть. Итак, Сакторф явился на борт, — Джон Сакторф, как он себя назвал. Это был маленький рыжеватый человек — рыжеватые волосы, цвет лица и глаза тоже рыжеватые. Ничего особенного в нем не было. Его душа казалась такой же бесцветной, как и вся его внешность. Он заявил, что остался без гроша и хочет поступить на судно в качестве кого угодно: юнги, повара, судового приказчика или простого матроса. При этом признался, что не знаком ни с одной из названных профессий, но желал бы научиться. Мне он был не нужен, но меня тогда так поразила его стрельба, что я зачислил его обык-

новенным матросом на жалованье три фунта стерлингов в месяц.

Он действительно очень старался чему-нибудь научиться, я это могу подтвердить. Но у него ни к чему не было способностей. Он столько же разбирался в компасе, сколько я в приготовлении этого напитка, предложенного нам Робертсом. А рулем он управлял так, что ему я обязан своими первыми седыми волосами. Никогда не рисковал я доверить ему штурвал при сильном волнении. Непостижимой тайной оставалось для него и умение обращаться с парусами. Он никогда не мог отличить шкота от тали; путал фок-кливер с бом-кливером. Прикажешь ему убрать грот — и не успеешь оглянуться, как он уже опустил бизань-рею. Плавать он не умел, а три раза умудрился упасть за борт. Но он всегда был весел, никогда не страдал морской болезнью и был самым услужливым человеком, какого я когда-либо знал. Однако был очень необщителен. Никогда не рассказывал о себе. Ничего мы о нем не знали, и вся история его жизни начиналась для нас лишь с момента его появления на «Герцогине». Где он научился так хорошо стрелять, ведали, должно быть, одни звезды. Он был янки — вот все, что мы определили по его акценту. И больше ничего о нем не знали.

Ну, а теперь мы подходим к самой сути дела. На Новогебридских островах нам не повезло: завербовав всего четырнадцать негров за пять недель, мы с юго-восточным ветром поплыли на Соломоновы острова. На Малаите тогда, как и сейчас, вербовка шла успешно. Мы подошли к северо-западной части Малаиты — Малу. Место для стоянки там неудобное. Возле берега и дальше — к морю тянутся рифы, но мы благополучно их обогнули и взрывом динамита подали неграм сигнал о своем прибытии, приглашая их к нам вербоваться. В течение трех дней никто не являлся. Негры сотнями подплывали к нам в своих каноэ, но только смеялись, когда мы показывали им бусы, коленкор, топоры и заводили разговор о выгодах работы на плантациях Самоа.

На четвертый день все изменилось. Записалось сразу пятьдесят человек; их поместили в трюм с правом, конечно, появляться и на палубе. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, как подозрителен был этот внезапный наплыв рабочих, но в то время мы предполагали, что какой-нибудь могущественный вождь снял запрет и разрешил вербовку. Наутро пятого дня наши две лодки отправились, как обычно, к берегу. Вторая лодка шла позади для прикрытия первой в случае восстания. На шхуне оставались все пятьдесят негров. Они лениво слонялись по палубе, болтали, курили, некоторые спали. Саксторф и я с четырьмя матросами составляли всю команду шхуны. В обеих лодках сидели на веслах уроженцы острова Джильберт. В первой находился капитан, судовой приказчик и вербовщик; в другой, остановившейся на расстоянии ста ярдов от берега, распоряжался второй помощник. Обе лодки были хорошо вооружены, хотя никакой опасности не ждали.

Четыре матроса, включая и Саксторфа, занялись чисткой перил на корме. Пятый матрос с винтовкой стоял на карауле возле чана с водой, перед грот-мачтой. А я находился на носу, где возился с гафелем. Потянувшись за трубкой, отложенной в сторону, я услышал выстрел, раздавшийся на берегу. Я моментально вскочил, чтобы узнать, в чем дело, но тотчас же свалился на палубу, оглушенный сильным ударом в затылок. Прежде всего у меня мелькнула мысль, что какая-то рея упала на меня сверху, но, не успев даже удариться о палубу, я услышал дьявольскую трескотню винтовок со стороны лодок. Кое-как повернувшись на бок, я увидел матроса, стоявшего на карауле. Два рослых негра держали его за руки, а третий сзади замахивался томагавком.

Я и сейчас вижу этот чан с водой, грот-мачту, тройку чернокожих, окруживших матроса, и топор, опускающийся сзади на его голову; все это было залито ослепительным солнечным светом. Я был словно зачарован этим возникшим перед моими глазами видением смерти. Мне казалось, что

опускается томагавк с невероятной медлительностью. Затем я увидел, как топор вонзился в затылок, ноги матроса подломились, и весь он грузно осел. Негры еще два раза ударили его топором, чтобы наверняка прикончить. Затем я получил два удара по голове и решил, что пришел мой конец. И негодяй, нанесший мне эти удары, вероятно, был того же мнения. Я не мог шевельнуться и лежал, беспомощно наблюдая, как они отрезали голову часовому. Должен сказать, что они проделали это ловко. Видно, в достаточной мере напрактиковались...

Ружейная пальба, доносившаяся с лодок, прекратилась, и у меня не было никаких сомнений в том, что все наши перебиты и всему пришел конец. Я получил отсрочку на несколько минут, после чего они должны были вернуться и за моей головой. Вероятно, они снимали головы матросам на корме. Человеческие головы высоко ценятся на Малаите, в особенности — головы белых. Они занимают почетные места в хижинах приморских жителей. Я не знаю, какие декоративные цели преследуют жители лесов, но и они любят головы не меньше, чем эти прибрежные жители.

Смутная надежда спастись все же меня не оставляла, и я пополз на руках к лебедке, где постарался подняться на ноги. Оттуда была видна корма, и на крыше каюты я заметил три головы моих трех матросов, в течение многих месяцев служивших на шхуне. Негры увидели меня и направились в мою сторону. Я полез за револьвером, но, очевидно, его у меня отняли. Не могу сказать, чтобы я был особенно испуган. Я много раз был близок к смерти, но на этот раз смерть заглянула мне в лицо. Мной овладело какое-то отупение и равнодушие ко всему.

Негр, шедший впереди, вооружился большим кухонным ножом и, приближаясь, корчил гримасы, словно обезьяна, предвкушая удовольствие изрубить меня. Но это ему не удалось. Он тяжело рухнул на палубу, и кровь хлынула у него изо рта. Как во сне, я услышал выстрел, а затем еще и еще.

Негры, один за другим, падали мертвыми. Постепенно я стал приходить в себя. Ни одна пуля не пропала даром. С каждым выстрелом падал какой-нибудь негр. Я приподнялся, сел возле лебедки и посмотрел в ту сторону, откуда раздавались выстрелы. Там, на краспис-салинге, примостился Саксторф. Как он забрался туда, я себе не представляю, но он захватил с собой два винчестера и большой запас патронов. Там он занимался тем единственным делом, к какому у него были способности.

Я не раз присутствовал при стрельбе и всяких побоищах, но подобного зрелища никогда не видел. Сидя возле лебедки, я наблюдал эту картину. Я ослабел и пребывал в каком-то оцепенении, и все происходившее казалось мне сном. Бах-бах-бах — бахала винтовка, и с таким же равномерным стуком падали негры на палубу. Изумительное зрелище! После первой попытки добраться ко мне, когда больше дюжины выбыло из строя, негры остолбенели. Но Саксторф ни на минуту не прерывал стрельбы. В это время несколько каноэ и две лодки, вооруженные снайдерами и винчестерами, захваченными с наших лодок, прибыли с берега. Обстрел, которому они подвергли Саксторфа, был ужасен. Но, на его счастье, негры опасны лишь в рукопашном бою. Они не умеют стрелять и целиться, держа ружье у плеча. Они стреляют сверху в ниже стоящего противника, прикладывая ружье к бедру. Когда ружье Саксторфа нагревалось, он сменял его другим. Он именно это и имел в виду, когда брал с собой две винтовки.

Поразительна была быстрота, с какой он стрелял. И ни одного промаха. Да, этого человека можно было назвать непреклонным. Именно быстрота и делала эту бойню такой ошеломляющей и страшной. Он не давал неграм опомниться. Когда рассудок стал возвращаться к ним, они стремглав бросились в воду, конечно, опрокидывая каноэ. Саксторф продолжал палить. В воде метались черные тела, а пули, одна за другой, настигали их. Ни одна не пролетела мимо, и я отчетливо различал звук, с каким они вонзались в тело.

Рассеявшись по воде, негры вплавь спешили к берегу. То был настоящий ковер плывущих голов. Я поднялся и в каком-то полусне следил, как эти головы рассекали волны, а иные уже не двигались. Пули пролетали большое расстояние. Один лишь человек добрался до берега, но едва он поднялся на ноги, как пуля Саксторфа настигла и его. Удивительный выстрел! И двух негров, подбежавших вытащить раненого из воды, Саксторф также подстрелил.

Я решил, что побоище кончилось. Но опять прозвучал выстрел. Из кают-компании выскочил негр, бросился к борту, но на полпути упал замертво. Кают-компания, должно быть, была переполнена неграми: я насчитал по крайней мере двадцать человек. Они выбегали оттуда поодиночке и бросались к борту, но ни одному не удалось спастись. Это напомнило мне охоту на загнанного зверя. Черное тело внезапно появлялось из кают-компании, раздавался выстрел — и негр падал. Несомненно находившиеся внизу не подозревали о положении дел на палубе и продолжали выскакивать, пока не были убиты все до последнего.

Саксторф некоторое время выжидал, а затем спустился на палубу. Из всего экипажа «Герцогини» уцелели только мы двое. Я был серьезно ранен, а он, когда в стрельбе уже не было надобности, превратился в самого беспомощного человека. Под моим руководством он промыл мои раны на голове и зашил их. Изрядная порция виски подкрепила меня и придала силы приняться за работу. Ничего иного не оставалось делать. Все остальные были убиты. Саксторф попытался поднять паруса, а я помогал ему. И тут он снова проявил всю свою тупость и неповоротливость. Он не мог справиться с парусами. А когда я потерял сознание и упал, дело, казалось, обернулось для нас скверно.

Очнувшись, я увидел, что Саксторф беспомощно сидит на перилах и ждет моих распоряжений. Я приказал ему осмотреть раненых и выяснить, нет ли между ними способных выполнить хоть какую-нибудь работу. Он набрал шесть

человек. Помню, у одного была сломана нога; но его руки, по словам Саксторфа, были целы. Я лежал в тени, отгоняя мух и инструктируя Саксторфа, который командовал своими больными. Он заставлял этих несчастных негров натягивать каждую веревку, пока не нашел, наконец, фалы. Один негр, натягивая веревку, выпустил ее из рук и упал мертвый. Остальных Саксторф отколотил и заставил продолжать работу. Когда грот и фока-зейль были поставлены, я велел ему поднять якорь. С большим трудом я добрался до штурвала, намереваясь управлять рулем. Не понимаю, как это случилось, но Саксторф не только не поднял якоря, а опустил и второй, и мы еще основательнее ошвартовались.

В конце концов ему все же удалось поднять оба якоря и поставить стаксель и кливер. Шхуна двинулась вперед. Наша палуба представляла собой жуткое зрелище. Всюду валялись мертвые и умирающие негры. Они лежали везде, во всех закоулках. Кают-компания была полна ими; они уползали с палубы и прятались там. Я заставил Саксторфа и его полуживую команду выбросить за борт мертвецов. Но в море были выброшены и мертвые, и умирающие. Акулы поживились в этот день. Конечно, и четыре наших матроса отправились за борт. Но головы их мы положили в мешок с грузом, чтобы они не приплыли случайно к берегу и не попали в руки негров.

Наших пятерых пленников я рассчитывал использовать как матросов, но они приняли иное решение. Выбрав удобный момент, они попытались перескочить за борт. Саксторф убил двоих и пристрелил бы и тех троих, что уже спустились за борт, если б я не воспротивился. Мне надоела эта бойня, а кроме того, ведь они помогли шхуне сдвинуться. Но мое великодушие ни к чему не привело: акулы сожрали всех троих.

Когда мы вышли в открытое море, у меня началось что-то вроде воспаления мозга. И «Герцогиня» лежала в дрейфе все три недели, пока я болел. Наконец мы добрались до Сиднея. А эти негры с Малу запомнили на веки вечные полученный

урок, что с белыми надо держаться осторожней. Для них Саксторф явился, конечно, непреклонным белым человеком.

Чарли Робертс протяжно свистнул и сказал:

— Да, пожалуй, это так. Ну, а Саксторф, что с ним сталось?

— Он занялся тюленьим промыслом и стал знаменитым охотником. В продолжение шести лет он менял службу одну за другой на шхунах, плававших между Викторией и Сан-Франциско. На седьмой год его шхуна была захвачена русским крейсером в Беринговом море. Ходят слухи, что весь экипаж был сослан на соляные копи в Сибирь. С тех пор я ничего о нем не слыхал.

— Насаждать цивилизацию, — бормотал Робертс. — Приобщать к цивилизации весь мир. Да, это дело. И, полагаю, кто-нибудь должен заниматься таким насаждением.

Капитан Уудворд потер шрам на своей лысине.

— Я уже исполнил свой долг, — сказал он. — Сорок лет такой жизни... Это будет моим последним рейсом. А затем я вернусь на родину отдыхать.

— Держу пари, — воскликнул Робертс, — что вы умрете во всеоружии на своем посту, а не дома — в своей кровати. Выпивка за счет проигравшего.

Капитан Уудворд охотно принял пари; но я лично думаю, что выиграет Чарли Робертс.

ПОТОМОК МАК-КОЯ

Шхуна «Пиренеи», под тяжестью груза пшеницы глубоко осев железными бортами в воду, лениво покачивалась, и человек без труда взбирался на нее с маленького каноэ. Когда он поравнялся с перилами и мог заглянуть внутрь, ему показалось, что он видит легкий, еле заметный туман. Это казалось скорее обманом зрения: словно какая-то пленка внезапно покрыла его гла-

за. Он почувствовал желание сорвать ее и в этот момент подумал, что уже стареет и пришла пора посылать в Сан-Франциско за парой очков.

Шагая через борт, он бросил взгляд вверх на высокие мачты и затем на помпы. Они бездействовали. На этом огромном судне, казалось, все было в порядке, и он недоумевал, почему оно подняло сигнал бедствия. Он подумал о своих счастливых островитянах и надеялся, что это не болезнь. Может быть, шхуна терпела недостаток в воде или провизии. Он пожал руку капитану, исхудавшее лицо которого и утомленные озабоченные глаза ясно говорили о каком-то большом затруднении. В ту же минуту вновь прибывший почувствовал слабый, трудно определимый запах, напоминавший запах горелого хлеба, и все же иной.

С любопытством он посмотрел вокруг. В двадцати шагах от него матрос с изнуренным лицом конопатил палубу. Взгляд его остановился на этом человеке, и внезапно он увидел поднявшуюся из-под его рук тонкую, дымящуюся спираль, которая, клубясь, взвивалась и таяла. Наконец он вступил на палубу. Слабый жар охватил его голые ноги, быстро пронизывая затверделые, огрубевшие ступни. Теперь он понял, что постигло шхуну. Он быстро оглядел многочисленную толпу истощенных матросов, нетерпеливо уставившихся на него. Взгляд его ласковых карих глаз коснулся их, точно благословение, укрощая и окутывая их как бы мантией великого покоя.

— С каких пор она горит, капитан? — спросил он, и голос его был так мягок и спокоен, что походил на голубиное воркование.

Сначала капитан поддался овладевшему им чувству покоя и умиротворения, но сознание всего, что он вытерпел и терпит, больно ударяло, и злобное раздражение охватило его. Чего ради этот оборванец — поселенец [1] в грязных штанах

---

[1] Beach-comber — поселенец островов Тихого океана.

и бумажной рубахе — внушает ему, измученному и изнемогающему, такие вещи, как мир и покорность? Капитан не старался разобраться в этом — бессознательное волнение, испытанное им, вызывало в нем досаду.

— Пятнадцать дней, — коротко ответил он. — Кто вы?

— Мое имя — Мак-Кой, — последовал ответ, и в тоне слышалось участие и соболезнование.

— Я спрашиваю, вы лоцман?

Мак-Кой обратил свой умиротворяющий взгляд на высокого широкоплечего человека с угрюмым, небритым лицом, который подошел к капитану.

— Я такой же лоцман, как и всякий, — был ответ Мак-Коя. — Мы все здесь лоцманы, капитан, и я знаю каждый дюйм этих вод.

Но капитан горел нетерпением.

— Мне нужно кого-нибудь из начальства. Я хочу переговорить с ними, и как можно скорей.

— Тогда я и в этом могу вам служить.

Опять это коварное внушение покоя, а под ногами яростное горнило корабля! Брови капитана нетерпеливо и нервно поднялись, и кулак сжался, словно для удара.

— Кто вы, черт возьми? — спросил он.

— Я здесь главное должностное лицо, — был ответ, и голоса мягче и нежнее нельзя было вообразить.

Крупный, широкоплечий человек разразился грубым хохотом, звучавшим скорее истерично, чем весело. Оба — он и капитан — недоверчиво, удивленно рассматривали Мак-Коя. Было невероятно, что этот босоногий поселенец занимал такой высокий пост. Его грубая бумажная блуза без пуговиц открывала обросшую седыми волосами грудь и демонстрировала полнейшее отсутствие рубахи. Старая соломенная шляпа едва покрывала его седые растрепанные волосы. До половины груди спускалась нечесаная патриархальная борода. В любой лавке готового платья за два шиллинга его одели бы совершенно так же, как был одет сейчас, когда стоял перед ними.

— Родственник Мак-Коя с «Боунти»? — спросил капитан.

— Он мой прадед.

— А! — сказал капитан и затем, опомнившись, прибавил: — Мое имя — Давенпорт, а это мой первый помощник, мистер Кониг.

Они обменялись рукопожатием.

— А теперь к делу.

Капитан говорил быстро, необходимость крайней спешки заставляла его быть немногословным.

— Под нами огонь уже больше двух недель. Каждую минуту этот ад может вырваться наружу. Вот почему я держал на Питкэрн. Я хочу ее доставить на берег или просверлить ее и спасти корпус.

— В таком случае вы ошиблись, капитан, — сказал Мак-Кой. — Вам следовало бы направиться к Мангареве. Там прекрасный берег в лагуне, где вода точно в мельничной запруде.

— Но мы ведь здесь, разве не так? — спросил помощник. — И в этом все дело. Мы здесь, и мы должны что-нибудь предпринять.

Мак-Кой добродушно покачал головой.

— Здесь вы ничего не сделаете. Здесь негде пристать, даже негде бросить якорь.

— Ерунда! — сказал помощник. — Ерунда! — повторил он, когда капитан сделал ему знак выражаться помягче. — Не говорите мне таких нелепостей. Где же причаливают ваши лодки, шхуны, катера, — что у вас там имеется? Ну, отвечайте же мне.

Мак-Кой улыбнулся так же мягко, как говорил. Его улыбка была лаской, объятием, обвивавшим усталого матроса и пытающимся приобщить его к тишине и спокойствию безмятежной души Мак-Коя.

— У нас нет шхун или катеров, — возразил он. — И мы втаскиваем наши каноэ на вершину скалы.

— Не продемонстрируете ли вы это? — фыркнул помощник. — Каким же образом вы плаваете дальше, к другим островам, а? Расскажите мне!

— Мы далеко не заходим. Как губернатор Питкэрна, я иногда путешествую. Когда я был помоложе, я совершал много поездок — иногда на торговых шхунах, а чаще на миссионерском бриге. Но теперь он ушел, и мы зависим от идущих мимо судов. Иногда их здесь проходит немало — до шести в год. В другое время за целый год, а не то и больше, не проходит ни одного. Ваше — первое за семь месяцев.

— И вы хотите мне рассказать... — начал помощник.

Но капитан Давенпорт вмешался:

— Довольно об этом. Мы теряем время. Что можно предпринять, мистер Мак-Кой?

Старик обратил свои карие, ласковые, как у женщины, глаза по направлению к берегу, и оба — капитан и помощник — следили за его взглядом, вернувшимся от одинокой скалы Питкэрна к матросам на баке, и тревожно ждали объявления какого-нибудь определенного решения. Мак-Кой не торопился. Он обдумывал спокойно и медленно, как человек, который никогда не подвергался мучительному издевательству жизни.

— Ветер сейчас слабый, — наконец сказал он. — Здесь сильное течение к западу.

— Вот это нас и отнесло к подветренной стороне, — прервал его капитан, желая засвидетельствовать свою опытность в морском деле.

— Да, это вас и отнесло, — продолжал Мак-Кой. — Хорошо, но сейчас вам не удастся пробраться против течения. А если и пройдете, здесь негде пристать. Ваша шхуна погибнет.

Он смолк; капитан и помощник обменялись взглядами, полными отчаяния.

— Но я скажу вам, что вы можете сделать. Бриз посвежеет сегодня ночью, приблизительно около полуночи. Видите те перистые облака и их скопление на подветренной

стороне вон там? Оттуда, с юго-востока, и придет сильный ветер. До Мангаревы триста миль. Отправляйтесь туда! Там прекрасное ложе для вашей шхуны.

Помощник покачал головой.

— Зайдем в каюту и посмотрим на карту, — предложил капитан.

В маленькой каюте Мак-Коя охватила удушливая, ядовитая атмосфера. Проникавшие сюда струи невидимого газа щипали и разъедали ему глаза. Пол был горячий, почти невыносимо горячий для его голых ног. Тело покрылось потом. Почти с испугом он оглядывался вокруг. Эта жара внутри поражала. Казалось невероятным, что каюта до сих пор не загорелась. Он чувствовал себя словно в раскаленной печи, где жара с каждой секундой могла еще больше усилиться и иссушить его, как стебелек травы.

Когда он поднял одну ногу и потер горячую ступню о свои штаны, помощник дико, озлобленно засмеялся.

— Преддверие ада, — сказал он. — Преисподняя прямо внизу, под вашими ногами.

— Большая жара! — вскрикнул Мак-Кой, вытирая лицо ярким носовым платком.

— Вот Мангарева, — произнес капитан, наклоняясь над столом и указывая черную точку на карте. — А здесь на пути лежит другой остров. Почему бы нам не направиться к нему?

Мак-Кой не смотрел на карту.

— Это остров Кресчент, — ответил он. — Он необитаем и поднимается всего лишь на два-три фута над водой. Есть лагуна, но входа в нее нет. Нет, Мангарева — ближайший пункт, пригодный для вас.

— Итак, пусть Мангарева, — сказал капитан, прерывая ворчливое возражение помощника. — Ладно. Созовите команду на корму, мистер Коннг!

Матросы повиновались, устало волоча ноги по палубе, с трудом пытаясь ускорить шаги. Полное изнеможение

проглядывало в каждом их движении. Вышел послушать и кок из своего камбуза, возле него приютился юнга.

Когда капитан Давенпорт разъяснил положение и объявил о своем намерении плыть к Мангареве, поднялся шум. Среди гула встревоженных голосов слышались неотчетливые выкрики возмущения, из некоторых групп ясно доносились проклятия, отдельные слова и целые фразы. На миг выделился резкий голос кокнея[1]; заглушая остальных, он взволнованно кричал:

— Радуйтесь! Пятнадцать дней мы на этом плавучем аду, и он хочет теперь снова заставить нас плыть на нем в море.

Капитан не мог усмирить их, но присутствие Мак-Коя подействовало, и они стали спокойнее. Ропот и проклятия замерли. Вся толпа, кроме нескольких с тревогой обращенных на капитана лиц, молчаливо и печально повернулась к зеленеющим вершинам и крутым берегам Питкэрна.

Нежный, как дуновение зефира, раздался голос Мак-Коя:

— Капитан, мне казалось, я слышал, кто-то говорил, что они голодают.

— Ну да, и мы тоже! — был ответ. — За последние два дня я съел один сухарь и кусочек лососины. Мы всю провизию поделили. Видите ли, обнаружив огонь, мы немедленно заколотили все входы вниз, чтобы потушить его. А уже после выяснилось, как мало провизии оставалось в кладовой. Но было слишком поздно. Мы не посмели проникнуть в трюм. Они голодны? Я голоден не меньше их.

Он снова заговорил с матросами, и опять поднялся ропот и проклятия. Лица их были искажены животной яростью. Второй и третий помощники присоединились к капитану и стали позади него на юте. Их лица были сосредоточены и бесстрастны. Бунт команды, казалось, надоел им больше, чем кому-либо. Капитан Давенпорт вопросительно посмот-

---

[1] Cocney — презрительная кличка уроженцев Лондона.

рел на старшего помощника, а тот только пожал плечами в знак своего полного бессилия.

— Вы видите, — сказал капитан Мак-Кою, — немыслимо заставить матросов покинуть спасительную землю и уйти в море на горящем судне. Оно было для них плавучим гробом больше двух недель. Они выбились из сил и изголодались, достаточно уже вытерпели они на этой шхуне. Мы постараемся добраться до Питкэрна.

Но ветер был слабый, подводная часть «Пиреней» окутана водорослями, и шхуна не могла двигаться против сильного западного течения. К концу второго часа она была отнесена на три мили назад. Матросы работали ревностно, как будто их усилия могли помочь шхуне в борьбе с враждебными стихиями. Однако упорно — и на левом и на правом галсе — ее уносило к западу. Капитан беспокойно ходил вперед и назад, иногда останавливаясь, чтобы понаблюдать за вьющимися струйками дыма и проследить их до тех участков палубы, откуда они вырывались. Плотнику было поручено разыскивать такие места, и, когда ему удавалось найти, он старательно, все плотней и плотней их конопатил.

— Ну, что же вы думаете? — спросил, наконец, капитан Мак-Коя, наблюдавшего работу плотника с детским интересом и любопытством.

— Я думаю, было бы лучше отправиться на Мангареву. С ветром, который уже приближается, вы будете там завтра вечером.

— Но что, если огонь вырвется наружу? Это возможно каждую минуту.

— У вас ведь наготове шлюпки. Тот же ветер пригонит ваши шлюпки к Мангареве, если судно запылает.

Капитан Давенпорт на момент задумался, а затем Мак-Кой услыхал вопрос: этот вопрос он не хотел бы слышать, но знал, что он непременно последует.

— У меня нет карты Мангаревы. На общей карте это только мушиное пятнышко. Я не знаю, где искать вход в лагуну.

Не можете ли вы присоединиться и вести шхуну вместо меня?

Спокойствие Мак-Коя было невозмутимо.

— Хорошо, капитан, — сказал он с такой непринужденностью и беспечностью, как будто принимал приглашение на обед. — Я отправлюсь с вами на Мангареву.

Снова команда была созвана на корму, и капитан с выступа юта обратился к ней с речью:

— Мы старались справиться со шхуной, но вы видите, насколько нас отнесло. Ее подхватило течение скоростью в два узла. Этот джентльмен, уважаемый Мак-Кой, — главное должностное лицо и губернатор острова Питкэрна. Он отправится с нами на Мангареву. Итак, вы видите — положение не столь уж опасно. Он не предложил бы этого, если бы полагал, что может проститься с жизнью. Положим даже, что это риск, но, если он по своей воле пришел к нам и принял его, — тем более это обязывает нас. Что вы скажете о Мангареве?

На этот раз возмущения не последовало. Присутствие Мак-Коя, его уверенность и спокойствие производили должное впечатление. Команда тихо совещалась. Убеждать их почти не пришлось. Они были настроены единодушно и своим депутатом выставили кокни. Этот почтенный человек был подавлен сознанием героизма, проявленного им и его товарищами, и с горящими воодушевлением глазами он закричал:

— Клянусь Богом! Если он готов, — и мы готовы! — Слышалось одобрительное бормотание расходящейся команды.

— Один момент, капитан, — сказал Мак-Кой, когда тот отвернулся, отдавая приказания помощнику. — Я должен сначала съездить на берег.

Мистер Кониг, как пораженный громом, уставился на сумасшедшего, по его мнению, Мак-Коя.

— Ехать на берег! — воскликнул капитан. — Но зачем? Плыть туда на вашем каноэ? Ведь это отнимет у вас по крайней мере три часа.

Мак-Кой, измерив глазами расстояние до земли, подтвердил:

— Да, сейчас шесть часов. Мне нужно быть на берегу до девяти. Раньше десяти народ не соберется. Ночью ветер начнет свежеть, и вы можете двинуться к берегу и завтра на рассвете подобрать меня.

— Во имя здравого смысла и рассудка, — вспылил капитан, — для чего вам собирать народ? Разве вы не знаете, что моя шхуна горит?

Мак-Кой оставался ласковым, подобно морю в летний день, тихую гладь которого ничто не могло смутить.

— Конечно, капитан, — мирно произнес он воркующим голосом, — я знаю, что ваша шхуна горит. Поэтому я и еду с вами на Мангареву. Но я должен получить разрешение ехать с вами. Это наш обычай. Губернатор оставляет остров только в самых крайних случаях. Интересы народа поставлены на карту, и поэтому они — народ — имеют право запретить или позволить. Но они разрешат, я это знаю.

— Вы уверены?

— Вполне уверен.

— Ну, а если вы заранее знаете, что они позволят, зачем же хлопотать и добиваться этого? Подумайте о задержке — ведь целая ночь.

— Это наш обычай, — последовал невозмутимый ответ. — Я — губернатор и должен сделать распоряжения относительно управления островом в мое отсутствие.

— Но до Мангаревы всего лишь двадцать четыре часа пути, — заметил капитан. — Предположите, что на обратный путь против ветра вам потребуется в шесть раз больше времени, и все же вы вернетесь к концу недели.

Мак-Кой улыбнулся своей широкой, доброй улыбкой.

— На Питкэрн идет очень мало кораблей — обычно из Сан-Франциско или со стороны мыса Горн. Мне повезет, если я вернусь через шесть месяцев. А очень возможно, что буду отсутствовать целый год, и, возможно, мне придется

ехать в Сан-Франциско искать судно, которое доставит меня обратно. Мой отец однажды покинул Питкэрн с намерением вернуться через три месяца, а прошло два года, прежде чем мы его увидели. И, наконец, ведь вы страдаете от недостатка провизии. Если вам придется пересесть в шлюпки и погода испортится — много дней пройдет, пока вы доберетесь до земли. Утром я могу привезти вам на двух каноэ провизии. Лучше всего будут сушеные бананы. Когда бриз начнет свежеть, вы правьте к берегу. Чем ближе вы будете, тем больше провизии я смогу доставить вам. До свиданья!

Он протянул руку, и капитан Давенпорт сжал ее, не спеша выпустить. Казалось, он цеплялся за него, как утопающий матрос за спасательный буй.

— Могу ли я быть уверен, что вы вернетесь утром? — спросил он.

— Да, вот именно! — вскричал помощник. — Разве мы можем знать, что он не удерет, спасая свою шкуру?

Мак-Кой не отвечал. Он ласково и снисходительно смотрел на них, и казалось, непоколебимая уверенность его духа передается им.

Капитан разжал руку, и Мак-Кой, бросив последний, как бы благословляющий взгляд на команду, перелез через фальшборт и спустился в каноэ.

Ветер посвежел, и «Пиренеям», несмотря на свою грузную подводную часть, удалось отвоевать у западного течения шесть миль. Питкэрп находился с подветренной стороны на расстоянии трех миль. Капитан Давенпорт различил два идущих к шхуне каноэ. Снова Мак-Кой вскарабкался на борт и вступил на горячую палубу. За ним втащили массу связок сушеных бананов; каждая связка была обернута сухими листьями.

— А теперь, капитан, — сказал он, — скорее в путь — спасать драгоценную жизнь. Вы видите, я не мореплаватель, — объяснял он спустя несколько минут, стоя на корме возле

капитана, взгляд которого блуждал вверх и по сторонам, как бы оценивая проворство «Пиреней». — Вы должны доставить ее к Мангареве. Когда мы станем приближаться к земле, я проведу ее туда. Какова сейчас ее скорость?

— Одиннадцать узлов, — ответил капитан Давенпорт, бросив взгляд на бурлящую позади воду.

— Одиннадцать! Дайте рассчитать: если она будет держаться этой скорости, мы увидим Мангареву завтра утром, между восемью и девятью часами. Проведу ее к берегу около десяти или — самое позднее — к одиннадцати. И тогда окончатся все ваши мучения.

Капитану почти казалось, что благословенный момент уже наступил, — столько убедительности было в словах Мак-Коя. Больше двух недель находился он в страшном напряжении, управляя этим горящим судном, и начинал чувствовать, что этого более чем достаточно.

Резкий порыв ветра ударил его в затылок и засвистел в ушах. Он, мысленно измерив его силу, посмотрел за борт.

— Ветер все крепнет, — объявил он. — Наша старуха теперь уже ближе к двенадцати узлам, чем к одиннадцати. Если так будет продолжаться, мы высадимся на берег сегодня ночью.

Весь день шхуна с грузом огня неслась по пенистому морю. С наступлением ночи бом-брамсели и брам-стеньги были спущены, и шхуна мчалась в темноте, преследуемая громким, все усиливающимся ревом волн. Попутный ветер оказал свое действие: на корме и на баке засветилась радостная надежда. Во вторую вахту какая-то беспечная душа затянула песню, а с восьми склянок пела вся команда.

Капитан Давенпорт приказал принести ему одеяла и расстелить на палубе над кают-компанией.

— Я забыл, что значит сон, — объявил он Мак-Кою. — Я измучился. Но вы будите меня обязательно, когда сочтете нужным.

В три часа утра его разбудило осторожное прикосновение руки Мак-Коя. Он, придерживаясь за люк, быстро вскочил, еще оцепенелый от тяжелого сна. Ветер гремел свою боевую песнь в такелаже, и разъяренное море швыряло «Пиренеи». Все, что находилось на середине шхуны, перекатывалось от одного борта к другому, и палуба непрерывно заливалась водой.

Мак-Кой что-то кричал, но что — он не мог расслышать. Он протянул руку, схватил того за плечо и привлек так близко, что ухо почти касалось губ Мак-Коя.

— Теперь три часа, — донесся голос Мак-Коя, все еще напоминавший воркование, но странно заглушенный и далекий. — Мы прошли двести пятьдесят миль. Остров Кресчент лишь в тридцати милях где-то во мраке впереди. На нем нет огней. Если мы будем так нестись, то ударимся об него — и погубим и себя и шхуну.

— Вы думаете, следует лечь в дрейф?

— Да, — лечь в дрейф до рассвета. Это задержит нас всего только на четыре часа.

Таким образом, шхуна «Пиренеи», со своим грузом, под щелкающими зубами шторма, легла в дрейф, сражаясь и рассекая налетающие волны. Это была скорлупа, наполненная пламенем; на ее поверхности скопилась маленькая группа людей и выбивалась из сил, помогая ей бороться.

— Это совсем необычно — такой шторм, — говорил Мак-Кой капитану, стоя под ветром возле каюты. — В это время года не должно быть штормов. Но с погодой творится что-то неладное. Пассатов сейчас не должно быть, а между тем они дуют. — Он указал рукой во мрак, точно его глаза пронизывали тьму на сотни миль. — Это идет с запада. Там где-то происходит нечто страшное: ураган или что-то вроде этого. Наше счастье, что мы так далеко к востоку. Но это еще небольшой порыв и не последний. Я могу вам сказать с уверенностью.

К концу ночи сила ветра снизилась до нормальной. Но при свете дня появилась новая опасность. Воздух мутнел.

На море расстилался туман или, вернее, жемчужная мгла, сгущаясь, подобно туману, заволакивала зрение, пеленой укрывала море и переливалась, пронизанная солнцем, его лучезарным сиянием.

Палуба «Пиреней» дымилась значительно сильнее, чем в предыдущий день. Бодрое настроение капитана, его помощников и команды исчезло. С подветренной стороны камбуза слышалось всхлипывание юнги. Это было его первое путешествие, и смертельный страх сжимал его сердце. Капитан бродил как потерянная душа, нервно покусывая усы, и мрачно хмурился, тщетно стараясь найти какой-нибудь выход.

— Что вы думаете? — спросил он, остановившись возле Мак-Коя, который приготовил себе завтрак из жареных бананов и кружки воды.

Мак-Кой покончил с последним бананом, опорожнил кружку и неторопливо оглянулся вокруг. В его глазах светилась улыбка сочувствия, когда он сказал:

— Что ж, капитан, шансы у нас равные — добиться своего или сгореть. Ваша палуба не вечна, она не выдержит. В это утро она еще горячей. Нет ли у вас пары туфель для меня? Моим голым ногам становится невесело.

Шхуна зачерпнула две больших волны и завертелась на месте. Первый помощник выразил желание всю эту воду спустить в трюм, если бы только это было возможно сделать, не поднимая люков. Мак-Кой наклонился над нактоузом и установил направление курса «Пиреней».

— Я бы держал ее больше к ветру, капитан, — сказал он. — Ее отнесло течением, когда она лежала в дрейфе.

— Я уже повернул на румб, — последовал ответ. — Разве этого не достаточно?

— Я бы взял на два румба, капитан. Этот ветер пришпорил западное течение, и оно гораздо быстрее, чем вы представляете.

Капитан Давенпорт примирился на полутора румбах и затем, в сопровождении Мак-Коя и первого помощника,

отправился наверх высматривать землю. Паруса были подняты, и шхуна шла со скоростью десяти узлов. Море позади нее заметно утихало, изнемогая. Но жемчужный туман не рассеивался, и около десяти часов капитан Давенпорт стал беспокоиться. Вся команда была на своих местах, готовая, при первом предупреждении о земле впереди, бешено налечь на работу и изменить курс «Пиреней». Эта земля впереди, ее риф, омываемый бурунами, может неожиданно вынырнуть в таком тумане, и тогда гибель неизбежна.

Прошел еще час. Три вахтенных наверху напряженно всматривались в жемчужную туманность.

— Что если мы пропустим Мангареву? — внезапно спросил капитан Давенпорт. Мак-Кой, не отводя взгляда, спокойно ответил:

— Что ж, поплывем дальше. Нам больше ничего не остается делать. Весь Паумоту перед нами. Мы можем плыть тысячу миль среди рифов и атоллов. Где-нибудь мы должны будем высадиться.

— Пусть так, будем плыть. — Капитан Давенпорт объявил о своем намерении спуститься на палубу. — Мы прошли мимо Мангаревы. Один Бог знает, где лежит ближайшая земля. Я жалею, что не повернул ее еще на ту половину румба, — признался он через минуту. — Это проклятое течение дьявольски забавляется над мореплавателем.

— Старые моряки называли Паумоту — Опасный Архипелаг, — сказал Мак-Кой, вернувшись на корму, — и отчасти из-за этого самого течения.

— Я однажды беседовал с одним бравым моряком в Сиднее, — сказал мистер Кониг. — Он занимался торговлей в Паумоту и говорил мне, что за страховку платят восемнадцать процентов. Правда ли это?

Мак-Кой улыбнулся и подтвердил.

— Но они не страхуют, — объяснил он. — Судовладельцы ежегодно сбрасывают двадцать процентов со стоимости своих шхун.

— Боже мой, — простонал капитан Давенпорт. — И значит, через пять лет шхуна ничего не стоит! — Он грустно покачал головой и пробормотал: — Скверные воды, скверные воды!

Они снова вошли в каюту — для справки по большой карте, но ядовитые пары заставили их, задыхающихся, выскочить на палубу.

— Здесь вот остров Моренгаут, — указал капитан на карту, разложив ее на палубе над каютой. — Он не дальше ста миль в подветренную сторону.

— Сто десять. — Мак-Кой с сомнением покачал головой. — Сделать это возможно, но очень трудно. Я могу подвести ее к берегу, но рискую посадить на риф. Скверное место, очень скверное.

— Мы рискнем, — решил капитан Давенпорт, принимаясь намечать курс.

После полудня часть парусов была спущена из боязни пройти мимо земли ночью. Во вторую вахту команда снова обрела бодрость. Земля, казалось, была уже совсем близко, и утром их страдания должны были кончиться.

И наступило утро — ясное, с пламенеющим тропическим солнцем. Юго-восточный пассат превратился в восточный и погнал «Пиренеи» по волнам со скоростью восьми узлов. Капитан произвел вычисления по лагу, особенное внимание уделяя скорости течения, и объявил, что остров Моренгаут находится на расстоянии десяти миль. Шхуна проплыла десять миль и затем еще десять, а вахтенные с верхушек трех мачт не видели ничего, кроме свободного простора моря, залитого солнцем.

— Но земля там, я говорю вам, — кричал им с юта капитан Давенпорт.

Мак-Кой снисходительно улыбнулся, но капитан грозно сверкнул на него обезумевшими глазами, схватил свой секстант и погрузился в хронометрические вычисления.

— Я знал, что я прав, — почти кричал он, закончив вычисления.

— Двадцать один градус пятьдесят пять минут южной, один градус тридцать шесть минут две секунды западной. Вы понимаете? Еще восемь миль под ветром. Какие итоги у вас, мистер Кониг?

Старший помощник взглянул на свои цифры и тихо объявил:

— Двадцать один, пятьдесят пять — правильно; но долгота у меня — один, тридцать шесть, сорок восемь. Это значительно приближает нас.

Но недоверие капитана Давенпорта к его цифрам выразилось в таком презрительном молчании, что заставило мистера Конига заскрежетать зубами и неистово выругаться про себя.

— Назад! — приказал капитан рулевому. — Три румба — и так держать! Так!

Затем он вернулся к своим цифрам и проверил вычисления. С лица его струился пот. Он кусал свои усы, губы и карандаш, уставившись на цифры, точно человек, объятый ужасом перед лицом неведомого призрака. И внезапно с ожесточением он порывисто скомкал исчерченный лист в кулаке и, швырнув его, придавил ногой. Мистер Кониг злорадно засмеялся и отвернулся, а капитан Давенпорт, прислонившись к каюте, в продолжение получаса не произнес ни слова, сосредоточенно и безнадежно следя за направлением ветра.

— Мистер Мак-Кой, — резко прервал он, наконец, молчание. — На карте обозначена группа островов, но неизвестно, сколько их, — около сорока миль к норду или норд-нордвесту — группа Актеон. Что они собой представляют?

— Там их четыре, все низменные, — отвечал Мак-Кой. — Первый к юго-востоку, Матуэри — необитаем, входа в лагуну нет. Затем идет Тенарунга. Там когда-то кое-кто жил, теперь,

вероятно, все переселились. Во всяком случае, для шхуны там нет входа, только для лодок, — всего шесть футов глубины. Вехауга и Теуа-Раро — два других. Пристать нельзя, жителей нет, острова очень низменные. Шхуна «Пиренеи» у этой группы пристать не может. Там она непременно разобьется.

— Послушайте! — капитан Давенпорт был в бешенстве. — И жителей нет, и пристать нельзя. На какой же тогда черт существуют острова?..

— Ну, хорошо, — зарычал он, точно разъяренный терьер, — карта указывает на целый рой островов к норд-весту. Что же там? Можно ли пристать хоть к одному?

Мак-Кой спокойно соображал. Он не обращал внимания на карту. Все эти острова, рифы, отмели, лагуны, проливы и расстояния были зафиксированы в его памяти. Он знал их, как горожанин — дома, улицы и переулки родного города.

— Папакена и Ванавана находятся на вест или вест-норд-вест, в сотне миль, может быть, немного больше, — сказал он. — Один необитаем, и я слышал, что жители с другого переселились на остров Кадмус. И все равно — ни к одному пристать нельзя. Есть еще Ахунуи в ста милях к норд-весту. И тоже нельзя причалить, и людей нет.

— Прекрасно, а еще два острова за сорок миль от них? — настойчиво спрашивал капитан, поднимая голову от карты.

Мак-Кой покачал головой.

— Парос и Манухунги — ни прохода к ним, ни жителей. Ненго-Ненго, в свою очередь, в сорока милях за ними — тоже нет жителей, и пристать нельзя. Но есть остров Хао. Это как раз то, что нам нужно. Лагуна протяжением тридцать миль и пять миль в глубь острова. Там народу немало. Вы свободно найдете лагуну. И любое судно может пройти туда.

Он кончил и участливо смотрел на капитана Давенпорта, который, наклонив голову над картой, с циркулем в руках, глубоко вздыхал.

— Может быть, есть где-нибудь еще лагуна, куда можно войти, ближе, чем на острове Хао?

— Нет, капитан, это ближайшая.

— Итак, значит, триста сорок миль. — Капитан Давенпорт говорил спокойно, решительно. — На мне ответственность за жизнь этих людей, и я не хочу подвергать их опасности. Я доставлю шхуну, в каком бы она ни была состоянии, на Актеон. А она ведь — прекрасное судно, — с сожалением прибавил он, меняя курс корабля и уделив еще больше, чем когда-либо, внимание западному течению.

Час спустя небо затянулось тучами. Юго-восточный пассат еще держался, но океан обратился в шахматную доску, на которой состязались шквалы.

— Мы будем там в час, — уверенно заявил капитан Давенпорт. — В крайнем случае — в два часа. Мак-Кой, ведите ее к первому же берегу, где есть люди.

Солнце больше не появлялось, и в час не было ни малейшего признака земли. Капитан Давенпорт смотрел за корму на кильватер изменившей направление шхуны.

— Боже милостивый! — воскликнул он. — Восточное течение! Посмотрите же!

Мистер Кониг не поверил. Мак-Кой был в нерешительности, хотя и сказал, что в Паумоту можно ждать и восточного течения. Через несколько минут шквал подхватил «Пиренеи» и повернул от ветра. С повисшими парусами тяжело закачалась она под боковыми ударами волн.

— Где лот? Ну-ка, живей, вы там! — капитан Давенпорт держал бечевку лота и заметил отклонение к северо-востоку. — Да взгляните же! Держите ее сами!

Мак-Кой и помощник попробовали и почувствовали натяжение и неистовое дрожание бечевки, увлекаемой стремительным течением.

— Скорость — четыре узла, — сказал мистер Кониг.

— Восточное течение вместо западного, — заметил капитан Давенпорт, бросая укоризненный, негодующий взгляд на Мак-Коя, как бы обвиняя его в этом.

— Это одно из оснований, капитан, почему в этих водах за страховку берут восемнадцать процентов, — живо ответил Мак-Кой.

— Вы никогда не можете быть уверены. Течения здесь постоянно меняются. Был тут человек, который писал книги, — забыл его имя, — на яхте «Каско». Он проплыл мимо Такароа, в тридцати милях от нее, и попал на Тикен, все благодаря перемене течений. Теперь вас отнесло в сторону, и вам лучше бы держать на пять румбов.

— Но насколько же это течение отнесло нас? — раздраженно спросил капитан. — Разве я могу теперь знать, насколько надо повернуть?

— Я не знаю, капитан, — очень вежливо сказал Мак-Кой.

Ветер изменил направление, и шхуна с дымящейся палубой, мерцавшей в ясном сером свете, поплыла прямо в подветренную сторону. Но затем ее отнесло назад, и, поворачивая то на правый, то на левый галс, пересекая зигзагами свой след, она расчесывала море перед островами Актеон, которых вахтенные, наблюдая с мачты, не заметили.

Капитан Давенпорт потерял всякое самообладание. Его ярость приняла форму мрачного молчания, и все послеполуденное время он провел, шагая по корме или стоя, прислонившись к мачте.

С наступлением ночи он, даже не посоветовавшись с Мак-Коем, повернул шхуну, направив ее к северо-западу. М-р Кониг, украдкой заглянув в карту и в нактоуз, и Мак-Кой, открыто и невинно исследовав компас, уже знали, что они плывут к острову Хао. В полночь шквалы прекратились и появились звезды. День обещал быть ясным, и капитан Давенпорт ободрился.

— Утром я произведу наблюдения, — говорил он Мак-Кою, — хотя на какой мы широте — загадка. Но я применю метод Семнера и определю это. Знакомы ли вы с его методом?

После этого он объяснял Мак-Кою метод Семнера во всех деталях. День оказался действительно ясным; пассат дул неизменно с востока, и шхуна так же неизменно забирала по девять узлов. Капитан и помощник определяли местоположение по методу Семнера; их вычисления совпали, в полдень они снова совпали, и они проверили утренние наблюдения полуденными.

— Еще двадцать четыре часа, и мы будем там, — уверял капитан Мак-Кой. — Это чудо, что палуба нашей старухи держится. Но это не может так продолжаться. Она не выдержит. Посмотрите на нее, она дымится с каждым днем все сильней. А ведь какая это была крепкая палуба; она не так давно проконопачена заново во Фриско. Я был ошеломлен, когда первый раз прорвался огонь, а мы задраили [1]... Посмотрите, что это!

Он резко оборвал и, с отвисшей челюстью, уставился на спираль дыма, которая, клубясь, вилась с подветренной стороны бизань-мачты, в двадцати футах от палубы.

— Но как же он пробрался туда? — спросил он возмущенно.

Внизу дыма не было. Прокрадываясь с палубы, защищенный от ветра мачтой, дым по какой-то прихоти уплотнялся и становился видимым только на этой высоте. Извиваясь, он пополз от мачты и на мгновение повис над головой капитана, точно какое-то угрожающее предзнаменование. В следующий момент ветер развеял его, и челюсть капитана Давенпорта водворилась на место.

— Как я уже говорил, когда мы в первый раз задраили, я был поражен. Такая крепкая палуба и все же пропускала дым, как решето. И с тех пор мы конопатили и конопатили ее. Давление внизу должно быть ужасным, коль выталкивается столько дыма.

После полудня небо опять стало пасмурным, задули ветры и заморосил дождь. Ветер менял направление; он несся

---

[1] Задраить — закрыть все отверстия.

то с юго-востока, то с северо-востока, а в полночь «Пиренеи» внезапно была подхвачена резким порывом с юго-запада, откуда ветер продолжал уже непрерывно дуть.

— Мы не будем на Хао раньше десяти или одиннадцати часов, — жаловался капитан Давенпорт в семь часов утра, когда мимолетная надежда, забрезжившая с появившимся солнцем, была сметена хмурыми облачными массами, надвинувшимися с востока. И в следующую минуту он жалобно спрашивал:

— Что с этими течениями?

Наблюдающие с верхушек мачт не могли ничего сообщить о земле, и день прошел в смене дождливых затиший и сильных шквалов. С наступлением ночи с запада начали набегать тяжелые бурные волны. Барометр упал до 29,50. Ветра не было, а зловещее волнение все усиливалось. Вскоре шхуна бешено качалась на чудовищных валах, нескончаемой процессией выступавших из мрака на западе. Паруса убрали с такой быстротой, какая только была возможна при дружных усилиях обеих вахт. Когда работа была закончена, из толпы утомленной команды стали доноситься ропот и жалобы; голоса в полной тьме звучали особенно угрожающе. Вызванная на корму вахта со штирборта, чтобы все принайтовить и укрепить, открыто выражая свое озлобление, с большой неохотой взялась за работу. В каждом медленном, вялом движении матросов была угроза. Воздух стал влажным и вязким, точно слизь; ветра не было; и матросы, прерывисто дыша, казалось, мучительно томились и задыхались. На лицах и на руках выступил пот. А капитан Давенпорт, с лицом, еще более осунувшимся и измученным, с глазами, помутневшими и остановившимися, был подавлен предчувствием неминуемой беды.

— Это все пройдет к западу, — сказал Мак-Кой, стараясь ободрить его. — В худшем случае мы будем задеты лишь краем циклона.

Но капитан Давенпорт не желал слушать утешений. При свете лампы он перечитывал главу в своем «Сокращенном курсе», разъясняющую правила поведения для командиров судна во время циклонов. Царившее молчание нарушалось заглушенным плачем юнги, доносившимся откуда-то с середины судна.

— Замолчать! — проревел неожиданно капитан с такой силой, что все на борту вздрогнули, а перепуганный виновник от страха разразился диким воплем.

— Мистер Кониг, — сказал капитан дрожавшим от ярости и раздражения голосом, — не будете ли вы добры пошевелиться и заткнуть глотку палубной шваброй этому мальчишке?

Но туда пошел Мак-Кой, и через несколько минут успокоенный мальчик заснул.

Незадолго до рассвета воздух заколебался от первых дуновений, появившихся с юго-востока; быстро крепли они и постепенно превращались в резкий бриз. Вся команда была на палубе в ожидании, что последует за этим.

— Теперь все благополучно, капитан, — сказал Мак-Кой, став рядом с ним. — Ураган идет к западу, а мы к югу от него. Этот бриз только отголосок. Он не будет усиливаться. Вы можете поднять паруса.

— Но какой толк в этом? Куда я буду держать? Это уже второй день без наблюдений; мы должны были увидеть остров Хао вчера утром. Какое взять направление: север, юг, восток? Ответьте мне, и я в один миг поставлю паруса.

— Я не моряк, капитан, — сказал Мак-Кой своим спокойным голосом.

— А я продолжал себя считать таковым, — был ответ, — пока не попал в Паумоту.

В полдень с наблюдательного поста раздался крик: «Буруны впереди!». Шхуна повернула в сторону, и все паруса один за другим были спущены и убраны. Она скользила по

волнам, борясь с течением, которое угрожало увлечь ее на буруны. Все работали как сумасшедшие, кок и юнга, сам капитан Давенпорт и Мак-Кой — все помогали. Еле-еле спаслись. Это была низкая отмель — мрачное, гибельное место, над которым непрерывно разбивались волны, — место, где ни один человек не мог жить и даже ни одна морская птица не осмеливалась там спуститься. «Пиренеи» приблизилась к ней на сто ярдов, прежде чем ветер отнес ее в сторону, и в этот момент измученная команда, закончив работу, разразилась потоком проклятий на голову Мак-Коя — Мак-Коя, который явился к ним, предложил плыть на Мангареву, обманом увлек их от безопасного острова Питкэрна на верную гибель в этом коварном, ужасном, необъятном море. Спокойная душа Мак-Коя оставалась невозмутимой. Он улыбался им с бесхитростной, ласковой благосклонностью, и благородство его и доброта, казалось, проникли в их омраченные, темные души, пристыдив их и успокоив. Смущенно замерли проклятия на их губах.

— Скверные воды! Скверные воды! — бормотал капитан Давенпорт, пока шхуна прорывалась, но внезапно он остановился, увидев отмель, которая должна была находиться прямо за кормой и оказалась уже с наветренной стороны «Пиреней», быстро приближаясь. Капитан сел и закрыл лицо руками. И старший помощник, и Мак-Кой, и вся команда увидели то, что видел он. Восточное течение, омывающее с юга эту отмель, влекло их на нее, а с севера от отмели такое же быстрое западное течение подхватило корабль и относило его дальше.

— Я слышал об этом Паумоту прежде, — простонал капитан, отнимая руки от побледневшего лица. — Капитан Мойендель рассказывал мне о нем после того, как потерял здесь свое судно. Я тогда втихомолку смеялся над ним. Прости мне, Боже, я смеялся над ним! Что это за отмель? — оборвал он, спросив Мак-Коя.

— Я не знаю, капитан.

— Почему же вы не знаете?

— Потому что я никогда ее прежде не видел и никогда о ней не слыхал. Я полагаю, ее и на карте нет. Эти воды никогда не были вполне исследованы.

— Значит, вы не знаете, где мы находимся?

— Не более, чем вы, — мягко ответил Мак-Кой.

В четыре часа пополудни вдали показались кокосовые пальмы, словно вырастая из воды. Немного позже над морем поднялась низменная поверхность какого-то атолла.

— Теперь я знаю, капитан, где мы. — Мак-Кой опустил бинокль. — Это остров Решения. Мы в сорока милях от острова Хао, и ветер встречный.

— Тогда ведите нас к этому берегу. Где здесь можно пристать?

— Пристать могут только каноэ. Но теперь, раз мы знаем, где находимся, — мы можем направиться к острову Барклай-де-Толли. Он всего лишь в ста двенадцати милях отсюда на норд-норд-вест. С этим ветром мы будем там завтра утром около девяти часов.

Капитан Давенпорт обследовал карту и стал размышлять.

— Если мы разобьем здесь шхуну, нам все равно придется в лодках плыть на Барклай-де-Толли, — прибавил Мак-Кой.

Капитан отдал распоряжения, и «Пиренеи» опять понеслась, бороздя негостеприимное море.

На следующий день в полдень на дымящейся палубе «Пиренеи» поднялся бунт. Течение усилилось, ветер ослабел, и «Пиренеи» отнесло к западу. Вахтенный заметил остров Барклай-де-Толли к востоку, едва различимый с мачты, и в продолжение целых часов шхуна тщетно пыталась приблизиться к нему. Все время, подобно миражу, высились на горизонте кокосовые пальмы, видимые только с верхушки мачты. С палубы их не видно было — скрывала выпуклость земного шара.

Снова капитан Давенпорт совещался с Мак-Коем и картой. Макемо лежит в семидесяти пяти милях к юго-западу.

Его лагуна — тридцать миль длины, и вход туда великолепный. Когда капитан отдал приказания, команда отказалась повиноваться. Они объявили, что уже достаточно с них плавания с этим огненным адом под ногами. Там была земля. Что ж с того, если шхуна не может к ней пристать? Они могут это сделать в лодках. Ну и пусть она сгорит! Их-то жизни ведь что-нибудь для них значат! Они верно служили шхуне, теперь они будут служить себе. Оттолкнув второго и третьего помощника, они бросились к лодкам и стали готовить их к спуску. Капитан Давенпорт и старший помощник с револьверами в руках приближались к юту, когда Мак-Кой, взобравшись на крышу каюты, начал говорить.

Он обращался к матросам, и при первом звуке его мягкого, кроткого, как воркование, голоса они остановились. Его неизреченная ясность и мир простирались к ним. Ласковый тон и простота мысли изливались на них магическим потоком и против их воли укрощали. Много давно забытых чувств пробудилось в них; некоторые вспомнили колыбельные песни детства, покой материнских объятий перед сном. Не было больше ни раздоров, ни опасностей, ни огорчений во всем мире. Все было, как должно было быть. И само собой разумелось, что они должны повернуться спиной к земле и снова пуститься в море, с адским пламенем под своими ногами.

Мак-Кой говорил просто, но неважно было, что он говорил. Вся его личность — его «я» — говорила гораздо красноречивее всех слов, какие он мог сказать. Это было загадочное влияние его души, проникающее до сокровенных глубин человеческого существа, — излучение духа, пленительного, ласково-смиренного и беспредельно могучего. Это был яркий свет, озаривший темные склепы их душ, — власть чистоты и кротости, значительно более сильная, чем та, какая таилась в блестящих смертоносных револьверах капитана и его помощника.

Матросы нерешительно переминались с ноги на ногу, не двигаясь с места. Но те, что отвязали лодки, снова их укрепили. Затем, по одному, по двое, начали смущенно расходиться.

Лицо Мак-Коя светилось детской радостью, когда он спускался с крыши каюты. Смута прекратилась. И в сущности никакой смуты он не предотвращал. Мятеж вовсе и не начинался, ибо в том благословенном мире, где он — Мак-Кой — обитал, ему не было места.

— Вы загипнотизировали их, — сказал ему мистер Кониг насмешливо и тихо.

— Это хорошие ребята, — последовал ответ. — У них добрые сердца. Они пережили тяжелое время, работали без устали и будут работать изо всех сил до конца.

У мистера Конига не было времени отвечать. Голос его гремел, когда он отдавал приказания; матросы бросились исполнять их, и шхуна медленно поворачивалась от ветра, пока ее нос не устремился в сторону Макемо.

Ветер был совсем слабый и после захода солнца почти прекратился. Стояла невыносимая жара, люди на носу и на корме тщетно пытались заснуть. Палуба была слишком горячей, чтобы лежать на ней, и ядовитые пары, проникая сквозь пазы, ползли точно злые духи и, подкрадываясь в ноздри и горло неосторожных, вызывали припадки кашля и чиханья. Звезды лениво мерцали на темном небосклоне, и полная луна, поднявшись с востока, осветила мириады клубков, волокон и паутинных пленок дыма, которые сплетались, извивались и кружились вдоль палубы, над бортами и вверху — вокруг мачт и вантов.

— Расскажите мне, — сказал капитан Давенпорт, протирая свои болевшие глаза, — что случилось с экипажем «Боунти», после того как он достиг Питкэрна. В отчете я читал, что они сожгли «Боунти» и что их разыскали только через несколько лет. Что же происходило за это время? Мне всегда хотелось это узнать. Это были люди с петлей на шее. Там

находились также несколько туземцев. Были и женщины, что с самого начала предсказывало несчастье.

— Да, несчастье произошло, — ответил Мак-Кой. — Это были скверные люди. Они ссорились из-за женщин. Один из мятежников, Вилльямс, потерял жену. Все женщины были таитянки. Его жена, охотясь за морскими птицами, упала со скалы. Тогда он отнял жену у одного из туземцев. Все туземцы были возмущены этим и убили почти всех мятежников. Оставшиеся перебили туземцев. Женщины помогали. Туземцы убивали друг друга. Все убивали. Это были ужасные люди. Тимити был убит двумя туземцами в то время, когда они расчесывали его волосы в знак дружбы. Белые их подослали, а после этого сами же их умертвили. Туллалу был убит своей женой. Она хотела белого мужа. Они очень злые. Бог отвратил от них свое лицо. К концу второго года все туземцы были перебиты; погибли и все белые, кроме четырех: Юнга, Джона Адамса, Мак-Коя — моего прадеда и Квинталя. Последний был тоже очень дурным человеком. Однажды его жена поймала для него слишком мало рыбы, и он откусил ей ухо.

— Это был отвратительный сброд, — воскликнул мистер Кониг.

— Да, они были очень скверные, — подтвердил Мак-Кой и продолжал дальше мягко и невозмутимо рассказывать о крови и похотливости своих преступных предков. — Мой прадед избежал убийства, чтобы умереть от собственной руки. Он сделал перегонный куб и приготовил алкоголь из кореньев одного растения. Квинталь ему помогал, и они вместе все время напивались. Под конец Мак-Кой заболел белой горячкой, привязал себе на шею камень и прыгнул в море.

— Жена Квинталя, которой муж откусил ухо, тоже погибла, упав со скалы. Тогда Квинталь явился к Юнгу и потребовал его жену, а потом пришел к Адамсу. Адамс и Юнг боялись Квинталя. Они знали, что он убьет их. И они убили его топором. Затем умер Юнг. И кончились все раздоры.

— Ну, конечно же, — усмехнулся капитан Давенпорт. — Ведь больше некого было убивать.

— Вы видите, Бог скрыл от них свой лик, — сказал Мак-Кой.

Утром ветра не было — лишь совсем слабое дуновение с востока, и капитан Давенпорт натянул все паруса и повернул на левый галс. Он боялся этого ужасного западного течения, которое уже столько раз издевалось над ним, лишая его убежища. Весь день и всю ночь было спокойно. Матросы, получив уменьшенную порцию бананов, недовольно ворчали. Они ослабели и жаловались на боли в желудке, вызванные банановой диетой. Весь день течение относило «Пиренеи» к западу; не было ветра, чтобы направить шхуну к югу. В первую ночную вахту на юге показались кокосовые пальмы; их пышные верхушки поднимались над водой: несомненно, здесь был низменный атолл.

— Это остров Таэнга, — объявил Мак-Кой. — Сегодня ночью нам необходим бриз, иначе мы пропустим Макемо.

— Что случилось с юго-восточным пассатом? — спросил капитан. — Почему его нет? В чем дело?

— Это из-за испарений с больших лагун, их ведь так много, — объяснял Мак-Кой. — Испарения расстраивают всю систему пассатов. Они могут даже повернуть ветер в обратную сторону и пригнать штормы с юго-запада. Это опасный архипелаг, капитан.

Капитан Давенпорт смотрел на старика и готов был выругаться, но сдержался.

Присутствие Мак-Коя словно душило проклятия, шевелившиеся в его мозгу и клокочущие в горле. Влияние Мак-Коя очень возросло за все эти дни, а их насчитывалось немало, пока они были вместе. Капитан Давенпорт в море считал себя неограниченным властелином, он никого не боялся и никогда не пытался обуздывать свой язык, а сейчас почувствовал, что не в состоянии выругаться в при-

сутствии этого удивительного старика с женственными карими глазами и кротким голосом.

Осознав это, он был страшно поражен. Ведь старик-то был всего-навсего потомок Мак-Коя — Мак-Коя, мятежника с «Боунти», бежавшего от петли, которая ждала его в Англии, — Мак-Коя, бывшего воплощением зла в те далекие времена крови и разврата и погибшего такой ужасной смертью на острове Питкэрн.

Капитан Давенпорт не был религиозен, но в это мгновение он почувствовал безумное желание броситься к ногам другого и сказать ему, — а что — он не знал. Это было чувство более властное, чем мысль. Странное сознание собственного ничтожества владело им в присутствии этого человека, простодушного, как ребенок, ласкового, как женщина.

Но, конечно, так унизить себя на глазах помощников и команды он не может. И все-таки гнев, порождавший проклятия, еще бушевал в нем. Внезапно он ударил стиснутым кулаком по крыше каюты и закричал:

— Послушайте, старик, я не хочу сдаваться. Это Паумоту дурачит и издевается надо мной и доводит меня до сумасшествия. Я отказываюсь сдаться. Я намерен гнать дальше эту шхуну и буду плыть и плыть через Паумоту до Китая, но найду, где пристать. Если все ее покинут, я останусь один. Я покажу этому Паумоту. Оно не посмеет меня дурачить. Шхуна — хорошая старуха, и я буду бороться за нее до тех пор, пока останется хоть одна доска, на которой можно стоять. Вы слушаете меня?

— И я останусь с вами, капитан, — сказал Мак-Кой.

Ночью с юга подул слабый ветер, и раздраженный капитан, со своим грузом огня, следя за отклонением к западу и выпрямляя курс, временами терял терпение и ругался вполголоса, чтобы не услышал Мак-Кой.

Дневной свет позволил различить пальмы, поднявшиеся из воды на юге.

— Это подветренная часть Макемо, — сказал Мак-Кой. — Немного дальше к западу находится Катиу. Там мы можем пристать.

Но течение между двумя островами — особенно сильное — увлекло их к северо-западу. И в час дня они увидели вставшие над водой пальмы Катиу, которые вскоре вновь исчезнут.

Немного позже, в тот момент, когда капитан заметил новое течение с северо-востока, подхватившее «Пиренеи», вахтенные с мачт объявили о кокосовых пальмах на северо-западе.

— Это — Рарака, — сказал Мак-Кой. — До нее мы не доберемся без ветра. Течение уносит нас к юго-западу. Но надо следить. Несколькими милями дальше течение отклоняется к северу и делает петлю по направлению к северо-западу. Оно нас отнесет от Факаравы, а у Факаравы мы как раз можем пристать.

— Ну и пусть относит ко всем чертям! — вспылил капитан. — Все равно мы еще найдем, где пристать.

Но положение на «Пиренеях» становилось критическим. Палуба была настолько горяча, что, казалось, еще на несколько градусов больше — и она воспламенится. В некоторых местах даже толстые подошвы башмаков не защищали, и опасение обжечь ноги вынуждало матросов ускорять шаги. Дым усилился и стал более едким. Глаза у всех воспалились, все кашляли и задыхались, словно больные туберкулезом. После полудня лодки отвязали и снабдили всем необходимым. В них уложили несколько оставшихся связок сушеных бананов, а также инструменты помощников. Капитан Давенпорт положил в баркас даже хронометр, опасаясь, что палуба может вот-вот вспыхнуть.

Этот страх угнетал их всю ночь, и на рассвете они смотрели друг на друга, как бы удивляясь, что «Пиренеи» еще держится и они все еще живы; глаза их запали, а серые лица были страшно измучены.

Торопливо, иногда бессознательно ускоряя шаги, капитан, забыв о своем достоинстве, почти бегом осматривал палубу судна.

— Теперь вопрос нескольких часов, если не минут, — объявил он, вернувшись на корму.

Крик: «Земля!» донесся с мачты. С палубы земли не было видно, и Мак-Кой поднялся наверх, а капитан воспользовался удобным случаем, чтобы облегчить себе душу, хорошенько выругавшись. Но проклятия его внезапно замерли, когда он увидел на воде в направлении к северо-востоку темную линию. Это был не шквал, а бриз — прерванный пассат, отклонившийся на восемь румбов своего пути и теперь снова принявшийся за дело.

— Держите прямо, капитан, — сказал Мак-Кой, едва успев добежать до кормы. — Это восточный берег Фаварав, мы войдем в пролив с поднятыми парусами, полным ходом, и ветер будет с борта.

Через час кокосовые пальмы и земля были видны с палубы. Чувство, что конец «Пиренеи» близок, угнетало каждого. Капитан Давенпорт приказал опустить три лодки и велел их подтянуть к корме; в каждой поместился матрос, чтобы отталкивать ее от бортов. Совсем близко, на расстоянии не более двух кабельтов, шхуна обогнула берег атолла, очерченный пенной линией прилива.

— Приготовьтесь, капитан, повернуть через фордевинд, — предупредил Мак-Кой.

Минутой позже земля словно расступилась, открывая узкий пролив в огромную зеркальную лагуну, длиной в тридцать и шириной в десять миль.

— Пора, капитан!

В последний раз обошли вокруг мачт рея, когда шхуна послушно направилась в пролив. Едва поворот был сделан, даже не сложив еще в бухту веревок, помощники и команда в паническом ужасе бросились на корму. Еще ничего не произошло, но все были уверены, что вот-вот несчастье

разразится. Мак-Кой хотел пройти вперед на свое место на носу, чтобы вести судно, но капитан схватил его за руку и оттащил.

— Сделайте это отсюда, — сказал он. — Палуба не безопасна... В чем дело? — спросил он. — Мы совсем не двигаемся!

Мак-Кой улыбнулся.

— Вам мешает течение, капитан. Со скоростью семи узлов несется морской отлив из этого пролива.

К концу следующего часа шхуна продвинулась только на расстояние, равное ее длине. Но ветер стал свежее, и она прорвалась вперед.

— Часть людей пусть садится в лодки! — скомандовал капитан.

Еще голос его звучал, и матросы только-только принялись усаживаться, как середина палубы в огне и в дыму взлетела вверх, часть ее застряла в парусах и такелаже, а остальное рухнуло в море. Ветер был с борта, и это спасло сжавшихся на корме людей. Сплошным потоком ринулись они к лодкам, но голос Мак-Коя, полный незыблемого спокойствия, убеждал их, что времени хватит, и они остановились.

— Не спешите, — говорил он. — Нужен порядок. Спустите этого мальчика в лодку, пожалуйста.

Рулевой, потерявший голову от ужаса, бросил штурвал, и капитан подоспел как раз вовремя, чтобы схватить спицы колеса и помешать течению подхватить судно и ударить о берег.

— Лучше бы вы позаботились о лодках, — сказал он мистеру Конигу. — Подтяните одну ближе, вплотную к корме! В самый последний момент я прыгну в нее.

Мистер Кониг колебался, но затем шагнул за борт и спустился в лодку.

— Держите ее на полрумба, капитан!

Капитан вздрогнул. Он полагал, что остался один на шхуне.

— Да, да, есть полрумба, — ответил он.

Посередине «Пиренеи» зияло пылающее горнило, откуда вырывались необъятные клубы дыма и, поднимаясь к мачтам, совершенно скрывали переднюю часть корабля. Мак-Кой, под защитой бизань-вантов, продолжал свою тяжелую работу и вел шхуну по извилистому проливу. Огонь распространялся по палубе от места взрыва к корме. Развевающиеся вверху на грот-мачте паруса исчезли в пламени. Передних парусов они не могли видеть, но знали, что те еще держатся.

— Только бы огонь не охватил всех парусов, прежде чем она войдет в лагуну, — простонал капитан.

— Она успеет войти, — уверенно заявил Мак-Кой. — Времени еще много. Она должна войти. А в лагуне мы повернем ее; дым от нас отнесет, и огонь не достигнет кормы.

Язык пламени взвился к бизань-мачте, жадно потянулся к нижнему ярусу парусов и, не добравшись до них, исчез. Сверху горящий обрывок веревки упал прямо на голову капитана Давенпорта. Он с необычайной поспешностью, как человек, ужаленный пчелой, взмахнул рукой и сбросил горящий обрывок.

— Какое направление, капитан?

— Норд-вест-вест.

— Держите ее вест-норд-вест.

Капитан повернул руль и установил его.

— Вест-норд, капитан.

— Есть вест-норд.

— Теперь вест.

Медленно, румб за румбом, войдя в лагуну, шхуна описала круг и стала под ветер; и румб за румбом, со спокойной уверенностью, как будто в их распоряжении была еще тысяча лет, Мак-Кой нараспев оглашал изменения курса.

— Еще румб, капитан.

— Есть румб.

Капитан Давенпорт на несколько спиц повернул штурвал, затем быстро оттянул назад, тормозя шхуну.

— Так держать!

— Есть.

Несмотря на ветер, который дул теперь с кормы, жара была невыносимая, и капитан Давенпорт мог только искоса бросать взгляды на пактоуэ. Он вынужден был отнимать от штурвала то одну, то другую руку, чтобы потереть и заслонить свои щеки, покрытые волдырями. Борода Мак-Коя ерошилась и топорщилась, и запах горелых волос заставил капитана Давенпорта с тревогой посмотреть на него. Руки капитана сверху покрылись волдырями, и, поочередно оставляя штурвал, он освежал их, прикладывая к брюкам. Паруса бизань-мачты исчезали один за другим под натиском огня, принуждая двух людей съеживаться и закрывать лицо.

— Теперь, — сказал Мак-Кой, осторожно бросив взгляд вперед на нижний берег, — четыре румба, и пусть она плывет!

Обрывки и клочья пылающих веревок и парусов, задевая их, падали вокруг. Смолистый дым от горящего куска веревки у ног капитана вызвал жестокий приступ кашля, но штурвала капитан все же не выпустил.

Шхуна внезапно ударилась, нос ее поднялся, и она едва не остановилась. Град горящих обломков, упавших от толчка, посыпался на них. Шхуна снова двинулась и вторично ударилась. Своим килем она раздробила хрупкий коралл, пошла дальше и ударилась в третий раз.

— Держите прямо, — сказал Мак-Кой. — Пробрались? — мягко спросил он минутой позже.

— Она не слушается руля, — был ответ.

— Ну, хорошо. Она сворачивает. — Мак-Кой посмотрел за борт. — Мягкий белый песок. Лучшего нельзя и требовать. Великолепное ложе!

Когда шхуна сделала поворот от ветра, столб дыма и пламени вырвался на юте. Капитан Давенпорт выпустил штурвал из-за нестерпимой боли от ожогов. Он добрался до фалиня лодки, стоявшей внизу, затем остановился, высмат-

ривая Мак-Коя, который держался в стороне, чтобы дать ему спуститься.

— Вы — первый, — крикнул капитан, хватая его за плечо и почти перебрасывая через борт.

Пламя и дым были нестерпимы, и он поспешил сейчас же за Мак-Коем. Оба они, обхватив веревку, вместе соскользнули в лодку. Матрос на носу, не ожидая приказаний, перерезал фалинь ножом. Весла, лежавшие наготове, ударили по воде, и лодка помчалась.

— Прекрасное ложе, капитан, — бормотал Мак-Кой, оглядываясь назад.

— Да, прекрасное ложе и все благодаря вам, — был ответ.

Три лодки неслись к белому коралловому берегу. За ним, на краю кокосовой рощи, виднелось несколько покрытых травой хижин, и десятка два возбужденных туземцев широко открытыми глазами взирали на пылающее судно, подплывшее к их земле.

Лодки причалили, и они сошли на белый берег.

— А теперь, — сказал Мак-Кой, — я должен подумать о возвращении на Питкэрн.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ РЫБАЧЬЕГО ПАТРУЛЯ

БЕЛЫЕ И ЖЕЛТЫЕ

Залив Сан-Франциско настолько велик, что нередко во время штормов бывает опаснее для океанских судов, чем сам океан в минуты своего гнева. В водах залива водится множество всякой рыбы, и поверхность его постоянно бороздят кили всевозможных рыбачьих лодок, которыми управляют рыбаки самых разных национальностей. Чтобы охранять рыбу от этого пестрого рыбачьего населения, было издано немало мудрых законов и существует специальный рыбачий патруль, в обязанности которого входит их соблюдение. Временами рыбачьему патрулю приходится трудно: в истории его насчитывается не один убитый дозорный и не одно поражение, но память о множестве погибших при незаконной ловле рыбаков свидетельствует и об одержанных им победах.

Самыми отчаянными среди рыбаков считаются китайцы, занимающиеся ловлей креветок. Креветки обычно ползут по дну огромными стаями, направляясь к пресной воде, и, добравшись до нее, снова поворачивают обратно в море. Во время приливов и отливов китайцы опускают на дно большие сети, креветки заползают в их зияющие пасти и оттуда отправляются уже непосредственно в кипящие котлы. В этом не было бы ничего худого, если бы петли сетей не оплетались настолько густо, что самая крошечная рыбешка, только-только народившаяся на свет и не имеющая даже дюйма в длину, не в состоянии пройти сквозь них. Прелестные берега мыса Педро и Пабло, где расположены поселки рыбаков, занимающихся ловлей креветок, сделались просто отвратительными от зловония, издаваемого мириадами разлагающихся рыб. И вот в обязанности

рыбачьего патруля входит и борьба с этой хищнической ловлей.

В шестнадцать лет я прекрасно умел управлять парусной лодкой и знал воды залива, как свои пять пальцев. Поэтому Рыболовная комиссия завербовала мой шлюп «Северный Олень», и я сделался на время помощником патрульного. Для начала нам пришлось немало поработать среди греческих рыбаков в Верхней бухте и реках, где с места в карьер пускались в ход ножи и люди давали арестовывать себя только под угрозой револьверных дул. Поэтому мы с восторгом встретили приказание отправиться в Нижнюю бухту, где китайцы занимались ловлей креветок.

Нас было шестеро в двух лодках. Чтобы не вызвать подозрений, мы вышли, когда стемнело, и бросили якорь у выступа скалы, известной как мыс Пинола. Когда восток побледнел при первых проблесках зари, мы снова пустились в путь и, круто держась берегового ветра, стали пересекать бухту вкось по направлению к мысу Педро. Утренний туман клубился и стлался по воде, закрывая от нас все окружающее. Мы начали отогреваться горячим кофе, после которого нам предстояло прескучное занятие — выкачивать из шлюпа воду, ибо «Северный Олень» каким-то непостижимым образом дал изрядную течь. Полночи ушло на перекладывание балласта и исследование швов, но весь наш труд пропал даром. Вода продолжала проникать в лодку, и мы, согнувшись вдвое в кубрике, едва успевали выкачивать ее.

После кофе трое из нас перешли на другую лодку — это была лодка с реки Колумбия для ловли лососей, — оставив нас троих на «Северном Олене». Оба судна шли вместе, пока солнце не показалось над горизонтом. Его горячие лучи рассеяли завесу тумана, и мы увидели перед собой, точно на картине, всю флотилию ловцов креветок, растянувшихся большим полумесяцем, между рожками которого было добрых три мили. Каждая джонка была привязана к буйку,

обозначавшему место, где заброшена сеть для креветок. Не было заметно никакого движения, все словно замерло.

Мы тотчас сообразили, в чем дело. Очевидно, китайцы в ожидании отлива, когда удобнее всего поднимать со дна тяжелые сети, улеглись спать в кубриках. Это обстоятельство было нам как нельзя более на руку, и мы быстро выработали план действий.

— Пусть каждый из ваших двух подручных бросится на какую-либо джонку, — прошептал Легрант со своего лососного судна. — А вы сами поскорее ловите третью. Мы сделаем то же самое и таким образом наверняка захватим по крайней мере шесть джонок.

Затем мы разделились. Я перевел «Северного Оленя» на другой галс, прошел с подветренной стороны мимо одной из джонок, взял к ветру грота шкот и обогнул корму джонки так медленно и на таком близком расстоянии, что один из патрульных легко перешагнул через ее борт. Тогда я отвел лодку, снова наполнил грот и направился ко второй джонке.

До сих пор тишина была полная, но в этот момент на первой джонке, которую захватило судно Легранта, поднялся шум. Послышались пронзительные восточные завывания, затем револьверный выстрел и вслед за ним еще худший вой.

— Ну, теперь пиши пропало. Они подняли тревогу, — сказал Джордж, второй патрульный, стоявший рядом со мной на крыше кубрика.

В это время мы находились как раз посредине флотилии и тревога распространялась с невероятной быстротой. Палубы джонок покрылись заспанными полуголыми китайцами. Тревожные крики и вопли ярости понеслись над спокойной гладью воды, где-то громко затрубили в морскую раковину. Я увидел, как направо от нас капитан джонки перерубил пополам якорный канат и бросился помогать своей команде, поднимавшей огромный, грубый люгерный парус. Но налево, на другой джонке, головы только еще

начинали просовываться снизу, поэтому я повернул «Северного Оленя» и подошел к ней почти вплотную, так что Джордж без труда вскочил на палубу.

Теперь весь флот уже оказался в движении. В придачу к парусам китайцы извлекли длинные весла, и разбегающиеся джонки разрезали воды бухты по всем направлениям. Я остался один на «Северном Олене» и лихорадочно высматривал для себя третью джонку. Первая попытка захватить одну из них кончилась полной неудачей, потому что намеченная мной джонка распустила свои паруса и с невероятной быстротой устремилась против ветра. Она шла на целых полрумба круче «Северного Оленя», и я невольно почувствовал уважение к этому неуклюжему судну.

Сознавая, что преследование бесполезно, я отошел, ослабил грота-шкот и сдрейфовал на фордевинд; таким образом, джонки оказались ниже меня по отношению к ветру и, следовательно, в менее выгодном положении.

Джонка, которую я наметил, нерешительно покачивалась впереди «Северного Оленя», но, когда я сделал широкий поворот, чтобы удобнее взять ее на абордаж, паруса ее внезапно надулись, и она метнулась в сторону, а смуглые матросы на ее борту согнулись над веслами, ритмически издавая дикие крики. Но я был готов к этому. Я сразу пошел к ветру, положил руль на борт и, навалившись на него всем телом, стал постепенно отдавать на ходу грот, чтобы по возможности ослабить силу удара. Два весла на правом борту джонки были немедленно смяты, и вслед затем обе лодки с треском столкнулись. Бушприт «Северного Оленя», точно чудовищная лапа, дотянулся до грубо сколоченной мачты джонки и разнес в куски и ее, и большой парус.

Это вызвало взрыв яростных криков. Огромный китаец, отвратительный и жуткий, с изуродованным оспой лицом и желтым шелковым платком на голове, уперся шестом в нос «Северного Оленя» и начал расталкивать сцепившиеся суда. Я отдал кливер, подождал, пока «Северного Оленя» отнесло

к корме, выскочил на борт джонки с концом в руке и ошвартовался. Рябой китаец, повязанный желтым платком, с угрожающим видом приблизился ко мне, но я опустил руку в задний карман брюк, и он остановился в нерешительности. Я был безоружен, но горький опыт научил китайцев относиться с должным почтением к задним карманам американцев, а я только на это и рассчитывал, чтобы удержать его и всю разъяренную команду на приличном расстоянии.

Я приказал ему бросить якорь у носа джонки, на что он ответил «Не понимай». Команда тоже заявила, что не понимает, и хотя я совершенно ясно объяснял им знаками, чего я от них требую, они упорно не желали ничего понимать. Убедившись, что настаивать бесполезно, я сам пошел вперед, освободил канат и отдал якорь.

— Ну, теперь пусть четверо из вас перейдут в мою лодку, — громко сказал я, показывая на пальцах, что четверо из них должны отправиться со мной, а пятый остаться на джонке. Желтый Платок колебался, но я строго повторил приказание (вложив в него гораздо больше свирепости, чем сам чувствовал в эту минуту) и опять поднес свою руку к заднему карману. Желтый Платок тотчас же исполнился благоговения и, бросая исподлобья мрачные взгляды, перешел с тремя китайцами на борт «Северного Оленя». Я быстро отдал перлинь и, оставив кливер спущенным, направил судно к той джонке, на которой находился Джордж. Вдвоем мы могли легче справиться, да к тому же у Джорджа был при себе револьвер, который очень пригодился бы нам в случае, если бы дело приняло худой оборот. С этой джонки мы также перевели четырех китайцев на «Северного Оленя», а одного оставили на месте.

С третьей джонки у нас прибавилось еще четверо пассажиров. За это время лодка Легранта успела набрать целую дюжину пленных и подошла к нам, порядком перегруженная.

Неудобство заключалось в том, что судно было очень невелико, и патрульные, тесно сжатые между своими плен-

никами, оказались бы в случае столкновения в слишком невыгодном положении.

— Придется вам выручить нас, — сказал Легрант.

Я посмотрел на своих пленных, которые толпились в кубрике и на рубке.

— Могу взять троих, — ответил я.

— Возьмите лучше четверых, — предложил он, — а я заберу к себе Билля (Билль был третий патрульный). — Мы здесь точно сельди в бочке; а на случай потасовки один белый на двух желтых самая настоящая пропорция.

Обмен был произведен, и лодка Легранта, подняв свой шпрюйтовый парус, направилась вниз по заливу к болотам, окружающим Сан-Рафаэль.

Я наставил кливер и последовал за ними на «Северном Олене». Сан-Рафаэль, где мы должны были передать властям наших пленников, сообщается с бухтой через длинную, извилистую болотистую речку, судоходную лишь во время прилива. Теперь же как раз начинался отлив и нам необходимо было торопиться, чтобы не потерять полдня в ожидании следующего прилива.

Но береговой ветер с восходом солнца стал спадать и налетал теперь лишь слабыми порывами. Судно Легранта перешло на весла и скоро оставило нас далеко позади себя. Несколько китайцев толпились в передней части кубрика, близ трапа, и когда я нагнулся через борт, чтобы слегка выбрать кливер-шкот, кто-то дотронулся до моего кармана. Я сделал вид, будто ничего не заметил, но, взглянув мельком на Желтый Платок, понял, что хитрый китаец успел убедиться в пустоте того самого кармана, который держал его до сих пор в почтительном страхе. Положение становилось тем более серьезным, что за время погони за джонками на «Северном Олене» набралось много воды, которая начинала теперь заливать уже пол кубрика. Китайцы указали на прибывающую воду и вопросительно взглянули на меня.

— Да, — сказал я. — Много-много вода. Наша скоро-скоро потонут, если ваша не будет черпать. Понимай?

Нет, они не «понимай». По крайней мере они все отрицательно покачали головами, хотя тут же начали весьма оживленно переговариваться на своем языке. Я приподнял несколько палубных досок, достал из-под них пару ведер и стал знаками приглашать своих пленников приняться за работу. Но они только засмеялись в ответ, причем одни забрались в кубрик, а другие влезли в рубку.

Их смех не предвещал ничего хорошего. В нем чувствовались угроза и озлобление, которые отражались в их мрачных взглядах. Желтый Платок, обнаружив, что мой карман пуст, стал вести себя очень дерзко и беспрестанно шнырял среди других пленников, страстно убеждая их в чем-то.

Сдерживая раздражение, я спустился в кубрик и начал вычерпывать воду. Но не успел я взяться за дело, как бугель перенесся на другую сторону, парус вдруг наполнился, и «Северный Олень» сильно накренился. Поднялся дневной ветер. Джордж был отъявленный пресноводный моряк, так что мне пришлось бросить вычерпывание и взяться вместо этого за руль. Ветер дул прямо с мыса Педро и с высоких гор, лежавших за ним, он налетал на нас неровными порывами, от которых паруса то выпячивались, то лениво полоскались.

Кроме того, Джордж был самый беспомощный и неумелый человек, какого мне когда-либо приходилось видеть. Не говоря уже о природной неуклюжести и непригодности, он был чахоточный, и я знал, что если он возьмется за вычерпывание, то это еще, чего доброго, вызовет у него кровохарканье. Однако вода все прибывала и положение становилось критическим. Я снова приказал китайцам взяться за ведра. Но они только вызывающе рассмеялись в ответ на мое приказание. Те из них, кто сидел в каюте по щиколотку в воде, оживленно переговаривались со своими товарищами, стоявшими на рубке.

— Вы бы лучше взяли свое ружье да заставили бы их выкачивать, — сказал я Джорджу. Но он отрицательно покачал головой, ясно показывая всем своим видом, что боится. Китайцы понимали это так же хорошо, как и я, и их наглость становилась просто невыносимой. Сидевшие в каюте взломали ящики, где хранилась провизия; к ним присоединились стоявшие на рубке, и все вместе они устроили пир из наших сухарей и консервов.

— Пусть их, не все ли равно, — сказал Джордж слабым голосом.

Я дрожал от бессильного гнева.

— Если мы сейчас же не приберем их к рукам, то потом будет поздно. Нужно во что бы то ни стало припугнуть этих негодяев.

Вода поднималась все выше и выше, а порывы ветра, предвещавшие устойчивый бриз, усиливались с минуты на минуту. В промежутках между этими порывами пленники, успевшие к тому времени уничтожить дочиста наши недельные запасы, собирались толпой то на одном, то на другом борту, так что «Северный Олень» качался, точно скорлупа. Желтый Платок подошел ко мне и, указывая пальцем на свою деревушку, видневшуюся на берегу у мыса Педро, дал мне понять, что если я поверну «Северного Оленя» в этом направлении, чтобы высадить их на берег, то они начнут вычерпывать воду. Теперь вода в каюте доходила до самых коек, и постели были уже подмочены. В кубрике же она поднималась на целый фут от пола. Тем не менее я отказал и прочел на лице Джорджа глубокое разочарование.

— Если вы не наберетесь храбрости, они скрутят нас и вышвырнут за борт, — сказал я ему. — Дайте-ка мне ваш револьвер, если хотите уцелеть.

— Лучше бы, — трусливо пробормотал он, — высадить их на берег. Я по крайней мере совсем не желаю потонуть из-за горсти каких-то грязных китайцев.

— А я так не желаю сдаваться этой горсти грязных китайцев из страха потонуть, — горячо возразил я.

— А поэтому вы готовы пустить ко дну «Северного Оленя» и всех нас, — захныкал он, — не понимаю, что в этом хорошего.

— У каждого свой вкус, — сказал я.

Джордж ничего не ответил, и я увидел, что он весь дрожит. Он был вне себя от страха и одинаково боялся угрожающих китайцев и поднимающейся воды. А я больше воды и китайцев боялся, как бы он под влиянием страха не натворил какой-нибудь беды. Я заметил, что он бросает тоскливые взгляды на маленький ялик, шедший у нас на буксире за кормой. Как только ветер немного затих, я притянул ялик к борту. Глаза Джорджа загорелись надеждой, но прежде чем он успел угадать мое намерение, я прорубил топором хрупкое дно, и ялик наполнился водой до самого борта.

— Умирать, так вместе, — сказал я, — и если вы дадите мне свой револьвер, то вода будет выкачана в два счета.

— Их слишком много, — захныкал он, — нам ни за что не справиться с такой оравой.

Я с презрением повернулся к нему спиной. Лодка Легранта давно уже скрылась из виду за маленьким архипелагом, называемым Морские Острова, так что с этой стороны нельзя было ожидать никакой помощи. Желтый Платок развязно подошел ко мне, шлепая ногами по воде, покрывавшей пол кубрика. Мне не понравилось выражение его лица. Я отчетливо ощущал, что за угодливой улыбкой, которую он старался изобразить на своей отталкивающей физиономии, таится злая мысль. Я так резко приказал ему отойти, что он тотчас же повиновался.

— Эй ты, держись подальше! — скомандовал я. — И не сметь подходить ко мне!

— Почему такой? — спросил он с оскорбленным видом. — Мой говорила много-много хороший вещи.

— Не надо говорила много-много, — резко ответил я, ибо для меня было ясно теперь, что он понял весь наш разговор с Джорджем. — Зачем говорила? Твой не умела говорить.

Он язвительно усмехнулся:

— Мой много-много знает. Мой честный китаец.

— Ладно, — ответил я. — Пусть твой сначала выливает много-много вода. Потом будем много-много говорить.

Он покачал головой, указывая через плечо на своих товарищей.

— Не можно делать. Много-много плохой китайцы, много-много злой. Мой думать...

— Назад! — крикнул я, заметив, что рука его исчезла под блузой, а тело напряглось для прыжка.

Он разочарованно отступил и вернулся обратно в каюту. Судя по гаму, который тотчас же донесся оттуда, Желтый Платок, очевидно, держал совет со своими товарищами. «Северный Олень» глубоко сидел в воде и едва подвигался вперед. При сильном волнении он несомненно пошел бы ко дну, но ветер дул с берега и был настолько слаб, что едва морщил поверхность залива.

— Я думаю, что вам следовало бы направить судно к берегу, — сказал вдруг Джордж, и я тотчас же понял по его тону, что страх заставил его принять какое-то решение.

— А я этого не думаю, — ответил я лаконично.

— Я вам приказываю, — сказал он вызывающе.

— Мне приказано доставить этих пленных в Сан-Рафаэль, — возразил я.

Мы оба повысили голоса, и китайцы, заслышав спор, тотчас повылезали из каюты.

— Ну, а теперь направитесь ли вы, наконец, к берегу? — Это произнес Джордж, и я увидел перед собой дуло его револьвера. У него хватило мужества направить его на меня, в то время как трусость мешала ему пригрозить этим же револьвером пленникам.

Мой мозг пылал. Я ясно представил себе вдруг весь ужас создавшегося положения — стыд потерять пленников, трусость и низость Джорджа, встречу с Легрантом и другими патрульными и жалкие объяснения, которые мы сможем привести в свое оправдание. Затем я вспомнил, с каким трудом досталась мне победа, и вот теперь, когда она, казалось, была уже в руках, добыча вдруг ускользала от меня. Уголком глаза я видел, что китайцы столпились у дверей каюты и торжествующе подмигивают друг другу. Так нет же, не бывать этому!

Я быстро поднял руку и опустил голову. Первым движением я поддал вверх дуло револьвера, а вторым отклонил голову от пули, которая со свистом пролетела мимо. Одной рукой я схватил руку Джорджа, а другой револьвер. Желтый Платок и его шайка кинулись ко мне. Теперь или никогда! Напрягши все силы, я неожиданно толкнул Джорджа им навстречу. Затем я так же быстро отскочил назад, вырвал револьвер из его пальцев и сбил его с ног. Он упал под ноги Желтому Платку; тот споткнулся, и оба они скатились в зияющий люк в палубном полу, с которого была снята крышка. Не теряя времени, я направил на них свой револьвер, и дикие китайские рыбаки тотчас же стали приседать и отвешивать мне поклоны.

Но я быстро убедился, что стрелять по врагам, которые нападают, и по людям, которые просто отказываются повиноваться, далеко не одно и то же. Китайцы же по-прежнему упорно отказывались выполнить приказание, даже когда я с револьвером в руке потребовал, чтобы они спустились вниз. Они не обращали внимания на мои угрозы и упорно продолжали сидеть в затопленной каюте и на рубке, не проявляя никакого желания сдвинуться с места.

Прошло пятнадцать минут; «Северный Олень» погружался все глубже и глубже, а грот его лениво висел в полном штиле. Но возле мыса Педро я заметил на воде темную полосу, которая быстро приближалась к нам. Это был устойчивый ветер, которого я так долго ждал. Я окликнул

китайцев и указал им на темную полосу воды. Они ответили радостными криками. Затем я указал на парус и на воду, накопившуюся на «Северном Олене», и объяснил им жестами, что, когда ветер достигнет паруса, мы непременно перевернемся. Но они вызывающе смеялись, ибо знали, что в моей власти пойти на фордевинд, отдать грот, чтобы обезветрить его, и таким образом избежать катастрофы. Однако решение мое было твердо. Я натянул грот на фут или на два, повернулся вместе с ним и, упершись ногами, налег спиною на румпель. Такое положение давало мне возможность одной рукой натягивать парус, а другой держать револьвер. Темная линия все приближалась, и китайцы то и дело переводили взгляды с нее на меня, не в силах скрыть своей тревоги. Мой ум, воля и выносливость были противопоставлены их уму, воле и выносливости, и весь вопрос заключался в том, кто из нас дольше выдержит ожидание неминуемой смерти и не сдастся.

Затем налетел ветер. Грот туго натянулся, блоки оживленно затрещали, гик поднялся вверх, парус выпятился, и «Северный Олень» стал крениться все больше, больше, до тех пор, пока правый борт не очутился под водой; за ним скрылись окна каюты, и залив начал переливаться через борт кубрика. Судно накренилось так быстро, что китайцы, сидевшие в каюте, попадали друг на друга и скатились на правую сторону; они барахтались там, извиваясь в воде, причем тем, кто лежал внизу, грозила серьезная опасность захлебнуться.

Ветер слегка посвежел, и «Северный Олень» накренился еще сильнее прежнего. С минуту я думал, что судно погибло, и понимал, что еще один такой порыв — и «Северный Олень» неминуемо пойдет ко дну. Пока я раздумывал, сдаваться мне или нет (не прекращая, однако, своего маневра), китайцы запросили пощады. Мне кажется, что это были самые сладостные звуки, которые я когда-либо слышал. Тогда, и только тогда я пошел на фордевинд и отдал грот.

«Северный Олень» начал медленно выпрямляться, но, когда он стал на ровный киль, в нем оказалось столько воды, что я усомнился в возможности спасти его.

Но китайцы, точно сумасшедшие, кинулись в кубрик и принялись вычерпывать воду ведрами, кастрюлями, горшками и всем, что попадалось им под руку. С каким удовольствием я следил за тем, как вода перелетала через борт! И когда «Северный Олень» снова гордо и прямо закачался на волнах, мы помчались с попутным ветром и поспели как раз вовремя, чтобы переправиться через топкие места и войти в болотистое устье.

Упорство китайцев было сломлено, и они сделались такими шелковыми, что, когда мы подходили к Сан-Рафаэлю, они, с Желтым Платком во главе, уже держали наготове швартовый канат. Что же касается Джорджа, то это была его последняя экспедиция с рыбачьим патрулем. По его словам, такие вещи были ему не по душе, и он полагал, что с него будет достаточно и места конторщика на берегу. Мы тоже так думали.

КОРОЛЬ ГРЕКОВ

Рыбачьему патрулю никак не удавалось захватить Большого Алека. Он хвастливо заявлял, что никому не удастся взять его живым, и рассказывал при этом, что многие уже пытались взять его мертвым, но безуспешно. Говорили также, что двое патрульных, которые хотели захватить его мертвым, погибли сами. А между тем никто так систематически и дерзко не нарушал законов о рыбной ловле, как Большой Алек.

Его прозвали Большим Алеком за богатырское сложение. Он был шести футов трех дюймов ростом, а могучая грудь и широкие плечи вполне соответствовали этой высоте. У него были великолепные мускулы, твердые как сталь, и среди

рыбаков ходили тысячи легенд о его необычайной силе. Он был так же дерзок и властен духом, как могуч телом, и заслужил благодаря этому еще и другую кличку — Король греков.

Рыбачье население состояло главным образом из греков; они почитали Большого Алека и повиновались ему как своему вождю. И, сознавая себя их главой и вождем, он дрался за своих соплеменников, брал их под свое покровительство, спасал их, когда они попадались в лапы закона, и в беде объединял их под своим руководством для сопротивления.

В прежние дни рыбачий патруль не раз пытался поймать его, но все эти попытки кончались неудачно. Со временем от этого предприятия окончательно отказались; поэтому, когда пронесся слух, что Большой Алек приехал в Бенишию, я с нетерпением искал случая увидеть его. Но мне не пришлось гоняться за ним. Со своей обычной дерзостью он тотчас же по приезде сам явился к нам. В то время Чарли Легрант и я служили под начальством патрульного Карминтеля, и мы все трое находились на «Северном Олене», готовясь к маленькой экспедиции, когда Большой Алек появился на борту. Карминтель, по-видимому, знал его, ибо они при встрече пожали друг другу руки; на меня же и на Чарли Большой Алек не обратил ровно никакого внимания.

— Я приехал сюда на месяц-другой половить осетров, — сказал он Карминтелю. Глаза грека при этом вызывающе блестели, и мы заметили, что наш патрульный потупился.

— Ладно, Алек, — сказал Карминтель тихим голосом, — я не стану мешать вам. Пойдемте в каюту, потолкуем, — добавил он.

Когда дверь каюты закрылась за ними, Чарли многозначительно подмигнул мне. Но я был еще очень юн и не знал ни людей, ни того, на что способны некоторые из них, а потому ровно ничего не понял из этой сцены. Чарли тоже не счел нужным ничего объяснять мне, но я все же почувствовал, что происходит что-то неладное.

Оставив их совещаться, мы, по предложению Чарли, сели в нашу шлюпку и поплыли к старой Пароходной пристани, где стоял ковчег Большого Алека. Ковчег — это плавучий дом, небольшой по размерам, но вместительный и удобный; он так же необходим рыбаку, как сети и лодки. Нам обоим очень хотелось взглянуть на ковчег Большого Алека, ибо было известно, что он не раз служил ареной отчаянных схваток и весь изрешечен пулями. Мы в самом деле увидели дыры от пуль (забитые деревянными втулками и закрашенные), но их оказалось гораздо меньше, чем я ожидал. Чарли заметил мое разочарование и расхохотался; чтобы утешить меня, он тут же рассказал доподлинную историю об одной экспедиции, которая отправилась в плавучий дом, чтобы захватить там Большого Алека. При этом предпочиталось, конечно, взять его живым, но в крайнем случае решено было заполучить его хотя бы мертвым. После битвы, длившейся полдня, патрульные уехали в поврежденных лодках, потеряв одного человека убитым и трех ранеными. Когда же на следующее утро они вернулись с подкреплением, то нашли только колья, к которым был привязан накануне ковчег Большого Алека. Сам же ковчег исчез на несколько месяцев в бесконечных зарослях суизинских камышей.

— Но почему же его не повесили за убийство? — спросил я. — Ведь Соединенные Штаты несомненно достаточно могущественны, чтобы совершить правосудие над таким человеком.

— Он сам отдался в руки властей, и его судили, — ответил Чарли. — Ему пришлось раскошелиться на пятьдесят тысяч долларов, чтобы выиграть процесс, и он выиграл его с помощью лучших адвокатов страны, пустивших в ход все свое крючкотворство. Каждый грек-рыболов внес свою долю в эту сумму. Большой Алек распределял и собирал налог, как самый настоящий король. Соединенные Штаты, может быть, и очень могущественны, братец ты мой, да только

факт остается фактом — Большой Алек настоящий король внутри государства, король, имеющий свою территорию и своих подданных.

— Ну, а что вы сделаете сейчас, если он в самом деле примется ловить осетров? Ведь он наверняка будет ловить их «китайской лесой».

Чарли пожал плечами.

— Там видно будет, — произнес он загадочно.

«Китайская леса» — хитрое приспособление, изобретенное народом, имя которого она носит. С помощью простой системы поплавков, грузил и якорей, тысячи крючков — каждый на отдельной лесе — свешиваются на расстоянии от одного до шести футов над дном. Все дело тут в крючке: у него нет бородки, и ее заменяет длинный конусообразный конец, острый, как иголка. Эти крючки находятся всего лишь на расстоянии нескольких дюймов друг от друга, и когда они, точно бахрома, тысячами свешиваются над дном на протяжении нескольких сот морских саженей, то служат непреодолимым препятствием для рыбы, которая идет по дну.

Осетр, например, всегда идет низом, взрывая дно, точно свинья, и его в самом деле часто называют «водяной свиньей». Наколовшись на первый подвернувшийся крючок, осетр в испуге делает прыжок и наскакивает на десяток других крючков. Тогда он начинает отчаянно метаться, и крючки, прикрепленные к множеству отдельных удочек, один за другим вонзаются в нежное мясо осетра и крепко держат злополучную рыбу, пока ее не вытащат. Поскольку ни один осетр не может пройти сквозь «китайскую лесу», это хитрое изобретение в законах о рыбной ловле называется западней, а самый способ ловли, неизбежно ведущий к полному истреблению осетров, считается противозаконным. И мы нисколько не сомневались, что Большой Алек, открыто и дерзко попирая закон, поставит именно эту лесу.

Прошло несколько дней после посещения Большого Алека, и в течение этого времени мы с Чарли зорко следи-

ли за ним. Он пробуксировал свой ковчег мимо Соланской пристани и остановился в большой бухте у Тернеровской верфи. Мы знали, что в этой бухте в изобилии водятся осетры, и не сомневались, что король греков намерен незамедлительно приступить к делу. Во время приливов и отливов вода в бухте бурлила, точно в мельничном лотке, то убывая, то прибывая, так что поднять, спустить или установить «китайскую лесу» можно только при стоячей воде. Поэтому мы с Чарли решили зорко наблюдать в это время за бухтой с Соланской пристани.

На четвертый день я, лежа на солнце на краю пристани, увидел ялик, отчаливший от отдаленного берега по направлению к бухте.

Я тотчас же поднес бинокль к глазам и стал следить за яликом, не упуская ни одного движения весел. В ялике было два человека, и, хотя нас разделяла добрая миля, я все же узнал в одном из них Большого Алека. Прежде чем ялик вернулся к берегу, я вполне убедился, что грек поставил лесу.

— Большой Алек поставил «китайскую лесу» в бухте Тернеровской верфи, — сказал в тот же день Чарли Легрант Карминтелю. На лице нашего патрульного промелькнуло выражение досады.

— В самом деле? — рассеянно спросил он, и это было все.

Чарли закусил губу, сдерживая гнев, повернулся и вышел.

— Послушай-ка, малец, ты как, не из трусливых будешь? — обратился он ко мне в тот же вечер, когда мы кончили мыть палубы «Северного Оленя» и собрались ложиться спать.

У меня от волнения сдавило горло, и я мог только кивнуть головой.

— Ну, в таком случае, — глаза Чарли заблестели решимостью, — нам с тобой придется самим заняться Большим Алеком, наперекор Карминтелю. Согласен ты помочь мне? Дело не легкое, разумеется, но мы справимся, — прибавил он, помолчав.

— Конечно, справимся! — восторженно подтвердил я.

Он повторил: «Конечно, справимся!», на этом мы пожали друг другу руки и легли спать.

Но задача, которую мы взяли на себя, действительно была не из легких. Чтобы обвинить человека в незаконной рыбной ловле, нужно было поймать его на месте преступления со всеми вещественными доказательствами: крючками, лесами, рыбой. Это значило, что мы должны захватить Большого Алека в открытых водах, где он мог легко заметить наше приближение и приготовить нам одну из тех теплых встреч, на которые он был мастер.

— Ничего другого тут не придумаешь, — сказал мне Чарли однажды утром. — Если нам удастся подойти к нему борт о борт, то шансы будут равны; значит, выход один — попытаться подойти к нему. Идем, паренек!

Мы были в колумбийской лодке для ловли лососей, в той самой, на которой охотились за китайскими рыбаками. Наступило время стоячей воды, и мы, обогнув Соланскую пристань, увидели Большого Алека за работой — он обходил свою лесу и выбирал рыбу.

— Поменяемся местами, — сказал Чарли, — правь прямо ему в корму, как будто мы идем к верфи.

Я взялся за руль, а Чарли сел на среднюю скамью и положил возле себя револьвер.

— Если Алек начнет стрелять, — предостерег он, — ложись на дно и правь оттуда, так, чтобы видна была одна только рука.

Я кивнул головой, и мы замолчали. Лодка мягко скользила по воде, и Большой Алек все больше и больше приближался к нам. Мы видели его уже совсем ясно. Он вылавливал багром осетров и бросал их в лодку, тогда как его товарищ очищал крючки и снова опускал их в воду. Тем не менее, когда мы очутились на расстоянии пятисот ярдов от них, могучий рыболов заметил нас.

— Эй, вы! Чего вам тут надо? — крикнул он.

— Продолжай править, — прошептал Чарли, — сделай вид, будто ты ничего не слышишь.

Прошло еще несколько тревожных минут. Рыбак зорко следил за нами, а мы с каждой секундой приближались к нему.

— Убирайтесь-ка восвояси, если дорожите своей шкурой, — крикнул он, точно сообразив вдруг, кто мы такие. — Ну, живее! Не то худо будет!

Он приложил винтовку к плечу и стал целиться в меня.

— Уберетесь ли вы теперь наконец? — спросил он.

Я услыхал, как Чарли заскрежетал от досады.

— Поворачивай, — шепнул он мне. — На этот раз дело сорвалось.

Я повернул руль, отдал парус, и наша лодка сразу отошла на несколько румбов. Большой Алек наблюдал за нами, пока мы не отчалили достаточно далеко; тогда он снова принялся за работу.

— Оставьте-ка вы лучше Большого Алека в покое, — сказал нам довольно сердито Карминтель в тот же вечер.

— Значит, он вам жаловался, так что ли? — многозначительно осведомился Чарли.

Карминтель смутился и покраснел.

— Говорю вам, оставьте его в покое, — повторил он. — Это опасный человек; нам не так много платят, чтобы стоило с ним связываться.

— Да, — тихо ответил Чарли, — я слыхал, будто за то, чтобы оставить его в покое, платят гораздо лучше.

Это был прямой вызов Карминтелю, и мы увидели по выражению его лица, что удар попал не в бровь, а в глаз. Ибо ни для кого не было тайной, что Большой Алек так же охотно давал взятки, как и вступал в драку, и что за последние годы не один патрульный пользовался деньгами греческого короля.

— Вы хотите сказать... — вызывающе начал Карминтель.

Но Чарли резко оборвал его.

— Я ничего не хочу сказать, — ответил он. — Вы слышали, что я сказал, и если на вас шапка горит...

Он пожал плечами. Карминтель метнул на него яростный взгляд, но не произнес больше ни слова.

— Чего нам не хватает, так это воображения, — сказал мне однажды Чарли, когда мы сделали попытку подкрасться к Большому Алеку на рассвете и были снова встречены стрельбой.

После этого в течение многих дней я ломал себе голову, пытаясь изобрести способ, с помощью которого два человека в открытом море могли бы схватить третьего, недурно владеющего винтовкой и никогда не расстающегося с ней. Во время стоячей воды можно было неизменно видеть Большого Алека, который, не скрываясь, среди бела дня открыто и дерзко работал со своей «китайской лесой». И обиднее всего было то, что каждый рыбак от Бенишии до Валлехо был прекрасно осведомлен о том, как Король греков издевается над нами. Карминтель тоже мешал нам, нарочно заставляя следить за ловлей железниц в Сан-Пабло; таким образом, мы могли уделить Королю греков лишь очень немного времени. Но так как жена и дети Чарли жили в Бенишии, то мы избрали это место своей штаб-квартирой и постоянно возвращались туда.

— Я кое-что придумал, — сказал я по прошествии нескольких бесплодных недель. — Мы дождемся стоячей воды, и когда Большой Алек отправится с рыбой на берег, выйдем в лодке и захватим лесу. Это заставит его потратить время и деньги на новую лесу, а мы тем временем придумаем, как захватить и вторую. Если мы не можем поймать его, то по крайней мере отобьем охоту заниматься ловлей в этих местах, понял?

Чарли согласился, что мысль недурная. Мы стали поджидать случая. Как только наступило время между приливом и отливом и Большой Алек, собрав рыбу с лесы, вернулся на берег, мы вышли на нашей лодке. Мы знали

расположение лесы по береговым знакам и были уверены, что без труда разыщем ее. Прилив только что начинался, когда мы поплыли вниз к тому месту, где по нашим предположениям находилась леса, и бросили рыбачий якорь. Мы спустили его на коротком канате, так что он едва касался дна, и медленно потащили его за собой, пока он не задержался; лодка тоже вдруг остановилась твердо и неподвижно.

— Вот она, — воскликнул Чарли. — Ну-ка помоги мне тащить.

Мы стали вместе вытаскивать веревку, пока не показался якорь, а за ним и осетровая леса, зацепившаяся за одну из его лап. Десятки смертоносных крючков заблестели перед нами, когда мы стали освобождать якорь. Но лишь только мы направились вдоль лесы, как резкий удар по лодке заставил нас вздрогнуть. Мы оглянулись, но, ничего не заметив, снова вернулись к своей работе. Через минуту раздался второй такой же резкий удар, и планшир между Чарли и мной разлетелся в щепки.

— Похоже на пулю, парнишка, — сказал Чарли задумчиво. — И далеко же стреляет этот Большой Алек. Он стреляет бездымным порохом, — прибавил он, посмотрев в сторону берега, находившегося на расстоянии мили от нас. — Вот почему мы не слышим выстрела.

Я взглянул на берег, но не заметил там ничего похожего на Большого Алека; он несомненно прятался за каким-нибудь утесом, держа нас в своей власти. Третья пуля ударила по воде, отскочила рикошетом, со свистом пролетела над нашими головами и снова упала в воду позади лодки.

— Пожалуй, пора убираться, — хладнокровно заметил Чарли. — Как ты на этот счет, парень?

Я был вполне согласен с ним и добавил со своей стороны, что леса, собственно, совсем не так уж нужна нам.

Вслед за этим мы подняли якорь и наставили шпрюйтовый парус. Стрельба сразу прекратилась, и мы уехали

с неприятным сознанием, что Большой Алек, наверное, смеется над нашим поражением.

Но дело обстояло хуже. На следующий день, когда мы проверяли сети на рыболовной пристани, Король греков начал смеяться и издеваться над нами перед целой толпой рыбаков. Лицо Чарли потемнело от гнева, но он сдержался, пообещав только Большому Алеку непременно засадить его за решетку. Тут Большой Алек начал хвастаться, что ни одному патрулю никогда не удавалось поймать его, да никогда и не удастся, а рыбаки поддакивали ему и уверяли, что иначе и быть не может. Они пришли в такое сильное возбуждение, что, казалось, вот-вот открыто кинутся на нас, но Большой Алек, опираясь на свой королевский авторитет, успокоил их.

Карминтель также смеялся над Чарли, отпускал по его адресу иронические замечания и всячески изводил его. Но Чарли сдерживался, хотя по секрету заявил мне, что решил во что бы то ни стало изловить Большого Алека, хотя бы ему пришлось посвятить этому весь остаток жизни.

— Не знаю, как я добьюсь этого, — говорил он, — но добьюсь непременно. Это так же верно, как то, что меня зовут Чарли Легрант. В свое время меня обязательно осенит, уж будь покоен.

И действительно, в свое время его осенило совершенно неожиданным образом.

Прошел целый месяц, в течение которого мы постоянно ходили вверх и вниз по реке и по заливу, не имея ни одной свободной минуты, чтобы заняться нашим рыбаком, а тот в это время преспокойно ловил рыбу «китайской лесой» в бухте Тернеровской верфи. Однажды днем нас вызвали по патрульному делу в плавильню. И тут-то совершенно неожиданно нам представился долгожданный случай. Он явился под видом беспомощной яхты, набитой людьми, страдавшими морской болезнью, и мы лишь с большим трудом распознали в ней тот благоприятный случай, которого мы так давно ждали. Это была большая яхта-шлюп;

она находилась в совершенно беспомощном положении, потому что муссон дул без малого с силой настоящего шторма, а на борту ее не было ни одного настоящего моряка.

Мы с некоторым любопытством наблюдали с пристани Сельби за неумелыми маневрами, имевшими, по-видимому, целью поставить яхту на якорь, и за столь же неумелыми попытками спустить ялик, который должен был отправиться к берегу. Какой-то очень жалкого вида человек в грязной парусиновой одежде, едва-едва не потопив ялик в огромных волнах, бросил нам конец и вылез на берег. Он так нетвердо стоял на ногах, точно пристань опускалась и поднималась под ним; оправившись немного, несчастный моряк рассказал нам о своих злоключениях, то есть, вернее, о злоключениях яхты, с которой он прибыл.

Единственного опытного моряка на борту, человека, от которого они все зависели, вызвали телеграммой обратно в Сан-Франциско, и они попробовали продолжать путь одни. Однако сильный ветер и волнение в бухте Сан-Пабло оказались не под силу новоиспеченным морякам. Вся команда больна, никто не имеет представления о том, что нужно делать, да и не умеет ничего делать. Они подошли к плавильне с тем, чтобы оставить здесь яхту или отыскать кого-нибудь, кто отвел бы ее в Бенишию. Короче говоря, не знаем ли мы какого-нибудь моряка, который согласился бы доставить яхту в Бенишию. Чарли посмотрел на меня. «Северный Олень» спокойно стоял на якоре. От патрульной работы мы были свободны до полуночи. При этом ветре мы могли смело дойти до Бенишии в два-три часа, провести несколько часов на берегу и вернуться в плавильню с вечерним поездом.

— Ладно, капитан, — сказал Чарли приунывшему яхтсмену, который бледно улыбнулся, услыхав этот титул.

— Я только владелец, — объяснил он.

Мы доставили его на яхту несравненно лучше и быстрее, чем сделал это он, переправляясь с яхты на берег, и убедились собственными глазами в полной беспомощности пас-

сажиров. Их было человек двенадцать мужчин и женщин, и все они так сильно страдали, что не могли даже как следует порадоваться нашему появлению. Яхта неистово качалась, и владелец, не успев ступить на нее, тотчас же свалился и разделил общую участь. Никто из них не был в состоянии хоть чем-нибудь помочь, так что нам с Чарли пришлось вдвоем освободить запутавшийся привод, поставить парус и поднять якорь.

Это было тяжелое, хотя и недолгое путешествие. Каркинезский пролив представлял собой настоящий вулкан брызг, и мы стремительно прошли его на фордевинде, причем большой грот во время этого отчаянного бега попеременно то опускал, то вздымал к небу свой гик. Но пассажиры ни на что не обращали внимания и оставались равнодушны ко всему. Двое или трое, среди них и владелец, барахтались в кубрике, вздрагивая каждый раз, когда яхта стремительно взлетала на гребень волны или с головокружительной быстротой ныряла вниз, и только изредка бросали тоскливые взоры в сторону берега. Остальные лежали на полу каюты на подушках. Время от времени раздавался чей-нибудь стон, но большей частью они лежали совершенно неподвижно, точно мертвецы.

Когда мы подошли к Тернеровской верфи, Чарли направил яхту в бухту, так как там было спокойнее. Бенишия уже виднелась перед нами, и мы шли по сравнительно спокойным водам, как вдруг увидели перед собой силуэт лодки, танцевавшей на волнах. Было как раз время стоячей воды. Мы с Чарли переглянулись. Мы не обменялись ни единым словом, но яхта вдруг начала проделывать самые необычайные маневры, меняя каждую минуту направление и кружась по воле ветра, как будто на руле ее сидел самый отъявленный любитель. Это было прелюбопытное зрелище для моряка. Можно было подумать, что яхта сама оторвалась откуда-то и, как безумная, носилась по бухте, лишь временами под-

чиняясь чьей-то воле, делавшей отчаянные усилия, чтобы направить ее в Бенишию.

Владелец яхты забыл про свою болезнь и с тревогой озирался на нас. Пятно лодки становилось все больше и больше, пока мы не разглядели, наконец, Большого Алека и его товарища с петлей осетровой лесы, обернутой вокруг утка. Они оставили работу, чтобы посмеяться над нашими усилиями. Чарли надвинул на глаза свой шлем, и я, не рассуждая, последовал его примеру, хотя никак не мог угадать, для чего, собственно, он разыгрывает всю эту комедию.

Мы подошли к лодке так близко, что, несмотря на ветер, расслышали слова Большого Алека и его помощника: они ругали нас со всем презрением, которое чувствуют к любителям профессиональные моряки, особенно, когда любители разыгрывают из себя таких дураков.

Мы с грохотом пронеслись мимо них, и я увидел, что ничего не произошло. Чарли усмехнулся, заметив разочарование, отразившееся на моем лице, и закричал:

— Стой на шкотах для поворота! — Он круто повернул руль, и яхта послушно и быстро стала поворачиваться. Грот дал слабину, спустился, пронесся над нашими головами вслед за гаком и с треском закрепился на бугеле. Яхта сильно накренилась, и больные пассажиры с воплями отчаяния покатились по полу каюты, свалившись все в одну груду у коек левого борта.

Но нам было не до них. Яхта, выполнив маневр, пошла против ветра и стала на ровный киль. Теперь мы неслись прямо на лодку. Я увидел, как Большой Алек прыгнул через борт, а его товарищ ухватился за наш бушприт. Затем раздался треск в тот момент, когда яхта ударила лодку, и ряд толчков, когда разбитый ялик прошел под нашим дном.

— Ну, теперь каюк его винтовке, — пробормотал Чарли и вскочил на палубу, чтобы посмотреть, нет ли Большого Алека где-нибудь на корме.

Ветер и море быстро остановили наше движение вперед, и нас стало относить обратно к тому месту, где была лодка. Черная голова и смуглое лицо Алека показались на поверхности совсем близко от нас. Грек ничего не подозревал и был страшно возмущен тем, что принимал за неловкость любителей. Мы вытащили его на борт. Король греков с трудом переводил дыхание, так глубоко пришлось ему нырять, чтобы не попасть под наш киль.

В следующий момент, к великому изумлению и ужасу владельца яхты, Чарли сидел в кубрике верхом на Большом Алеке, а я помогал ему связывать Короля греков веревками. Владелец взволнованно бегал вокруг нас и требовал объяснений. Но в это время товарищ Большого Алека приполз с бушприта на корму и с опаской заглянул через перила в кубрик. Чарли схватил его за шиворот, и тот растянулся на спине рядом с Большим Алеком.

— Еще веревок! — крикнул Чарли, и я поспешил исполнить приказание.

Разбитый ялик вяло покачивался неподалеку от нас; я наставил паруса, а Чарли взялся за руль и направил яхту к нему.

— Эти люди — закоренелые преступники, — объяснил он рассерженному владельцу, — они постоянно нарушают законы рыбной ловли и охоты. Вы видели, что, когда мы поймали их, они занимались своим преступным делом, и вас, несомненно, вызовут свидетелем на суд.

Тем временем мы подошли к ялику, за которым волочилась оборвавшаяся леса. Чарли вытащил сорок или пятьдесят футов лесы, на конце которой бился молодой осетр, прочно запутавшийся в ее острых безбородых крючках. Чарли отрезал ножом этот кусок лесы и бросил его в кубрик рядом с пленниками.

— А вот и вещественное доказательство; улика номер один для публики, — продолжал Чарли, — присмотритесь хорошенько и к этой штуке, чтобы вы могли опознать ее на

суде, да заодно запомните также место и время, где преступники были пойманы.

Затем, перестав кружить и вилять, мы с триумфом пошли прямо в Бенишию, а в кубрике лежал крепко связанный Король греков, в первый раз захваченный рыбачьим патрулем.

НАБЕГ НА УСТРИЧНЫХ ПИРАТОВ

Из всех начальников рыбачьего патруля, с которыми нам приходилось служить, лучшим был Нейль Партингтон. Таково мое мнение, да и Чарли полностью согласен со мной.

Партингтон был честный малый, и притом не из трусливого десятка; правда, он требовал от нас беспрекословного повиновения при исполнении служебных обязанностей, но наши отношения носили, тем не менее, вполне товарищеский характер, и Нейль предоставлял нам такую свободу действий, к которой мы не всегда бывали подготовлены, как это покажет настоящий рассказ.

Семья Нейля жила в Оклэнде, на Нижней бухте, в шести милях по морю от Сан-Франциско. Однажды, когда мы делали рекогносцировку среди китайцев, занимавшихся ловлей креветок у мыса Педро, Партингтон получил известие, что его жена серьезно заболела, и через час «Северный Олень» при свежем попутном ветре уже шел полным ходом в Оклэнд. Мы вошли в Оклэндский лиман и стали на якорь. В следующие дни, покуда Нейль находился на берегу, мы с Чарли подтянули снасти, перебрали балласт, почистились, одним словом, привели шлюп в полный порядок.

Когда же мы покончили с этим, время стало тянуться медленно и тоскливо. Жена Нейля была опасно больна, и нам

предстояло простоять на якоре целую неделю в ожидании кризиса. Мы с Чарли целыми днями слонялись по докам, стараясь найти какое-нибудь занятие, и таким образом набрели на устричную флотилию, стоявшую у Оклэндской городской пристани. В основном это были славные оснащенные лодочки, быстроходные и прочные, и мы с небрежным видом уселись на краю пристани, чтобы как следует рассмотреть их.

— Недурной улов, — сказал Чарли, указывая на устриц, разложенных на палубе одного из судов на три груды по величине.

Разносчики со своими тележками останавливались на самом краю пристани, и из их переговоров и споров я узнал рыночную цену устриц.

— На этом судне по меньшей мере на двести долларов устриц, — высчитал я. — Интересно бы знать, сколько времени они потратили на такой улов?

— Три-четыре дня, — ответил Чарли. — Недурной заработок: по двадцать пять долларов в день на брата.

Лодка, о которой шла речь, называлась «Призрак» и стояла прямо под нами. Команда ее состояла из двух человек. Один — приземистый коренастый парень с необычайно длинными, точно у гориллы, руками, другой — высокого роста, хорошо сложенный малый, с ясными голубыми глазами и копной прямых черных волос. Этот контраст между цветом волос и глаз был так необычен и так резко бросался в глаза, что мы с Чарли задержались на пристани дольше, чем хотели.

И правильно сделали. Вскоре к краю пристани подошел толстый пожилой человек — по виду и костюму зажиточный купец — и остановился рядом с нами, глядя вниз на палубу «Призрака». Он, по-видимому, был чем-то рассержен и чем дольше смотрел на судно, тем больше раздражался.

— Это мои устрицы, — произнес он наконец. — Я знаю, что это мои устрицы. Сегодня ночью вы совершили набег на мои устричные отмели и ограбили их.

Оба парня с «Призрака», высокий и приземистый, посмотрели наверх.

— Мое почтение, Тафт! — сказал низенький человек с наглой развязностью (среди плавучего населения бухты он был известен под кличкой Осьминог, которую получил за свои длинные руки). — Мое почтение, Тафт! — повторил он с тем же нахальством. — Чего это вы там разворчались?

— Это мои устрицы — вот что я говорю. Вы украли их с моих отмелей.

— Уж больно вы догадливы, как я посмотрю, — насмешливо ответил Осьминог, — и всегда вы так узнаете своих устриц, где бы ни увидели их?

— Нет, а по-моему, — вмешался высокий человек, — устрицы всегда остаются устрицами, откуда бы вы их ни выловили, они совершенно одинаковы во всем заливе, да и на всем свете, уж если на то пошло. Мы совсем не желаем ссориться с вами, мистер Тафт, но не хотим также, чтобы вы заявляли, будто это ваши устрицы, и обзывали нас ворами и грабителями. Попробуйте-ка раньше доказать, что это ваш товар, а потом уже говорите.

— Я уверен, что это мои устрицы, даю голову на отсечение! — прорычал мистер Тафт.

— Докажите это, — заявил высокий человек, который, как мы узнали после, носил кличку Дельфин за свое замечательное умение плавать.

Мистер Тафт беспомощно пожал плечами. Разумеется, он не мог доказать, что это его устрицы, как бы он ни был в этом уверен.

— Я отдал бы тысячу долларов, чтобы засадить вас в тюрьму, — крикнул он, — и готов заплатить сто долларов тому, кто уличит и задержит вас обоих.

Со всех лодок раздались взрывы смеха, ибо остальные хищники тоже прислушивались к разговору.

— Устрицы стоят дороже, — колко заметил Дельфин.

Мистер Тафт нетерпеливо повернулся и отошел. Чарли уголком глаза незаметно проследил за тем, куда он пошел, и через несколько минут, когда мистер Тафт скрылся за углом, мой товарищ лениво поднялся на ноги. Я последовал за ним, и мы побрели в противоположную сторону.

— Ну, теперь живо! — прошептал Чарли, когда мы скрылись из глаз устричной флотилии.

Мы тотчас же переменили направление и помчались, кружа по боковым улицам, вдогонку за мистером Тафтом, тучная фигура которого виднелась впереди.

— Нужно условиться с ним насчет вознаграждения, — объяснял Чарли, пока мы нагоняли владельца устричных отмелей. — Нейль задержится здесь по крайней мере еще неделю, и мы с тобой могли бы тем временем заработать кое-что. Что ты скажешь?

— Конечно, конечно, — сказал мистер Тафт, когда Чарли представился и объяснил ему свое намерение. — Эти грабители ежегодно обкрадывают меня на тысячи долларов, и я готов заплатить сколько угодно, лишь бы избавиться от них, — да, сэр, сколько угодно. Как я уже сказал, я дам вам по пятидесяти долларов за каждого и буду считать, что и это еще дешево. Они ограбили мои отмели, сорвали мои значки, терроризировали моих сторожей и в прошлом году убили одного из них. Я не мог доказать, что это дело их рук. Все было сделано ночью. Кроме убитого сторожа, никаких следов преступления не было. Сыщики ничего не нашли. Никто не может ничего поделать с этими людьми, и нам ни разу не удавалось задержать хотя бы одного из них. Поэтому я и говорю, мистер — как ваша фамилия, я не расслышал?

— Легрант, — ответил Чарли.

— Так вот, мистер Легрант, я чрезвычайно благодарен за помощь, которую вы мне предлагаете. И буду рад, очень рад, сэр, всячески содействовать вам. Мои сторожа и люди в вашем распоряжении. Вы можете в любое время найти меня в Сан-Франциско в моей конторе или протелеграфи-

ровать туда же за мой счет. Не стесняйтесь в расходах. Я покрою ваши издержки, каковы бы они ни были, если только, разумеется, они будут целесообразны. Положение стало просто невыносимым; необходимо принять решительные меры, чтобы выяснить, наконец, кому принадлежат эти устричные отмели — мне или этой шайке разбойников.

— А теперь отправимся к Нейлю, — сказал Чарли, когда мы проводили мистера Тафта на поезд в Сан-Франциско.

Нейль Партингтон не только не стал отговаривать нас от этого предприятия, но, напротив, выразил готовность помочь нам. Мы с Чарли ничего не знали об устричном промысле, тогда как его голова была настоящей энциклопедией по этой части. Час спустя он повел нас к одному греку, юноше лет семнадцати или восемнадцати, который знал как свои пять пальцев всю подноготную устричного хищничества.

Тут я считаю нужным сказать, что мы с Чарли были в патруле чем-то вроде добровольцев, тогда как Нейль Партингтон считался штатным патрульным и получал определенное жалованье. Чарли и я были как бы его сверхштатными помощниками и получали только то, что зарабатывали, то есть известный процент со штрафов, налагавшихся на уличенных нами нарушителей законов о рыбной ловле. Таким образом, мы считали, что имеем полное право на всякое случайно подвернувшееся вознаграждение. Мы предложили Партингтону поделиться с ним тем, что получим от м-ра Тафта, но патрульный и слышать не захотел об этом. Он заявил, что очень рад оказать услугу людям, которые столько раз выручали его.

Мы устроили настоящий военный совет и выработали следующий план действий.

На Нижней бухте нас почти никто не знал в лицо; но поскольку «Северный Олень» был всем известен как патрульное судно, мы решили, что я, вместе с молодым греком (его звали Николаем), отправлюсь на каком-нибудь невин-

ном суденышке к острову Аспарагусу, чтобы присоединиться там к флотилии устричных хищников. В этом месте, судя по рассказам Николая, мы легко могли накрыть хищников во время ловли устриц и арестовать их, таким образом, на месте преступления. Чарли же должен был остаться на берегу со сторожами мистера Тафта и нарядом полицейских, чтобы в нужную минуту прийти нам на помощь.

— У меня есть на примете подходящая лодка, — сказал Нейль в заключение. — Это ветхий негодный шлюп, который стоит теперь в Тибуране. Вы с Николаем можете переправиться туда на пароме, нанять его за какие-нибудь гроши и отправиться прямо к отмелям.

— Желаю вам удачи, ребята, — сказал он через два дня, прощаясь с нами. — Помните только, что это очень опасные люди, и будьте осторожны.

Нам с Николаем удалось очень дешево нанять шлюп. Натягивая паруса, мы со смехом решили, что он еще невзрачнее и хуже, чем нам его описывали. Это было большое плоскодонное судно с четырехугольной кормой, оснащенное, как шлюп, с треснувшей мачтой, никуда не годным такелажем и ржавым приводом; оно было очень неповоротливо и плохо слушалось руля. Кроме того, от него отвратительно пахло угольной смолой, так как все оно было вымазано этим вонючим составом — от штевня до кормы и от крыши каюты до киля. А в довершение во всю длину каждого борта тянулась большими белыми буквами надпись: «Угольная смола Мэгги».

Путешествие от Тибурана до Аспарагуса мы совершили без всяких приключений, но при этом очень забавлялись всю дорогу.

К острову мы подошли на следующий день. Флотилия устричных хищников, — приблизительно около дюжины судов, — стояла на якоре у так называемых «Заброшенных отмелей». «Угольная смола Мэгги», подгоняемая легким ветерком, медленно вошла в середину флотилии, и хищники

высыпали на палубы, чтобы посмотреть на нас. Мы с Николаем, ознакомившись за время путешествия с нравом нашего ветхого корвета, управляли им самым неловким образом.

— Что это такое? — спросил кто-то.

— А попробуй-ка угадай, если можешь, — отозвался другой.

— Будь я проклят, если это не Ноев ковчег, — воскликнул Осьминог с палубы «Призрака».

— Эй, вы там, капитан! — крикнул другой шутник. — Из какого порта держите путь?

Мы не обращали внимания на насмешки и продолжали править с ловкостью самых зеленых новичков, делая вид, будто «Угольная смола Мэгги» поглощает целиком наше внимание. Я повернул ее к ветру и поставил повыше «Призрака», а Николай побежал вперед, чтобы спустить якорь. Он сделал это, должно быть, очень неумело, потому что цепь запуталась и якорь не достал до дна.

Мы с Николаем изобразили ужасное волнение, изо всех сил стараясь распутать цепь. Как бы то ни было, мы ловко провели хищников, и они с величайшим наслаждением принялись издеваться над нашей неловкостью.

Но цепь никак не желала распутываться, и мы, под градом насмешек и всевозможных язвительных советов, стали дрейфовать, пока не наскочили на «Призрак».

Бушприт его проткнул наш грот и проделал в нем дыру величиной с ворота гумна. Осьминог и Дельфин, сидя на рубке, корчились от смеха, предоставив нам самим как угодно выпутываться из беды. После долгих неловких усилий это, наконец, удалось нам. Затем мы распутали якорную цепь и отдали приблизительно триста футов ее. Поскольку под нами было не больше десяти футов глубины, то длина каната давала «Угольной смоле Мэгги» возможность передвигаться по кругу с диаметром в шестьсот футов, а на этом пространстве она могла прийти в соприкосновение по меньшей мере с половиной флотилии.

Устричные хищники стояли близко друг от друга на коротких канатах, так как погода была тихая. Они громко запротестовали, увидев, что мы по невежеству выбросили такую непомерно длинную якорную цепь. И они не ограничились одним только протестом, а заставили нас снова поднять цепь и выбросить всего-навсего тридцать футов.

Достаточно убедив их в своей неловкости, мы спустились вниз, чтобы поздравить друг друга с успехом и приготовить ужин. Не успели мы поесть и вымыть посуду, как к борту «Угольной смолы Мэгги» подошел ялик, и на палубе раздались тяжелые шаги. Затем в отверстии двери показалось жестокое лицо Осьминога, и он вошел в каюту в сопровождении Дельфина. Не прошло нескольких минут, как к борту подошел другой ялик, а за ним еще и еще, пока, наконец, к нашей каюте не собралась вся флотилия.

— Где это вы слямзили такую старую калошу? — спросил приземистый волосатый человек с жестокими глазами, похожий с виду на мексиканца.

— Мы ее не слямзили, — ответил Николай на том же жаргоне, поддерживая, таким образом, предположение, что мы действительно украли «Угольную смолу Мэгги». — А если бы и так, что же из этого?

— Да ничего, а только я не в восторге от вашего вкуса, — насмешливо ответил мексиканец. — Я уж лучше сгнил бы на берегу, чем польстился на этакую лохань. Ведь она поди сама об себя спотыкается.

— Откуда же нам было знать это, покуда мы ее не испробовали? — заявил Николай с таким наивным видом, что все покатились со смеху. — А как вы ловите устриц? — поспешно спросил он. — Нам их требуется много, целая куча; для них-то мы и приехали, для устриц то есть...

— А на что они вам? — спросил Дельфин.

— Ну, конечно, на то, чтобы приятелям раздавать, — ехидно ответил Чарли, — ведь и вы, как я понимаю, делаете с ними то же самое.

Это вызвало новый взрыв смеха, и по мере того как наши гости становились веселее, мы все больше убеждались, что у них нет ни малейшего подозрения относительно того, кто мы и чего хотим.

— Никак это я тебя видел на днях в Оклэндских доках? — спросил меня вдруг Осьминог.

— Верно, — смело ответил я, решив идти напролом. — Я как раз смотрел на вас, ребята, и соображал, стоит нам заняться устрицами или нет. Ну вот и сообразил, что это прибыльное дельце, потому-то мы и явились сюда. То есть, — поспешно добавил я, — если вы, ребята, не будете иметь ничего против.

— Вот что я скажу вам, — ответил Осьминог, — вам придется поворочать мозгами и раздобыть себе судно получше этого. Мы не желаем срамиться с таким старым ящиком. Поняли?

— Конечно, — ответил я. — Вот только продадим устрицы и сейчас же обделаем все это в лучшем виде.

— Если вы окажетесь подходящими и надежными ребятами, — продолжал он, — что ж, пожалуй, работайте с нами! Но если нет (тут голос его сделался суровым и угрожающим), ну, тогда уж вам не сдобровать. Поняли?

— Конечно, — ответил я.

После ряда подобных советов и предостережений разговор сделался общим, и мы узнали, что в эту же ночь предполагается совершить набег на отмели. Гости просидели у нас около часа и на прощание предложили нам принять участие в набеге, так как «чем больше народа, тем веселее».

Затем они сели в свои лодки и отчалили.

— Приметил ты этого низенького малого, что смахивает на мексиканца? — спросил Николай, когда они разъехались. — Это Барки, из «Спортивной шайки», а малый, приехавший вместе с ним, — Спиллинг. Теперь они оба выпущены из тюрьмы под залог в пять тысяч долларов.

Мне не раз приходилось слышать о «Спортивной шайке». Этот отряд хулиганов и преступников терроризировал нижние кварталы Оклэнда. Две трети этой шайки постоянно пребывали в государственных тюрьмах за разные преступления, начиная с лжесвидетельства и мошенничества при выборах и кончая убийством.

— Это не настоящие устричные хищники, — продолжал Николай. — Они торчат здесь просто из озорства, да, кстати, чтобы подработать несколько долларов. Нам придется следить за ними в оба.

Мы сидели в кубрике, обсуждая подробности нашего плана, как вдруг около одиннадцати часов со стороны «Призрака» раздался шум весел. Мы подтянули наш ялик, бросили в него несколько мешков и поехали к «Призраку». Все ялики находились в сборе, так как решено было сделать набег всем сообща.

К моему удивлению, глубина воды едва дотягивала теперь до одного фута, а между тем, когда мы бросали якорь, она достигала не менее десяти футов глубины. Это был большой июньский отлив во время полнолуния, и так как он должен был продолжаться еще полтора часа, то можно было ожидать, что место, где мы стояли на якоре, под конец совсем высохнет.

Отмели мистера Тафта находились в трех милях от места нашей стоянки, и мы долго гребли в полном молчании вслед за другими лодками. Время от времени наша лодка садилась на мель, а весла почти постоянно задевали дно. Наконец мы оказались в полосе мягкой тины, которую вода покрывала всего на каких-нибудь два дюйма. Дальше лодки не могли плыть. Хищники тотчас же выскочили за борт и потащили волоком свои плоскодонные ялики. Мы двинулись вслед за ними.

Круглый лик луны временами скрывался за быстро бегущими облаками, но наши спутники двигались с уверенностью, выработанной долгой практикой. Полоса тины

тянулась приблизительно с полмили, затем мы вошли в глубокий канал и снова сели на весла. По обеим сторонам пролива тянулись высокие сухие отмели, на которых виднелись груды мертвых устриц. Наконец мы достигли места, где собирали устриц. Два человека, стороживших одну из отмелей, окликнули нас и приказали нам удалиться. Но Осьминог, Дельфин, Барки и Спиллинг поплыли вперед, за ними последовали все остальные, и, таким образом, тридцать человек, занимавшие по меньшей мере пятнадцать лодок, стали грести прямо на сторожей.

— Эй, убирайтесь-ка лучше подобру-поздорову, — угрожающе крикнул Барки, — или мы понаделаем столько дыр в ваших лодках, что они и в патоке потонут.

Сторожа благоразумно отступили перед такими превосходными силами и поплыли по каналу, направляясь к берегу. Ничего другого от них и не требовалось.

Мы вытащили лодки на край большой отмели, рассыпались во все стороны и стали собирать устриц в мешки. Время от времени луна выходила из-за облаков, и тогда мы совершенно ясно видели перед собой больших устриц.

Когда мешки наполнялись, их относили в лодки и брали оттуда другие. Мы с Николаем часто в тревоге возвращались к лодке с полупустыми мешками, но всякий раз натыкались на какого-нибудь хищника, который относил полный мешок или возвращался с пустым.

— Не беспокойтесь, — сказал Николай, — торопиться нечего. Они будут уходить все дальше и дальше, так что им потребуется скоро очень много времени, чтобы доносить мешки до лодок. Тогда они начнут ставить наполненные мешки стоймя, на краю отмелей, чтобы собрать их во время прилива, когда к ним можно будет подъехать на яликах.

Прошло добрых полчаса, и прилив уже начинался, когда произошло следующее. Оставив хищников за работой, мы украдкой вернулись к лодкам, бесшумно оттолкнули их от берега и связали их все вместе в одну нескладную флотилию.

Как раз когда мы сталкивали последнюю лодку, нашу собственную, подошел один из хищников. Это был Барки. Он моментально сообразил, в чем дело, и кинулся на нас; но мы сильно оттолкнулись, и он очутился в воде, которая покрыла его с головой. Выбравшись снова на отмель, он тотчас же поднял крик, предупреждая товарищей об опасности.

Мы гребли изо всех сил, но флотилия, которую мы тащили за собой, сильно замедляла движение. С отмели донесся револьверный выстрел, за ним второй и третий, затем начался повальный обстрел. Пули так и шлепались вокруг нас. Но густые облака закрыли луну, и в наступившей темноте стрельба продолжалась уже наугад. В нас могли попасть только случайно.

— Недурно было бы иметь теперь паровой катер, — сказал я, с трудом переводя дыхание.

— А еще лучше, если бы луна больше не показывалась, — ответил, также задыхаясь, Николай.

Дело подвигалось медленно, но каждый взмах весел отдалял нас от отмели и приближал к берегу, пока, наконец, стрельба не замерла вдали. И когда луна выплыла снова, мы были уже вне опасности. Вскоре мы уже отвечали на оклики с берега; две полицейские лодки, с тремя гребцами в каждой, тотчас же подошли к нам. Приветливое лицо Чарли склонилось над нами, он с жаром пожимал нам руки, восклицая:

— Ай да молодцы! Ну и молодцы же вы оба!

Когда флотилия причалила к берегу, мы с Николаем и одним из сторожей пересели на весла в одну из полицейских лодок, а Чарли стал у руля. Две другие полицейские лодки следовали за нами, и так как луна светила теперь очень ярко, то мы легко разыскали хищников на уединенных отмелях. Как только мы приблизились, они открыли стрельбу из своих револьверов, и мы быстро отступили.

— Торопиться некуда, — сказал Чарли. — Вода быстро прибывает, и когда она будет им по горло, весь пыл наших молодцов улетучится.

Итак, мы легли на весла, ожидая, чтобы прилив сделал свое дело. После большого отлива вода стремительно бежала теперь обратно, точно по мельничному лотку, и самый лучший пловец в мире не сделал бы против течения трех миль, которые отделяли хищников от их шлюпок, а между ними и берегом были мы, преграждая бегство в этом направлении. Вода между тем быстро заливала отмели и через несколько часов должна была неминуемо покрыть их с головой.

Стояла удивительно тихая погода, и луна светила ярким ровным светом. Мы наблюдали за хищниками в ночной бинокль, рассказывая при этом Чарли о нашем плавании на «Угольной смоле Мэгги». Наступил час, затем два часа ночи, хищники столпились на самой высокой отмели, стоя там по пояс в воде.

— Вот что значит сообразительность, — говорил Чарли. — Тафт целые годы старался поймать их, но он шел на них открыто, опираясь на грубую силу, и потерпел неудачу. А вот мы поработали головой...

В эту минуту я уловил едва слышный плеск воды и поднял руку в знак молчания. Обернувшись, я указал товарищам на круги, медленно расходившиеся по воде не далее как в пятидесяти футах от нас. Мы ждали, затаив дыхание. Через минуту вода в шести футах от нас расступилась и на поверхности в лунном свете показалась черная голова и белое плечо. Послышался звук, как будто человек не то фыркнул от удивления, не то просто с шумом выпустил дыхание; затем голова и плечо скрылись.

Мы несколько раз ударили по воде веслами и пошли по течению. Четыре пары глаз следили за поверхностью воды, но нигде не показывалось ни малейшей ряби, и мы так и не увидели больше черной головы и белых плеч.

— Это Дельфин, — сказал Николай. — Его и среди дня ни за что не поймаешь.

Без четверти три хищники запросили, наконец, пощады.

Мы услышали крик о помощи и безошибочно узнали голос Осьминога. На этот раз, когда мы приблизились, никто уже не пробовал стрелять в нас. Осьминог, действительно, находился в опасном положении. Из воды торчали лишь головы и плечи его товарищей-хищников, которые связались вместе, чтобы лучше устоять против течения; но ноги Осьминога не доставали до дна, так что товарищи должны были поддерживать его над водой.

— Ну, ребята, — весело сказал Чарли, — теперь вы в наших руках и уйти вам некуда. Если вы будете артачиться, мы вас оставим здесь, и вода живо вас прикончит. Но если вы будете паиньками, мы переведем вас поодиночке на борт и спасем всех до единого. Что вы на это скажете?

— Согласны, — хрипло ответили они хором, выбивая зубами мелкую дробь.

— Ну так подходите поодиночке, начиная с самого маленького.

Первым попал на борт Осьминог, и он, право, полез в лодку очень охотно, хотя счел нужным запротестовать, когда констебль надел на него наручники. Вслед за ним подняли Барки, совершенно размякшего и смирившегося после долгого сидения в воде. Когда в нашу лодку набралось десять человек, мы отошли, и вслед за нами стала нагружаться вторая лодка. Третьей лодке досталось только девять пленников. Таким образом, оказалось, что мы захватили двадцать девять хищников.

— А Дельфина-то вы все-таки не поймали, — сказал Осьминог с торжеством, словно побег его товарища уменьшал цену нашей победы.

Чарли рассмеялся.

— Зато мы видели, как он фыркал и пыхтел, точно задыхающаяся свинья, когда плыл к берегу.

Мы привели в устричный домик смиренную и дрожащую от холода банду хищников. На стук Чарли дверь распахнулась, и нас обдало приятной волной теплого воздуха.

— Вы можете здесь обсушиться, ребята, и напиться горячего кофе, — сказал Чарли, когда все они вошли в дом.

Каково же было наше удивление, когда внутри мы увидели у огня Дельфина с кружкой дымящегося кофе в руках. Мы с Николаем, точно по уговору, посмотрели на Чарли. Он весело расхохотался.

— И тут тоже одна только сообразительность, ребята. Уж если ты что-нибудь разглядываешь, так гляди со всех сторон, а то что толку и смотреть-то? Я увидел берег и оставил там пару констеблей, чтобы они наблюдали за ним. Вот и все.

ОСАДА «ЛАНКАШИРСКОЙ КОРОЛЕВЫ»

Мне кажется, что самым трудным делом за все время нашей службы в рыбачьем патруле была осада большого четырехмачтового английского судна, которую мы с Чарли вели в течение двух недель.

Дело это представляло собой самую настоящую и даже довольно трудную математическую задачу, и нам только по счастливой случайности удалось найти метод, который позволил правильно ее решить.

После набега на устричных хищников мы вернулись в Оклэнд; прошло еще целых две недели, прежде чем жена Нейля Партингтона оказалась вне опасности и начала выздоравливать. Таким образом, мы ровным счетом через месяц повернули нос «Северного Оленя» к Бенишии. Когда кошка отлучается, мышки начинают пошаливать: за четыре недели нашего отсутствия рыбаки повадились очень дерзко нарушать законы о рыбной ловле. Миновав мыс Педро, мы тотчас же заметили много признаков усиленной деятельности ловцов креветок, а в заливе Сан-Пабло увидели в Верхней бухте широко раскинувшуюся флотилию рыбачьих лодок,

на которых тут же стали торопливо вытаскивать сети и наставлять паруса.

Одного этого было достаточно, чтобы вызвать подозрения, и мы тотчас же пустились вслед за ними. И действительно, на первой и единственной лодке, которую нам удалось поймать, мы нашли незаконную сеть. В сетях для ловли сельдей расстояние между петлями должно быть по закону не меньше семи с половиной дюймов от узла до узла, тогда как в захваченной нами сети это расстояние не превышало трех дюймов. Это было явное нарушение закона, и мы тут же задержали обоих рыбаков. Одного Нейль Партингтон взял с собой, чтобы тот помогал ему управлять «Северным Оленем», а мы с Чарли перешли ко второму в захваченное судно.

Однако флотилия мчалась на всех парусах к Петалумскому берегу, и за весь остальной путь по заливу Сан-Пабло мы не встретили больше ни одного рыбака. Наш пленник — бронзовый от загара бородатый грек — мрачно сидел на своей сети, в то время как мы правили его судном. Это была новая лодка для ловли лососей с реки Колумбия; она, по-видимому, совершала свой первый рейс и шла великолепно. Чарли похвалил судно, но наш пленник продолжал угрюмо молчать, делая вид, что не обращает на нас никакого внимания, и мы вскоре решили, что это на редкость необщительный малый.

Мы миновали Каркинезский пролив и зашли в бухту у Тернеровской верфи, где вода была значительно спокойнее. Там стояло несколько английских железных парусных судов, ожидавших груза пшеницы, и там же, на том самом месте, где был захвачен Большой Алек, мы совершенно неожиданно наткнулись на ялик с двумя итальянцами, при которых оказалась вполне оборудованная «китайская леса» для ловли осетров. Эта встреча явилась полной неожиданностью как для нас, так и для них, и мы налетели на ялик, прежде чем успели что-нибудь сообразить. Чарли едва успел

вовремя привести лодку к ветру, чтобы подойти к ним. Я же побежал на нос, бросил им конец и приказал закрепить его. Один из итальянцев обвернул его вокруг утки, в то время как я поспешно спускал наш большой шпрюйтовый парус. Когда все было готово, наше судно сдрейфовало на корму и тяжело потащилось за яликом.

Чарли пошел вперед, чтобы перевести добычу в нашу лодку, но когда я начал подтягивать ялик к борту, итальянцы отпустили конец. Нас тотчас же стало относить, между тем как они, взявшись за две пары весел, погнали свое легкое суденышко прямо против ветра. Этот маневр привел нас в некоторое замешательство, потому что мы никак не могли рассчитывать догнать их на веслах в своей тяжелой и сильно нагруженной лодке. Но тут к нам на помощь неожиданно пришел наш пленник. Его черные глаза вдруг засверкали, а лицо загорелось от сдерживаемого возбуждения; он одним прыжком очутился на носу и поставил парус.

— Я часто слышал, что греки ненавидят итальянцев, — смеясь сказал Чарли, направляясь к рулю.

Никогда в жизни мне не приходилось видеть, чтобы один человек так страстно желал поймать другого, как это было с нашим пленником во время погони за яликом итальянцев. Глаза его метали искры, ноздри трепетали и расширялись. Чарли правил рулем, а он парусом, и хотя Чарли был проворен и ловок, как кошка, грек едва сдерживал свое нетерпение.

Итальянцы были отрезаны от берега, ближайшая точка которого находилась на расстоянии доброй мили от них. Если бы они попытались добраться до нее, то мы, идя под полным ветром, догнали бы их прежде, чем они успели бы пройти одну восьмую этого расстояния. Но они были слишком умны, чтобы сделать подобную попытку, и продолжали грести изо всех сил против ветра вдоль правого борта большого корабля «Ланкаширская Королева». Однако за судном находилась открытая полоса воды, отделенная от берега добрыми двумя милями; туда они также не решались

войти, потому что мы обязательно нагнали бы их прежде, чем они покрыли бы это расстояние. Поэтому, когда они очутились у носа «Ланкаширской Королевы», им не оставалось ничего другого, как обойти ее и пойти вдоль другой стороны судна к корме, что опять-таки значило пойти по ветру и дать нам таким образом преимущество.

Мы же на своей лодке для ловли лососей, держа круто к ветру, повернули оверштаг и срезали нос кораблю. Затем Чарли повернул руль и направил нашу лодку вдоль левого борта корабля, а грек, распустив шкот, даже осклабился от удовольствия. Итальянцы успели уже пройти половину длины корабля, но сильный ветер подгонял нас сзади гораздо быстрее, чем они могли двигаться на веслах. Мы все быстрее нагоняли их, и я, вытянувшись на носу, уже готовился зацепить ялик, как вдруг он совершенно неожиданно нырнул под огромную корму «Ланкаширской Королевы».

Погоня, таким образом, вернулась к своей исходной точке. Итальянцы гребли вдоль правого борта корабля, а мы, снова круто приведя судно к ветру, медленно продвигались вслед за ними, борясь против ветра. Затем они снова обогнули нос и начали грести вдоль левого борта, а мы перешли на другой галс, срезали нос и погнались за ними по ветру. И снова, как только я нацелился, чтобы зацепить ялик, он нырнул под корму судна и, таким образом, опять очутился вне опасности. Мы продолжали делать круг за кругом, и каждый раз ялик в последнюю минуту спасался тем, что нырял под корму.

Тем временем судовая команда заметила, что происходит что-то необычное, и мы увидели над собой целый ряд голов, смотревших через борт на наше состязание. Всякий раз, как ялик ускользал от нас под корму, они издавали радостные крики одобрения и перебегали на другую сторону «Ланкаширской Королевы», чтобы следить, как будет идти погоня против ветра. Они осыпали нас и итальянцев шутками и советами и так разозлили нашего грека, что он по крайней

мере один раз в каждый круг поднимал кулак и яростно грозил команде. Они подметили это и всякий раз встречали его жест шумным весельем.

— Вот так цирк! — крикнул кто-то.

— А еще спорят о морских ипподромах, чем тебе не состязание! — поддержал другой.

— Бега! Шестидневные бега! — объявил третий. — Кто отвечает за итальянцев?

На следующем галсе против ветра грек предложил Чарли поменяться местами.

— Пустите меня править лодкой, — попросил он, — я их пристукну, от меня не уйдут.

Это был удар по профессиональной чести Чарли, ибо он очень гордился своим умением управлять парусной лодкой. Однако он передал руль пленнику и занял его место у паруса. Мы сделали еще три круга, и грек убедился, что не может достигнуть на этом судне большей скорости, чем Чарли.

— Эй, бросьте-ка лучше это дело, — посоветовал сверху один из моряков.

Грек свирепо нахмурил брови и по обыкновению погрозил кулаком. Между тем я тоже не дремал. Голова моя усиленно работала, и я, наконец, набрел на удачную идею.

— Сделаем еще круг, Чарли, — сказал я, — только один раз.

Когда мы снова пошли против ветра, я прикрепил к канату небольшой крючок — кошку, как его называют моряки, — который я заметил в люке для откачивания воды. Другой конец каната я привязал к кольцу на носу и, спрятав кошку, стал ждать удобного случая, чтобы воспользоваться ею. Они еще раз прошли вдоль левого борта «Ланкаширской Королевы», и мы снова устремились за ними, подгоняемые ветром. Мы все больше нагоняли ялик, и я притворился, что хочу поймать его таким же приемом, как раньше. Корма ялика была меньше чем в шести футах от нас, и итальянцы вызывающе смеялись, собираясь снова нырнуть под корму корабля. Но в эту минуту я неожиданно выпрямился и бросил

кошку. Она крепко впилась в борт ялика и отдернула его назад, веревка натянулась, и наше судно приблизилось.

Наверху среди столпившихся моряков раздались возгласы сожаления, которые быстро сменились ликованием, когда один из итальянцев, вынув длинный складной нож, перерезал канат. Но мы оттянули их из безопасного места, и Чарли, стоя у задних парусов, перегнулся и ухватил ялик за корму. Все это заняло не больше секунды, ибо в тот момент, когда первый итальянец перерезал веревку, а Чарли уцепился за корму, второй итальянец ударил его веслом по голове. Чарли выпустил ялик и без чувств упал на дно лодки, оглушенный ударом. Итальянцы же налегли на весла и снова улизнули под корму судна.

Грек, взяв руль и шкот, пустился в погоню за итальянцами вокруг «Ланкаширской Королевы», в то время как я занялся Чарли, на голове которого быстро вырастала огромная шишка. Наши зрители — матросы — были в диком восторге, и все, как один человек, приветствовали удиравших итальянцев. Чарли сел, держась одной рукой за голову и тупо оглядываясь кругом.

— Ну, теперь уж им не уйти, — сказал он, вытаскивая свой револьвер.

Когда мы делали следующий круг, он пригрозил итальянцам оружием, но они упорно продолжали грести, не обращая на нас никакого внимания.

— Если вы не остановитесь, я буду стрелять, — угрожающе крикнул Чарли.

Но это не произвело на них никакого впечатления, и они ничуть не испугались даже тогда, когда Чарли дал несколько выстрелов, едва не задев их. Однако он ни в коем случае не стал бы убивать безоружных людей, и итальянцы знали это так же хорошо, как и мы. Поэтому они продолжали упорно кружиться вокруг корабля.

— Ну, так мы загоняем их, — воскликнул Чарли. — Мы будем гонять их до тех пор, пока они не выбьются из сил.

Итак, погоня продолжалась. Мы раз двадцать обогнули «Ланкаширскую Королеву» и, наконец, заметили, что даже их железные мускулы начинают сдавать. Они выбивались уже из последних сил — еще несколько кругов, и дело было бы кончено. Но игра приняла вдруг новый оборот. Пока погоня шла против ветра, итальянцам всегда удавалось значительно опередить нас, так что в тот момент, когда мы огибали нос корабля, ялик, как правило, находился уже у середины подветренного борта. Но в этот последний раз, огибая нос, мы увидели, что они быстро поднимаются по сходням, которые им спустили с корабля. Это было сделано матросами и, очевидно, с согласия капитана. Когда мы подошли к тому месту, с которого итальянцы поднялись на борт, трап был уже поднят, а ялик качался на судовых баканцах, вне пределов досягаемости.

Разговор, который произошел между нами и капитаном, был лаконичен и резок. Капитан решительно запретил нам подняться на борт «Ланкаширской Королевы» и отказался выдать беглецов. К этому времени Чарли был так же разъярен, как и наш грек. Он не только потерпел неудачу в этой долгой и смешной погоне, но вдобавок получил по голове удар, от которого потерял сознание. И причиной всех этих бед были те самые люди, которые ускользнули от него.

— Сбейте мне голову орехами, — с чувством заявил он, всаживая кулак одной руки в ладонь другой, — если этим парням удастся ускользнуть. Я останусь стеречь их здесь, хотя бы мне пришлось прождать их до конца жизни. И клянусь, что проживу столько, сколько нужно будет, чтобы поймать их, не будь я Чарли Легрант.

Тут-то и началась осада «Ланкаширской Королевы», осада, памятная в истории как рыбаков, так и рыбачьего патруля.

Когда «Северный Олень», отказавшись от бесплодного преследования рыбачьей флотилии, подошел к нам, Чарли попросил Нейля Партингтона прислать ему его собственное судно для ловли лососей, снабдив его одеялами, провизией

и рыбачьей печкой. На закате произошел обмен судов, и мы распрощались с нашим греком, которому предстояло отправиться в Бенишию и сесть в тюрьму за нарушение законов о рыбном промысле. После ужина мы с Чарли выстаивали попеременно четырехчасовые вахты вплоть до восхода солнца. В эту ночь рыбаки не сделали никакой попытки ускользнуть, хотя с корабля спустили для разведки шлюпку, чтобы, по-видимому, выяснить, свободен ли берег.

На следующий день мы убедились, что нам придется вести настоящую осаду, и выработали план действий, стараясь по возможности обеспечить себе некоторый комфорт. Нам сильно помог в этом отношении док у берега Бенишии, известный под именем Соланской пристани. Случайно мы открыли, что «Ланкаширская Королева», берег Тернеровской верфи и Соланская пристань составляют как бы три угла большого равностороннего треугольника. Расстояние от корабля до берега, т. е. та сторона треугольника, по которой должны были бежать итальянцы, равнялась другой стороне его от Соланской пристани до берега, которую нужно было пройти нам, чтобы достигнуть берега раньше итальянцев. Но так как мы на парусах двигались гораздо быстрее, чем они на веслах, то могли смело позволить им пройти половину их стороны, прежде чем пуститься самим в погоню по своей стороне. Если бы мы дали им пройти больше половины этого расстояния, то они, несомненно, достигли бы берега раньше нас, а если бы тронулись в путь прежде, чем итальянцы дошли до середины этой линии, то они также несомненно успели бы спастись опять на судне.

Мы установили воображаемую границу от конца пристани до ветряной мельницы, стоявшей на берегу. Она как раз перерезала пополам ту сторону треугольника, по которой должны были бежать на берег итальянцы. Благодаря этой линии мы легко могли определить, до какого места следует допустить наших беглецов, прежде чем пуститься в погоню. День за днем мы следили в бинокли, как они не спеша

гребли по направлению к пункту, обозначавшему половину пути, и лишь только они становились на одну линию с мельницей, мы тотчас же бросались в лодку и наставляли паруса. Но, заметив наши приготовления, они поворачивали и медленно возвращались обратно к «Ланкаширской Королеве» в полной уверенности, что мы их не поймаем.

Чтобы обеспечить себя на случай штиля, когда наше парусное судно становилось совершенно беспомощным, мы держали наготове легкий ялик с веслами. Но в те дни, когда ветер спадал, нам приходилось пускаться в путь от пристани в тот же момент, когда итальянцы отчаливали от корабля. Ночью же необходимо было сторожить в непосредственном соседстве с кораблем. Так мы с Чарли и делали, отстаивая по очереди четырехчасовые вахты. Однако итальянцы предпочитали, видимо, для своих вылазок дневное время, так что наши долгие ночные бдения были совершенно напрасны.

— Меня больше всего бесит то, — говорил Чарли, — что мы лишены своего честно заслуженного сна, тогда как эти мошенники преспокойно высыпаются каждую ночь. Но это им даром не пройдет, — грозился он. — Я проморю их на этом корабле, пока капитан не потребует с них за харчи. Это так же верно, как то, что осетр не треска!

Перед нами была мучительная задача. Пока мы бодрствовали, они не могли убежать, но, с другой стороны, пока они были настороже, мы никак не могли их поймать. Чарли не переставал ломать себе голову над этой проблемой, но сообразительность, казалось, на этот раз изменила ему. Для этой задачи существовало, по-видимому, единственное решение — набраться терпения и ждать. Это была игра в ожидание: кто сумеет дольше выждать, тот и выиграет. Наше бешенство еще более усилилось, когда мы увидели, что друзья итальянцев установили целую сигнализацию, при помощи которой они переговаривались с ними с берега. Таким образом, мы ни на минуту не могли ослабить

осаду. Кроме того, вокруг Соланской пристани вечно слонялись какие-то подозрительного вида рыбаки, следившие за всеми нашими движениями. Нам не оставалось ничего другого, как только «закусить губу и молчать», как выразился Чарли, а между тем эта осада отнимала у нас время и не давала возможности заняться чем-нибудь другим.

Дни шли за днями, а положение не изменялось, хотя нельзя сказать, чтобы итальянцы не делали попыток изменить его. Раз ночью друзья с берега выехали в ялике и попробовали ввести нас в заблуждение, чтобы тем временем дать своим приятелям возможность спастись. Это не удалось им только оттого, что боканцы корабля были плохо смазаны. Услыхав скрип боканцев, мы бросились преследовать чужую лодку и подошли к «Ланкаширской Королеве» как раз в тот момент, когда итальянцы спускали ялик. В другой раз, тоже ночью, целая флотилия яликов сновала вокруг нас в темноте, но мы, точно пиявки, держались у своего судна и расстроили их план, так что они под конец разозлились и стали осыпать нас бранью. Чарли смеялся про себя, сидя на дне лодки.

— Это хороший признак, парнишка, — сказал он мне. — Когда люди начинают браниться, это значит, что они теряют терпение. А как только они потеряют его, тут уж недолго и голову потерять. Запомни мои слова. Если мы сумеем выдержать характер, то они в один прекрасный день забудут об осторожности и мы сцапаем их.

Но они не забывали об осторожности, и Чарли должен был признать, что это один из тех случаев, когда все приметы оказываются несостоятельными. Их терпение, казалось, нисколько не уступало нашему; вторая неделя осады потянулась так же медленно и однообразно, как первая. Но тут заснувшее было воображение Чарли снова оживилось, и он изобрел хитрый план.

В Бенишию случайно приехал новый патрульный Питер Бойлен, совершенно незнакомый рыбакам, и мы втянули

его в нашу игру. Мы держали все это в строжайшей тайне, но друзья с берега какими-то неисповедимыми путями пронюхали о нашей затее и предупредили осажденных итальянцев, чтобы те были настороже.

В намеченную ночь мы приступили к выполнению своего плана: Чарли занял наш обычный пост в ялике у борта «Ланкаширской Королевы». Когда совсем стемнело, Питер Бойлен вышел в море на ветхой утлой лодчонке, из тех, которые можно поднять одной рукой и унести под мышкой. Услышав, что он приближается, шумно ударяя веслами по воде, мы немного отъехали в темноту и подняли весла. Поравнявшись с трапом, он весело окликнул якорного вахтенного «Ланкаширской Королевы» и спросил его, где стоит «Шотландский Вождь» (другое судно, ожидавшее пшеницы). Но в этот момент его лодка вдруг опрокинулась, и матрос, стоявший на якорной вахте, бегом спустился по трапу и вытащил его из воды. Этого только ему и нужно было — попасть на борт корабля; Питер Бойлен надеялся, что ему позволят подняться на палубу, а там, пожалуй, сведут и вниз, чтобы согреться и обсушиться. Но негостеприимный капитан задержал его на нижней ступеньке трапа. Ноги нашего товарища болтались в воде, и он так дрожал от холода, что мы не выдержали, вышли из темноты и взяли его в лодку.

Шутки и насмешки проснувшейся команды прозвучали далеко не сладко в наших ушах. Даже оба итальянца, взобравшись на борт, долго и ехидно издевались над нами.

— Ладно, ладно, — сказал Чарли таким тихим голосом, что только я расслышал его, — я очень рад, что мы не смеемся первыми. Прибережем наш смех напоследок, не так ли, паренек?

Он похлопал меня по плечу, но мне показалось, что в голосе его звучит больше решимости, чем надежды.

Мы могли бы, конечно, обратиться к судебной власти и вступить на английское судно именем государства, но в инструкциях рыболовной комиссии говорилось, что пат-

рульные должны избегать осложнений, а в данном случае, если бы мы обратились к высшей власти, инцидент мог бы окончиться славным международным конфликтом.

Вторая неделя осады подходила к концу, а дело обстояло все так же. Утром четырнадцатого дня наконец наступила перемена, но в странной форме, совершенно неожиданно как для нас, так и для тех, кого мы хотели поймать.

Мы с Чарли возвращались к Соланской пристани после обычного ночного бдения у борта «Ланкаширской Королевы».

— Это что!? — воскликнул Чарли в изумлении. — Во имя разума и здравого смысла, что это такое? Видал ты когда-нибудь этакое несуразное судно?

Он имел полное основание удивляться, ибо у пристани стоял баркас самого необычайного вида. Его, собственно, нельзя было назвать и баркасом, но все же он скорее напоминал баркас, чем что-либо другое. Судно это имело семьдесят футов в длину, но при этом было очень узко и лишено всяких надстроек, отчего и казалось гораздо меньше своей настоящей величины. Баркас этот был весь сделан из стали и выкрашен в черный цвет. Посредине его, несколько отклоняясь к корме, поднимались три трубы на большом расстоянии друг от друга; нос же, длинный и острый, как нож, ясно говорил о том, что судно очень быстроходно. Проходя под кормой, мы прочли имя судна, написанное мелкими белыми буквами: «Молния».

Мы с Чарли сгорали от любопытства. Через несколько минут мы были уже на борту и беседовали с механиком, наблюдавшим с палубы восход солнца. Он очень охотно удовлетворил наше любопытство, и мы скоро узнали, что «Молния» пришла из Сан-Франциско уже после того как стемнело. Это была, так сказать, ее пробная поездка, а принадлежала она Сайласу Тэйту, юному калифорнийскому миллионеру, страстно увлекающемуся быстроходными яхтами. Разговор перешел на турбины, прямое применение

пара, устройство лопаток, рычагов, кранов — но во всем этом я ровно ничего не понимал, ибо был знаком только с парусными судами. Однако последние слова механика все же привлекли мое внимание.

— Четыре тысячи лошадиных сил и сорок пять миль в час, хотя это может показаться вам просто невероятным, — закончил он с гордостью.

— Повторите-ка, дружище, повторите, — взволнованно воскликнул Чарли.

— Четыре тысячи лошадиных сил и сорок пять миль в час, — повторил механик, добродушно усмехаясь.

— А где владелец? — тотчас же осведомился Чарли. — Нельзя ли мне переговорить с ним сейчас?

Механик покачал головой.

— Нет, не думаю. Он, видите ли, спит.

В этот момент на палубу вышел молодой человек в синей форме; он прошел дальше на корму и стал наблюдать за восходом солнца.

— Вот он; это и есть мистер Тэйт, — сказал механик.

Чарли подошел к владельцу яхты и начал что-то с жаром ему говорить; молодой человек с интересом слушал его. Он, должно быть, расспрашивал о глубине у берега близ Тернеровской верфи, потому что я видел, как Чарли объяснял ему это жестами. Через несколько минут он вернулся к нам в необычайно приподнятом настроении.

— Ну, пойдем, парнишка, — сказал он. — Айда, прямо в доки! Теперь они в наших руках.

Счастье, что мы покинули «Молнию» в этот момент, потому что вскоре около нее появился один из шпионивших рыбаков. Мы с Чарли заняли наши обычные места на конце пристани, немного впереди «Молнии», над нашей собственной лодкой; оттуда мы могли с полным комфортом наблюдать за «Ланкаширской Королевой». До девяти часов все было спокойно; затем мы увидели, что итальянцы удалились от парохода и направились по своей стороне тре-

угольника к берегу. Чарли принял равнодушный вид, но прежде чем они покрыли четверть расстояния, шепнул мне:

— Сорок пять миль в час... Ничто не спасет их... Они наши!

Итальянцы медленно гребли и находились уже почти на одной линии с мельницей. Обычно в этот момент мы прыгали в свою лодку и наставляли паруса. Ожидавшие этого маневра итальянцы, похоже, очень удивились, увидев, что мы не двинулись с места.

Когда они очутились как раз на одной линии с мельницей, на одинаковом расстоянии от берега и от судна и несколько ближе к берегу, чем мы когда-либо допускали до сих пор, у них зашевелились какие-то подозрения. Наблюдая за ними в бинокль, мы увидели, что они встали в ялике, пытаясь разгадать, что мы собираемся сделать. Шпион, сидевший рядом с нами на пристани, также был в полном недоумении. Он не мог понять, почему мы бездействуем. Итальянцы стали грести к берегу, но затем опять остановились и начали внимательно оглядываться, точно подозревая, что мы спрятались где-то поблизости и сейчас бросимся на них. Но на берегу показался какой-то человек и замахал платком в знак того, что путь к берегу свободен. Это заставило их решиться. Они налегли на весла и ринулись вперед. Чарли все еще ждал. Только когда они прошли три четверти пути от «Ланкаширской Королевы», так что от берега их отделяла лишь одна четверть всего расстояния, он хлопнул меня по плечу и крикнул:

— Они наши! Они наши!

Мы пробежали несколько шагов и вскочили на борт «Молнии». В одно мгновение носовые и кормовые концы были отданы, и «Молния» стремительно двинулась вперед. Шпионивший рыбак, которого мы оставили на пристани, вынул револьвер и быстро выстрелил пять раз в воздух. Итальянцы поняли предостережение и начали грести, как сумасшедшие.

Но если они гребли, как сумасшедшие, то как назвать наше движение? Это был настоящий полет. Мы с такой страшной быстротой разрезали воду, что по обе стороны носа яхты вздымались большущие пенящиеся волны, тогда как с кормы нас жадно преследовал огромный гребнистый вал, готовый, казалось, каждую минуту обрушиться на борт и уничтожить нас. «Молния» вся дрожала, трепетала и гудела, точно живое существо. Ветер, который мы поднимали своим движением, напоминал настоящий ураган — ураган, летевший со скоростью сорока пяти миль в час. Мы не могли устоять против него и едва переводили дыхание, задыхаясь и кашляя. Он относил дым, выходивший из труб, назад, под прямым углом к ним. Мы мчались со скоростью экспресса.

— Мы просто налетели на них, — говаривал Чарли впоследствии, рассказывая об этом приключении, — и я думаю, что трудно придумать более точное выражение для описания нашей погони.

Что касается итальянцев, то у меня осталось впечатление, что не успели мы тронуться в путь, как уже настигли их. Разумеется, нам пришлось замедлить ход задолго до того, как мы нагнали ялик, но, несмотря на это, мы все же вихрем промчались мимо них и должны были повернуть обратно и описать дугу между ними и берегом. Они продолжали сильно грести, при каждом ударе приподнимаясь на скамьях, пока не увидели на промчавшемся судне меня и Чарли. Это совершенно лишило их мужества. Они сложили свои весла и мрачно сдались.

— Ну, Чарли, — сказал Нейль Партингтон, когда мы позднее рассказывали ему об этом на пристани, — я все же не вижу, в чем проявилась на этот раз ваша хваленая сообразительность?

Но Чарли был верен своему коньку.

— Сообразительность? — спросил он, указывая на «Молнию». — А это что же? Вы только посмотрите на нее. Если

уж это не сообразительность, то я хотел бы знать, что же такое сообразительность? Конечно, — добавил он, — на этот раз сообразительность проявил другой, но все равно она свое дело сделала.

ПРОДЕЛКА ЧАРЛИ

Может быть, самым смешным, но в то же время самым опасным из подвигов рыбачьего патруля была поимка двадцати озлобленных рыбаков в один заход. Это было настоящее Ватерлоо для рыбаков, ибо такого жестокого удара им никогда еще не наносил ни один рыбачий патруль. Однако это явилось вполне заслуженным ответом на дерзкий открытый вызов, который они бросили закону.

Во время так называемого «открытого сезона» рыбакам разрешается ловить лососей сколько им будет угодно и сколько могут выдержать их лодки. Но при этом ставится одно важное ограничение: им воспрещается забрасывать сеть от захода солнца в субботу до его восхода в понедельник. Это мудрое постановление рыболовной комиссии объясняется необходимостью дать лососям возможность подняться к верховьям реки, где они мечут икру. И этот закон, за редким исключением, всегда свято соблюдался греческими рыбаками, занимающимися ловлей лососей для консервных фабрик и для рынка.

Однажды в воскресенье утром какой-то приятель сообщил Чарли по телефону из Коллинсвиля, что целая компания рыбаков вышла в море с сетями. Мы с Чарли сейчас же вскочили в нашу парусную лодку и отправились на место беспорядков. С легким попутным ветром мы прошли Каркинезский пролив, пересекли Суизинскую бухту, миновали маяк Корабельного острова и наткнулись на целую флотилию рыбаков, занятых ловлей лососей.

Но тут я должен сначала описать способ, которым они ловили рыбу. Сети, употребляемые для этой цели, носят название жаберных сетей. Петли такой сети имеют обычно форму ромба, и расстояние между узлами не должно быть меньше семи с половиной дюймов. В длину они имеют от пяти до семи и даже до восьмисот футов, тогда как ширина их бывает не больше нескольких футов. Эти сети не закрепляются, а плывут по течению, причем верхний край поддерживается на воде поплавками, а нижний оттягивается вниз свинцовыми гирьками.

Благодаря такому устройству сеть держится в течении отвесно и преграждает путь всякой крупной рыбе, поднимающейся вверх по реке. Лососи плывут обычно близко к поверхности и попадают головой в петли; однако пройти сквозь них им мешает ширина тела, а назад они не могут вырваться, потому что их задерживают зацепившиеся за петли жабры. Чтобы поставить такую сеть, нужно не меньше двух человек — один при этом гребет, а другой, стоя на корме, осторожно выбрасывает сеть. Когда она вся уже растянута поперек течения, рыбаки крепко привязывают один конец ее к лодке и плывут по течению, волоча сеть за собой.

Когда мы подошли к преступной флотилии, лодки находились на расстоянии двухсот — трехсот ярдов друг от друга, и река, насколько хватал глаз, была сплошь усеяна сетями и рыбачьими лодками.

— Одно мне обидно, парнишка, — сказал Чарли, — что у нас не тысяча рук, чтобы схватить их всех разом. При таком положении нам удастся изловить не больше одной лодки, потому что, пока мы будем возиться с ней, все остальные вытащат сети — и поминай как звали.

Приблизившись, мы не заметили, однако, никаких признаков суматохи или волнения, неизменно возникавших при нашем появлении. Вместо этого каждая лодка спокойно оставалась у своей сети, а рыбаки не обращали на нас ни малейшего внимания.

— Странно, — пробормотал Чарли. — Не узнали они нас, что ли?

Я ответил, что это невозможно, и Чарли согласился со мной. Однако перед нами был целый флот, управлявшийся людьми, которые, пожалуй, даже чересчур хорошо знали, кто мы такие, но обращали на нас в этот момент не больше внимания, чем если бы мы были какой-нибудь нагруженной сеном плоскодонкой или увеселительной яхтой.

Тем не менее, дело, по-видимому, обстояло не так просто, ибо, когда мы подошли к ближайшей сети, рыбаки, которым она принадлежала, отвязали от нее свою лодку и медленно поплыли к берегу. Другие лодки, однако, по-прежнему не проявляли ни малейших признаков беспокойства.

— Что за странность? — заметил Чарли. — Ну что ж, конфискуем по крайней мере сеть.

Мы спустили парус, подобрали конец сети и начали вытаскивать ее в лодку. Но в ту же минуту мимо нас по воде просвистела пуля, и вдали слабо прозвучал ружейный выстрел. Это рыбаки, высадившиеся на берег, стреляли в нас. Как только мы снова взялись за сеть, мимо пронеслась вторая пуля, на этот раз едва не задев нас. Чарли закрутил конец сети вокруг шпильки и сел. Выстрелы прекратились. Но как только он снова начал поднимать сеть, стрельба возобновилась.

— Придется бросить, — сказал он, выбрасывая конец сети через борт, — вы, ребята, как видно, сильнее привязаны к ней, чем мы, ну и получайте вашу сеть.

Мы подплыли к следующей сети, потому что Чарли хотел выяснить, имеем ли мы дело с организованной демонстрацией или только со случайным сопротивлением. При нашем приближении оба рыбака покинули свою сеть и направились к берегу, между тем как первые два вернулись обратно и снова привязали свою лодку к той сети, которую мы вынуждены были оставить. У второй сети нас опять встретили ру-

жейными выстрелами, которые смолкли лишь тогда, когда мы отступили; этот маневр повторился и у третьей сети.

Потерпев, таким образом, полное поражение, мы отошли, наставили парус и поплыли обратно в Бенишию. Прошло еще несколько воскресений, в течение которых рыбаки продолжали упорно нарушать закон. Но мы, не имея в своем распоряжении вооруженной силы, были совершенно бессильны что-либо предпринять. Рыбакам, как видно, пришелся по вкусу этот новый способ борьбы, и они старались использовать его вовсю, в то время как мы лишены были какой бы то ни было возможности проучить их.

Как раз в это время Нейль Партингтон вернулся из Нижней бухты, где он пробыл несколько недель. С ним явился и Николай, молодой грек, помогавший нам при набеге на устричных хищников, и оба они присоединились к нам. Мы тщательно разработали план действий. Было решено, что, пока мы с Чарли будем вытаскивать сети, они устроят на берегу засаду для тех рыбаков, которые высадятся на берег, чтобы стрелять в нас.

План был хорош. Даже Чарли признал это. Но рыбаки оказались куда хитрее. Они предупредили нас, устроив со своей стороны засаду на берегу, и захватили в плен Нейля и Николая. Таким образом, как только мы с Чарли снова попытались завладеть сетями, мимо наших ушей опять засвистели пули. Когда же мы снова отступили, они освободили Нейля и Николая. Наши товарищи имели довольно смущенный вид по возвращении из плена, и Чарли немилосердно высмеивал их. Но Нейль не оставался в долгу. Он язвительно осведомлялся у Чарли, куда девалась его сообразительность и почему она не помогла ему до сих пор выпутаться из беды.

— Дайте сроку, придет время — придумаю, — сулил нам Чарли.

— Очень возможно, — соглашался Нейль, — беда только, что лососей истребят к тому времени окончательно

и сообразительность ваша, пожалуй, никому уже не понадобится.

Нейль Партингтон, очень недовольный этим приключением, уехал в Нижнюю бухту, забрав с собой Николая, и мы с Чарли снова оказались предоставленными самим себе. Это означало, что воскресная ловля будет производиться беспрепятственно, пока Чарли не осенит какая-нибудь удачная идея. Я немало ломал себе голову над тем, как обуздать греков, то же делал и Чарли, и мы придумывали тысячи планов, которые при более детальном рассмотрении оказывались никуда негодными.

Рыбаки, между тем, чувствовали себя превосходно и хвастались по всей реке, что одержали над нами победу. Вскоре мы заметили, что и остальное рыбачье население начинает выказывать нам неповиновение. Мы потерпели поражение, и они перестали уважать нас, а потеряв к нам уважение, стали относиться пренебрежительно. Чарли они прозвали старой бабой, а я получил кличку молокососа. Положение становилось просто невыносимым, и мы понимали, что должны во что бы то ни стало нанести грекам оглушительный удар и тем вернуть себе уважение, которым мы пользовались раньше.

Однажды утром нас, наконец, осенила идея. Мы находились на пароходной пристани, где обычно пристают речные пароходы; там мы наткнулись на кучку береговых рабочих и зевак, столпившихся вокруг заспанного молодого парня в высоких морских сапогах, который рассказывал им о своих злоключениях. По его словам, он был рыбаком-любителем и ловил рыбу для местного рынка в Берклее, а Берклей находился в тридцати милях от этих мест в Нижней бухте. Прошлой ночью, рассказывал парень, он закинул сеть и прилег маленько вздремнуть на дно лодки. Когда он открыл глаза, было уже утро, и лодка тихонько ударялась о столбы пароходной пристани в Бенишии. Затем он увидел впереди речной пароход «Апаш», на котором два матроса

снимали с пароходного колеса запутавшиеся обрывки его сети. Короче говоря, пока он спал, его якорный огонь потух, и «Апаш» прошел по его сети. Разорванная в клочья сеть каким-то образом зацепилась за пароход и пробуксировала лодку на тридцать миль в сторону.

Чарли толкнул меня локтем. Я тотчас же понял его мысль и возразил:

— Но где же нам взять пароход?

— Да он нам вовсе и не нужен, — ответил он, — пойдем к Тернеровской верфи. Мне пришла в голову одна мысль, которая, может быть, сослужит нам хорошую службу.

Итак, мы отправились на верфь; Чарли тотчас же повел меня к «Марии-Ревекке», которая стояла в доке, где ее чистили и приводили в порядок. Это была плоскодонная шхуна, которую мы оба хорошо знали. Она поднимала груз в сто сорок тонн, а такой большой парусности, как у нее, не было ни у одной шхуны в заливе.

— Как живешь, Оле? — приветствовал Чарли огромного шведа в синей блузе, который смазывал куском свиной кожи щеки гротового гафеля.

Оле буркнул что-то непонятное, не выпуская трубки изо рта и не отрываясь от работы. Капитан шхуны, плавающей по заливу, должен уметь делать все то, что делают его матросы.

Оле Эриксен подтвердил предположение Чарли, что «Мария-Ревекка» тотчас после спуска отправится по реке Святого Иоакима в Стоктон за грузом пшеницы. Затем Чарли изложил ему свой план, и Оле Эриксен отрицательно покачал головой.

— Да только один крюк, один хороший крюк, — молил Чарли.

— Нет, никак не можно, — сказал Оле Эриксен, — дер «Мария-Ревекка» будет цеплялась за каждый мель с этот крюк. Мой не хочет потерять дер «Мария-Ревекка». Мой больше ничего не имейт.

— Нет, нет, — поторопился объяснить Чарли, — мы можем привинтить крюк снаружи и укрепить его изнутри гайкой. Как только он сделает свое дело, мы спустимся в трюм, отвинтим гайку, и крюк отпадет. Затем мы законопатим дыру деревянным клином, и «Мария-Ревекка» снова будет в полной исправности.

Оле Эриксен долго упрямился, но под конец, после хорошего обеда, которым мы угостили его, сдался.

— Ладно, мой согласна, — сказал он, ударяя своим огромным кулаком по ладони. — Только вы должен поторопиться мит дер крюк. Дер «Мария-Ревекка» будет спущен на вода в сегодняшний ночь.

Была суббота, и Чарли в самом деле надо было поторопиться. Мы отправились к кузнецу верфи, и он под руководством Чарли выковал большой, тяжелый, основательно изогнутый стальной крюк. Затем мы поспешили обратно к «Марии-Ревекке» и пробуравили в ее лике у кормы дыру. Я просунул снаружи конец крюка, а Чарли изнутри крепко закрепил его гайкой. Таким образом, крюк спускался на фут ниже дна шхуны: он был изогнут наподобие серпа, только кривизна его была несколько больше.

К вечеру того же дня «Марию-Ревекку» спустили на воду и закончили все приготовления для того, чтобы на следующее утро отправиться вверх по реке. Чарли и Оле внимательно изучали вечернее небо, стараясь угадать, будет ли ветер, ибо без хорошего бриза наш план был обречен на неудачу. Но оба они решили, что все приметы обещают на завтра сильный западный ветер — не обыкновенный дневной бриз, а полушторм, который начинал уже подниматься.

На следующее утро их предсказания оправдались. Солнце ярко светило, но в Каркинезском проливе уже завывал ветер, походивший скорее на настоящий шторм, нежели на полушторм, и «Мария-Ревекка» вышла с двумя рифами на гроте и одним на фоке. В проливе и Суизинской бухте нам пришлось довольно тяжко, но когда мы вошли в более за-

крытые воды, ветер ослабел, хотя паруса оставались попрежнему наполненными.

Миновав маяк Корабельного острова, мы отпустили рифы и по указанию Чарли приготовились поднять большой рыбачий стаксель-леер, а грот-марсель, свернутый в эзельфогте на верхушке мачты, мог быть наставлен в любую минуту.

Мы летели точно на крыльях на фордевинде, с фоком на правом борту и гротом на левом, и еще издали увидели флотилию рыбаков, занятую ловлей лососей. Как и в то памятное воскресенье, когда они одержали над нами свою первую победу, вся река, насколько хватал глаз, была усеяна лодками и сетями. Только у правого берега пролива рыбаки оставили узкое пространство для прохода судов, вся же остальная часть реки была покрыта широко раскинутыми сетями. Нам, собственно, полагалось пройти по этому узкому проходу, но Чарли, стоявший на руле, направил «Марию-Ревекку» прямо на сети. Это нисколько не встревожило рыбаков, потому что суда, идущие вверх по реке, обычно бывают снабжены «башмаками» на конце киля и благодаря этому легко скользят по сетям, не задевая их.

— Ну! Теперь готово, — крикнул Чарли, когда мы стремительно пересекли посредине линию поплавков, указывавших, где поставлена сеть. На одном конце этой линии находился маленький бочонок, заменявший буй, а на другом — лодка с двумя рыбаками. Буй и лодка тотчас же начали сближаться, и рыбаки, увидев, что мы тащим их за собой, подняли громкий крик. Несколько минут спустя мы зацепили вторую сеть, за ней третью и таким образом, перерезая флотилию посредине, стали нанизывать их одну за другой.

Рыбаки были поражены и ошеломлены до крайности. Как только мы зацепляли сеть, оба конца ее — буй и лодка — сходились и следовали за нашей кормой. Все это множество лодок и буев неслось за нами с головокружительной быстротой, так что рыбакам приходилось сосредоточить все свое внимание на том, как бы не разбиться друг о друга.

Греки кричали как сумасшедшие, требуя, чтобы мы легли в дрейф; они думали, что это просто шутка подвыпивших матросов, ни минуты не подозревая, что вся затея — дело рук рыбачьего патруля.

Буксировать одну сеть — и то уже очень тяжело; поэтому Чарли и Оле Эриксен решили, что «Мария-Ревекка» даже при таком ветре не сможет протащить больше десяти сетей. Итак, подцепив десять сетей и волоча за собой десять лодок с двадцатью рыбаками, мы повернули налево, в сторону от флотилии, и направились к Коллинсвилю.

Мы ликовали. Чарли с таким торжествующим видом правил рулем, точно вел победившую на гонках яхту. Два матроса, составлявшие команду «Марии-Ревекки», шутили и смеялись. Оле Эриксен потирал свои огромные руки, радуясь, как дитя.

— Ваша рыбачья патруль никогда не имел такой удача, как с Оле Эриксен, — сказал он; но как раз в этот момент за кормой резко щелкнуло ружье, и пуля, задев недавно выкрашенную каюту, ударилась в гвоздь и с резким свистом отскочила от него в сторону. Этого Оле Эриксен не мог вынести. Увидев, как пострадала свежая краска, которой он любовался с такой нежностью, он вскочил и потряс кулаком в сторону рыбаков, но тут вторая пуля ударилась в каюту в шести дюймах от его головы, и старый моряк пригнулся к палубе, укрывшись под бортом.

Все рыбаки были вооружены винтовками и, не долго думая, открыли по нам стрельбу. Мы попрятались от пуль, и даже Чарли пришлось бросить руль, чтобы укрыться. Если бы не тяжелые сети, мы неминуемо попали бы в руки взбешенных рыбаков. Но сети, прочно прикрепленные к дну «Марии-Ревекки», удерживали ее корму по ветру, хотя и не очень твердо.

Чарли, лежа на палубе, едва мог дотянуться до нижних ручек штурвала, и править таким образом было очень неудобно. Оле Эриксен вспомнил, что в пустом трюме лежит

большой лист стали. Это был собственно кусок стальной обшивки борта с парохода «Нью-Джерси», недавно потерпевшего крушение за Золотыми Воротами, в спасении которого «Мария-Ревекка» принимала очень деятельное участие.

Осторожно пробираясь ползком по палубе, два матроса, Оле и я притащили тяжелый лист наверх и установили его на корме, в виде щита между рыбаками и штурвалом. Пули со звоном ударялись об него, и он гудел, как мишень, но Чарли усмехался под своим прикрытием и хладнокровно продолжал править.

Итак, мы летели вперед, к Коллинсвилю, волоча за собой вопящую, взбешенную ораву греков, а вокруг нас со свистом летали пули.

— Оле, — сказал Чарли слабым голосом, — я не знаю, что нам теперь делать.

Оле Эриксен, лежавший на спине у самого борта и улыбавшийся, глядя на небо, повернулся к Чарли.

— Мой думала, нам идти в Коллинсвиль, — сказал он.

— Но ведь мы не можем там остановиться, — простонал Чарли, — мне это и в голову не приходило раньше.

По широкому лицу Оле Эриксена медленно расплывалось выражение ужаса. К сожалению, это была правда. Мы имели дело с пчелиным роем, а остановиться в Коллинсвиле — значило бы сунуть голову в самый улей.

— У каждого из этих молодцов есть ружье, — весело заметил один из матросов.

— Да и нож вдобавок, — прибавил другой.

Теперь застонал Оле Эриксен:

— И что за черт таскал меня, шведский человек, путаться в этот историй, — рассуждал он с самим собой.

Пуля скользнула по корме и пролетела к штирборту, прожужжав, точно злобная пчела.

— Остается только одно — выбросить «Марию-Ревекку» на берег, а самим удрать, — заявил веселый матрос.

— И бросать так дер «Мария-Ревекка»? — спросил Оле с невыразимым ужасом.

— Можете оставаться, если желаете, только я не хотел бы быть даже за тысячу миль, когда эти ребята доберутся до нее, — сказал тот, указывая на разъяренных греков, которых мы тащили за собой на буксире.

В то время мы как раз поравнялись с Коллинсвилем и, вспенивая воду, проходили совсем близко от пристани.

— У меня одна надежда на ветер, — сказал Чарли, бросая украдкой взгляд на наших пленников.

— А что дер ветер? — сокрушенно ответил Оле. — Дер река и тот скоро кончился, а тогда, тогда...

В это время мы подошли к тому месту, где река разветвлялась. Влево от нас было устье Сакраменто, а вправо устье Святого Иоакима. Веселый матрос ползком пробрался вперед и перебросил фок, тогда как Чарли переложил руль вправо, и мы свернули в устье Святого Иоакима. Попутный ветер, который держал нас все время на ровном киле, теперь задувал с траверза, и «Мария-Ревекка» так сильно накренилась на левый борт, что, казалось, вот-вот перевернется.

Однако мы продолжали нестись вперед, а рыбаки по-прежнему тащились за нами. Их сети стоили значительно больше, чем те штрафы, которые полагались за нарушение законов о рыбной ловле. Таким образом, разорвать сети и скрыться — что было очень легко сделать — совсем не улыбалось нашим пленникам. Кроме того, их удерживал около сетей инстинкт, тот самый инстинкт, который привязывает моряка к его кораблю; однако сильнее всего в них бушевала жажда мести, и они готовы были следовать за нами на край света, если бы только мы захотели тащить их за собой так далеко.

Ружейная пальба прекратилась, и мы пошли на корму взглянуть, как ведут себя наши пленники. Лодки тянулись за нами на неравном расстоянии друг от друга, но мы заметили, что первые четыре идут вместе. По-видимому, передняя лодка бросила с кормы конец следующей, и таким образом

лодки, одна за другой, ловили концы, отделялись от своих сетей и подтягивались в одну линию с передней лодкой.

Быстрота, с которой мы неслись вперед, сильно затрудняла этот маневр. Иногда, несмотря на величайшее напряжение, им не удавалось подтянуться хотя бы на один дюйм; иногда же они двигались довольно быстро.

Когда все четыре лодки достаточно приблизились друг к другу, чтобы дать возможность человеку перейти с одной на другую, в ближайшую к нам лодку перебралось из трех остальных по одному греку, причем каждый захватил с собой свою винтовку. Таким образом, в передней лодке собралось пять человек, и нам стало совершенно ясно, что они намерены взять нас на абордаж. Для того, чтобы привести этот план в исполнение, им нужно было порядком попотеть и потрудиться. Ухватившись за веревку, к которой были прикреплены поплавки сети, они с колоссальным трудом стали подтягиваться к судну. И хотя работа шла медленно и прерывалась частыми передышками, тем не менее греки все ближе и ближе подбирались к нам. Чарли улыбнулся, видя их усилия, и приказал:

— Отдайте-ка марсель, Оле!

Эзельфогт на топ-мачте развернулся, и парус с ниралом туго натянулся под свист пуль, посыпавшихся с лодок. «Мария-Ревекка» накренилась и понеслась вперед еще быстрее прежнего.

Но греки не сдавались. Быстрота движения мешала им подтягиваться к судну руками, и они, убедившись в этом, пустили в ход то, что моряки называют «хват-талями». Один из них, придерживаемый за ноги товарищами, перегибался далеко через нос и прикреплял блок к плавучему краю сети; затем все вместе налегали на тали, пока блоки не сходились вместе; после этого маневр повторялся заново.

— Отдать стаксель-леер, — скомандовал Чарли.

Оле Эриксен взглянул на трепещущую от напряжения «Марию-Ревекку» и покачал головой:

— Это снесет ее мачты, — сказал он.

— А если вы не сделаете этого, то они снесут нам головы, — возразил Чарли.

Оле бросил тревожный взгляд на мачты, затем на лодку с вооруженными греками и согласился.

Все пять человек сидели на носу лодки — место ненадежное, когда судно идет на буксире. Я приготовился следить за тем, как пойдет их лодка, когда у нас наставят большой рыбачий стаксель-леер, который был несравненно больше марселя и распускался только при очень слабом ветре. «Мария-Ревекка» сильно рванула вперед, нос лодки нырнул в воду, и люди, сидевшие на нем, точно сумасшедшие, натыкаясь друг на друга, бросились к корме, чтобы спасти лодку от окончательной гибели.

— Это, пожалуй, поубавит им пылу, — заметил Чарли, продолжая, однако, с тревогой следить за движением «Марии-Ревекки», которая шла теперь под гораздо большей парусностью, чем ей полагалось.

— Следующая остановка в Антиохии! — объявил веселый матрос на манер железнодорожного кондуктора, — а за ней Мерривезер!

— Иди-ка сюда поскорее, — позвал меня Чарли. Я пополз по палубе и поднялся на ноги только тогда, когда очутился рядом с ним под прикрытием листа стали.

— Достань из моего внутреннего кармана записную книжку. Так. Вырви листок и пиши то, что я тебе продиктую.

Вот что я написал:

«Протелефонируйте в Мерривезер шерифу, констеблю или судье. Скажите им, что мы идем туда и чтобы они подняли на ноги весь город. Пусть вооружат все население и соберут его на пристани, иначе мы пропали».

— Теперь привяжи покрепче бумажку к этой свайке и стань тут, чтобы выбросить на берег.

Я сделал все, как он сказал. Тем временем мы приближались к Антиохии. Ветер свистел в снастях, и «Мария-Ревек-

ка», сильно накренившись на один бок, неслась, точно морская гончая. Моряки в Антиохии, увидев, что мы подняли марсель и стаксель — что было чрезвычайно рискованно при таком ветре, — стали собираться небольшими группами на концах пристани, стараясь разгадать, в чем тут дело.

Чарли на полном ходу стал поворачивать к берегу, и мы вскоре настолько приблизились к нему, что легко могли бы выпрыгнуть на пристань. Тогда он подал мне знак, и я бросил свайку. Она со стуком ударилась о доски пристани, подскочила на пятнадцать-двадцать футов и была подхвачена изумленными зрителями.

Все это произошло в один миг, ибо в следующий момент Антиохия была уже позади, а мы неслись вверх по реке Святого Иоакима к Мерривезеру, находившемуся на расстоянии шести миль оттуда. В этом месте главное течение реки выпрямляется в восточном направлении, и мы еще быстрее прежнего полетели на фордевинде, с фоком на штирборте.

Оле Эриксен, по-видимому, впал в полное отчаяние, но Чарли и оба матроса были исполнены весьма основательных надежд и держались очень бодро. Население Мерривезера состоит главным образом из углекопов, и так как день был воскресный, то можно было смело ожидать, что все находятся в городе. Кроме того, углекопы никогда не питали особенной любви к греческим рыбакам и, несомненно, с готовностью должны были согласиться помочь нам.

Мы напрягли зрение, стараясь разглядеть город, и первое, что мы увидели, доставило нам огромное облегчение. Пристани были черны от собравшейся толпы. Подойдя ближе, мы увидели, что народ все прибывает, с оружием в руках спускаясь бегом по главной улице. Чарли взглянул назад на рыбаков с таким победоносным видом, какого я еще ни разу не замечал у него до этой минуты. Греки окончательно растерялись, увидев такое количество вооруженных людей, и попрятали свои винтовки.

Мы убрали марсель и стаксель и, подходя к главной пристани, перебросили грот. «Мария-Ревекка» повернула против ветра, и пленные рыбаки описали сзади нее большую дугу. Она продолжала идти вперед, пока не вышла из ветра; затем мы выбросили канаты и крепко привязали ее к пристани. Все это было выполнено под бурное ликование пришедших в восторг углекопов.

Оле Эриксен испустил глубокий вздох облегчения.

— Мой думал, никогда не видал больше жена и дети, — сознался он.

— Почему же? Ведь мы были в полной безопасности, — возразил Чарли. Оле недоверчиво взглянул на него.

— Да, да, я говорю серьезно, — продолжал тот, — ведь нам стоило только освободиться от крюка, что я сейчас и сделаю, чтобы греки могли распутать свои сети.

Он спустился вниз, отвинтил гайку, и крюк выпал в воду. Когда греки вытянули свои сети в лодки и сложили их, мы передали своих пленников гражданской милиции, которая отвела их в тюрьму.

— Какой я был большой дурак, — сказал Оле Эриксен. Но он изменил свое мнение, когда восхищенные горожане, собравшись на борту, стали жать ему руки, а пара предприимчивых репортеров даже сфотографировала «Марию-Ревекку» и ее капитана.

ДИМИТРИЙ КОНТОС

Из того, что я рассказывал о греческих рыбаках, не следует делать вывод, что это были в корне дурные люди. Совсем нет. Но это были люди грубые, жившие обособленными общинами и беспрестанно боровшиеся со стихией за свое существование. Они были далеки от законов, не понимали их и считали тиранией. При этом,

конечно, особенно ограничивающими им казались законы о рыбной ловле, а поэтому и на рыбачий патруль они смотрели как на своего естественного врага.

Мы угрожали их жизни или, вернее, мешали им добывать средства к жизни, что во многих отношениях совершенно одно и то же. Мы отбирали у них незаконные приспособления и сети, которые стоили дорого и изготовление которых требовало много времени и труда. Мы мешали им ловить рыбу в определенное время года и тем самым лишали их возможности хорошо зарабатывать, что им удавалось бы, если бы нас не было. А когда мы арестовывали их, то за этим следовал суд и большие штрафы. В результате все они, конечно, смертельно ненавидели нас. Подобно тому как собака является естественным врагом кошки, а змея — человека, так и мы, рыбачий патруль, являлись естественным врагом рыбаков.

Но чтобы доказать вам, что они были в такой же мере способны на великодушие, как и на ненависть, я расскажу о Димитрии Контосе. Димитрий Контос жил в Валлехо. После Большого Алека это был самый могучий, храбрый и влиятельный человек среди греков. Он не доставлял рыбачьему патрулю никаких хлопот, и нам, пожалуй, так и не пришлось бы никогда столкнуться с ним, если бы он не приобрел нового судна для ловли лососей. Эта лодка и послужила причиной всех бед. Он построил ее по собственной модели, которая несколько отличалась по внешнему виду от обыкновенных лодок этого типа.

К великому его удовольствию, судно оказалось очень быстроходным — быстроходнее всех лодок в заливе и реках. Вот это-то обстоятельство и заставило Контоса преисполниться необыкновенной гордости и чванства. Услыхав про наш набег на «Марии-Ревекке», набег, вселивший страх в сердца рыбаков, он послал нам в Бенишию вызов. Один из местных рыбаков передал его нам. Димитрий Контос заявлял, что в ближайшее воскресенье он выйдет из Валле-

хо, поставит свою сеть на виду у всей Бенишии и будет ловить лососей; пусть-де патрульный Чарли Легрант поймает его, если сможет. Конечно, мы с Чарли не имели никакого понятия об особенности его новой лодки. Наша лодка была достаточно быстроходна, и мы не боялись состязания с каким угодно другим парусным судном.

Настало воскресенье. Слух о вызове распространился повсюду, так что все рыбаки и моряки Бенишии как один человек высыпали на пароходную пристань; глядя на эту толпу, можно было подумать, что тут должен состояться большой футбольный матч. Мы с Чарли относились скептически к вызову, но вид толпы убедил нас в том, что это не простая похвальба со стороны Димитрия Контоса.

После полудня, когда морской ветер подул сильнее, вдали показались его парус и лодка, идущая на фордевинде. В нескольких футах от пристани грек переменил галс и сделал театральный жест, словно рыцарь, выходящий на поединок. В ответ на это с пристани раздались дружеские приветствия, и Димитрий Контос бросил якорь в проливе в нескольких сотнях ярдов от нас. Затем он спустил парус и, поставив лодку по ветру, начал забрасывать сеть. Он выбросил немного, не больше пятидесяти футов; однако дерзость этого человека поразила нас с Чарли. Мы только потом узнали, что сеть эта была старая и никуда не годилась. Правда, ею можно было еще поймать рыбу; но мало-мальски значительный улов изорвал бы ее в клочки. Чарли покачал головой.

— Сознаюсь, этот малый совершенно сбил меня с толку, — сказал он. — Что из того, что он выбросил только пятьдесят футов? Ведь он все равно не успеет собрать их, если мы тотчас же двинемся к нему. И чего ради он, собственно, явился сюда? Чтобы щегольнуть перед нами своей наглостью, да еще в нашем городе? Выходит, что так!

В голосе Чарли зазвучала обида, и он не переставал несколько минут возмущаться бесстыдством и озорством Димитрия Контоса.

Тем временем герой этого происшествия, небрежно развалившись на корме, следил за поплавком своей сети. Когда в сеть попадает крупная рыба, поплавки тотчас же начинают дергаться и таким образом предупреждают рыбака. По-видимому, это как раз и случилось, ибо Димитрий вытащил футов двенадцать сети и, продержав ее минуту в воздухе, бросил на дно лодки большого блестящего лосося. Толпа, стоявшая на пристани, встретила это громкими восторженными криками. Такой дерзости Чарли уже никак не мог вынести.

— Идем, парнишка, — позвал он меня, и мы, не теряя времени, прыгнули в нашу лодку и наставили парус.

Толпа криком предупредила Димитрия, и пока мы отчаливали от пристани, он успел быстро отрезать ножом свою негодную сеть; его парус был наготове и тотчас затрепетал на солнце. Димитрий побежал на корму, наставил шкот и помчался по направлению к холмам Контра Косты.

В этот момент мы находились не больше чем в тридцати футах от него. Чарли ликовал. Он знал, что наша лодка быстроходна и что в умении управлять парусом с ним мало кто может поспорить. Он не сомневался, что мы догоним Димитрия, и я вполне разделял его уверенность. Но нам почему-то никак не удавалось настигнуть грека.

Дул славный попутный ветер. Мы быстро скользили по воде, но Димитрий медленно уходил от нас все дальше и дальше. Он не только шел быстрее, но даже на долю румба круче к ветру. Это особенно поразило нас, когда, огибая холмы Контра Косты, он перешел на другой галс и оставил нас позади на добрую сотню футов.

— Фью! — свистнул Чарли, — не то его лодка настоящее чудо, не то к нашему килю прицепили пятигаллонную жестянку дегтя.

И действительно, было похоже на то. Когда Димитрий проходил мимо Сономских холмов по другую сторону пролива, мы оказались так безнадежно далеко от него, что

Чарли приказал мне спустить шкот, и мы повернули назад в Бенишию. Рыбаки, стоявшие на пароходной пристани, осыпали нас градом насмешек, пока мы причаливали и привязывали лодку. Мы поспешили уйти, чувствуя, что очутились в дурацком положении. В самом деле, мы думали, что у нас хорошая лодка и что мы умеем управлять ею, а тут откуда ни возьмись явился вдруг человек, который нанес нам позорнейшее поражение.

Чарли горевал по этому поводу целых два дня. Затем нам снова сообщили, как и в первый раз, что в следующее воскресенье Димитрий Контос повторит свое представление. Чарли весь встрепенулся. Он вытащил нашу лодку из воды, вычистил ее, заново выкрасил дно, сделал какое-то изменение в ее киле, перебрал привод и просидел почти всю ночь с субботы на воскресенье, сооружая новый парус, гораздо больше прежнего. Этот парус был так велик, что нам пришлось прибавить балласта и уложить на дно лодки сверх комплекта около пятисот фунтов старых рельсов.

Наступило воскресенье, а с ним явился и Димитрий Контос, чтобы снова дерзко бросить вызов закону. И в этот раз, точно так же как и в прошлое воскресенье, после полудня поднялся свежий ветер, и Димитрий снова отрезал футов сорок гнилой сети, наставил парус и умчался из-под нашего носа. Но он предугадал намерение Чарли, и его парус поднялся выше обыкновенного, а к заднему лику оказался прибавленным целый кусок холста.

Пока мы гнались друг за другом по направлению к холмам Контра Косты, никто из нас не выиграл ни ядра расстояния. Но, изменив галс к Сономским холмам, мы заметили, что Димитрий взял круче к ветру и идет быстрее нас. Однако Чарли правил нашей лодкой так ловко и искусно, что, казалось, дальше идти некуда, и судно мчалось быстрее, чем когда-либо.

Конечно, Чарли мог вытащить свой револьвер и выстрелить в Димитрия, но мы давно уже убедились, что неспо-

собны стрелять в убегающего человека, виновного лишь в незначительном проступке. Между рыбаками и патрульными существовало на этот счет как бы молчаливое соглашение. Если мы не стреляли по ним, когда они убегали, то и они в свою очередь не сопротивлялись, если нам удавалось их настигнуть. Точно так же и в этот раз Димитрий Контос убегал от нас, а мы только гнались за ним, стараясь захватить его. Но если бы наша лодка оказалась быстроходнее, если бы мы настигли его, он не стал бы сопротивляться и дал бы арестовать себя.

Благодаря широкому парусу и сильному ветру наше положение в Каркинезском проливе оказалось что называется «пиковым».

Нам приходилось все время быть настороже, чтобы не перевернуться; в то время как Чарли управлял рулем, я держал шкот в руке только с одним оборотом вокруг шпильки, готовый каждую минуту отпустить его. У Димитрия же дела было по горло, ибо он должен был один и править, и следить за парусами.

Но мы напрасно пытались изловить его. Его лодка действительно была быстроходнее нашей. И хотя Чарли правил не хуже, если не лучше грека, наша лодка все же не могла сравняться с его лодкой.

— Отдай шкот, — скомандовал Чарли, и, когда мы пошли против ветра, к нам донесся насмешливый хохот Димитрия. Чарли покачал головой:

— Дело гиблое, — сказал он. — У Димитрия лодка лучше нашей. Если он захочет повторить еще раз свое представление, нам нужно будет придумать что-нибудь похитрее.

На этот раз из затруднения вывела моя сообразительность.

— А что, если в следующее воскресенье я погонюсь на лодке за Димитрием, а ты подождешь его на пристани в Валлехо да и сцапаешь, как только он там высадится?

Чарли подумал с минуту и хлопнул себя по колену.

— Прекрасная идея. Ты начинаешь, брат, шевелить мозгами. Честь и хвала твоему учителю. Только не следует загонять его слишком далеко, — продолжал он через минуту, — иначе он отправится в Сан-Пабло вместо того, чтобы вернуться домой в Валлехо, и я только зря простою на пристани, поджидая его.

Это было во вторник, а в четверг у Чарли возникло сомнение насчет моего плана.

— Все будут знать, что я отправился в Валлехо, и, конечно, Димитрий будет также осведомлен об этом. Боюсь, нам придется отказаться от этого плана.

Возражение было основательное, и я весь остаток дня ходил повесив нос. Но ночью меня осенила новая мысль, и я, сгорая от нетерпения, разбудил Чарли, спавшего глубоким сном.

— Ну, — проворчал он, — что там еще? Дом горит?

— Нет, — ответил я, — не дом, а моя голова. Послушайка, что я придумал. В воскресенье мы оба побудем на берегу, пока не увидим Димитрия. Это усыпит все подозрения. А как только на горизонте покажется его парус, ты не спеша отправишься в город. Все рыбаки решат, что тебе просто стыдно оставаться на пристани, так как ты заранее уверен, что потерпишь поражение.

— Пока недурно, — согласился Чарли, когда я остановился, чтобы перевести дыхание.

— Даже очень хорошо, — с гордостью продолжал я. — Итак, ты небрежной походкой отправишься в город, но лишь только пристань скроется из виду, пускайся со всех ног к Дану Малонею. Бери его лошадку и шпарь что есть духу по проселочной дороге в Валлехо. Дорога превосходная, и ты прекрасно успеешь домчаться до Валлехо, пока Димитрий будет бороться с ветром.

— А относительно лошади я поговорю завтра же утром, — подхватил Чарли, без колебания принимая мой измененный план.

— Послушай-ка, — сказал он немного спустя, в свою очередь расталкивая меня.

Я слышал, как он хихикал в темноте.

— Послушай, парнишка, не кажется ли тебе, что это презабавная штука — рыбачий патруль и вдруг верхом на коне!

— Сообразительность! — ответил я. — Ведь это как раз то, что ты постоянно проповедуешь: забегай мыслью вперед твоего противника, и ты победишь его.

— Хе-хе, — хихикал он. — А если к мысли да прибавить еще славную лошадку, тут уж противнику крышка, не будь я твой покорный слуга Чарли Легрант.

— Только вот управишься ли ты один с лодкой? — спросил он в пятницу. — Не забывай, что мы поставили большой парус.

Я с таким жаром стал защищать свое умение править, что он перестал говорить об этом. Но в субботу он предложил мне снять с заднего лика целый холст. Разочарование, отразившееся на моем лице, заставило его отказаться от этой мысли, ибо я тоже гордился своим умением управлять парусной лодкой и сгорал от желания выйти одному с большим парусом и пуститься по Каркинезскому проливу в погоню за убегающим греком.

По установившемуся обычаю воскресенье и Димитрий Контос оказались и на этот раз неразлучными. У рыбаков уже вошло в привычку собираться на пароходной пристани, приветствовать восторженными криками появление своего героя и насмехаться над нашим поражением. Димитрий, как всегда, спустил парус в двухстах ярдах от пристани и выбросил пятьдесят футов негодной сети.

— Я думаю, что эта дурацкая история будет тянуться до тех пор, пока у него не кончится гнилая сеть, — буркнул Чарли нарочно достаточно громко, чтобы его услышали греки.

— Тогда наша давал ему свой старый сетка, — тотчас же ехидно отозвался один из греков.

— Плевать я хотел, — ответил Чарли. — У меня тоже найдется старая сеть, пусть попросит, я так и быть подарю ему.

Все расхохотались, ибо считали, что могут позволить себе некоторую снисходительность по отношению к человеку, так жестоко одураченному, как Чарли.

— Ну, прощай, брат, — крикнул мне Чарли минуту спустя. — Я иду в город, к Малонею.

— Можно мне выйти в лодке? — спросил я.

— Пожалуй, если есть охота, — ответил он, повернулся и медленно направился к городу.

Димитрий вынул из своей сети двух больших лососей, и я вскочил в лодку. Рыбаки в самом веселом настроении столпились вокруг, и когда я начал наставлять парус, со всех сторон посыпались язвительные советы. Они предлагали друг другу самые смелые пари, утверждая, что я обязательно поймаю Димитрия, а двое из них, взяв на себя роль судей, торжественно попросили разрешения отправиться со мной, чтобы посмотреть, как я это сделаю.

Но я не торопился и нарочно мешкал, чтобы дать Чарли как можно больше времени. Поэтому я сделал вид, будто недоволен тем, как выбрал парус, и слегка переложил тали, которыми большой шпрюйт поддерживает верхний угол паруса. И только когда я почувствовал полную уверенность в том, что Чарли сидит уже верхом на маленькой лошадке Дана Малонея, я отчалил от пристани и предоставил большой парус ветру. Сильный порыв сразу наполнил его, и лодка, накренившись правым бортом, зачерпнула ведра два воды. Такой пустяк случается даже с лучшими моряками, и хотя я тотчас же отдал парус и выровнялся, меня тем не менее осыпали градом саркастических замечаний, словно я совершил бог знает какую ошибку.

Когда Димитрий увидел в патрульной лодке только одного человека, да и то мальчишку, он решил поиграть со мной. Подпустив меня футов на пятнадцать, он сделал короткий галс, немного отдал шкот и вернулся к пароходной

пристани. Там он стал делать короткие галсы, кружить и лавировать, к великому удовольствию сочувственно настроенных зрителей. Я ни на шаг не отставал от него и повторял все его маневры, даже когда он пошел прямо на фордевинд и перебросил свой большой парус — чрезвычайно опасная штука при таком ветре и с таким парусом, как у меня.

Он рассчитывал, что ветер и отлив, вызывавшие вместе довольно сильное волнение, окончательно погубят меня. Но я был в ударе и никогда в жизни не управлял лодкой так хорошо, как в этот день. Я был возбужден до крайности, мозг мой работал быстро и легко, руки ни разу не дрогнули, и я чутьем угадывал те тысячи мелочей, которые хороший лодочный моряк никогда не должен упускать из виду.

Вместо меня сам Димитрий чуть не потерпел аварию. Что-то случилось с его гафелем, который застрял и никак не мог спуститься до самого конца. Одно мгновение, которое ему удалось выиграть у меня при помощи ловкого маневра, он нетерпеливо возился с гафелем, стараясь спустить его вниз. Но я быстро нагнал его, и он был вынужден снова взяться за румпель и шкот.

Однако гафель продолжал беспокоить его. Димитрий перестал играть со мной и направился по пути в Валлехо. К великой моей радости, я на первом же галсе заметил, что могу идти немного круче к ветру, чем он. Вот когда ему был необходим помощник в лодке! Зная, что нас разделяет всего несколько футов, он не решался оставить руль и пройти на середину лодки, чтобы спустить гафель.

Димитрий, убедившись, что не может взять на этот раз так же круто к ветру, как делал это раньше, стал понемногу отдавать шкот и полегоньку травить его, чтобы уйти от меня. Я позволил ему опередить себя, пока шел против ветра, но затем стал нагонять его. Когда я приблизился, он притворился, что переходит на другой галс. Тогда я отдал шкот, чтобы обогнать его. Но это был всего-навсего ловкий трюк, и он тотчас же снова перешел на прежний

курс, тогда как я поспешно стал наверстывать потерянное расстояние.

Димитрий безусловно управлял лодкой гораздо искуснее меня. Мне то и дело казалось, что я вот-вот настигну его, но он ловким маневром одурачивал меня и ускользал из-под носа. К тому же ветер становился все сильнее, и мы должны были направить все свое внимание на то, чтобы не перевернуться. Что касается моей лодки, то она держалась только благодаря лишнему балласту. Я сидел, скорчившись у наветренного борта, и держал в одной руке руль, а в другой шкот; но так как шкот был только один раз обернут вокруг шпиля, то при сильных порывах ветра мне часто приходилось отдавать его. Из-за этого парус выводился из ветра, терял соответственное количество двигательной силы, и я, само собой разумеется, отставал от грека. Единственным утешением было то, что Димитрию тоже часто приходилось прибегать к этому маневру.

Сильный отлив, мчавшийся по Каркинезскому проливу прямо против ветра, поднимал необычайно бурные и злобные волны, которые то и дело перекатывались через борт. Я промок до костей, и даже парус был подмочен до половины лика. Один раз мне все-таки удалось перехитрить Димитрия, и нос моей лодки ударился в середину его судна. Вот когда мне недоставало в лодке товарища! Прежде чем я успел добежать на нос и перепрыгнуть через борт в лодку грека, тот оттолкнул мою лодку веслом и вызывающе рассмеялся мне в лицо.

Теперь мы находились как раз у выхода из пролива, где море всегда бывает особенно неспокойно. Здесь смешиваются воды Каркинезского и Валлехского проливов, как бы набегая друг на друга. Первый несет весь бассейн реки Напа, а во второй впадают все воды Суизинской бухты и рек Сакраменто и Святого Иоакима. И в том месте, где сталкиваются эти огромные массы воды, всегда происходит сильное волнение. К тому же на этот раз в заливе Сан-Пабло, на

расстоянии пятнадцати миль оттуда, бушевал сильный ветер, нагоняя огромные волны. Отовсюду устремлялись противоположные течения, сталкиваясь, образуя водовороты и кипучие бездны. Большие злобные волны вздымались со всех сторон, обрушиваясь на нас одинаково часто как с подветренной, так и с наветренной стороны. И, заглушая все это смятение, покрывая всю эту безумную вакханалию стихий, накатывался, громыхая, огромный дымящийся вал из залива Сан-Пабло.

Я находился в таком же диком возбуждении, как и воды, плясавшие вокруг меня. Лодка шла великолепно, подымаясь и опускаясь на волнах, точно беговая лошадь. Я едва сдерживал радость, которую рождал во мне этот разгул стихий. Огромный парус, бушующие волны, ревущий ветер, ныряющая лодка — и наряду с этим я, пигмей, ничтожная точка среди этих гигантов! А между тем я управлял ими, я мчался по ним и над ними, торжествующий и победоносный!

И как раз в тот миг, когда я несся, словно герой-победитель, что-то со страшной силой ударилось об мою лодку, и она сразу остановилась, точно оглушенная. Меня подбросило вперед, и я упал на дно. Когда я вскочил на ноги, передо мной мелькнул зеленоватый, покрытый раковинами предмет, и я тотчас же узнал в нем ужас моряков — затонувшую сваю. Ни один человек не может уберечься от нее. Пропитанная водой свая плывет как раз под поверхностью, и заблаговременно заметить ее при сильном волнении совершенно невозможно.

По-видимому, она продавила весь нос лодки, потому что через несколько секунд судно наполовину заполнилось водой. Затем нахлынули две-три волны, и лодка стала тонуть, увлекаемая на дно тяжелым балластом. Все это произошло так быстро, что я запутался в парусе и очутился под водой. Когда наконец, едва не задохнувшись, я вынырнул на поверхность, весел не было уже и следа: их, должно быть, унесло бурным течением. Я увидел, что Димитрий Контос

оглядывается на меня, и услышал его злорадный и торжествующий голос, кричавший мне что-то. Он продолжал держаться своего курса, спокойно предоставив меня верной гибели. Не оставалось ничего другого, как пуститься вплавь, что в этом диком хаосе могло продлить мою агонию на несколько минут. Задерживая дыхание и работая руками, я ухитрился стащить с себя в воде тяжелые морские сапоги и куртку. Однако я сильно задыхался и скоро сообразил, что не так трудно держаться на воде, как дышать, плывя при таком ветре.

Огромные пенящиеся валы с залива Сан-Пабло били меня, кидали, покрывали с головой, а небольшие океанские волны душили, захлестывая глаза, нос и рот. Какие-то странные тиски сжимали мне ноги и тянули вниз, чтобы снова выбросить наверх в кипящем водовороте; и когда, напрягая все силы, я готовился перевести дыхание, огромный вал вдруг обрушивался на меня, и я глотал вместо воздуха соленую воду.

Дольше держаться было невозможно. Я больше дышал водою, чем воздухом, я тонул. Сознание начало покидать меня, голова кружилась. Я продолжал судорожно бороться, побуждаемый инстинктом, и барахтался в полубессознательном состоянии, как вдруг почувствовал, что кто-то перетягивает меня за плечо через борт лодки.

Некоторое время я лежал поперек скамьи, на которую меня бросили, лицом вниз, и изо рта моего выливалась вода. Немного погодя, все еще чувствуя себя слабым и бессильным, я повернул голову, чтобы посмотреть, кто был моим спасителем. И тут я увидел, что на корме со шкотом в одной руке и румпелем в другой сидит не кто иной, как Димитрий Контос и, добродушно усмехаясь, кивает мне головой. Он хотел было оставить меня на произвол судьбы, как он сам рассказывал после, но лучшая часть его души одержала верх и послала его ко мне на помощь.

— Ну как твой, ничего? — спросил он.

Я попробовал изобразить губами — да, потому что голос отказывался повиноваться мне.

— Твой хорошо правил лодка, — сказал он, — как настоящая мужчина.

Получить комплимент от Димитрия Контоса было очень приятно, и я вполне оценил эту любезность, но выразил свою признательность только кивком головы.

На этом разговор прекратился, потому что Димитрий Контос был занят своей лодкой, и я старался прийти в себя. Он причалил к Валлехской пристани, привязал лодку и помог мне выйти. В тот момент, когда мы оба очутились на пристани, из-за частокола, на котором сушились сети, вышел Чарли и опустил руку на плечо Димитрия Контоса.

— Он спас мне жизнь, Чарли, — запротестовал я, — и, по-моему, его нельзя теперь арестовывать.

На лице Чарли появилось выражение замешательства, которое тотчас же исчезло, как бывало всегда, когда он принимал какое-нибудь решение.

— Ничего не поделаешь, — сказал он ласково, — я не могу отступить от своего долга, а долг велит мне арестовать его. Сегодня воскресенье, а в его лодке лежат два лосося, которых он поймал сегодня. Что же мне делать?

— Но он спас мне жизнь, — настаивал я, не находя другого довода.

Лицо Димитрия Контоса потемнело от гнева, когда он услышал решение Чарли. Он чувствовал, что с ним поступают несправедливо. Лучшая часть его души одержала верх, он совершил великодушный поступок, спас беспомощного врага, и в благодарность за это враг тащил его теперь в тюрьму.

На обратном пути в Бенишию мы оба были не в своей тарелке. Я стоял за дух закона, а не за букву его, а Чарли опирался именно на букву. По его мнению, другого выхода из положения не было. Закон ясно говорил, что в воскресенье нельзя ловить лососей. Он был патрульным, и его обязанностью было следить за исполнением закона. Вот

и все. Он исполнил свой долг, и совесть его чиста. Тем не менее, мне казалось, что это несправедливо, и я очень жалел Димитрия Контоса.

Два дня спустя мы отправились в Валлехо на суд. Я был вызван в качестве свидетеля, и это была самая тяжелая обязанность, какую мне когда-либо приходилось выполнять. Я показал, что видел, как Димитрий поймал двух лососей, с которыми его задержал Чарли.

Димитрий взял адвоката, но дело его было безнадежно. Суд совещался всего пятнадцать минут и вынес ему обвинительный приговор. Он был присужден к уплате штрафа в сто долларов или к тюремному заключению на пятьдесят дней. Тогда Чарли подошел к секретарю суда.

— Я вношу этот штраф, — сказал он, кладя на стол пять монет по двадцать долларов. — Это единственный выход, парнишка, — пробормотал он, обращаясь ко мне.

Слезы выступили у меня на глазах, и я схватил его за руку:

— Я сам заплачу... — начал я.

— Половину, — прервал он. — Конечно, я так и считал, что ты заплатишь свою половину.

Между тем, адвокат сообщил Димитрию, что Чарли уплатил также и его гонорар.

Димитрий подошел к Чарли и пожал ему руку, причем вся его горячая южная кровь бросилась ему в лицо. Не желая, чтобы мы превзошли его в великодушии, он заявил, что сам заплатит штраф и гонорар адвокату и чуть не вспылил, когда Чарли не позволил ему сделать этого.

Я думаю, что этот поступок Чарли, больше чем что-либо другое, внушил рыбакам уважение к закону. Сам Чарли высоко поднялся в их глазах, да и я заодно прославился как «малый, который умеет управлять лодкой». Димитрий Контос не только никогда больше не нарушал закона, но сделался нашим приятелем и при случае всегда заворачивал в Бенишию поболтать с нами.

ЖЕЛТЫЙ ПЛАТОК

— Я не думаю приказывать тебе, парнишка, — сказал Чарли, — но мне не хотелось бы, чтобы ты принимал участие в этом последнем набеге. Ты вышел здравым и невредимым из самых тяжелых стычек с отчаянными ребятами; подумай только, как будет обидно, если с тобой что-нибудь случится напоследок.

— Но не могу же я увильнуть от последнего набега, — возразил я с молодым задором. — Ведь какой-нибудь из них обязательно будет последним, ты сам понимаешь.

Чарли скрестил ноги, откинулся назад и стал обдумывать этот вопрос.

— Верно, брат. Но почему бы нам не назвать концом арест Димитрия Контоса. Ты вышел из него целым, здоровым и веселым, хотя и промок маленько. Я... я... — его голос оборвался, и он несколько секунд не мог докончить фразы. — Я никогда не простил бы себе, если бы с тобой что-нибудь случилось.

Я посмеялся над опасениями Чарли, но его привязанность и беспокойство глубоко растрогали меня, и я согласился считать, что последний набег уже совершен. Мы провели вместе два года, и теперь я покидал рыбачий патруль, чтобы закончить свое образование. За это время мне удалось скопить из своего заработка достаточно денег, чтобы продержаться три года в высшей школе, и хотя занятия уже начались несколько месяцев назад, я собирался еще основательно подучиться к вступительным экзаменам.

Мои пожитки были аккуратно уложены в морской сундук, и я собирался было уже купить билет и отправиться по железной дороге в Оклэнд, когда в Бенишию явился Нейль Партингтон. «Северный Олень» должен был немедленно идти по патрульному делу в Нижнюю бухту, и Нейль заявил, что отправится прямо в Оклэнд. В Оклэнде жила семья

Нейля, в которой я должен был поселиться на время учения в высшей школе; поэтому он решил, что мне лучше всего поставить свой сундук на борт «Северного Оленя» и поехать вместе с ним.

Сундук был перенесен, и часа в два-три пополудни мы подняли большой парус «Северного Оленя» и отчалили. Стояла отвратительная осенняя погода. Морской ветер, упорно дувший все лето, теперь затих, и его заменили капризные береговые ветры. Небо хмурилось, и мы были не в силах определить, сколько времени займет переход. Мы тронулись в путь при самом начале отлива. Когда «Северный Олень» вошел в Каркинезский пролив, я бросил последний взгляд на Бенишию и на бухту Тернеровской верфи, где мы вели осаду «Ланкаширской Королевы» и поймали Большого Алека, Короля греков. У устья пролива я с неменьшим интересом оглянулся на то место, где несомненно утонул бы, если бы добрая половина души Димитрия Контоса потерпела поражение.

По заливу Сан-Пабло двигалась нам навстречу непроницаемая стена тумана, и через несколько минут «Северный Олень» пробирался уже наугад в сырой мгле. Чарли, сидевший на руле, казалось, был одарен особым чутьем, которое давало ему возможность находить дорогу в этом непроницаемом мраке. Он сам сознавался, что не знает, как это ему удается. Каким-то непостижимым образом он учитывал силу ветра, течение, расстояние, время, дрейф, и результаты получались удивительные.

— Как будто немного рассеивается, — сказал Нейль Партингтон через два часа после того, как мы вошли в полосу тумана. — Где мы теперь находимся, Чарли?

Чарли взглянул на часы.

— Шесть часов; отлив будет продолжаться еще три часа, — отозвался он как будто невпопад.

— Но где же мы находимся? — повторил настойчиво Нейль.

Чарли подумал минуту и ответил:

— Отлив немного отклонил нас от курса, но если туман сейчас рассеется, — а он, кажется, собирается сделать это, — вы увидите, что мы находимся не дальше чем на тысячу миль от Мак-Нирской пристани.

— Вы могли бы быть на несколько миль точнее, — проворчал Нейль недовольным тоном.

— Ладно же, — сказал решительно Чарли, — до пристани не меньше четверти и не больше полумили.

Ветер посвежел, и туман стал заметно редеть.

— Вот там Мак-Нир, — сказал Чарли, указывая прямо в туман, окружавший нас с подветренной стороны.

Мы пристально вглядывались по указанному направлению, как вдруг «Северный Олень» глухо ударился обо что-то и остановился. Мы бросились вперед и увидели, что его бушприт запутался в грязной оснастке короткой грубо сделанной мачты. Он столкнулся с китайской джонкой, стоявшей на якоре.

В ту же минуту, как мы очутились на носу, пять заспанных китайцев, точно пчелы, гудя высыпали из каюты.

Впереди всех шел высокий мускулистый человек, его изрытое оспой лицо и желтый шелковый платок, повязанный вокруг головы, сразу бросились мне в глаза. Это был Желтый Платок, китаец, которого мы арестовали год назад за незаконную ловлю креветок; в тот раз он едва не потопил «Северного Оленя» и теперь снова чуть-чуть не пустил его ко дну, нарушив правила навигации.

— Что это вы, желтолицые язычники, стали на фарватере и не подаете никаких сигналов? — сердито закричал Чарли.

— Вы спрашиваете, почему они стоят здесь без сигналов? — спокойно отозвался Нейль. — Посмотрите и поймете.

Мы посмотрели в направлении, указанном Нейлем, и увидели, что открытый трюм джонки почти доверху заполнен только что наловленными креветками. Тут же вперемешку с креветками лежали мириады рыбешек величиной от чет-

верти дюйма. Желтый Платок поднял сеть после прилива и, пользуясь туманом, самым наглым образом стал на фарватере, намереваясь еще раз поднять сеть, когда после отлива снова установится стоячая вода.

— Так, — сказал Нейль, цедя слова сквозь зубы, — за всю мою разнообразную и обширную практику в качестве начальника рыбачьего патруля мне ни разу еще не удавалось так легко накрыть рыбаков. Что же нам теперь делать с ними, Чарли?

— Отведем джонку на буксире в Сан-Рафаэль, вот и все, — ответил Чарли, затем добавил, обращаясь ко мне: — Ты, парнишка, перелезай в джонку, а я брошу тебе буксирный канат. Если ветер уляжется, мы успеем пройти реку до низкой воды, переночуем в Сан-Рафаэле и завтра к полудню будем в Оклэнде.

Затем Чарли и Нейль снова занялись «Северным Оленем» и пустились в путь, взяв джонку на буксир. Я же, приняв на себя обязанность следить за добычей, отправился на корму джонки и начал управлять ею с помощью допотопного румпеля с широкими ромбоидальными отверстиями, через которые взад и вперед переливалась вода.

К тому времени туман совсем рассеялся, и показавшаяся в полумгле пристань Мак-Нира подтвердила нам, что предположение Чарли было вполне правильно. Пройдя вдоль западного берега, мы обогнули мыс Педро на виду у рыбачьих поселков, где жили китайцы, занимавшиеся ловлей креветок. Увидев, что одна из их джонок тянется на буксире за хорошо знакомым патрульным судном, они подняли страшный шум.

С берега дул неровный порывистый ветер, для нас же было бы гораздо лучше, если бы он дул сильнее и устойчивее. Речка Сан-Рафаэль, по которой нам предстояло плыть, чтобы добраться до города и передать там наших пленников властям, протекала через обширные топи; из-за этого по ней было трудно идти при убывающей воде, а при низкой

она становилась совсем несудоходной. Вода к тому времени убыла уже наполовину, и нам следовало торопиться. Но тяжелая джонка, тащившаяся сзади, задерживала ход «Северного Оленя».

— Прикажи-ка своим кули, чтобы они подняли парус, — крикнул мне наконец Чарли. — Не сидеть же нам в самом деле из-за них целую ночь в болоте.

Я повторил приказание Желтому Платку, который хриплым голосом неохотно передал его своим товарищам. Он был сильно простужен и корчился от судорожных приступов кашля, а глаза его были воспалены и налиты кровью. От этого лицо китайца казалось еще более отталкивающим, а когда он бросил на меня злобный взгляд, я с содроганием вспомнил стычку, которая произошла между нами при его аресте в прошлом году.

Его команда угрюмо натянула фалы, и странный чужеземный парус, косой, выкрашенный в темно-коричневый цвет, затрепетал в воздухе. Мы шли с хорошим ветром, и, когда Желтый Платок натянул шкот, джонка пошла быстрее и буксир ослабел. Как ни быстро шел «Северный Олень», джонка обгоняла его, и, чтобы избежать столкновения, я взял немного круче к ветру. Но джонка продолжала обгонять, и через несколько минут я очутился на траверзе борта «Северного Оленя». Теперь оба буксирных каната натянулись под прямыми углами к обеим лодкам. Положение получалось очень забавное.

— Отдай канат! — крикнул я. Чарли колебался.

— Да не бойся, — прибавил я, — ничего не случится. Мы пройдем реку на этом галсе, а вы будете все время сзади до самого Сан-Рафаэля.

После этого Чарли отдал буксир, и Желтый Платок послал одного из китайцев на нос, чтобы выбрать канат. Я едва разглядел в сгущающихся сумерках устье Сан-Рафаэля и, когда джонка вошла в реку, с трудом мог различить берега. «Северный Олень» находился в добрых пяти минутах хода

позади нас, и мы все сильнее опережали его, быстро двигаясь по узкой извилистой реке. Зная, что позади находится Чарли, я совсем не боялся своих пяти пленников. Однако темнота мешала мне зорко следить за ними, и я переложил револьвер из заднего кармана брюк в боковой карман куртки, откуда его легче было достать.

Я боялся одного лишь Желтого Платка, а он прекрасно понимал это и, как покажут дальнейшие события, воспользовался этим. Он сидел в нескольких футах от меня у наветренного борта джонки. Я едва различал очертания его фигуры, но тем не менее заметил, что он медленно, очень медленно подвигается ко мне. Я стал внимательно следить за ним. Держа левую руку на румпеле, я засунул правую в карман куртки и нащупал револьвер.

Я увидел, что китаец придвинулся ко мне на несколько дюймов, и только собрался крикнуть ему «назад!» — слово уже трепетало на кончике языка, — как вдруг чья-то грузная фигура прыгнула на меня с подветренной стороны и одним ударом сбила с ног. Это был китаец из команды джонки. Он вцепился в мою правую руку так, что я не мог уже вытащить ее из кармана, а другой рукой зажал мне рот. Конечно, я сумел бы вырваться, освободить руку или рот и поднять тревогу, но в этот момент на меня навалился еще и Желтый Платок.

Я тщетно барахтался на дне джонки. Мои руки и ноги были крепко скручены, а рот завязан, как оказалось потом, чьей-то ситцевой рубахой. Желтый Платок взял румпель и стал шепотом отдавать приказания. По положению своего тела и по перестановке паруса, который смутно вырисовывался надо мной при свете звезд, я понял, что джонка направляется в устье маленькой болотистой речонки, впадавшей в этом месте в Сан-Рафаэль.

Через несколько минут мы тихо подошли к берегу и бесшумно спустили парус. Все китайцы соблюдали полную тишину. Желтый Платок присел на дно рядом со мной,

и я слышал, как он старался подавить свой резкий отрывистый кашель. Прошло, должно быть, минут семь — восемь. Затем я услышал голос Чарли, в то время как «Северный Олень» проходил мимо устья речонки.

— Не могу сказать вам, до чего я рад, что наш парнишка благополучно покончил с рыбачьим патрулем, — ясно услышал я слова Чарли.

Тут Нейль сказал что-то, чего я не расслышал, и затем голос Чарли продолжал:

— У парнишки несомненные способности к морскому делу, и если он, окончив школу, пойдет по этой части и отправится в дальнее плавание, то из него наверняка выйдет превосходный капитан.

Все это было очень лестно; но, лежа на дне лодки, связанный, в плену у моих же пленных, я, признаюсь, не испытал никакой радости от этой блестящей перспективы, с тревогой прислушиваясь, как замирают вдали голоса на «Северном Олене», удалявшемся по направлению к Сан-Рафаэлю. С «Северным Оленем» исчезла моя последняя надежда. Я никак не мог себе представить, что ожидает меня. Китайцы были людьми чужой расы, и из того, что мне приходилось слышать о них, я заключал, что они отнюдь не отличаются благородством и великодушием.

Подождав еще несколько минут, команда подняла косой парус, и Желтый Платок направил лодку к устью Сан-Рафаэля. Вода все убывала, и ему с трудом удавалось огибать илистые мели. Я надеялся, что джонка сядет на одну из них, но Желтый Платок благополучно вывел ее в залив.

Когда мы вышли из реки, между китайцами разгорелся шумный спор, разумеется, как я сразу догадался, из-за моей особы. Желтый Платок что-то горячо доказывал, но остальные четверо не менее горячо возражали ему. Было очевидно, что он предлагал покончить со мной, а они боялись последствий. Я достаточно хорошо знал китайцев и потому не сомневался, что их удерживает один лишь страх. Однако

я никак не мог разобрать, что они предлагают вместо жестокого плана Желтого Платка.

Легко представить себе, что я испытывал в то время, как жизнь моя висела, таким образом, на волоске. Спор перешел в ссору, и в самом разгаре ее Желтый Платок, выхватив тяжелый румпель, подскочил ко мне. Но его четыре товарища бросились к нему, и между ними завязалась неуклюжая борьба за румпель. Наконец Желтый Платок уступил и угрюмо вернулся на свое место к рулю, между тем как остальные стали упрекать его за горячность.

Вскоре после этого парус снова спустили, и джонка стала медленно двигаться на веслах. Я чувствовал, как она тихо врезается в мягкую тину. Трое китайцев — все они были в высоких морских сапогах — прыгнули через борт, а двое других подняли меня и передали высадившимся товарищам. Желтый Платок взял меня за ноги, два других китайца за плечи, и процессия двинулась, поминутно увязая в топкой тине. Через некоторое время они зашагали по более твердой почве, и я понял, что меня выносят на берег. Я не сомневался в том, где мы находились. Это мог быть только один из скалистых островков Морского архипелага у берегов Приморского графства.

Добравшись до твердой песчаной полосы, китайцы бросили меня — не скажу, чтобы очень деликатно — на землю. Желтый Платок злобно пнул меня в бок, и все трио, шлепая по тине, отправилось назад к джонке. Через минуту я услышал, что они подняли парус, который заполоскал от ветра, когда китайцы выбрали шкот. Затем наступила тишина, и мне оставалось рассчитывать только на собственную ловкость, чтобы освободиться от связывавших меня пут.

Я вспомнил, как фокусники в цирке, извиваясь и корчась, освобождались от связывавших их веревок. Но как я ни барахтался, как ни изворачивался, узлы нисколько не ослабевали. Между тем, барахтаясь, я докатился до кучи двустворчатых раковин, которые, очевидно, остались там

после какого-нибудь пикника. Это подало мне счастливую мысль. Мои руки были связаны за спиной; я схватил ими раковину и покатился по берегу к скалам, о существовании которых я знал.

Я долго катался, ища подходящей щели. Наконец я нашел ее и засунул туда раковину. Затем я стал тереться веревкой, которая связывала мои руки, об острый край раковины. Но хрупкий край обломался, когда я слишком сильно налег на него. Тогда я покатился обратно к куче и набрал столько раковин, сколько смог захватить в обе руки. Много раковин я поломал, много раз обрезал себе руки, а в ногах у меня от напряжения и усилия начались судороги.

В то время как я, изнемогая от боли, лежал неподвижно, со стороны моря раздался знакомый голос, который окликал меня. Это был Чарли, он искал меня. Но кляп мешал мне ответить, и я только беспомощно пыхтел, в то время как его лодка проходила мимо острова и голос постепенно замирал вдалеке.

Я снова взялся за распиливание веревок, и через полчаса мне удалось наконец перетереть свои путы. Остальное было легко. Когда руки оказались на свободе, развязать веревки, связывавшие ноги, и вынуть кляп изо рта было делом одной минуты. Я обежал кругом острова, чтобы убедиться, что это действительно остров, а не часть материка. Да, это, без сомнения, был остров из группы Морского архипелага, окаймленный песчаным берегом и кольцом целого моря тины. Ничего больше не оставалось, как ждать рассвета и постараться не окоченеть. Но ночь была необычайно холодная и сырая для Калифорнии, и ветер пронизывал меня до костей, вызывая мелкую дрожь.

Чтобы не замерзнуть, я раз десять обежал кругом острова и столько же раз перевалил через его скалистый хребет, и это, как оказалось потом, сослужило мне большую службу не только тем, что помогло согреться. Среди этих упражнений я вдруг вспомнил, что легко мог потерять что-нибудь,

пока катался по песку. Обыскав свои карманы, я обнаружил отсутствие револьвера и перочинного ножа. Револьвер взял Жёлтый Платок, но нож я, должно быть, потерял в песке. Я принялся искать его, как вдруг услышал скрип уключин. Сначала я, конечно, подумал о Чарли, но сейчас же сообразил, что Чарли, конечно же, окликал бы меня. Меня охватило вдруг предчувствие опасности. Морские острова — пустынное место, и трудно представить, чтобы случайные посетители причалили к ним среди глубокой ночи. А что если это Желтый Платок? Скрип уключин становился все явственнее. Я скорчился на песке и стал напряженно прислушиваться. Лодка (судя по частым ударам весел, маленький ялик) остановилась в тине, ярдах в пятидесяти от берега, и я услышал сухой резкий кашель. Сердце мое замерло — это был Желтый Платок. Чтобы отомстить, совершив преступление, которому помешали его более осторожные товарищи, он тайком ускользнул из поселка и вернулся ко мне один.

Мысли вихрем закружились в моей голове. Я был безоружен и совершенно беспомощен на этом крошечном островке, а желтый варвар, ненавидевший меня, очевидно, явился сюда за тем, чтобы расправиться со своей жертвой. Поэтому я решил, что любое место будет для меня безопаснее, чем остров, и тотчас же инстинктивно бросился к воде или, вернее, к тине. Когда Желтый Платок зашлепал по илу, направляясь к берегу, я вошел в тину и побежал, спотыкаясь, по тому же направлению, которого держались китайцы, когда высаживали меня на берег и возвращались обратно в джонку.

Желтый Платок, думая, что я лежу крепко связанный на берегу, не соблюдал никакой осторожности и шумно шлепал по воде. Это очень помогало мне, и я под прикрытием его шума, сам стараясь двигаться как можно тише, успел пройти шагов пятьдесят, пока он добрался до берега. Затем я лег в тину и стал ждать. Тина была липкая и холодная, так что у меня зуб на зуб не попадал; однако я не рисковал

подняться и побежать, боясь, как бы зоркий глаз Желтого Платка не заметил меня.

Выйдя на берег, китаец направился прямо к тому месту, где меня оставили связанным, и я даже пожалел немножко, что не могу увидеть его изумленного лица. Но это сожаление было очень мимолетно, ибо зубы мои выбивали от холода мелкую дробь.

О том, что он делал дальше, я мог только догадываться, ибо едва различал при тусклом свете звезд очертания его фигуры. Однако я не сомневался, что он первым делом обойдет берег, чтобы посмотреть, не приставала ли к острову какая-нибудь другая лодка. Узнать это было очень легко по следам в тине.

Убедившись, что меня не увезли с острова в лодке, он пустился на поиски, чтобы выяснить, что со мной случилось. Он наткнулся на кучу раковин и пошел по моим следам, освещая себе путь спичками. Каждый раз, как спичка вспыхивала, я ясно видел его отталкивающую физиономию; когда же сера от спичек раздражала его легкие, он начинал кашлять, и признаюсь, что в эти минуты я, лежа в липкой тине, принимался дрожать еще сильнее.

Обилие моих следов смущало его. Затем ему, очевидно, пришло в голову, что я лежу где-нибудь в тине, потому что он прошел несколько ярдов по направлению ко мне и, остановившись, долго и тщательно осматривал темную поверхность. Желтый Платок был, вероятно, не дальше чем в пятнадцати футах от меня, и если бы он в эту минуту зажег спичку, то непременно обнаружил бы мое присутствие.

После этого он снова вернулся на берег и, вскарабкавшись на скалистый хребет, отправился искать меня, освещая себе путь спичками. Близость опасности заставила меня бежать дальше. Не решаясь встать и пойти, так как тина шумно захлюпала бы под ногами, я стал передвигаться по ней ползком на руках. Держась все время следов, оставленных китайцами, когда они шли с джонки на берег и обратно, я до-

полз наконец до воды. Здесь я дошел вброд до глубины в три фута и, свернув в сторону, поплыл параллельно берегу.

У меня мелькнула мысль захватить ялик Желтого Платка и удрать на нем, но в этот самый момент китаец вернулся на берег и, словно угадав мое намерение, зашлепал по тине, чтобы проверить, цел ли его ялик. Это заставило меня повернуть в обратную сторону. Полуплывя, полушагая, высунув из воды одну только голову и стараясь не плескать, я кое-как отошел футов на сто от того места, где китайцы высаживались из своей джонки. Затем я снова вошел в тину и растянулся на ней плашмя.

Желтый Платок опять вернулся на берег, обыскал весь остров и еще раз подошел к куче раковин. Я прекрасно понимал, о чем он думает. Никто не мог уйти с острова или подойти к нему, не оставив следов в тине, а между тем единственные имевшиеся следы шли от его ялика и от того места, где останавливалась первая джонка. Меня не было на острове, значит, я ушел по одному из этих двух следов. Он только что побывал у своего ялика и убедился, что я не ушел этим путем. Значит, я мог уйти только по тем следам, которые вели к джонке. И, чтобы проверить это, он сам направился по следу, оставленному китайцами, поминутно чиркая спички.

Дойдя до того места, где я лежал первый раз, он открыл мои следы. Я понял это по тому, сколько времени он простоял там и как много сжег спичек. Он пошел по этим следам до самой воды, но на глубине трех футов Желтый Платок не мог больше различить их. С другой стороны, так как отлив все еще продолжался, то он легко заметил бы след, оставленный носом какой-нибудь джонки, точно так же, как и всякой другой лодки, если бы она пристала в этом месте. Но такого отпечатка не было, и китаец, как я понимал, был вполне убежден в том, что я скрываюсь где-нибудь в тине.

Но искать в темноте в море тины мальчика было все равно, что искать иглу в стоге сена, и он даже не попытался сделать

это. Вместо этого он вернулся на берег и некоторое время побродил там. Я надеялся, что он откажется от своих поисков и уберется отсюда, ибо к этому времени я уже сильно страдал от холода. Наконец он зашлепал к своему ялику и отчалил. А что если это только уловка с его стороны? Что если он задумал выманить меня таким образом на берег?

Чем больше я об этом думал, тем больше мне казалось подозрительным, что он так нарочито громко шумел веслами, когда отъезжал. Итак, я остался лежать в тине. Я так сильно дрожал от холода, что у меня заболели мускулы спины, и боль эта была еще мучительнее озноба. Мне нужно было величайшее напряжение воли, чтобы заставить себя оставаться в этом ужасном положении.

И хорошо, что я сделал это, ибо не прошло, должно быть, часу, как с берега послышался какой-то шум. Я стал напряженно всматриваться в темноту, но уши предупредили меня раньше глаз, уловив резкий, слишком хорошо знакомый кашель. Желтый Платок потихоньку вернулся на остров, подъехав к нему с другой стороны, и пришел на прежнее место, чтобы накрыть меня, если окажется, что я поддался на эту удочку.

Прошло несколько часов, и о Желтом Платке не было больше ни слуху ни духу. Тем не менее, я все еще боялся выйти на берег. С другой стороны, меня в такой же мере пугала мысль, что я не выдержу этого испытания и умру. Я никогда не представлял себе, что можно так страдать. Под конец я до такой степени застыл и окоченел, что даже перестал дрожать, но вместо этого мои мускулы и кости начали невыносимо болеть. Прилив уже давно начался, и меня мало-помалу стало относить к берегу. Высокая вода подошла в три часа, и в три часа я вылез на берег, еле живой; в эту минуту я был так беспомощен, что если бы Желтый Платок набросился на меня, я не мог бы оказать ему никакого сопротивления.

Но Желтого Платка больше не было. Он, очевидно, отказался от мысли поймать меня и вернулся на мыс Педро.

Однако мое положение было весьма плачевно, чтобы не сказать опасно. Я не мог ни стоять, ни тем более ходить. Промокшее, грязное платье сковывало меня, точно ледяной панцирь. Казалось, что мне никогда не удастся снять его. Мои пальцы так онемели и сам я так ослаб, что провозился не меньше часа над тем, чтобы снять сапоги. У меня не было сил разорвать кожаные шнурки, а узлы казались мне непреодолимым затруднением. Я колотил руками о камни, чтобы вызвать кровообращение. Минутами мне казалось, что я сейчас умру.

Прошло, по-моему, несколько столетий, прежде чем я освободился наконец от мокрого холодного платья. Вода была теперь совсем близко, и я с мучительными усилиями добрался до нее ползком и смыл тину со своего обнаженного тела. Я все еще был не в силах подняться на ноги и пойти, а лежать боялся. И мне не оставалось ничего другого, как медленно ползать взад и вперед по песку на манер улитки. Но даже это движение требовало огромных усилий и вызывало мучительное болезненное ощущение во всем теле. Я продолжал это занятие, пока хватило сил; но когда восток побледнел при первых проблесках зари, я начал сдаваться. Небо загорелось розово-красным огнем, и золотой глаз солнца, показавшись над горизонтом, нашел меня в совершенно беспомощном состоянии. Я без движения лежал на раковинах, не будучи в силах шевельнуть ни одним мускулом.

Точно во сне я увидел знакомый грот «Северного Оленя», выскользнувший из речки Сан-Рафаэль при легком утреннем ветерке. Это видение несколько раз обрывалось, и есть промежутки, которых я, сколько ни стараюсь, никак не могу восстановить в памяти. Однако три вещи я помню отчетливо: первое появление грота «Северного Оленя»; момент, когда он бросил якорь в нескольких стах футов от меня и спустил маленькую шлюпку, и наконец гудящую раскаленную докрасна печь каюты и себя самого, закутанного в одеяла. Чарли немилосердно растирал и колотил мне пле-

чи и грудь, а Нейль Партингтон вливал в рот чересчур горячий кофе, который обжигал мне язык и горло. Но жег он или нет, только скажу вам, что было это очень приятно. К тому времени, когда мы пришли в Оклэнд, я был уже здоров и силен, как всегда, хотя Чарли и Нейль Партингтон боялись, чтобы у меня не началось воспаление легких. А миссис Партингтон в течение первых шести месяцев не переставала тревожно следить, не появятся ли у меня признаки чахотки.

Время летит. Мне кажется, что я не дальше как вчера был шестнадцатилетним парнем, служащим в рыбачьем патруле. Однако я знаю, что только сегодня утром пришел из Китая на купеческом корабле «Гарвестер», капитаном которого я состою. И знаю также, что завтра утром я отправлюсь в Оклэнд повидаться с семьей Нейля Партингтона, а оттуда загляну и в Бенишию к Чарли Легранту, чтобы потолковать с ним о старине. Нет, пожалуй, в Бенишию-то мне ехать незачем. Скоро я буду принимать самое непосредственное участие в одной свадьбе. Имя невесты — Алиса Партингтон, а так как Чарли обещал мне быть шафером, то ему все равно придется приехать в Оклэнд.

КОММЕНТАРИИ

«ЛУННЫЙ ЛИК»

«Лунный лик» (в некоторых русских изданиях — «Луннолицый») — сборник рассказов, выходивших в разных североамериканских изданиях с 1903 по 1906 год. Это своеобразная микроэнциклопедия американской «внутренней» жизни, дающая представление о том, что же происходило с американским гражданином (по преимуществу белым) в те годы и как в соответствии с образом жизни этой страны формировался характер среднего американца. Этот национальный характер, конечно, охватывал как некий стереотип мышления и поведения представителей целого «куста» европейских и азиатских наций, поскольку Соединенные Штаты были страной эмигрантов, если не считать одного миллиона коренных жителей — индейцев, которые из-за приверженности своим традициям вытеснялись все же на обочину общественной жизни, как и насильно завезенные сюда негры (ныне — афроамериканцы).

На переломе XIX — XX веков Соединенные Штаты еще не являлись супердержавой. Однако это была молодая и перспективная страна — типичный пример «монополистического империализма» (В. Ленин). Соревновательность ее была обусловлена не только борьбой со своим основным соперником и англосаксонским предком ее белого населения — тогда еще мощной Великобританией, но и экспансией на юг своих граждан и капиталов с целью расширения собственных территорий. Вначале отняли Флориду у испанцев, затем — часть Мексики, потом присоединили Гавайские острова

(официально этот акт оформился лишь в 1976 году — 50-й штат для круглого счета). Но во время Второй мировой войны здесь были военные базы, как на Гаити и других странах этого региона. Экономической и порой военной экспансии США подвергалась практически вся Латинская Америка и страны Океании — Полинезия в значительной степени. Это не могло не отразиться на формировании национального характера. Недаром основной философией США в те годы считался прагматизм (Ч. Пирс, Дж. Дюи, У. Джеймс), что существенно повлияло и на направленность научных открытий и технических изобретений, и на жизненные ориентации американцев. Нельзя забывать, что в эту пору в Америке был изобретен телефон (А. Беллом), там работали крупнейшие ученые в области электротехники — такие, как Т. Эдисон, которому человечество обязано изобретением электролампочки, фонографа и пр., Н. Тесла — в области ВЧ (серб по происхождению), математики — Н. Виннер, Ч. Пирс, заложившие основы информатики и будущей компьютеризации. Огромную роль в повышении национального престижа США сыграли ученые-переселенцы — от Н. Тесла, Н. Сикорского до Э. Ферми и А. Эйнштейна. Да и ныне этот процесс нельзя считать завершенным.

К концу XIX — началу XX века Америка была признанным лидером в области самолетостроения и автомобильного производства (в том числе и тракторного). Такие предприниматели, как автомобильный король Г. Форд, всей своей жизнью высветили суть не только технического американизма. Сыграл тут немалую роль и психологический, волевой — так называемый «человеческий фактор».

Литературно-драматургические принципы формировались уже в ту пору на несколько иной разновидности прагматизма — бихевиоризме, где примат действия, поведенческие реакции ставились как бы во главу угла и собственно подрывали принципы строгой и обязательной характерологии, типизации, хорошо известные в литературе и искусстве

с древнейших времен и получившие философское подтверждение у И. Канта и Ф. Гегеля в XVIII — XIX веках. Бихевиоризм сложился при жизни Дж. Лондона (Э. Торднайд, Дж. Уотсон). Вместо традиционного сознания психологов теперь заинтересовало поведение человека, что имело немалое значение для социологии, педагогики и искусства.

Джек Лондон творил в эпоху расцвета реалистических по сути талантов М. Твена, Ф. Норриса, Э. Синклера, О. Генри, хотя ему была не чужда и романтическая морская традиция американской приключенческой литературы.

Будучи человеком любознательным и ищущим (он был типичным американцем), писатель, пусть порою даже и в очерковой форме, великолепно отразил суть хлопотного американского характера, пытающегося рискнуть, открыть, пробиться в люди любой ценой, застолбить свое место под солнцем, помечтать даже о покорении какой-нибудь ничейной страны, а то и стать властелином всего мира и подчинить себе человечество. Эти расхожие темы и мифы современной расхожей американской литературы и кинематографии читателю теперь хорошо известны. И специфическая черта «стопроцентных американцев» (великолепная терминология той поры!) — использовать достижения разных наук: физики, математики, биологии (недаром тут вскоре распространится морганизм — учение о генетической наследственности), астрономии, теологии, парапсихологии и пр. в своих прагматических целях. Джек Лондон порой относится к этим потугам с откровенным юмором, однако он видит в них и источники, причины американской трагедии в широком смысле слова. Тут все то и дело что-то замышляют, выдумывают, изобретают, куда-то стремятся, хотя характеры далеко не совпадают с общественным идеалом «стопроцентного американца». Это и есть начало конфликта или даже начало трагедии. Настоящий сборник не отличается тематической строгостью. Наоборот, ему присуща пестрота, многопроблемность, с учетом «местного колорита» — так назван один

из рассказов, — что значительно увеличивает масштаб самого цикла.

Американскому индивиду, даже самому посредственному, присуща невероятная наблюдательность и возможность воспользоваться современными техническими открытиями в своих собственных, порою даже весьма неблаговидных целях.

Безымянному рассказчику, вероятно, фермеру из Лунной долины, не понравилась физиономия соседа Джона Клэверхэуза. Она ему напоминала луну в момент полнолуния. К тому же он выглядел вполне счастливым человеком, громко и от души хохотал даже над собственными неприятностями. Словом, раздражающий тип, который, по мысли рассказчика, не имеет права быть счастливым.

Кажется ничего особенного тут нет. Один сосед нам более симпатичен, другой — менее. Но не каждому придет в голову по такой пустяковой причине этого соседа во что бы то ни стало извести. Однако не таков наш рассказчик.

Поначалу он делает соседу вроде бы обычные бытовые пакости — травит его любимую шотландскую собаку, по кличке Марс, куском говядины со стрихнином — обратите внимание на изощренность такого акта и на осведомленность рассказчика, его завидную «научно-практическую подготовку». Затем Джону поджигают амбар и стога сена. Но и после этого тот как ни в чем не бывало отправляется ловить форель, веселый и жизнерадостный. Попав в беду, он сияет как никогда. Приходится напомнить ему и его ростовщику о закладной — после пожара сосед не в состоянии будет выплатить долг.

Но и это не производит впечатления на врожденного оптимиста (кстати, это одна из удивительных черт американского характера человека, спокойно реагирующего на беду и неприятность, как и сопровождающий такую реакцию жест — «мускульная улыбка»).

Рассказчик взбешен поведением соседа. Его надо, разумеется, убить, но не грубым и распространенным вульгар-

ным способом, а как-нибудь потоньше, «поинтеллигентней» — ловко и искусно, чтобы никакого подозрения.

И рассказчику удается осуществить свой дикий план без жестокости! И рассказчик по ночам спит как убитый. Никто его теперь не раздражает ни своим задорным смехом, ни отвратительным лунным ликом.

Такой же примерно фокус проделывает с укротителем львов «королем Уэллосом» шпагоглотатель и жонглер, приревновав укротителя к собственной жене. Уэллос не считал этого артиста достойным человеком и собственным конкурентом. Он его презирал как человека и актера низшего жанра.

При этом все же голову свою он предпочитал закладывать в пасть добродушнейшему и старому льву Августу, который никогда бы на нее не покусился, если бы не иезуитская коварная затея плюгавого де Вилля. В Америке каждый — ученый и исследователь собственной жизни и окружающей среды. На уровне массового сознания и неблаговидных целей полуобразованных граждан этот общий принцип превращается в жестокий парадокс американской реальности.

Такие вот интернациональные страсти кипят в процветающей и изобретательной на всех уровнях молодой и развивающейся державе США. Но все это сущие мелочи в сравнении с попытками общественного самоутверждения. Их воссоздание и составляет основное содержание рассказов этого цикла. Известно, что главный принцип американской жизни: время — это деньги. И во имя денег здесь идут на всё. Иногда это очень милые попытки утвердиться провинциалам в общественной жизни и сорвать свой куш хорошей жизни. Таков рассказ «Любительский вечер», где две провинциалки сестры Виман — Эдна и Летти — пробивают себе дорогу в шоу-бизнес, поскольку земля их отца — честного фермера Джона заложена и перезаложена, дочерям надо самим заботиться о себе. И Эдна решает стать журналисткой. Ей это удается. Но какой ценой?!

Скромная провинциалка удачно использовала для собственного утверждения все пути, за исключением разве что замужества или постели. Навязчивая идея американских предприимчивых невест, добиваясь благополучия и роскошной жизни, выходить замуж за миллионеров охватила претенденток на брак авантюрного склада несколько позже.

Это и есть прагматизм в действии, его чисто рождественский вариант в данном случае.

Трудно предполагать, чтобы в желании скорого и легкого обогащения новым способом не преуспели акулы преступного мира. Следующий рассказ называется «Любимцы Мидаса». Мидас — провинциальный греческий царек Фригии (VIII — VII века до н. э), страшно любивший золото. И боги его наказали за эту страсть: все, к чему бы он ни прикасался, превращалось в благороднейший из металлов. Но это превращение стоило жизни близких царя.

Сюжет рассказа под таким названием прост. Организованная группа преступников, называющих себя «Любимцами Мидаса» (на поучительную мифологию и метафоричность образа, как и на проклятие богов, им глубоко наплевать), положила глаз на капиталы областного магната в сфере городского транспорта Эбена Хэля и потребовала от него выплатить ей 20 миллионов долларов наличными. При этом они, вульгарно истолковывая и социалистические идеи, и американский прагматизм, обещают опираться полностью на силу, ибо каждый человек имеет право на собственность — этот принцип лежит-де в основе общественной системы. Собственность и капитал они приобрести иным способом не в состоянии, даже если бы потратили на это несколько своих жизней. Капиталистов-нахалов не победишь в нормальной конкуренции. Все способы производства и рычаги власти у них в руках. В этом суть Промышленной революции.

С их сумбурной логикой можно было бы и не считаться, если бы не категорические обещания и угрозы бандитов расправиться с ближними мистера Эбена Хэля.

Как истинный американец-предприниматель с твердым характером хозяин решил не поддаваться шантажу, наказав своему помощнику Уэду Этчелеру также не идти на уступки.

Однако кровавый эпизод следует один за другим: то убивают членов благополучных семей — приятелей Эбена, то обычного рабочего на предприятии босса, то полицейского, то молодую девушку-няньку, то дочь судьи — приятеля Хэля. Демонстрируя полный «социальный» абсурд и неразборчивость, шантажисты добиваются громкой известности, создают атмосферу паники и страха. Полиция бессильна. Умирает сам Эбен Хэль, почувствовав свое бессилие перед этой бандой и завещая все свое достояние верному помощнику Уэду Этчелеру. Перед смертью хозяин отрасли получил вновь-таки демагогическое письмо от «Любимцев Мидаса», в котором они излагают свою социальную необходимость, — оно-то и стало последней каплей терпения в его жизни. Уэд Этчелер поставлен перед трудной психологической задачей — либо уступить банде и нарушить слово, данное его уже мертвому покровителю, либо свести счеты с жизнью. Он избирает последнее.

Внутренняя идея банды похожа на идеи Раскольникова или Ставрогина, но она не имеет никакого, даже отдаленного отношения к социальному прогрессу человечества, улучшению состояния самых последних бедняков.

Прагматизм «Любимцев Мидаса» чисто уголовного пошиба, несмотря на высокопарность демагогического слога, но это ведь и ощутимая часть американского образа жизни, представленного в таком документально-эпистолярном и философски-претенциозном сюжете, подтверждающемся серией кровавых злодеяний. Шантажируемые персонажи пытаются проявить твердость характеров, пытаются выстоять, опираясь на закон и идею общественного порядка. Но увы!

Чтобы прекратить все эти бессмысленные убийства, богатый теперь и талантливый юноша — наследник капиталов шефа — У. Этчелер покончил с собой. В каком-то смысле

«Любимцы Мидаса» — ключевой рассказ в сборнике, не отягчаемый пока присутствием и проницательностью вездесущих американских Коломбо. Рассказ основан на строгом документализме, пусть даже частично и вымышленном, в письмах уголовников проставлены даже даты (1898—1899). Документализм не раз возрождался и в художественной и очерковой прозе XX века, у нас и почти в наше время — это и очеркисты-деревенщики, очеркисты-баталисты — С. Смирнов, и хроникер ГУЛАГа А. Солженицын, и Ю. Семенов, и В. Богомолов.

Тут что называется «обнаженный реализм» — реализм как прием. На шантаже строится немало произведений нынешнего искусства.

В ходе всех этих размышлений и обобщений мы начинаем понимать логику Джека Лондона и генеральное направление его идейно-художественных усилий, так хорошо представленных в этом цикле.

Понятной становится и будто бы произвольная подборка произведений данного сборника. Писатель не может обойтись без Клондайка. Однако здесь представлена лишь «бледная тень Клондайка», и представлена всего лишь одним, но весьма сильным и драматическим рассказом «Золотое ущелье». Не удавшаяся во многом мечта американской жизни не может быть обойдена. Рассказу предшествует великолепное живописное пейзажное начало (действие скорее всего происходит в Скалистых горах возле плато Пидмонт, штат Виргиния).

Конечно, дух мира и тишины, довольства и покоя, не потревоженные отзвуками далеких войн, — лишь контрастная преамбула к этим войнам, к смертельной схватке двух разных по натуре золотоискателей. Один из них некто Билль — человек недалекий, но работящий и честный, распевающий или бормочущий что-то вроде псалма, где речь идет о Божьей красоте и покое благодатных гор, — занят весьма важным делом. Он, наконец, докопался до золотого песка, более

того, хватил счастье за глотку — нащупал золотоносную жилу и обрадовался этому своему счастью, как ребенок. Вместо ожидаемых пяти фунтов тут оказалось целых двести — на сорок тысяч долларов.

И это все теперь твое, думает Билль.

Но едва он попытался выкарабкаться из золотоносной ямы, где работал с лотком у заводи ручья, как нарвался на любителя легкой добычи — более изощренного прагматика и сукиного сына, который выстрелил у него над самым ухом. Билль от неожиданности рухнул на дно ямы на свой лоток с золотом, конвульсивно задергав ногами — судорога сковала его тело. Незнакомец с револьвером, положив оружие на колено, перекурил, а затем, определив, что тело старателя неподвижно, начал спускаться в яму спиной вперед с револьвером, зажатым в правой руке. Это сковывало его движения. И тут-то пришедший в себя Билль скрутил нападающего. После короткой схватки скромному трудяге удалось-таки пристрелить своего обидчика — как бы на законных основаниях. Какое-то время понадобилось еще, чтобы отойти от страха и пережитого потрясения...

И опять вернулось хорошее настроение при виде мертвого врага и прекрасной природы. И главное — пуля насквозь прошла — и хоть бы что. «Я ему показал» — это главное.

Едва не стоившие ему жизни четыреста фунтов делали свое дело — золотоискатель, придя в себя, запел свой любимый псалом о красоте Божественного мира, спустив труп врага на дно каньона. Его душевное равновесие восстановлено.

Рассказ, как и начинался, кончается пейзажем. Писатель сам как бы разделяет радость этого довольно примитивного героя-работяги, чудом оставшегося в живых и достигшего пика своего жизненного благополучия. И герой, и одновременно рассказчик — каждый поработал честно, не нарушая Божественных заповедей, хотя и рисковал при этом жизнью, как Джек Лондон на Аляске.

Конечно, трудно себе представить, чтобы мысли писателя полностью совпадали с мыслями и настроением таких его героев. Очевидно, даже тот установочный и почти обязательный прагматизм, который определил характер помыслов и действий многих американских граждан, кое-кто позволил себе и не разделять. Об этом не менее значительный рассказ «Местный колорит». В нем автор обращается к теме своей юности — к бродяжничеству. Дорожных бомжей в Америке называли «хобо». К испанскому языку это слово отношения не имеет.

Герой — бродяга интеллигентного типа (в этом образе немало и чисто автобиографических черт) пытается объяснить происхождение самого наименования бродяг и привычных для них мест пребывания.

В результате двукратного заимствования — сперва англичанами, потом американцами — французское словосочетание — буквально «высокий лес» превратилось сперва в «гобой» — английский вариант, а потом и в «бродягу» — американский сленг. Не исключено, что таким образом сперва стали выражать презрение уличным артистам и музыкантам. Лейс-Кле-Рандольф — философ, лучший представитель бродяжнического мира. Он подкупил семью средних американцев широтой своего мышления, интеллектуальными беседами. Этот благовоспитанный джентльмен и ученый должен быть, по мнению хозяина дома, если не ученым, то хотя бы журналистом. И тут-то появляется подлинная завязка рассказа — Лейс заинтриговал хозяина виллы тем, что получил два месяца тюрьмы за попытку приобщиться к журналистике. Парадокс?! Разгадке собственно такого интригующего парадокса и посвящен рассказ культурного, философствующего бродяги и Джека Лондона одновременно.

Как-то Лейсу захотелось написать на волнующую его тему — Бродяга и Полицейский — о чем мог еще писать человек, пытавшийся примирить Спенсера с Кантом? Поиграв с мальчиком-лифтером, он попал-таки на прием

к главному редактору господину Спарго. Великолепно раскрывается напористый прагматизм редактора, его вкусы, характер самой газеты. Начинающему журналисту повезло: «Основное обвинение, которое я выдвигал против существующей системы, заключалось в том, что власти обжуливают и грабят бродяг»... Для остроты материала Лейс не забыл воссоздать и некоего полицейского судью Соль-Гленгарта — самого гнусного на всем материке.

Так уж совпало, что редактор вел кампанию по борьбе с местной полицией и потому увидел в Лейсе нужного ему человека. Но тот, получив свои честно заработанные тридцать долларов, отказался от престижной должности журналиста.

Потому Лейс и пропил гонорар тут же со своими друзьями, тем более, что встретился со старым другом, с которым его когда-то сбросили с парохода в Джэконсвилле. Это автобиографическая деталь из жизни самого писателя. И еще одно.

Лейс в своем рассказе так и сыпал жаргонными словечками, которые гостеприимный хозяин просил переводить.

Нечего и говорить, что после могучей выпивки вся команда была арестована и препровождена теми же опекунами бродяг и блюстителями Закона — полицейскими в тюрьму. Более того, всесильным судьей оказался тот самый Соль-Гленгарт, которому во время судилища услужливо подсунули статью Лейса. Лейсу дали тридцать дней заключения, а поскольку он успел еще и признаться в написании статьи, судья добавил еще тридцать «будто бы за растрату своего состояния» — за пропитый гонорар. Страж Закона узнал себя в «обобщенном» образе судьи. Этот невообразимый произвол судей Америки также связан с личными воспоминаниями самого автора, получившего месяц тюрьмы в Ниагара-Фоллс (1894) за то, что явился поглазеть на прославленные водопады. Но тут тоже существенная зарисовка картинки из американской жизни — ее позор и законодательный нерв,

регулирующий беспардонно общественный правопорядок. У судей свой социальный прагматизм и не бескорыстный для страны — бродяги с малыми тюремными сроками трудятся на городских улицах, в портах, даже в каменоломнях. Но важен сам факт: философ по образу мышления и бродяга по натуре Лейс Кле-Рандольф не пожелал разделять общественных настроений, которые показались ему не подходящими, ошибочными в свободной стране, не захотел работать на общественный правопорядок, за что сурово поплатился своей свободой. Альтернативы, сколько-нибудь достойной здравомыслящего человека, герой рассказа в этой стране так и не увидел. Но мыслить он продолжает свободно и жить по-своему, игнорируя стереотипные устремления и взгляды агрессивного и всеподавляющего социального большинства, хотя протест его чисто индивидуален.

Достраивая структурную модель американской жизни с ее многочисленными слоями, писатель не мог не коснуться тонкой духовной сферы. Загадочным явлениям в сфере человеческой психики посвящен большой рассказ или маленькая повесть «Планчет». Здесь идет речь о взаимоотношениях двух любящих людей Криса и Лют, которые должны будто бы вскоре пожениться. Они «встречаются» уже четыре года, но внутренний голос подсказывает Крису Добнеру, что предложения не надо делать, — этот брак ничем хорошим не кончится. Жениху предстоит уйти из жизни. И в этом вся тайна его нерешительности.

Какой-то внутренний голос то и дело подсказывает Крису (а имя это часто альтер эго самого автора), что он не жилец на этом свете.

Живут они на прекрасном ранчо в Калифорнии.

Лют — сирота, воспитанная тетушкой Мильдрэд и дядюшкой Робертом, которые души не чают в девушке (а она теперь носит их фамилию), но с каких-то пор воспитатели и гостеприимные хозяева счастливейшей девушки возненавидели по непонятным причинам Криса, к которому раньше пре-

красно относились. Более того, они его обожали. Теперь и он навевает на них непонятный страх и тревогу.

Основной конфликт повести — противоборство между светлыми и темными душевными силами, столкнувшимися одна с другой. Страх и тяжелое предчувствие обоих влюбленных не имеют никаких вроде бы видимых причин. Тем такое состояние и опасно.

Череда непонятных происшествий, а также сопровождающее эти происшествия неприятное ощущение — будто чья-то невидимая рука толкает в пропасть, создает атмосферу мистического ужаса. В судьбу людей явно вмешиваются потусторонние силы. Остается одно — попробовать отыскать причину. Обратиться к спиритизму.

Увлечение общением с покойниками было распространено в Старом Свете. Еще 15 лет назад Л. Толстой опубликовал пьесу о ненужных и глупых «барских забавах», назвав ее иронически «Плоды просвещения». Попрание человеческой духовности, веры, морали, по Толстому, результат скуки и нравственного разложения верхов. Не исключено, что Джек Лондон был знаком с этим произведением, но к спиритизму (а известными практикующими спиритами были его настоящий отец-астролог Чэйни и мать Флора) писатель относился по-иному. Никто не запретит науке вторгаться в ранее не известные ей, никем еще не изученные сферы. В некоторых случаях даже этому явлению Джек Лондон пытался дать материалистическое истолкование. В персонажах повести можно разглядеть черты родственников писателя — людей ближайшего его окружения. Необходимость обращения к «эзотерике» мотивируется ощущением какого-то необъяснимого словами и здравым смыслом заговора против молодых людей. Все окружающие как будто что-то о них знают такое, о чем не принято говорить.

Джек Лондон не увидел в этом мистическом происшествии какой-то немыслимой глупости или барской забавы. Трудно сказать, что он так уж неправ. Внутренний голос человека,

который называют голосом интуиции, — также некая «реальность». Даже христианская Церковь, решительно отвергающая всякое колдовство, гадание, спиритизм, попытки простого смертного заглянуть в будущее, признает откровения Ангела Хранителя. Магнетизм (по-нынешнему гипноз) не столь уж лишнее словечко в данном контексте, поскольку парапсихологические связи людей так или иначе осуществляются с помощью электромагнитных колебаний. Иное дело — электромагнитная энергетика, излучаемая человеком, столь ничтожно мала, что приходится опираться на непознанную до сих пор некую психобиологическую энергетическую составляющую. Бессознательное использование человеческим или другим каким-либо живым субъектом магнитного поля Земли также возможно.

Такие гипотезы в какой-то мере уже подтверждаются. Однако сама по себе парапсихология как основа сюжета неоспорима, и писатель это хорошо представил, создав захватывающую атмосферу повествования.

В наше время ею порождено столько произведений искусства, начиная со всяких призраков и приведений в старинных замках и кончая «Гарри Поттером», что такие явления стали частью художественной индустрии, а всякого рода колдовство, гадание, снятие порчи, наговоры, заговоры, сглазы — доходной профессиональной деятельностью многочисленных магов и ворожеек. Не будь в данном случае участия переполненной магнетизмом миссис Грантли, все могло бы выглядеть более прозаично и привычно — как несчастный случай на прогулке.

У Джека Лондона просматриваются лишь абрисы современных фантастических и ужасных сюжетов. Он силен другим — представлением читателю реалистической в первую очередь картины американского мира начала XX века, где весь этот бред, помноженный на социальные ориентации, бередит человеческие головы, превращаясь порою в ужасающую и привычную обыденность.

«РАССКАЗЫ ЮЖНЫХ МОРЕЙ»

Этот цикл произведений иногда переводился у нас как сказки, что соответствует другому значению слова в английском языке. Думается, что его можно было бы по-русски именовать и сказания, намекая на некоторое своеобразие отразившихся в нем полинезийской и меланезийской культур. Для англоязычного читателя слово Океания значит гораздо больше, чем для жителей Восточной Европы. Океания состоит из одного крупного островного государства — Новой Зеландии с архипелагами бесчисленных островов.

Французская часть Полинезии включает в себя Маркизские острова, Таити и др., не безразличные Джеку Лондону.

Во времена Лондона эти населенные пункты находились в сфере влияния Великобритании, Германии, Франции, Японии, США и некоторых южно-американских государств, например Чили. На основных из них существовало губернаторское или судейское правление иностранцев. Конечно, из богатств этих островных земель завоеватели пытались выжать всё, что могли: жемчуг, кораллы, красивые черепашьи раковины, кокосы, золото, бокситы. Из съедобных продуктов Океания стала вскоре одним из главных поставщиков бананов, кофе и какао в Европу. Эти растения выращивались с помощью белых на плантациях, для чего вербовали многочисленных рабов за мизерную плату и скверное питание.

Но эти края известны не только своими рабовладельческими традициями. Здесь побывали в XVIII веке знаменитые путешественники — Д. Кук, А. Тайсон. Попытку разгадать природу Полинезийских островов и изучение их растительно-животного мира связано с именем Ч. Дарвина. В самом начале XIX века эти места посетили русские путешественники И. Крузенштерн и Ю. Лисянский. Потому в далекой Полинезии есть Русские Острова в архипелаге Маршальской группы — Румянцева, Чичагова, Волконского, Милорадовича... Есть тут острова, носящие имена самих путешественников.

В XIX веке заявили о себе писатели — англичане Р. Киплинг, Р. Стивенсон, американец Ч. Стоддард — прямые предшественники Дж. Лондона в литературе по этой теме, кстати, весьма им уважаемые. Основатель французской новой живописи П. Гоген открыл удивленному Западу не только новые художественные формы, но и новые человеческие типы таитян, дополнившие представления о жителях общей земли. Кстати, Р. Стивенсон похоронен на Самоа, П. Гоген же умер на Маркизских островах, а его потомки навсегда остались жить на Таити.

Джека Лондона можно считать писателем всего мира. Его мечта о кругосветном путешествии, помимо дерзости замысла, таила в себе и желание увидеть по возможности всю землю, воссоздать в литературе некий масштабный аналог нашего земного шара — планету в художественном воплощении. И основные параметры этого художественного мира писателя Джека Лондона обозначены весьма четко и крупно. Не будем говорить о его европейских, американских темах или локусах, они — часть его жизни, психологии, — но в географическом смысле Полярный круг, с одной стороны, и Экватор — с другой, весьма значимы для художественно-географических, этнических и нравственно-идеологических представлений нашего автора. Такая полярность очерченных им крайних точек в жизни землян и в художественном творчестве самого Дж. Лондона весьма симптоматична и знакова.

Скажем сразу, писатель, открывший удивленному миру северных индейцев и эскимосов Аляски, в освоении южных морей преуспел меньше. Тут ему приходилось считаться с традициями своих славных предшественников и вносить некоторые, порою существенные коррективы, вызванные изменениями в жизни туземцев, принимая за основу и как данное сделанное его предшественниками. Уже у Ч. Стоддарда есть «Идиллии Южного моря» (1873), «Прокаженные с Молокаи» (1885), «Жизнь на Гавайях» (1894). Обидно

вовсе не то, что Джек Лондон следует по проложенным им маршрутам, а то, что многие эти отнюдь не веселые проблемы сохранились и при его жизни пока мало что изменилось в Океании. Мифология полинезийцев — фиджеанцев, таитян не менее интересна, чем у индейцев. Возможно, она не столь уж самобытна, поскольку многие из них переселенцы из соседних материковых государств Азии, Индии, Южной Америки (что вызывает порою некоторые сомнения в их изоляции и полной самобытности). Лишь негроидные уроженцы Полинезии могут считаться коренными жителями этих морских просторов, да и то их этнический статус подвергается сомнению, ибо следы культуры здешних коренных народов связаны всего лишь со вторым тысячелетием новой эры. По преданиям же, история Полинезии начинается едва не с V века до нашей эры. Боги здесь нередко сливаются с героями. Один из них Мауи будто выкинул эти многочисленные острова со дна морского, вопреки Ч. Дарвину, который считал их образование результатом оседания морского дна.

Распространенный кое-где варварский обычай хоронить умерших в водах океана (по сути отдавать их на съедение акулам), а также частые и разрушительные смерчи, ураганы, смывающие в воду жалкие следы примитивной человеческой цивилизации, в том числе земледельческой, скотоводческой и даже погребальной культуры, не оставляли часто места для будущих археологических исследований.

Из-за пестроты самого населения, смеси верований, языков и представлений, дублирования функций и наименований основных богов островные жители во времена Джека Лондона обращались с ними порою чересчур по-панибратски, нося их деревянные или каменные статуэтки в промасленной газете или бумаге. Тут больше доверяли колдовству и злым, как правило, духам.

В дальнейшем кампания почти поголовного и принудительного обращения в христианство местного населения

также внесла коррективы в общую картину: о теологической оригинальности и самобытности Океании трудно стало вести речь, идолы их были не только разрушены, но и сожжены — большинство культовых скульптур делалось из дерева. Пространственная разобщенность, слабая связь между отдельными островами в южной и центральной частях Тихого океана также не способствовали созданию мощной или хотя бы всеобщей мифологической базы. Этому мешала и поголовная неграмотность населения. У народов Центральной и Южной Америки были свои, более впечатляющие архитектурные и письменные памятники. Однако сказки и легенды этих народов сильны своей кровной связью с образом жизни, бытом, моралью жителей южных морей. Тут было над чем поработать писателю. Великолепное наименование Соломоновых островов — вовсе не дань мудрости библейского царя. По преданию, здесь были зарыты пиратами его сокровища. И сколько купцов, авантюристов покупало здесь земли и перекапывало их вдоль и поперек, чтобы извлечь драгоценный клад! Сам Р. Стивенсон, написавший роман о пиратах Карибского моря, приехал сюда не без надежды на подтверждение своего великолепного романического сюжета.

Во многих случаях его последователю — Джеку Лондону, побывавшему с той же целью на Аляске, удается создать образ оригинально мыслящего воинственного человека вроде язычника Отоо или непокорного юноши Мауки, ставшего самовольным правителем крохотного острова. Доблесть любого воина — бушмена или папуаса — определяется числом убитых им людей других племен, но особенно ценятся белокожие враги. Их высушенные на тропическом солнце головы нередко красуются как украшения над входом в хижину. Такие сомнительные трофеи можно обменять на деньги, на жен, на табак, на оружие и т. п. Бросается в глаза экзотический внешний облик туземцев — татуировка пошла гулять по миру отсюда, но не менее распространен

здесь и пирсинг: ноздри можно проколоть не только булавкой или кольцом, но и вогнать в них и более массивный предмет, скажем, ручку от какого-нибудь предмета, как это сделал, например, Мауки, реализовав таким образом свои эстетические представления и идеалы... Это ему потом дорого обойдется. Из спортивных развлечений жителей Океании в последнее время приобрел популярность серфинг — плавание на доске.

На многих островах Полинезии сохранилась полигамия. Христианство решительно вступало в борьбу с этим варварским обычаем, но многоженством грешат и поныне даже в среде католических епископов. Других кандидатов на образцы христианской жизни даже у Папы Римского попросту нет.

Коварство полинезийцев или меланезийцев (папуасов) состояло когда-то еще в том, что они, прикидываясь покорными и добродушными, соглашаясь даже на вербовку в соседние более цивилизованные поселения, нередко захватывали потом судно и, издав боевой клич, расправлялись с белыми завоевателями, пуская в ход ножи и томагавки, а во времена Джека Лондона — то и дело осваивая и применяя огнестрельное оружие на практике... Соблазн полакомиться мясом поджаренного белого человека порой настолько силен, что даже обращенные в христианство — «лоту» часто не могут отказать себе в таком удовольствии.

«Тяга к цивилизации», даже если включить сюда и естественное любопытство местных аборигенов, падких на ситец, стеклянные бусы и прочую ерунду, особенно металлическую, приводит почти к повсеместному противостоянию двух рас — цветной и белой. Расовая теория (порою в склонности к ней подозревали и Джека Лондона, не говоря уж о Р. Киплинге — «певце империализма») — немыслимое упрощение мышления и представлений этих авторов, видевших гораздо больше, чем их герои, и тем более идеологические истолкователи их творчества. Так мыслили

реальные европейские первопроходцы — «двигатели цивилизации» в этом крае.

Жестокий процесс насаждения или продвижения европейской цивилизации (и в американской ее разновидности) осуществлялся отнюдь не интеллигентами (как у нас, скажем, коллективизация), а людьми, похожими на капитана Ларсена, которые, кроме насилия и истребления непокорных, не знают никаких иных методов приобщения к собственной «высокой культуре». Мы знаем, как целые образованные нации сходили с ума в XX веке, насаждая миру свои сомнительные «ценности» и во Второй мировой войне, и в недавних «горячих точках». С точки зрения этих «первопроходцев-администраторов», продвигать цивилизацию надо с ружьем за плечами и с бутылкой рома в подсумке. В некоторых случаях полезны и миссионеры — проповедники учения Христа, особенно в той части, где Сын Божий и его апостолы призывают к смирению и покорности властям, очень подходит здесь и заповедь древнего Моисеева закона — «не убий!»

Таких жестоких персонажей у Джека Лондона встречается немало и в рассказах о южных морях. При невероятной потребности в администраторах и правителях, плантаторах годились порою всякие — первые попавшие под руку и проявившие желание работать и жить в тех нелегких для европейца условиях. Это и профессиональные моряки, и искатели сокровищ и приключений, такие, как Джон Саксторф («Непреклонный белый человек»), и особенно изощренный убийца и садист немец Бэнстер («Мауки»), с которым не без удовольствия расправился главный герой этого рассказа, а высушенную голову его сохранил как бесценный сувенир или даже талисман, вдохновляющий его самого на дурные поступки и жестокость.

Все дурное, идущее от начальства и санкционируемое им, прививается быстрее, чем хорошее. Жестокость плантаторов и работорговцев множится не на лучшие племенные

традиции и едва ли не до конца XX века действует и воплощается по сей день в облике какого-нибудь местного вождя и администратора Сомосы или «папаши Дювалье».

Есть там и добродушный, гуманный демократический правитель Мак-Кой («Потомок Мак-Коя»), который один живет среди полукровок — туземцев, правит островом, затерянным в океане, никого и ничего не боится, поскольку излучает едва ли не апостольскую христианскую доброту, ласку и тепло. Но это тоже скорее исключение, чем правило... Нелишне сказать, что правит-то он крохотным островком Питкэрном, основанным восставшими английскими моряками-бунтарями XVIII века с брига «Баунти» и с Мак-Коем во главе (прадедом персонажа). Моряки добыли себе жен на Таити и основали собственное селение на необитаемом тогда острове. (В наше время там проживает не более ста человек). И это реальная история.

Современный Мак-Кой — что-то вроде нашего Миклухо-Маклая, так полюбившегося папуасам. Но он коренной житель, кровно связанный с этими экзотическими местами, и воспитан на европейский манер, в духе христианского гуманизма. Английской высшей администрации даже такие поселенцы, как его прадед, были выгодны, на их бунты и даже резню можно закрыть глаза. Сам же случай весьма показателен.

Своеобразен и образ жизни жителей южных морей. Живут они, главным образом, плодами тропических лесов — кокосовыми орехами, их соком и копрой (высушенной мякотью того же ореха — из нее выжимают масло), а из скорлупы последнего делают разнообразные сосуды, в основном — калабаши. Мезга кокоса идет на производство циновок, веревок и канатов. Среди съедобных корнеплодов распространен ныне ямс и кое-где топинамбур — разновидности сладкого картофеля (их едят с острой приправой).

Произрастает здесь и хлебное дерево (тутовое), и сахарный тростник.

На морском дне — всякого рода моллюски, особенно ценятся трепанги — «морские огурцы», слизняки без ракушек. Их едят и в свежем, и в вареном, и в сушеном виде.

Основной белковый продукт питания — рыба, ее здесь в любое время года можно добыть в достаточном количестве. Но к началу XX века у островитян уже были и домашние свиньи, и козы, и куры, что частично связано с экспансией сюда европейской и азиатской культур. Естественно, что колонизаторы расширили посевы сахарного тростника, открыли фабрики по его переработке (фактории), поставили на широкую промышленную основу сбор бананов и высоко ценимых в Европе и США кокосовых орехов (последними туземцы выплачивали дань местной администрации за свое непослушание). Многие чисто американские культуры, вроде томатов, ананасов, также получили здесь уже широкое распространение. Стали культивировать на островах и рис.

Не менее важным промыслом была ловля красивых перламутровых ракушек, а также рискованная добыча ныряльщиками жемчужных раковин или попросту жемчуга. Тут и большая глубина, и огромное количество акул — факторы риска. Недаром врачи-физиологи удивляются феноменальным способностям местных ныряльщиков, готовых оставаться под водой едва ли не до пяти минут и опускаться на глубину более 20 метров.

Некоторый интерес в этом плане представляли и коралловые рифы. Это довольно прочный «костяной материал», идущий на всякие поделки. Но местных жителей надо было приучить к промышленному производству как сельхозпродуктов, так и дорогих изделий, чему они отчаянно по традиции сопротивлялись, отдавая все силы совершенствованию искусства ныряльщиков, которое теперь катастрофически упало в цене — с изобретением и распространением акваланга. На преодоление такого естественного сопротивления туземцев и направлялись усилия плантаторов, надсмотрщи-

ков, администраторов, купцов и менял. В этом первоначальный и главный смысл «цивилизации» островов.

«Рассказы южных морей» объединяют несколько циклов таких произведений. Кроме упомянутого выше, сюда относят и «Сына Солнца», и «Храм Гордыни», некоторые повести, а порой и очерки писателя — «Путешествие на “Снарке”». Джек Лондон гордился тем, что он «элемент реальности» предпочитал самой смелой и отчаянной выдумке, придавая своим произведениям характер документализма. Наиболее характерны и экзотические произведения, выходившие в 1909—1910 годах, а затем помещенные в рассматриваемом сборнике, вышедшем в Нью-Йорке в издательстве «Макмиллан» в 1911 году. Он включает ряд произведений новеллистического типа — рассказы о событиях и характерологического свойства — рассказы о судьбе человека как белого, так и смуглого. Иногда оба начала совмещаются. Нередко объекты — воссоздание людей разных и порою несовместимых культур чередуются. Так достигается «панорамное изображение» или многосоставная картина происходящего. Вся разница в том, каков фон повествования — темнокожий или белый...

Рассказ «Дом Мапуи» как бы вводит нас в нелегкую туземную жизнь, повествуя о трудной судьбе ныряльщика за жемчугом. Мапуи — отцу семейства, пусть и не столь большого, несказанно повезло — он нашел редкой величины и красоты жемчужину.

В южных морях, несмотря на «теплые штормы», если судить по температуре воды, ураганы даже более опасны, чем в привычных континентальных широтах. Природа здесь еще властно распоряжается человеческой судьбой... Но вернемся к жемчужине. О находке Мапуи стало известно одному из бывших ныряльщиков, и тот, мечтая заработать себе на виски, направляет к Мапуи одного за другим разных людей, готовых выкупить жемчужину. Те перекупают ее друг у друга, фактически оставив размечтавшегося о собственном новом доме Мапуи ни с чем.

Но тут в развитие событий и в человеческие отношения властно вмешивается природа. Неожиданно в безветренную погоду начинается невероятный шторм, остров скрывается под волнами. Людям не удается спастись не только в домах, выстроенных в горной части атолла, но даже на деревьях — шторм ломает их, как спички, и уносит с привязанными к ним местными жителями и гостями в открытый океан. Теперь лагуна забита трупами — из тысячи двухсот жителей островка осталось в живых лишь триста человек! Семье Мапуи повезло — практически все остались живы, если не считать пропавшей без вести матери отца семейства Наури. Вряд ли эта грузная и старая женщина может спастись в разбушевавшейся морской стихии. Но она, заброшенная на соседний необитаемый островок Такокота — на расстояние пятнадцати миль от Хикуэрэ, — не только выживает, но и пребывает там более двух недель — поправляется и отходит от пережитого кошмара. По чистой случайности к островку прибило тело торговца Леви, последнего из тех, кто приобрел жемчужину, и Наури не погнушалась обыскать его. Поиски ее завершились успехом.

После долгих усилий, ремонта своими силами какой-то дырявой лодчонки, незадачливая мореплавательница Наури вплавь прибивается к опустевшему острову, отбиваясь врукопашную от акулы, к желанному атоллу, откуда началось ее невольное и непредвиденное трудное путешествие домой. Даже собственный сын принимает родную мать за говорящий призрак-дух и не хочет откликаться. Но какова многоплановая развязка!? Оплаканная уже не раз семейством погибшая жемчужина вновь возвращается к своему владельцу. Это не менее важно, чем появление родной матери в семье. Чудом же спасшаяся мамаша становится героиней всей этой истории. Поумневший глупец Мапуи готов уступить своё сокровище единственному оставшемуся в живых из своих покупателей — капитану Александру Раулю за «пять тысяч французских долларов». Так соединяются в этом сюжете все разорванные было

концы и начала. О трагедии, постигшей жителей, рассказано здесь более чем занятно и захватывающе. Природное и социальное сплелось и закрутилось в тугой узел увлекательного художественного повествования. Нехитрый идеал собственного дома Мапуи теперь как никогда близок к осуществлению. Дома-то пока никакого нет, он существует только в воображении семьи туземца — как цель жизни, идеал. Однако мечта рискованного и наивного смельчака Мапуи — ныряльщика — может быть теперь реализована. Не до первого ли урагана, как предупреждал его когда-то тот же Рауль?

Следующий рассказ основан если не на фиджийской легенде, то уж на близком по духу этому жанру материале. Речь идет о самом большом острове в этом архипелаге — острове Вити-Леву, открытом когда-то в 1643 году голландцем А. Тасманом. Потом земля эта перешла в руки англичан. Столица нынешнего независимого государства Фиджи — Сува также разместилась на этом острове. На великом острове протекает и могучая река Рева, одна из самых больших в Океании, со своими живописными водопадами до двухсот метров — такова высота падения струй. В рассказе «Китовый зуб» идет речь о своеобразной культуре островитян, о значении в их жизни обычаев, незнание которых может привести к гибели иностранцев. Всякого рода табу — это скрытая программа, способ передачи информации и руководство к действию, понятному местным жителям-аборигенам. Порою это имеет предметное воплощение.

Итак, мир туземца — полинезийца, фиджийца или папуаса формируется на основе своеобразных обычаев — ритуалов — многочисленных табу (тумбо). Каждый знает, что ему разрешено и что категорически запрещено традицией. Порою эти запреты столь же наивны, как и жестоки — они не велят туземцу прикасаться к белой женщине, даже принимать из ее рук пищу в минуту голодной смерти. Есть и ритуальные подарки, принимающий их обязан исполнить любое желание дарителя. И белые порой бессовестно этим пользуются. Но

наряду со свирепыми запретами есть и совершенно людоедские в буквальном смысле «разрешения» — большой спектр дозволенности (судьба Кука тут не исключение, а скорее правило и некоторые общие принципы и детали тут хорошо просматриваются).

«Китовый зуб» — рассказ о Джоне Стархэрсте — английском проповеднике, безбоязненно отправившемся в тропические джунгли к истокам как раз этой едва ли не единственной на острове великой реки на Великой земле.

Тайный противник — один из местных вождей Ра Вату, который лишь из коварства стал якобы на путь христианского просветления (лоту), передал вождю талисман — исключительно красивой расцветки зуб кита, за который потребовал всего лишь смерти какого-то незначительного священника. Вождь-людоед не смог отказаться от столь уж соблазнительного для него предложения, что означает гибель ловца языческих душ. Это символический и ритуальный подарок. А языческие ритуалы и законы пока еще в этих живописных горах и влажных ущельях значат гораздо больше, чем самые изощренные христианские проповеди.

Обреченный же на смерть Джон Стархэрст на солнцепеке, вооруженный одной Библией, героически повторил слова Христа, очень уместные в такой безвыходной и сходной со Спасителем ситуации:

— Прости им, они не ведают, что творят...

В стадии кульминации здесь столкнулись два миропонимания, две традиции, два значительных магических обряда — христианский и дикарский, людоедский. Все персонажи высветились мгновенно, как при вспышке молнии. Две веры, два типа духовности, два предсмертных ритуала — один подчеркнуто и высоко трагический, другой — как бы торжественно-праздничный, бесшабашный, оснащенный примитивным людоедским гимном и радостью дикарей по случаю желанного подарка их правителю и пира для избранных. Это и есть два своеобразных полюса сознания

нынешнего человечества. И роль обоих в общей картине огромного мира весьма значительна.

Джеймс Кук, освоивший в свое время эти места (недаром его именем назван один из архипелагов в Полинезии — Острова Кука, а также всемирно известное туристическое Агентство Кука) погиб все же на Гавайях — т. е. в районе нынешних Сандвичевых (собственное имя мореплавителя) островов, в бухте Килакакуа. Старый вождь — король Тарайопу поначалу принял его с радостью, хотя команда белого «Лоно» (обожествленного туземцами местного рыбака) вела себя не очень учтиво — и по отношению к древним языческим храмам, и к местным женщинам. Но Куку удалось покинуть Сандвичевы острова с миром, однако недалеко от гостеприимного берега у него на корабле выявились значительные повреждения, и он вернулся на прежнюю стоянку (1779). Тут-то и обнаружилась его главная ошибка — непредусмотрительность. Этот самый вождь — «большая бука», как поется в песне В. Высоцкого, — (звали его, повторяю, Тарайопу) — отдал туземцам приказ, то есть наложил большое табу на посещение корабля и импровизированной верфи пришельцев, запретил какую бы то ни было помощь английским морякам. Последние ничего об этом не подозревали. Туземцы стали вредить делу — воровать гвозди, плотничьи инструменты, вплоть до того, что даже ухитрились угнать скуттер «Дискавери». Кончилось дело тем, что Кук лично отдал приказ обстрелять туземных авторитетов острова, когда те подплыли к гавани, собираясь передать Куку категорический и грозный приказ короля — покинуть остров. Капитан лично убил одного гавайца. И когда уже Кук, отстреливаясь, собирался прыгнуть в причалившую к берегу лодку, один из островитян настиг его и убил ударом боевой палицы. Кук свалился мертвым. Естественно, палица эта была отнюдь не «из бамбука». Команда подняла паруса и срочно убралась восвояси.

Так закончилась жизнь этого великого и отважного мореплавателя, «двигавшего цивилизацию» с помощью ружья

и рома, утратившего чувство меры в отношениях с туземцами... Кук не почувствовал вовремя, что терпению гостеприимных хозяев, поначалу даже обожествлявших его как «Лоно», а в Полинезии и на Гавайях это не так и сложно, пришел конец. Очевидно, писателю были знакомы такие «случаи из жизни».

Лучшим в этом цикле является рассказ о сыне меланезийского вождя Мауки под одноименным названием. Жил он в одной приморской деревушке на Малаите — едва ли не самом диком из Соломоновых островов. Остров был известен своим яростным вооруженным сопротивлением белым авантюристам — всякого рода вербовщикам чернокожих рабов, закупщикам трепанга и сандалового дерева. По мнению аборигенов острова, они сами могли себя прокормить и не желают поэтому работать на плантациях за 30 долларов в год. (Контракт заключался на три года). С семнадцати лет Мауки попадает буквально в водоворот невероятных приключений. Непокорный юноша пережил несколько жизней, в которых был рабом, заключенным, поваром, матросом, убийцей, пока не вернулся, наконец, в родные места и объявил себя вождем острова, обладающим богатой коллекцией голов людей из лесных племен и самой ценной из них — головой белого человека. Джек Лондон весьма проницателен. Ублюдочная и грубая, беспардонная цивилизация порождает и «достойные» ее характеры как белых, так и туземцев. Противоположности сходятся. Худшие свойства одной расы сливаются с таковыми других рас и народов в процессе жесткой социальной практики. Племенные полудикие традиции находят свое место — нишу в этом будто бы почти цивилизованном мире. Неслучайно правитель — император Центральноафриканской Республики! — некто А. Бокасса был гурманом-людоедом в конце XX века. Так он своеобразно боролся за права «черного большинства»!

Как большой и испытанный друг, Бокасса приезжал в Советский Союз поправлять свое драгоценное здоровье — под-

лечиваться в Кремлевской больнице, целовался с Брежневым! И придерживался собственной «диеты» — глотал сосиски из человечьего мяса, приготовленные по современным американским технологиям...

Безусловно, дикость характеров пиратов-флибустьеров, потомков капитана Флинта (персонаж романа Р. Стивенсона «Остров сокровищ») схлестнулась в немыслимом коллективном поединке с первозданной дикостью полинезийцев и их ближайших соседей меланезийцев — жителей островной Океании. В искусстве истребления и те и другие, кажется, не знают себе равных. Дж. Лондон, следуя за Киплингом, разводит до предела эти противоречия. Персонаж одного из самых кровавых рассказов в этом цикле «Непреклонный белый человек» капитан Уудворд перефразирует Р. Киплинга на свой манер: «Пока чернокожий человек черный, а белый человек белый, они не поймут друг друга». Безусловно, писатель находит некую усредненную линию поведения тех и других.

В тех кровавых массовых стычках, которые воссоздает Джек Лондон в данном рассказе и в предшествующем ему «Ях! Ях! Ях!», две позиции как будто и подтверждаются жизнью.

И тут, когда писатель переходит на воссоздание конкретных преуспевающих характеров, то престиж колонизаторов и их действий, и даже самого важного дела заметно снижается.

В рассказе «Ях! Ях! Ях!» незаметный и тщедушный, хлипкий старикашка пьяница- шотландец Мак-Аллистер, мелкий торговец, единодушно правит большим островом-атоллом Улонгом, где в его распоряжении пять тысяч полинезийцев. И никто не жалуется. Не смеет. Рассказчик пытается раззадорить и склонить на откровенность старого ныряльщика Оти, проникшегося к нему симпатией, почему они не избавляются от таких правителей, как Мак-Аллистер.

Оти на великолепном местном жаргоне-«трепанге» — исковерканном английском — объяснил популярно, что

ему приходилось не раз убивать белых купцов. Но этот человек подобен дьяволу. Канаки познал страх. Этот помощник не только из шлюпки перестрелял в свое время напавших на него флотилией из двадцати лодок канаков, хотя и стрелял плохо. Он и перехитрил их — заложил для оставивших белыми на разграбление свою шхуну — динамит.

Практически ни одного воина из канаков тогда не осталось в живых. Затем этот неуемный белый человек прислал три корабля для наказания непослушных, и те довели тридцатипятитысячное население острова до трех тысяч жителей. Потому произвол правителя острова и его возглас ни у кого и не вызывает чувства протеста. Себе дороже. Надо же людям хоть как-то жить, вернее, выживать. И эта логика понятна канакам.

Герой второго рассказа, помощник капитана Уудворда — Джон Саксторф, — хладнокровный и беспощадный убийца. Он поступил матросом на «Герцогиню», оставшись без пенса в кармане. Толком ничего делать не умел — морского дела не знал. Но когда на корабле начался бунт завербовавшихся добровольно с коварной целью на известной нам уже Малаите (часть Соломоновых островов) и чернокожие перебили практически всю команду захваченными у белых матросов снайдерами и винчестерами, Саксторф один из своего снайдера (назван по особому точному прицелу винчестера) как современный супермен уложил всех бунтарей. Из команды остался лишь раненый капитан Уудворд и Саксторф — «человек непроходимой тупости». Кое-как вдвоем дотащились до Сиднея. Уудворд своей жизнью обязан Саксторфу. Такова ирония судьбы.

Вся тройка — в их числе и рассказчик — выпила за то, чтобы нести цивилизацию в мир...

Такими вот неоднозначными выглядят эти «героические» подвиги «неукротимых белых». Таково многоплановое панорамное повествование с различными суждениями и точками зрения в этой новелле.

В «Страшных Соломоновых островах» идет речь об обмене хворями между туземцами и белыми — последние наградили местных жителей дизентерией, туберкулезом, венерическими болезнями, между туземцами и китайцами — те завезли со своими кули на острова проказу, и тут уже стали принимать жуткие меры — вывозить прокаженных на отдельные пустые и безлюдные острова и таким образом от них избавляться, не прибегая к медицинской помощи. Белые тоже страдают от тропической малярии и других кожных и даже ожоговых болезней онкологического свойства.

Самое неприятное, что белые сорвиголовы далеко не всегда откликаются на призывы относиться к аборигенам хоть как-то по-человечески. Любое свое даже беспричинное убийство туземца за крохотную провинность или недобрый взгляд легче всего стало списывать на дизентерию или на какую-нибудь иную чисто европейскую болезнь. Но слишком много вдруг оказалось таких случаев гибели от отравлений, когда за неоправданную жестокость стали привлекать к судебной ответственности. В этом рассказе те же типы, не желающие вникать в психологию туземцев и слышать о гуманизме. Здесь развертываются целые сражения на кораблях, на плантациях, истребляются десятки, если не сотни людей, но все эти потери списываются на заболевания туземцев с летальным исходом. Кому охота угодить в тюрьму на семь лет, как помощник шкипера на «Принцессе», расстрелявший удиравших бунтовщиков, спешно покинувших судно и пытающихся добраться до берега вплавь? Стрелять дикарей в воде нельзя. Лучше, оказывается, списывать их — как погибших от дизентерии. С этим лицемерием не хочет мириться автор «Рассказов южных морей», проведший две недели с женой Чармиан на острове прокаженных.

Как писатель-гуманист, Джек Лондон, знавший об этих проблемах не понаслышке, хорошо понимал, что этот путь приобщения к цивилизации вряд ли изменит мир к лучшему. Дикому разгулу дикой силы он противопоставляет более тон-

кую политику и более привлекательную программу действий. Но где можно найти ее исполнителей среди всего этого флибустьерско-авантюристического конченого люда? Вот случай, произошедший где-то неподалеку от берегов Таити и Паумоту. Перегруженное донельзя пассажирами судно «Petite Jeanne» попало в ураган. Удалось спастись двоим: рассказчику Чарли с помощью полинезийца Отоо. Последнему белый человек-рассказчик дал подержаться за деревянную крышку пароходного люка, чего не позволил себе капитан Удуз, плывший на такой же крышке и оттолкнувший полинезийца ногой. Потом добрый Чарли сам потерял сознание. Его выволок из воды и отхаживал уже уроженец острова Бора-Бора. Так они стали побратимами, поменялись именами. Для западного человека всё это вроде бы немного значит, а для полинезийца — непреложный закон, определяющий его безусловный и безоговорочный долг помогать во всех случаях своему побратиму. И действительно, он еще несколько раз выручал своего Чарли, и второй раз спас ему жизнь во время бунта завербованных чернокожих на Соломоновых островах. И наконец он мог спастись от хищницы-акулы, но вызвал ее на себя, в очередной раз подарив жизнь своему побратиму.

Пикантным оказалось в этой истории то, что Отоо был единственным язычником на острове Бора-Бора, все там уже в спешном порядке стали христианами. Возможно, поэтому он и пустился в странствия, чтобы не быть одним из многих.

Но здесь идет речь как бы о кровных братьях, а не побратимах, об умении разумных людей земли не только находить друг с другом общий язык, но и оказывать подлинную и неоценимую братскую помощь. Как бы при других друзьях сложилась жизнь нашего Чарли?

Цикл этот завершается новеллой «Потомок Мак-Коя». В ней рассказывается об опростившемся до предела губернаторе и главном судье Питкэрна. Единственный правитель острова чрезмерно демократичен — он без собственной шхуны, без куттера. Человек, который то и дело приходит на

помощь людям, попавшим в беду, независимо от их цвета кожи и расы. Сам-то он метис — потомок английских бунтарей-пиратов и таитянок.

В данном случае он пытается спасти команду шхуны «Пиренеи», терпящей бедствие. Под страхом пожара и взрыва судна, острой ситуации, как это часто и случается у Джека Лондона, участники перехода преодолевают многодневный переход едва ли не в тысячу миль, поскольку пристать к берегу им не дает то шторм, то узкий для такого судна вход в лагуну. Они плывут на проснувшемся вулкане. Вот-вот огонь вырвется наружу и прогремит взрыв. Мак-Кой находит для всех слова утешения. У Джека Лондона потомок Мак-Коя — образ громадного обобщения.

Все кончается для людей благополучно. Им удается вовремя пришвартоваться к острову Факарава и высадиться с корабля... Но пожар уже вырвался наружу и судно не спасти, с ним пришлось все же расстаться. Мак-Кой оказал не только практическую помощь, проявил в свои немолодые годы исключительную выдержку и оптимизм, но он успокаивающе действовал на членов команды, философски относясь ко всему случившемуся. Ведь все же остались живы.

Возможно, у читателя возникнет вопрос: а не рождественско-пасхальный ли этот рассказ? Были ли такие люди? Действительно, были.

Они умели подняться над национальными и расовыми взглядами, предрассудками, над слабостью и ограниченностью окружающих их с обеих сторон, ощутить себя гражданами всего мира.

И среди них есть и русский исследователь Миклухо-Маклай, немало сделавший для папуасов и пользовавшийся их симпатией и любовью... Сама история острова Питкэрн по-своему красноречива и убедительна. И тут — никакой художественной фантазии.

Попытка стран третьего мира освободиться от какой бы то ни было колониальной зависимости также завершилась

в наши дни во многом успешно. В Океании образовались крохотные островные государства вроде Фиджи или тех же Соломоновых островов. Пусть их порой называют «банановыми республиками».

Но именно в наше время найдены такие формы «независимости» и содружества наций, что диву даешься. Название самостоятельного государства Острова Кука (у Новой Зеландии) звучит весьма многообещающе.

Далеко не все страны согласны избавиться от тесных контактов с прежней метрополией (к примеру, Британское содружество наций), а то и попросту кое-какие хотят остаться в составе бывшей империи под опекой, под протекторатом и пр. Не все так безоблачно: Франция, например, в полинезийском Туамоту проводит испытание своего ядерного оружия. Соединенные Штаты размещают в Микронезии (а практически почти по всем островным государствам, вплоть до Кубы) свои военные базы, одну из которых использовали во время Второй мировой войны для бомбардировки Хиросимы в августе 1945 года; знаменитый Перл-Харбор на Гавайских островах также был военной базой США. Однако торгово-экономические отношения этих государств, полностью или частично (часто лишь формально) независимых, заставляют народы сотрудничать в целях собственного выживания.

На многих островах Полинезии, в том числе и самых экзотических, вроде Соломоновых, теперь добывают и перерабатывают медь, золото, серебро, никель, марганец, бокситы. Значит, клады искали не там, где следовало, и не теми средствами. А это требует наращивания и промышленного потенциала этих крохотных государств. Тут без помощи не обойтись.

Немалый смысл имеют административные модели правления, образовательные и медицинские системы организации обучения и здравоохранения. Во многих ныне независимых странах сохранились — в качестве государственных — языки прежних колонизаторов. Многие вожди островных госу-

дарств — выпускники лучших университетов Великобритании, Франции, США. В эпоху Интернета и интенсивного обмена радио- и телеинформацией это тоже имеет немалое значение и, главным образом, положительное, способствуя росту общей культуры в этих странах, хотя и не застраховывает их от «глобализации», стереотипов мышления и действия, то есть не всегда «защищает» их собственные духовные и весьма оригинальные ценности.

«ПРИКЛЮЧЕНИЯ РЫБАЧЬЕГО ПАТРУЛЯ»

Ловкость, отвага Джека и его друзей не остались незамеченными в Сан-Франциско. Его уже начали здесь величать Морским принцем или Устричным королем. Конкуренты по пиратской ловле устриц подожгли как-то приобретенную с большим трудом шхуну Устричного короля. То, что от нее осталось, удалось продать едва за 20 долларов, а ведь не так давно за нее отвалили 300 баксов.

И вот один из пожилых работников речной охраны, таможенник, видя угнетенное состояние Джека и одновременно пытаясь и спасти малолетку от голода, тюрьмы, шального ножа или выстрела в спину, предложил юноше, как имеющему «опыт работы», поступить на службу в рыбачий патруль.

Риск тут был не меньше, но работники, пусть и внештатные, находились все же под охраной закона. Настоящий патруль утверждался муниципалитетом и получал стабильную зарплату. Доход же добровольных помощников — рядовых патрулей зависел от «заработка»: пятьдесят процентов стоимости конфискованной рыбы или запрещенной снасти доставалось теперь «добровольным» борцам с браконьерами, коими эти строгие блюстители порядка — патрульные мальчишки сами не так давно были. Тут также не раз приходилось рисковать, защищая «государственное

добро», увертываясь от ножа или пули. Этому посвящен сборник «Приключения рыбачьего патруля» (1905). Патрулю приходилось бороться с итальянскими, греческими, китайскими общинами Сан-Франциско, промышлявшими ловом рыбы с использованием запрещенных снастей (сетей с мелкой ячеей), всякого рода приспособлений вроде острог вместо крючков, а также добычей в неположенных местах и в запрещенную пору — во время нереста.

Браконьеры протягивали самодельную драгу по песчаному дну отмели и часто кромсали всё, что там еще было живого.

Однако основной нерв в рассказах рыбачьего патруля — не столько преследование браконьеров, а их душевный мир — психологический рисунок (внутренний сюжет): дерзость и коварство, соревнование в хитрости и изобретательности, что не менее интересно. Такое занятие не исключало и применения оружия в безвыходном положении, хотя те и другие участники «соревнований» старались избегать откровенных убийств. Греки и китайцы промышляли для своих семейств. Поднимать излишний шум им никак невыгодно.

Интересно, что партнером и соперником по патрульной службе шхуны «Рейнджер» был тот же Джордж Сатана Нельсон, которого через какое-то время убьют. Возможно, тут умышленное смещение хронологических рамок — плод литературного вымысла.

Море и пакостная, воистину собачья служба закалили характер Джека, укрепили его волю. Но были и явные издержки. На такой должности опять надо было работать как следует, драться до крови и пить до полусмерти, подтверждая в городишке репутацию пока еще начинающего Морского волка или Морского принца. И такую честь надо было оправдать. Однажды Морской принц в пьяном виде поскользнулся, забираясь на свой парусный бриг, неподалеку от причала Бениции Джек сорвался за борт и, подхваченный быстрым, холодным в ту пору течением, уже попрощался с жизнью и собрался красиво из нее уйти — в полудреме. Но его, око-

ченевшего и пьяного, подобрали греческие рыбаки-браконьеры на свою шхуну уже в районе Мэр-Айланда и оказали помощь. На этом материале будет создан психологически пронзительный рассказ «Димитрий Контос», где авторитетный пират — грек спасает от верной гибели в морских волнах потерпевшего аварию собственного преследователя-инспектора. Однако приятель спасенного рассказчика инспектор Чарли, отвергая все резоны своего подопечного, отправляет грека на скамью подсудимых, а затем и в тюрьму, хотя и проявляет готовность заплатить за него штраф. Рассказчик на этом суде вынужден выступать в качестве свидетеля, что, впрочем, не помешало им всем остаться потом друзьями.

Не менее интересен и рассказ «Осада «Ланкаширской Королевы». Здесь браконьеры — итальянцы, промышляющие варварским способом сельдь и осетра, скрываются на солидном британском корабле «Ланкаширская Королева», куда капитан не разрешает взойти никакому рыбачьему патрулю. Тут и начинается изматывающая игра в кошки-мышки.

И помог, как всегда, неожиданный случай, благодаря которому удалось арестовать обнаглевших нарушителей порядка.

Во второй раз тот же Чарли, понимая, что конфисковать браконьерские сети у греков никак не удастся, все же сумел их перехитрить. Горе-рыбаков пришлось дружно отправить под арест — «Проделка Чарли».

В этом цикле речь довольно часто идет о расовых противоречиях. В рассказе «Белые и желтые» повествуется о том, как удалось пленить несколько китайцев, промышлявших незаконной ловлей креветок на своих убогих джонках. Джек Лондон обожает не просто воссоздавать психологические состояния — его увлекает предельное волевое напряжение. Физическое и психологическое противостояние разных характеров, разных рас.

Очень хитрый прием применили юные патрули против Большого Алека, слывшего атаманом у отчаянных греков («Король греков»).

Взять его, вооруженного ружьем и стрелявшего бездымным порохом, было практически невозможно. Он не раз отбивался с оружием в руках от рыбачьего патруля, как от назойливой мухи. Лучше этого грека оставить в покое — советует и береговой администратор патруля Карминтель — ни для кого не секрет, что Король дает береговой охране взятки. Браконьер умеет жить и действует по обстоятельствам.

Но чем опаснее, тем привлекательнее предприятие. И лишь через месяц представился случай. Под проклятия хозяина судна злостный браконьер, с отягчающими материальными и вещественными доказательствами, был доставлен на патрульный пункт.

В этом рассказе достаточно интересен и характер греческого пирата, возглавляющего целую преступную компанию земляков. Грек пока удивлен и даже ошарашен случившимся с ним. Но вряд ли он кому собирается мстить — его ведь оплошность, его перехитрили.

Соединенные Штаты долгое время и почти безуспешно воспитывали уважение к закону. Английского послушания им так и не удалось добиться, так как привести к общему знаменателю такую разношёрстную и разноплеменную массу людей с их семейными, корпоративными, национальными интересами, верованиями, предрассудками до сих пор практически невозможно.

Подкупает у писателя то, что он раскрывает общечеловеческое содержание в своих непричесанных героях, людей удачи и риска. Увлекательны сами по себе отчаянные их действия в критических ситуациях. Но не менее интересно и то, что порой, даже не зная языка, люди всего мира понимают друг друга, находят точки соприкосновения.

И жизнь на планете продолжается. В Америке она лишь демонстрирует свою яркую необычность и непосредственность, иногда замешанные на уголовщине и преступности.

СОДЕРЖАНИЕ

Лунный лик

Лунный лик 7

Золотое ущелье 13

Планчет 28

Местный колорит 58

Любимцы Мидаса 71

Рассказ укротителя леопардов 89

Любительский вечер 95

Рассказы южных морей

Дом Мапуи 117

Китовый зуб 143

Мауки 154

Ях! Ях! Ях! 171

Язычник 185

Страшные Соломоновы острова 208

Непреклонный белый человек 226

Потомок Мак-Коя 237

Приключения рыбачьего патруля

Белые и желтые 275

Король греков 287

Набег на устричных пиратов 301

Осада «Ланкаширской Королевы» 315

Проделка Чарли 330

Димитрий Контос 344

Желтый платок 359

Комментарии 374

Літературно-художнє видання

ЛОНДОН Джек

Місячний лик. Оповідання південних морів.
Пригоди рибальського патруля

(російською мовою)

Головний редактор *С. С. Скляр*
Відповідальний за випуск *О. Е. Лісовикова*
Редактор *Р. Є. Хворостяна*
Художній редактор *Н. В. Переверзєва*
Технічний редактор *А. Г. Верьовкін*
Коректор *І. А. Калачова*

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Литературно-художественное издание

ЛОНДОН Джек

Лунный лик. Рассказы южных морей.
Приключения рыбачьего патруля

Главный редактор *С. С. Скляр*
Ответственный за выпуск *Е. Э. Лесовикова*
Редактор *Р. Е. Хворостяная*
Художественный редактор *Н. В. Переверзева*
Технический редактор *А. Г. Веревкин*
Корректор *И. А. Калачева*

Издательство Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
www.trade.bookclub.ua

ОПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ КНИГАМИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

МОСКВА

Бертельсманн Медиа Москау АО
129110, г. Москва, пр. Мира, 68, стр. 1А
тел. +7 (495) 688-52-29, 974-21-59,
974-21-57
e-mail: *kniga@bmm.ru*
www.bmm.ru

ХАРЬКОВ

ДП с иностранными инвестициями «Книжный Клуб "Клуб Семейного Досуга"»
61140, г. Харьков-140, пр. Гагарина, 20-А
тел/факс +38 (057) 703-44-57
e-mail: *trade@bookclub.ua*
www. trade.bookclub.ua, www.euro-best.info

КИЕВ

ЧП «Букс Медиа Тойс»
04073, г. Киев, пр. Московский, 10Б, оф. 33
тел. +38 (044) 351-14-39,
+38 (067) 572-63-34,
+38 (067) 572-63-35
e-mail: *booksmt@rambler.ru*

ЛЬВОВ

ООО «Книжкові джерела»
79035, г. Львов, ул. Бузковая, 2
тел. +38 (032) 245-00-25
e-mail: *Knigi@lviv.farlep.net*

ДОНЕЦК

ООО «ИКЦ "Кредо"»
83096, г. Донецк, ул. Куйбышева, 131
тел. +38 (062) 345-63-08, +38 (062) 348-37-92,
+38 (062) 348-37-86
e-mail: *fenix@kredo.net.ua*
www. kredo. net. ua

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

УКРАИНА

служба работы с клиентами:
тел. +38 (057) 783-88-88
e-mail: *support@bookclub.ua*
Интернет-магазин: *www.bookclub.ua*
«Книжный клуб», а/я 84, Харьков, 61001

РОССИЯ

служба работы с клиентами:
тел. +7 (4722) 78-25-25
e-mail: *order@flc-bookclub.ru*
Интернет-магазин: *www.ksdbook.ru*
«Книжный клуб», а/я 4, Белгород, 308037

Лондон Дж.

Л76 Лунный лик. Рассказы южных морей. Приключения рыбачьего патруля / пер. с англ. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2011. — 416 с. : ил.

ISBN 978-966-14-2530-8 (PDF)

В новом томе собрания сочинений читатель найдет три цикла рассказов: «Лунный лик», «Рассказы южных морей» и «Приключения рыбачьего патруля». Созданные в разные периоды творчества, они рассказывают о людях, держащих судьбу в собственных руках, — о таких людях, к которым принадлежал и сам Джек Лондон.

У новому томі зібрання творів читач знайде три цикли оповідань: «Місячний лик», «Оповідання південних морів» і «Пригоди рибальського патруля». Створені в різні періоди творчості, вони розповідають про людей, які тримають долю у власних руках, — про таких людей, до яких належав і сам Джек Лондон.

ББК 84.7США